

Артур Конан Дойль

Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона

Annotation

Перед вами цикл лучших рассказов о Шерлоке Холмсе – знаменитом сыщике, чье имя уже стало нарицательным. При жизни Артура Конана Дойля каждая история о гениальном детективе и его помощнике докторе Ватсоне производила фурор среди читателей, книги мгновенно сметались с прилавков магазинов. Казалось бы, прошло достаточно много времени, но и сегодня интерес к историям о Шерлоке Холмсе, этой классике детективного жанра, не угасает. Неуемный искатель приключений, любитель всего таинственного и загадочного Шерлок Холмс, благодаря своему знаменитому дедуктивному методу, берется разгадывать даже самую сложную головоломку. От его проникновенного взгляда не ускользнет ни одна деталь, а любое, даже самое запутанное и замысловатое преступление, не может устоять под натиском его феноменальной логики. Яркие герои и захватывающий сюжет «Приключений Шерлока Холмса и доктора Ватсона» сделали имя его автора, сэра Артура Конана Дойля, бессмертным.

- [Артур Конан Дойль](#)
 - [Внезапное исчезновение «Сильвер-Блэза»](#)
 - [Мёсгрэвский обряд](#)
 - [Рейгэтские помещики](#)
 - [Грек-переводчик](#)
 - [Морской договор](#)
 - [Последнее дело](#)
 - [Аристократ-холостяк](#)
 - [Берилловая корона](#)
 - [Усадьба «Под буками»](#)
 - [Собака Баскервильей](#)
 - [I. Мистер Шерлок Холмс](#)
 - [II. Проклятие над Баскервильями](#)
 - [III. Задача](#)
 - [IV. Сэр Генри Баскервиль](#)
 - [V. Три порванные нити](#)
 - [VI. Баскервиль-голлъ](#)
 - [VII. Стапльтоны из Меррипит-гауза](#)
 - [VIII. Первое донесение доктора Ватсона](#)

- [IX. Второе донесение доктора Ватсона. Свет на болоте](#)
 - [X. Извлечение из дневника доктора Ватсона](#)
 - [XI. Человек на горе](#)
 - [XII. Смерть на болоте](#)
 - [XIII. Сети стягиваются](#)
 - [XIV. Собака Баскервиль](#)
 - [XV. Взгляд назад](#)
 - [Приключение шести Наполеонов](#)
 - [Убийство в Окзотте](#)
 - [Часть первая. Загадка ночи](#)
 - [Часть вторая. Тигр из Сан-Педро](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Артур Конан Дойль
Приключения Шерлока Холмса и доктора
Ватсона

Внезапное исчезновение «Сильвер-Блэза»

– Боюсь, что мне придется ехать, Ватсон, – сказал Холмс в одно прекрасное утро, когда мы сели за завтрак.

– Ехать? Куда?

– В Дартмур, в Кингс-Пайлэнд.

Я нисколько не удивился. Напротив, меня все время удивляло, что он не принимал участие в этом необыкновенном деле, о котором говорила из конца в конец вся Англия. Целый день накануне мой приятель бродил по комнате из угла в угол, с опущенной на грудь головой, с нахмуренными бровями, не обращая ни малейшего внимания на мои вопросы и замечание и поминутно набивая трубку крепчайшим черным табаком. Он наскоро проглядывал присылаемые ему газеты и тотчас же бросал их в угол. Несмотря на его молчание, я очень хорошо понимал, о чем он думал. Только одно дело в настоящее время могло привлечь к себе его внимание и вызвать к деятельности его способность к анализу – это странное исчезновение фаворита на первый приз «Сильвера-Блэза» в Уэлксе и трагическое убийство его тренера. Поэтому, когда он внезапно заговорил о поездке на место происшествия, я услышал только то, чего ожидал и на что надеялся,

– Я был бы очень рад поехать с вами, если только я не помешаю, – сказал я.

– Вы сделаете мне величайшее одолжение, если поедете со мной, Ватсон. И я думаю, что не пожалеете, так как некоторые обстоятельства заставляют предполагать, что этот случай – единственный в своем роде. Я думаю, мы успеем попасть на поезд в Паддингтоне, а дорогой я подробно расскажу вам все. Сделайте одолжение, захватите с собой ваш превосходный бинокль.

Таким образом, приблизительно через час я сидел в уголку купе первого класса поезда мчавшегося в Житеру, а Шерлок Холмс, пронизательное лицо которого с резкими чертами обрамлялось дорожной шапкой с наушниками, поспешно принялся пробегать купленные им в Паддингтоне газеты. Мы уже проехали Ридинг, прежде чем он бросил под диван последний газетный лист и протянул мне портсигар.

– Хорошо едем, – сказал он, выглянув в окно и затем поглядев на часы. – Делаем по пятьдесят три с половиной мили в час.

– Я не считал столбов, на которых указаны мили.

– И я также. Но на этой линии телеграфные столбы расставлены на расстоянии шестидесяти ярдов, и потому очень легко сделать вычисление. Вы, вероятно, уже знакомы с делом об убийстве Джона Стрэкера и исчезновении «Сильвера-Блэза»?

– Я читал сообщение газет «Telegraph» и «Chronicle».

– Это одно из тех дел, в котором надо приложить все искусство скорее на выяснение подробностей, чем на добывание новых улик. Дело это настолько трагично, необыкновенно, имеет такое важное значение для многих, что прямо не обобратся всевозможных предположений, догадок и гипотез. Затруднение состоит в том, чтобы отделить самый остов факта – несомненного, неопровержимого факта – от измышлений теоретиков и репортеров. Затем, когда мы утвердимся на прочном основании, то должны будем подумать, какие могут быть выведены заключения, и установить главные пункты, на которых зиждется вся тайна. Во вторник вечером я получил телеграммы от полковника Росса, владельца лошади, и от полицейского инспектора Грегори, который ведет следствие по этому делу. Оба они просят меня принять участие в нем.

– Вы получили телеграмму во вторник вечером, а едете только в четверг утром? – вскрикнул я. – Почему же вы не поехали вчера?

– Потому что сделал ошибку, дорогой Ватсон, а это, как кажется, случается со мной чаще, чем могут думать те, кто знает меня только по вашим запискам. Дело в том, что я никак не мог себе представить, чтобы можно было скрыть надолго самую замечательную лошадь в Англии, в особенности в такой слабо населенной местности, как северная часть Дартмура. Вчера я с часу на час ожидал известия, что лошадь найдена и похититель ее, в то же время и убийца Джона Стрэкера. Но когда на следующее утро я узнал, что ничего не сделано, за исключением ареста молодого Фицроя Симпсона, я почувствовал, что мне пора приняться за это дело. Но все же я не потерял даром вчерашнего дня.

– Вы уже составили себе определенное мнение об этом происшествии?

– По крайней мере, я ознакомился с главными фактами. Я перечислю их вам, так как ничто так не уясняет дела, как объяснение его другому лицу, да и вы скорее можете помочь мне, когда я покажу вам исходную точку.

Я откинулся на подушки и закурил сигару, а Холмс, водя длинным указательным пальцем по ладони левой руки, принялся описывать события, послужившие поводом к нашему путешествию.

– «Сильвер-Блэз», – начал он, – потомок «Айсономи» и обладает такими же блестящими качествами, как и его предок. Теперь ему пятый год и он брал поочередно все призы своему счастливому обладателю,

полковнику Россу. До катастрофы он считался первым фаворитом на Улэкский приз, и пари шло три на один. Он всегда был фаворитом скаковой публики, ожиданий которой никогда не обманывал, и потому на него постоянно ставились огромные суммы. Понятно поэтому, что было много людей, в интересе которых было не допустить появление «Сильвер-Блэза» у флага в будущий вторник.

Само собой, с этим фактом считались в Кингс-Пайлэнде, где находятся скаковые конюшни полковника Росса. Были приняты все предосторожности к охране фаворита. Тренер Джон Стрэкер – бывший жокей, скакавший в цветах полковника Росса, пока не стал слишком тяжелым для положенного веса. Он служил у полковника пять лет жокеем и семь лет тренером и зарекомендовал себя усердным и честным слугой. У него под начальством три конюха; конюшня небольшая, только четыре лошади. Один из них дежурил по ночам в конюшне, а другие спят на сеновале. Все трое – славные, надежные парни. Джон Стрэкер, человек женатый, жил в небольшом домике, ярдах в двухстах от конюшни. У него не было детей, он держал одну прислугу и пользовался известным комфортом. Местность кругом уединенная, но приблизительно в полумиле, к северу, находится несколько вилл, выстроенных каким-то подрядчиком из Тэвисток для больных и для желающих пользоваться чистым дартмурским воздухом. Сам Тэвисток лежит на две мили к западу, а по другую сторону болота, также в двух милях, находятся большие кэпльтонские конюшни, принадлежащие лорду Бэкуотэру и управляемые Сайлэсом Броуном. За этими исключениями местность совершенно пустынная; по временам в ней встречаются только бродячие цыгане. Таково было положение дел до катастрофы, происшедшей в понедельник ночью.

В этот вечер, в девять часов, лошадей, как всегда, заперли в стойле после обычной проездки и водопоя. Двое из конюхов пошли ужинать на кухне у тренера, а третий, Нед Гёнттер, остался дежурить на конюшне. Несколько минут спустя служанка, Эдита Бэкстер, принесла ему ужин – тушеную баранину с приправой из перца. Она не взяла с собой никакого питья, так как в конюшне стоит бочка с водой, а дежурному не полагается пить чего-либо другого. Девушка шла с фонарем, так как было очень темно, а тропинка идет по топкому месту.

Эдита Бэкстер была в ярдах тридцати от конюшни, когда из окружавшей ее темноты внезапно появился какой-то человек и приказал ей остановиться. Когда он вступил в круг желтого света, бросаемого фонарем, девушка увидела перед собой человека, с виду джентльмена, в сером триковом костюме и в суконной шапочке. На ногах у него были гамашы, а в

руках палка с тяжелым набалдашником. Смертельная бледность его лица и нервные манеры поразили Эдиту. На вид он ей показался скорее старше, чем моложе, тридцати лет.

– Можете вы сказать мне, где я нахожусь? – спросил он. – Я уже думал, что мне придется ночевать в болоте, когда вдруг увидел свет вашего фонаря.

– Вы около кингс-пайлэндских конюшен, – ответила она.

– В самом деле! Вот так удача! – вскрикнул незнакомец. – Я слышал, что там каждую ночь дежурит один из конюхов. Вероятно, вы несете ему ужин. Ну, я думаю, вы не откажетесь заработать себе на новое платье, не правда ли?

Он вынул из кармана жилета сложенный лист белой бумаги.

– Постарайтесь передать это конюху сегодня же, и у вас будет самое красивое платье, какое только можно приобрести за деньги.

Его мрачный вид испугал девушку, и она пробежала мимо него к окну, через которое подавала обыкновенно ужин. Окно было уже открыто, и Гёнттер сидел в конюшне за маленьким столом. Она только что начала рассказывать о том, что случилось с ней, как незнакомец тоже подошел к окну и заглянул в него.

– Добрый вечер, – сказал он, – мне надо поговорить с вами.

Девушка клянется, что видела уголок бумажки, сжатой в его руке, когда он говорил эти слова.

– Что вам тут надо? – спросил конюх.

– Надо кое-что выгодное для вашего кармана, – ответил незнакомец. – У вас две лошади на Уэлекский приз – «Сильвер-Блэз» и «Баярд». Сообщите верные сведения о них и не останетесь в накладе. Правда ли, что при взвешивании «Баярд» может дать другому сто ярдов на две с половиной мили и что конюшня ставит на него?

– Ах, так вы один из этих проклятых шпионов! – крикнул конюх. – Я сейчас покажу вам, как мы угощаем их в Кингс-Пайлэнде!

Он вскочил с места и бросился на другой конец конюшни, чтобы спустить собаку. Девушка побежала к дому, но на бегу обернулась и увидела, что незнакомец просунулся в окно. Однако, когда Гёнттер, минуту спустя, выбежал с собакой, незнакомец исчез, и как ни искал конюх, он не мог найти и следа его.

– Одну минуту! – перебил я Холмса. – Конюх не запер за собой двери, выбежав с собакой из конюшни?

– Превосходно, Ватсон, превосходно! – проговорил мой приятель. – Я сразу обратил внимание на это важное обстоятельство и вчера же послал в

Дартмур специальную телеграмму для разъяснение этого вопроса. Конюх запер дверь, выйдя из конюшни. Окно же недостаточно велико для того, чтобы через него мог пролезть человек.

Гёнтер подождал возвращение своих товарищей и тогда послал сказать тренеру о случившемся. Стрэкер взволновался, получив это известие, хотя, кажется, не вполне понял его истинное значение. Однако, им овладело смутное беспокойство, и м-с Стрэкер, проснувшись в час ночи, увидела, что он одевается. На ее вопрос он ответил, что не может спать, так как тревожится о лошадях и хочет пройти в конюшню, чтобы узнать, все ли там благополучно. Миссис Стрэкер уговаривала его остаться, так как дождь стучал в окна, но он все-таки ушел, надев непромокаемый плащ.

Миссис Стрэкер проснулась в семь часов утра и увидела, что муж ее не возвращался. Она поспешно оделась, позвала служанку и пошла в конюшню. Дверь была отперта. Гёнтер, скорчившись, сидел на стуле в каком-то оцепенении, стойло фаворита было пусто, а тренера и следа не было.

Поспешно разбудили двух конюхов, спавших на сеновале. Оба они ничего не слышали ночью, так как спали очень крепко. Гёнтер, очевидно, был под влиянием какого-то усыпительного снадобья, и от него нельзя было ничего добиться, а потому его оставили высыпаться, пока два других конюха и обе женщины принялись разыскивать тренера. Они все еще надеялись, что тренер взял лошадь для утренней проездки, но, взойдя на пригорок вблизи дома, с которого была видна вся окрестность, они не только не увидели фаворита, но заметили кое-что, указывавшее, что тут произошло нечто трагическое.

В четверти мили от конюшни на терновом кусте болтался плащ Джона Стрэкера. Как раз за этим кустом, в болоте было воронкообразное углубление, на дне которого нашли тело несчастного тренера. Голова у него была разmozжена каким-то тяжелым орудием, а на бедре виднелась резаная рана, нанесенная, очевидно, каким-то очень острым инструментом. Было ясно, что Стрэкер энергично отбивался от напавших на него людей, так как в правой руке он держал маленький нож, весь в крови по рукоятку, а левой сжимал красный с черным шелковый галстук, который, как показала служанка, был надет на незнакомце, приходившем в конюшню накануне вечером.

Когда Гёнтер вышел из оцепенения, он сразу указал владельца галстука. Он говорил также, что убежден в том, что незнакомец подсыпал какого-то снадобья в баранину в то мгновение, когда просунул в окно, и таким образом лишил конюшню сторожа.

Что касается до пропавшей лошади, то многочисленные следы в грязи, которой было покрыто дно роковой впадины, указывали на то, что она была тут во время борьбы. Но затем она пропала и, несмотря на обещанную большую награду и на то, что все находившиеся вблизи цыгане приняли горячее участие в поисках, о ней нет ни слуху, ни духу. Анализ остатков ужина конюха показал присутствие в них значительной доли опиума, между тем как вся прислуга в доме ела то же блюдо безнаказанно.

Таковы главные факты дела, изложенные без примеси каких бы то ни было предположений. Теперь я расскажу, что сделано полицией.

Инспектор Грегори, которому поручено следствие, человек очень знающий. Будь он одарен даром воображения, он, несомненно, достиг бы значительного совершенства в своей профессии. По приезде на место происшествия, он немедленно арестовал человека, на которого естественно падало подозрение. Найти его было очень нетрудно, так как он хорошо известен в околоте. Оказывается, это некто Фицрой Симпсон. Он человек хорошего происхождения и воспитания, но истратил свое состояние на скачках и живет теперь тихо, занимаясь букмекерством в спортивных лондонских клубах. При осмотре его записной книжки оказалось, что им поставлено около пяти тысяч против фаворита.

Когда его арестовали, он показал, что приехал в Дартмур, надеясь получить некоторые сведения о кингс-пайлэндской конюшне, а также о «Десборо», втором фаворите, находящемся на попечении Сайлэса Броуна. Он не отрицал своего образа действий в предыдущий вечер, но объявил, что не имел никаких преступных замыслов и просто желал получить сведения из первых рук. Когда ему показали галстук, он сильно побледнел и совершенно не мог объяснить, каким образом он очутился в руках убитого. Его мокрая одежда указывала, что он был под дождем в предыдущую ночь, а палка с тяжелым свинцовым набалдашником могла быть именно тем орудием, от нескольких ударов которого последовала смерть тренера.

С другой стороны, у него не обнаружено ни малейшего поранения, между тем как окровавленный нож Стрэкера указывает, что, по крайней мере, один из нападавших должен быть поранен им.

Вот и вся история, Ватсон, и если вам удастся пролить какой либо свет на это дело, буду бесконечно обязан вам.

Я с величайшим вниманием слушал изложение Холмса, отличавшееся свойственной ему ясностью. Хотя большинство фактов и было известно мне, но я недостаточно оценил их относительную важность и связь между собой.

– Не возможно ли предположить, что Стрэкер сам нанес себе рану во время судорожных движений, обыкновенно являющихся следствием повреждение мозга? – заметил я.

– Не только возможно, но даже вполне вероятно, – сказал Холмс. – В таком случае исчезает одно из главных обстоятельств, говорящих в пользу обвиняемого.

– И все же я никак не могу понять, какую гипотезу могла построить полиция.

– В том и дело, что против всякой предложенной нами гипотезы могут найтись серьезные возражения, – сказал Холмс. – Насколько я понимаю, полиция предполагает, что Фицрой Симпсон, опоив конюха и добыв каким-нибудь образом второй ключ от конюшни, отпер ее и вывел лошадь, очевидно, желая украсть ее. Не находят уздечки; вероятно, Симпсон надел ее на лошадь. Затем, оставив конюшню отпертой, он повел «Сильвер-Блэза» по болоту, где тренер встретил или догнал его. Понятно, последовала борьба. Симпсон ударил тренера по голове своей тяжелой палкой, а тот, защищаясь, не смог нанести ему раны своим маленьким ножом. Тогда вор или увел с собой лошадь в какое-нибудь потайное место, или она вырвалась от него во время борьбы и блуждает теперь где-нибудь по болоту. Так представляется это дело полиции, и, как ни невероятно это объяснение, всякое другое еще менее вероятно. Но я быстро пойму суть дела на месте преступления, а теперь, право, не знаю, что и предпринять.

Был уже вечер, когда мы подъехали к маленькому городу Тэвисток, лежащему среди огромного Дартмурского округа. На станции нас ожидали два господина: один высокий, блондин, с бородой и волосами, напоминавшими львиную гриву, с замечательно пронизательными светло-голубыми глазами; другой – маленький, подвижной человек, с подстриженными бакенбардами, с моноклем в глазу, очень чисто и аккуратно одетый, в сюртуке и гетрах. Последний был полковник Росс, известный спортсмен; первый – инспектор Грегори, человек, быстро составивший себе репутацию искусного полицейского следователя.

– Я в восторге, что вы приехали, м-р Холмс, – сказал полковник. – Инспектор сделал все, что было возможно, но я намереваюсь не оставить ни одного камня на месте, пока не отомщу за бедного Стрэкера и не верну своей лошади.

– Не открылось ли чего-нибудь нового? – спросил Холмс.

– К сожалению, должен сказать, что мы мало подвинулись вперед, – ответил инспектор. – У нас здесь экипаж, и так как вы, наверно, пожелаете засветло осмотреть место происшествия, то мы можем переговорить обо

всем во время езды.

Минуту спустя, мы все сидели в покойном ландо и ехали по неровной мостовой оригинального старинного девонширского городка. Инспектор Грегори с увлечением рассказывал дело и изливал целый поток замечаний, в который Холмс вставлял и, когда вопрос или восклицание. Полковник Росс откинулся на подушки, сложив руки на груди и надвинув шляпу на лоб, а я с интересом прислушивался к разговору. Грегори развивал свою теорию, которая оказалась почти совершенно тождественной с тем, что предсказывал Холмс.

– Сеть вокруг Фицроя затянута довольно плотно, – заметил он. – Я сам думаю, что он тот, кого мы ищем. Но в то же время, я признаю, что все это чисто внешние улики, которые могут быть опровергнуты какой-нибудь новой подробностью.

– Ну, а как насчет ножа Стрэкера?

– Мы пришли к убеждению, что он ранил себя сам при падении.

– Мой друг, д-р Ватсон, высказал мне дорогой то же предположение. Если это верно, то послужит во вред Симпсону.

– Несомненно. У него нет ни ножа, ни царапины. Улики против него действительно сильные. Исчезновение фаворита имело для него большое значение; его подозревают в отравлении конюха; он, без сомнения, был под дождем; в руках у него была тяжелая палка, а галстук его нашли в руке убитого. Я думаю, что всего этого достаточно, чтобы привести его на скамью подсудимых.

Холмс покачал головой.

– Хороший защитник разобьет в прах все эти обвинения, – сказал он – зачем ему было уводить лошадь из конюшни? Он мог бы искалечить ее и там, если бы хотел. Нашли у него подделанный ключ? Кто продал ему опиум? А главное, как и куда мог он – чужой в этой местности – спрятать лошадь, да еще такую? Что он говорит насчет бумаги, которую он просил служанку передать конюху?

– Он говорит, что это была десятифунтовая бумажка. Одну такую бумажку нашли у него в кошельке. Но все другие высказанные вами затруднения совсем не так страшны, как кажутся. Он вовсе не чужой в этой местности... Он жил в Тэвистоке два раза летом. Опиум он, вероятно, привез из Лондона. Ключ, наверно, забросил после того, как употребил его в дело. Лошадь, может быть, лежит на дне какой-нибудь шахты или заброшенного рудника.

– Что он говорит о галстуке?

– Он признает его своим и уверяет, что потерял его. Но в деле

обнаружилось новое обстоятельство, которое может объяснить, почему он увел лошадь.

Холмс насторожил уши.

– Мы нашли следы, указывающие, что шайка цыган останавливалась в понедельник ночью в миле от места, где совершилось убийство. Во вторник они ушли. Если предположить, что между Симпсоном и цыганами существовало соглашение, то не мог ли он, когда его нагнали, вести лошадь к ним, и не находится ли она теперь у них?

– Конечно, это возможно.

– Цыган разыскивают в болоте. Я также осмотрел все конюшни и пристройки в Тэвистокке и на десять миль кругом.

– Кажется, вблизи есть еще скаковая конюшня?

– Да, и это факт, которым не следует пренебрегать. Лошадь этой конюшни, «Десборо», была вторым фаворитом, и потому исчезновение первого – в их интересах. Известно, что у Сайлэса Броуна, тренера, записаны большие пари, и он не был другом бедного Стрэкера. Однако мы осмотрели эти конюшни и не нашли ничего подозрительного.

– И ничего, что могло бы указывать на то, что Симпсон связан какими либо интересами с конюшней Кэпльтона?

– Ровно ничего.

Холмс откинулся на спинку коляски, и разговор прекратился. Несколько минут спустя, наш экипаж остановился у хорошенькой виллы из красного кирпича, увитой плющом и стоявшей у самой дороги. На некотором расстоянии от нее виднелась длинная постройка, крытая серой черепицей. Во всех других направлениях тянулась извилистая болотистая равнина, вся бронзовая от увядающих папоротников, сливавшаяся в дали с горизонтом и прерываемая только колокольнями Тэвистока да группой построек на заводе – кэпльтонскими конюшнями. Мы все выскочили из коляски, за исключением Холмса. Он продолжал сидеть по прежнему, откинувшись на подушки и устремив глаза на небо, очевидно, весь погруженный в свои мысли. Он сильно вздрогнул, когда я дотронулся до его руки, и вышел из экипажа.

– Извините меня, – проговорил он, обращаясь к полковнику Россу, с удивлением смотревшему на него. – Я грезил наяву.

По блеску его глаз и по сдержанному волнению, я, привыкший к нему, убедился, что он напал на след, хотя никак не мог догадаться, как он мог найти его.

– Может быть, вы желаете сейчас же пойти на место преступления, м-р Холмс? – сказал Грегори.

– Я думаю, лучше остаться здесь и расспросить о некоторых подробностях. Я предполагаю, что Стрэкера принесли сюда?

– Да, он лежит наверху. Осмотр тела назначен на завтра.

– Он и служил у вас несколько лет, полковник?

– И был отличным слугой.

– Предполагаю, что вы осмотрели его карманы, инспектор?

– Все вещи в гостиной. Если желаете, можете взглянуть на них.

– С удовольствием.

Мы все перешли в гостиную и сели вокруг стола, стоявшего посередине комнаты. Инспектор отпер четырехугольный жестяной ящик и выложил перед нами небольшую кучу вещей. Тут была коробка спичек, двухдюймовый огарок сальной свечи, трубка, кожаный мешочек с полунцией табаку, серебряные часы с золотой цепочкой, пять золотых соверенов, алюминиевый карандаш, несколько бумаг и ножик с ручкой из слоновой кости, с очень тонким негнущимся лезвием и со штемпелем «Вейсс и К°, Лондон».

– Очень странный нож, – сказал Холмс, взяв его в руки и внимательно оглядев его. – по тому, что я вижу на нем пятна крови, я предполагаю, что это тот самый нож, который нашли в руке покойного. Ватсон, этот нож, наверно, по вашей части.

– Это нож для снятия катарактов, – ответил я.

– Я так и думал. Очень тонкое лезвие, предназначенное для очень тонкой работы. Странно было брать с собою такую вещь, предполагая, что угрожает опасность, тем более, что нож не закрывается.

– На кончик надевался наконечник из пробки, который мы нашли рядом с трупом, – сказал инспектор, – жена Стрэкера говорит, что нож лежал на туалетном столе несколько дней, и что он взял его уходя из комнаты. Это плохое оружие, но, может быть, у него не было лучшего под рукой.

– Очень возможно. А это что за бумаги?

– Три счета, подписанные торговцами сеном. Письмо от полковника Росса с приказаниями. Счет на тридцать семь фунтов пятнадцать шиллингов от портнихи, г-жи Лезюрье, из Бондстрита, на имя Вильяма Дэрбишайра. М-с Стрэкер говорит, что Дэрбишайр – друг ее мужа и письмо на его имя иногда адресовались сюда.

– Madame Дэрбишайр, должно быть, особа несколько расточительная, – заметил Холмс, просматривая счет. – Двадцать две гинеи за костюм – это дороговато. Кажется, здесь нам не узнать ничего более, и потому отправимся на место преступления.

Когда мы вышли из гостиной, в коридоре к инспектору подошла какая-то женщина и дотронулась до его рукава. На ее бледном, худом, взволнованном лице лежал отпечаток только что пережитого ужаса.

– Поймали вы их? Нашли их? – задыхаясь, проговорила она.

– Нет, м-с Стрэкер; но вот м-р Холмс. Он приехал из Лондона, чтобы помочь нам, и мы сделаем все, что возможно.

– А мы с вами встречались недавно в Плимуте, на гулянье в саду, м-с Стрэкер, – сказал Холмс.

– Нет, сэр, вы ошибаетесь.

– Неужели? А я-то был готов поклясться, что это вы. На вас был туалет из шелковой материи сизого цвета, отделанный белыми страусовыми перьями.

– У меня никогда не было такого туалета, – ответила м-с Стрэкер.

– А! Так, значит, я ошибся.

Он извинился и вышел из дома вслед за инспектором.

Короткий переход по болоту привел нас к яме, где было найдено тело. На краю ее стоял терновый куст, на котором висел плащ.

– Ведь в эту ночь не было ветра! – сказал Холмс.

– Ни малейшего; но шел очень сильный дождь.

– В таком случае, плащ не мог быть отнесен на кусты ветром, но был повешен на них.

– Да, он был положен на куст.

– Это чрезвычайно интересно. Я вижу, что земля кругом сильно притоптана. Без сомнения, много ног прошло здесь с ночи понедельника.

– Здесь, в стороне, была положена рогожка, и мы все стояли на ней.

– Превосходно.

– Вот тут у меня в мешке один сапог Стрэкера, башмак Фицроя Симпсона и стальная подкова «Сильвер-Блэза».

– Дорогой инспектор, вы превзошли себя!

Холмс взял мешок и, спустившись в яму, передвинул рогожку ближе к центру. Затем он лег плашмя и, опершись подбородком на руку, принялся внимательно рассматривать притоптанную грязь.

– Ого, это что? – внезапно сказал он.

Это была полусгоревшая восковая спичка, настолько покрытая грязью, что, с первого взгляда, походила на щепку.

– Не понимаю, как я просмотрел ее, – проговорил инспектор с недовольным видом.

– Ее не было видно в грязи. Я нашел только потому, что искал ее.

– Как! Вы рассчитывали найти ее?

– Считал это довольно вероятным.

Он вынул из мешка сапоги и сличил следы каждого из них со следами в грязи. Потом он вылез из ямы и принялся шарить в папоротниках и кустах.

– Мне кажется, нет более следов, – сказал инспектор. – Я очень тщательно исследовал почву на сто ярдов по всем направлениям.

– В самом деле! – сказал Холмс, вставая с колен. – Не буду настолько невежлив, чтобы снова сделать это после вашего заявления. Но мне хотелось бы пройти по болоту, пока не стемнело, чтобы к завтра иметь полное понятие о местности, а эту подкову я возьму себе в карман на счастье.

Полковник Росс, выказывавший признаки некоторого нетерпения при виде спокойного, систематического исследования моего приятеля, взглянул на часы.

– Пойдемте со мной, инспектор, – сказал он, – я должен посоветоваться с вами о многом и особенно о том, не обязаны ли мы перед публикой снять имя нашей лошади с записи на приз.

– Ни в каком случае, – решительно сказал Холмс. – На вашем месте я оставил бы имя лошади.

Полковник поклонился.

– Очень рад слышать ваше мнение, сэр, – сказал он. – Когда вы окончите свою прогулку, вы найдете нас в доме бедняги Стрэкера, и тогда мы поедем все вместе в Тэвисток.

Он ушел с инспектором, а Холмс и я медленно пошли по болоту. Солнце садилось за конюшнями Кэпльтона, и громадная, покатая равнина перед нами отливала золотом, переходившим в роскошный красно-бурый оттенок в тех местах, где вечерние лучи падали на папоротники и терновые кусты. Но красота пейзажа не производила ни малейшего впечатление на моего спутника, погруженного в размышления.

– Сюда, Ватсон! – наконец, проговорил он. – Оставим на минуту вопрос о том, кто убил Джона Стрэкера, и постараемся узнать, что случилось с лошадью. Предположим, что она убежала во время драмы или после нее; куда же она делась? Лошадь, вообще, животное стадное. Предоставленный самому себе, «Сильвер-Блэз» инстинктивно вернулся бы в Кингс-Пайлэнд или отправился бы в Кэпльтон; с какой стати он стал бы носиться по болоту? Если бы это случилось, то, наверно, кто-нибудь уже встретил бы его. А зачем цыгане стали бы ловить его? Эти люди всегда стараются улизнуть, когда услышат о каком-нибудь происшествии: очень уж они не любят иметь дело с полицией. Рассчитывать продать такую лошадь они не

могли. Риск был бы слишком большой, а кража не принесла бы им никакой пользы. Все это совершенно ясно.

– Но где же тогда лошадь?

– Я уже сказал, что она убежала или в Кингс-Пайлэнд, или в Кэпльтон. Она не в Кингс-Пайлэнде – следовательно, в Кэпльтоне. Примем эту гипотезу и посмотрим, что выйдет. Эта часть торфяника, как говорил инспектор, очень твердая и сухая. Но по направлению к Кэпльтону торфяник понижается, и отсюда можно видеть большую ложбину, в которой, должно быть, было очень сыро в понедельник ночью. Если наше предположение верно, лошадь должна была проскакать через эту ложбину, и там мы и должны искать ее следов.

Во время этого разговора мы быстро шли вперед и через несколько минут были у ложбины. По просьбе Холмса я пошел по правому ее краю, он же по левому; но не успел я сделать и пятидесяти шагов, как услышал громкий крик и увидел, что он машет мне рукой. След лошади ясно отпечатался на мягкой земле перед ним, а подкова, которую Холмс вынул из кармана, пришлась как раз по отпечатку.

– Видите, что значит воображение, – сказал Холмс. – Этого-то качества только и не достает Грегори. Мы вообразили себе, что могло бы произойти, действовали согласно нашему предположению и оказались правы. Будем продолжать.

Мы перешли через болотистую ложбину и прошли около четверти мили по твердому, сухому торфянику. Потом местность снова стала понижаться, и снова мы увидели следы, потеряли их на протяжении полумили и нашли опять уже у самого Кэпльтона. Холмс первый увидел их и указал мне с выражением торжества на лице. След мужской ноги виднелся рядом с лошадиным следом.

– Лошадь сначала была одна! – вскрикнул я.

– Совершенно верно. Сначала она была одна. Ого! Это что?

Двойной след делал резкий поворот и направлялся к Кингс-Пайлэнду. Холмс свистнул. И мы оба пошли по следу. Холмс шел, не спуская глаз со следа; я же случайно взглянул в сторону и с удивлением заметил, что те же следы шли и в обратном направлении.

– Чудесно, Ватсон, – сказал Холмс, когда я указал ему эти следы, – вы избавили нас от длинной прогулки, которая привела бы нас обратно к своим собственным следам.

Нам не пришлось идти далеко. Следы оканчивались у асфальтовой дорожки, которая вела к кэпльтонским конюшням. Навстречу нам выбежал грум.

– Мы не позволяем бродягам шлаться здесь, – сказал он.

– Я хотел только спросить кое-что, – сказал Холмс, запуская указательный и большой пальцы в карман жилета. – Не будет слишком рано, если я зайду завтра в пять часов утра, чтобы повидать вашего хозяина, мистера Сайлэса Броуна?

– Господь с вами, сэр; уж кто-кто, а он-то всегда будет, когда надо, потому что встает раньше всех. Но вот и он сам, сэр, и ответит на ваш вопрос. Нет, сэр, нет; он прогонит меня, если увидит, что я взял деньги. После, если вам угодно.

В ту минуту, как Шерлок Холмс положил обратно в карман вынутую им полкрану, из ворот вышел пожилой господин свирепого вида, с хлыстом в руке.

– Это что такое, Даусон? – крикнул он. – Что за болтовня! Ступай за дело! А вы... какого чорта вам здесь надо?

– Надо поговорить с вами минут десять, любезный сэр, – ответил Холмс самым ласковым тоном.

– Некогда мне разговаривать со всякими бродягами. Убирайтесь, а не то спущу собаку.

Холмс наклонился и шепнул что-то на ухо тренеру. Тот сильно вздрогнул и вспыхнул до ушей.

– Это ложь! – крикнул он. – Дьявольская ложь!

– Отлично! Станем мы обсуждать это здесь, при всех, или переговорим у вас в доме?

– О, войдите, если желаете.

Холмс улыбнулся.

– Я задержу вас только на несколько минут, Ватсон, – сказал он. – Ну-с, я к вашим услугам, м-р Броун.

Прошло минут двадцать, и румяная заря перешла в серые сумерки, когда Холмс и тренер вышли из дома. Никогда не случалось мне видеть, чтобы человек мог так измениться за это короткое время, как Сайлэс Броун. Лицо его было смертельно бледно; на лбу стояли капли пота, а руки тряслись так, что хлыст колыхался, как ветка по ветру. Вся его дерзость и заносчивость исчезли, и он покорно шел рядом с моим товарищем, словно собака с хозяином.

– Ваши указания будут исполнены. Все будет исполнено, – говорил он.

– Чтоб не было ошибки, – сказал Холмс, оглядываясь на него. Броун вздрогнул, прочтя угрозу в его глазах.

– О, нет, ошибки не будет. Все будет, как следует. Сделать изменение заранее или нет?

Холмс задумался на одно мгновение и потом громко расхохотался.

– Нет, не делайте изменений. Я напишу вам об этом. Смотрите, без плутовства или...

– О, вы можете поверить мне, поверить вполне.

– Берегите, как свою собственность.

– Можете положиться на меня.

– Да, думаю, что могу. Ну, завтра я извещу вас.

Он повернулся на каблуках, не обратив внимание на протянутую ему дрожащую руку, и мы отправились назад в Кингс-Пайлэнд.

– Мне редко приходилось встречать такое соединение заносчивости, трусости и низости, как в мистере Сайлэсе Броуне, – заметил Холмс дорогой.

– Так лошадь у него?

– Он попробовал было отрицать это, но, я так подробно описал ему все его действие в то утро, что он убежден, что я следил за ним. Вы, конечно, заметили особую четырехугольную форму носков сапог на следе? Его сапоги как раз подошли к этим следам. К тому ни один из его подчиненных не осмелился бы сделать подобной штуки. Я описал ему, как он, по обыкновению встав раньше всех, увидел чужую лошадь, бродившей по торфу, как он подошел к ней и изумился, узнав по белому пятну на лбу лошади, от которого она получила свое название^[1], что случай отдает в его власть единственного коня, могущего побить того, на которого он поставил свои деньги. Потом я описал ему, как первым его порывом было отвести лошадь в Кингс-Пайлэнд, как дьявол внушил ему скрыть лошадь до окончания скачек, как он провел ее обратно и спрятал в Кэпльтоне. Когда я подробно рассказал ему это, он перестал запыряться и стал думать только о спасении своей шкуры.

– Но ведь его конюшни были обысканы?

– О, у такого старого барышника всегда найдется укромное местечко.

– А вы не боитесь оставить лошадь у него? Ведь ему выгодно искалечить ее.

– Милый мой, он будет беречь ее, как зеницу ока. Он знает, что единственная его надежда на помилование – это сохранить лошадь в полной безопасности.

– Полковник Росс произвел на меня впечатление вообще человека, не склонного миловать.

– Дело касается не одного только полковника Росса. Я следую моему методу и говорю только то, что считаю нужным. В том-то и выгода моего неофициального положения. Не знаю, заметили ли вы, Ватсон, что

полковник отнесся ко мне несколько свысока. Вот я и хочу немного позабавиться на его счет. Не говорите ему ничего о лошади.

– Конечно, не скажу без вашего позволения.

– И, само собой разумеется, это неважный вопрос в сравнении с тем, кто убил Джона Стрэкера.

– Теперь вы займетесь этим делом?

– Напротив, сегодня вечером мы уедем в Лондон.

Я был совершенно поражен этими словами моего друга. Мы пробыли только несколько часов в Дэвоншире, и мне казалось непонятным, почему он бросает поиски, начавшиеся таким блестящим образом. Но я не добился от него ни единого слова, пока мы не вернулись в дом тренера. Полковник и инспектор ожидали нас в гостиной.

– Мой друг и я возвращаемся в Лондон с экспрессом, отходящим в двенадцать часов ночи, – сказал Холмс. – Приятно было подышать чудным воздухом Дартмура.

Инспектор широко раскрыл глаза, а у полковника мелькнула на губах насмешливая улыбка.

– Итак, вы потеряли всякую надежду захватить убийцу бедного Стрэкера, – сказал он,

Холмс пожал плечами.

– Действительно, встретилось много серьезных препятствий, – сказал он. – Однако я твердо надеюсь, что ваша лошадь будет скакать во вторник, и прошу вас держать жокея наготове. Нет ли у вас фотографической карточки м-ра Джона Стрэкера?

Инспектор вынул из кармана конверт, взял из него фотографическую карточку и подал ее Холмсу.

– Вы предупреждаете все мои желания, дорогой Грегори. Могу я попросить вас подождать одну минуту, пока я поговорю со служанкой.

– Должен признаться, я несколько разочаровался в нашем лондонском консультанте, – резко сказал полковник Росс, когда мой друг вышел из комнаты. – Мы ни на шаг не подвинулись со времени его приезда.

– По крайней мере, вы имеете обещание, что ваша лошадь будет скакать во вторник.

– Да, обещание-то я имею, но предпочел бы иметь лошадь, – сказал полковник, пожимая плечами.

Я только что собирался возразить что-нибудь в защиту моего друга, как он сам вошел в комнату.

– Ну-с, джентльмены, я готов отправиться в Тэвисток, – сказал он.

Когда мы садились в экипаж, один из конюхов держал дверцу.

Очевидно, Холмсу пришла какая-то внезапная мысль, он наклонился и дотронулся до рукава конюха.

– У вас в загоне есть овцы; кто смотрит за ними?

– Я, сэр.

– Не случилось ли с ними чего-нибудь особенного за это время?

– Ничего особенного, сэр; только три из них охромели в последние дни.

Я видел, что Холмс был очень доволен этим известием: он посмеивался и потирал руки.

– Попал в цель, Ватсон, прямо в цель! – сказал он, ущипнув меня за руку. – Грегори, советую вам обратить внимание на эту странную эпидемию у овец. Поезжай, кучер!

По выражению лица полковника Росса было ясно видно, что он, по-прежнему, невысокого мнения об искусстве моего друга; зато по лицу инспектора я заметил, что внимание его было сильно возбуждено.

– Вы считаете это важным обстоятельством? – спросил он.

– Чрезвычайно важным.

– Нет ли еще чего-нибудь, на что вы желали бы обратить мое внимание?

– На странное поведение собаки ночью.

– Она ничего не делала.

– Вот это-то и странно, – заметил Шерлок Холмс.

Через четыре дня мы с Холмсом снова ехали на поезде в Винчестер, где должны были состояться скачки на Уэссекский приз. Полковник ожидал нас, как было условлено, у станции, и мы поехали в его экипаже за город, на место скачек. Лицо полковника было серьезно и обращение чрезвычайно холодно.

– Я не видел своей лошади, – сказал он.

– Я надеюсь, вы узнаете ее, когда увидите? – спросил Холмс.

Полковник сильно рассердился.

– Двадцать лет я постоянно бываю на скачках, и никто не предлагал мне подобного вопроса, – сказал он. – Ребенок может узнать «Сильвер-Блэза» по белому пятну на лбу и по крапинкам на передней ноге.

– Как пари?

– Тут происходит что-то странное. Вчера можно было получить пятнадцать на один, но затем ставки стали все уменьшаться и уменьшаться и теперь еле ставят три на один.

– Гм! – проговорил Холмс. – Очевидно, кто-то что-то знает.

Когда экипаж въехал в ограду, я взглянул на программу скачек.

«Уэссекский приз. – 1000 соверенов, с подписными 50 соверенов с каждой для лошадей четырех и пяти лет. 2-й лошади – 300 фунтов. 3-й – 200 фунтов. Дистанция одна миля пять восьмых.

1. «Негро», владелец м-р Хиз Ньютон (красный картуз, коричневый камзол).

2. «Педжелист», владелец полковник Уардлесу (розовый картуз, черный камзол).

3. «Десборо», владелец лорд Бэкуатэр (желтый картуз, рукава того же цвета).

4. «Сильвер-Блэз», владелец полковник Росс (черный картуз, красный камзол).

5. «Ирис», владелец герцог Бальмораль (картуз и камзол полосатые, желтого и черного цвета).

6. «Рэспер», владелец лорд Сингльфорд (пурпуровый картуз, черные рукава)».

– Мы положились на ваши слова и сняли нашу вторую лошадь, – сказал полковник. – Что это? «Сильвер-Блэз» фаворит?

– Пять на четыре против «Сильвер-Блэза»! – ревела толпа. – Пять на четыре против «Сильвер-Блэза»! Пятнадцать на пять против «Десборо»!

– Лошади в полном составе, – заметил я. – Все шесть налицо!

– Все шесть на лицо? Так моя лошадь скачет? – кричал полковник в сильном волнении. – Но я не вижу ее. Моих цветов не проезжало.

– Проехало только пять. Вот, должно быть, она.

В эту минуту из загородки, где находились весы, появилась великолепная гнедая лошадь и прошла мимо нас легким галопом. На ней сидел жокей в хорошо всем известных цветах полковника – красном и черном.

– Это не моя лошадь! – закричал владелец, – у этой нет на теле ни одной белой отметины. Что вы сделали, мистер Холмс?

– Хорошо, хорошо, посмотрим, как она будет скакать, – невозмутимо сказал мой друг.

Несколько минут он смотрел в мой бинокль.

– Великолепно! Превосходный старт! – вдруг вскрикнул он. – Вот они показываются из-за поворота!

Из нашего экипажа прекрасно было видно всех лошадей; они все шли

так близко друг к другу, что их, казалось, можно было бы покрыть одной попоной, но на половине круга желтый цвет кэпльтонской конюшни выдвинулся вперед. Однако, прежде чем лошади поравнялись с нами, «Десборо» отстал, а лошадь полковника сразу подалась вперед и была у столба на шесть корпусов впереди своего соперника, «Ирис» герцога Бальморала пришла плохой третьей.

– Без сомнения, это моя лошадь, – задыхаясь и проводя рукой по глазам, проговорил полковник. – Признаюсь, ничего тут не понимаю. Не пора ли открыть вашу тайну, мистер Холмс?

– Да, пора, полковник. Вы все узнаете. Пойдемте все вместе взглянуть на лошадь. Вот она, – продолжал он, когда мы вошли в ограду для взвешивания, куда допускались только владельцы и их знакомые. – Вам стоит только вымыть ей винным спиртом голову и ноги и вы убедитесь, что это – ваш «Сильвер-Блэз».

– Не могу прийти в себя от изумления.

– Я нашел лошадь у одного барышника и осмелился взять ее как раз в ту минуту, когда ее хотели спровадить.

– Дорогой сэръ, вы сделали чудеса. Лошадь совершенно здорова и в полном порядке. Тысячу извинений за то, что позволил себе усумниться в вашем искусстве. Вы оказали мне большую услугу, возвратив мне лошадь, и окажете еще большую, если найдете убийцу Джона Стрэкера.

– Я уже нашел его, – спокойно сказал Холмс.

Полковник и я с изумлением взглянули на него.

– Нашли убийцу? Где же он?

– Здесь.

– Здесь? Где?

– Стоит в настоящую минуту возле меня.

Румянец гнева вспыхнул на щеках полковника.

– Я вполне сознаю, что многим обязан вам, мистер Холмс, – сказал он, – но не могу принять ваши слова иначе, как за плохую шутку или за оскорбление.

Шерлок Холмс расхохотался.

– Уверяю вас, полковник, что не считаю вас причастным преступлению, – проговорил он. – Настоящий убийца стоит за вами!

Он отошел в сторону и положил руку на блестящую шею породистого скакуна.

– Лошадь! – вскрикнули мы с полковником в один голос.

– Да, лошадь. Ее вина уменьшается, если я скажу вам, что она сделала это, защищая себя, и что Джон Стрэкер был человек, совершенно

недостойный вашего доверия. Но вот звонок, а так как у меня есть маленькое пари, то отложу подробное объяснение до более удобного случая.

Вечером мы снова сидели в купэ поезда, мчавшегося в Лондон, и я думаю, что путешествие показалось полковнику Россу таким же коротким, как мне: так интересно было слушать рассказ моего друга о том, что произошло в дартмурских конюшнях в понедельник ночью и как ему удалось узнать все подробности этого происшествия.

– Сознаюсь, что все выводы, составленные мною на основании газетных известий, оказались вполне ошибочными, – сказал он. – А, между тем, там были данные, которые могли бы служить указаниями, если бы их истинное значение не было загромаждено другими подробностями. Я поехал в Дэвоншир с убеждением в виновности Фицроя Симпсона, хотя, конечно, видел, что против него не собрано достаточных улик.

Только тогда, когда мы уже подъезжали к дому тренера, в голове моей внезапно возникла мысль о важном значении баранины с перцем. Вы, может быть, помните, что я был очень рассеян и остался в экипаже, когда вы все уже вышли. Я удивлялся про себя, как это я проглядел такое важное обстоятельство.

– Признаюсь, я до сих пор не вижу его важности, – сказал полковник.

– Это было первое звено в цепи моих рассуждений. Опиум в порошке не безвкусен. Вкус не неприятен, но замечен. Если подсыпать его в какое-нибудь обыкновенное кушанье, но тот, кто стал бы есть это кушанье, наверное, заметил бы примесь и бросил бы есть. Перец – именно та приправа, которая может заглушить вкус опиума. Никаким образом нельзя предположить, чтобы посторонний человек, как Фицрой Симпсон, мог бы устроить так, чтобы в этот день ужин в доме тренера состоял из баранины с приправой из перца, и тем более невозможно предположение, чтобы этот человек явился с порошком опиума как раз в тот вечер, когда подавалось кушанье, способное скрыть эту примесь. Этого нельзя допустить. Итак, Симпсон устраняется от дела, и все наше внимание сосредоточивается на Стрэкере и его жене, – единственных людях, которые могли заказать на ужин баранину с перцем. Опиум применен после того, как была отложена порция для конюха, остававшегося на конюшне, так как остальные ели ужин безо всяких дурных последствий. Кто же из Стрэкеров мог дотронуться до еды так, чтобы этого не заметила служанка?

Прежде чем решить этот вопрос, я обратил внимание на молчание собаки – одно верное предположение неизменно вызывает другое. Случай с

Симпсоном указывал на то, что в конюшне была собака, а между тем, несмотря на то, что кто-то входил туда и увел лошадь, собака не лаяла достаточно громко для того, чтобы разбудить спавших на сеновале конюхов. Очевидно, ночной посетитель был хорошо знаком ей.

Я был уже убежден, или почти убежден, что Джон Стрэкер вошел ночью в конюшню и увел «Сильвер-Блэза». Зачем? очевидно, с каким-то злым умыслом, иначе зачем бы он опоил своего конюха? Но я никак не мог понять причины его поступка. Бывали случаи, что тренеры зарабатывали большие деньги, держа пари против своих лошадей и, обманным образом, не давая им выигрывать. Иногда они действуют через жокея; иногда употребляют более верные и тонкие средства. Что было тут? Я надеялся, что вещи, найденные в кармане Стрэкера, помогут мне прийти к какому-нибудь заключению, и не ошибся в этом.

Вы, вероятно, не забыли странного ножика, найденного в руке покойника, ножика, которого, конечно, ни один человек в здравом уме не взял бы для самозащиты. Как сказал нам доктор Ватсон, этот нож употребляется при самых тонких операциях, известных хирургии. И в эту ночь он также предназначался для очень тонкой операции. Как знатоку скакового дела, вам, полковник, наверно известно, что можно сделать легкий порез сухожилия на бедре лошади так искусно, что снаружи ничего не будет заметно. В таком случае лошадь начинает слегка прихрамывать, что приписывается или переутомлению, или приступу ревматизма, но никогда не злому умыслу.

– Мошенник! Негодяй! – крикнул полковник.

– Этим и объясняется, почему Джон Стрэкер хотел увести лошадь из конюшни. При малейшем уколе такое чувствительное животное заржало бы так, что разбудило бы спавших крепким сном конюхов. Поэтому необходимо было произвести операцию на открытом воздухе.

– Как я был слеп! – сказал полковник. – Так вот для чего ему нужна была свечка и почему он зажигал спичку.

– Без сомнения. Но при осмотре его вещей мне посчастливилось открыть не только способ совершения преступления, но и его мотивы. Как человеку светскому, вам известно, полковник, что люди не носят у себя в карманах чужих счетов. Большинству из нас еле под силу справиться и со своими. Я сразу понял, что Стрэкер жил двойной жизнью и имел посторонние связи. По счету ясно было видно, что существует какая-то дама, не любящая стесняться средствами. Несмотря на всю вашу щедрость к вашим служащим, едва ли возможно предположить, чтобы они могли купить своим женам туалеты в двести гиней. Я расспросил, незаметно

для нее, м-с Стрэкер насчет платья, на которое был представлен счет, и, убедившись, что у нее никогда не было подобного костюма, заметил адрес портнихи, чувствуя, что помощью фотографической карточки Стрэкера мне легко будет доказать мифическое происхождение мистера Дербишайра.

Далее все очень просто. Стрэкер повел лошадь в яму, откуда не был бы виден свет. Симпсон, когда бежал, потерял галстук, а Стрэкер поднял его, быть может, думая привязать лошадь за ногу. Очутившись в яме, Стрэкер стал позади лошади и занес свечу; но лошадь, испуганная внезапным светом и почувствовав свойственным животным инстинктом что-то недоброе, вырвалась и попала стальным копытом как раз в лоб Стрэкеру. Несмотря на то, что шел дождь, он, приготавливаясь к операции, снял плащ, и при падении нож вонзился ему в бедро. Достаточно ли это ясно?

– Удивительно! – вскрикнул полковник. – Удивительно! Как будто вы присутствовали при всем этом.

– Должен признаться, что трудно было додуматься до последнего моего вывода. Мне пришло на мысль, что такой предусмотрительный человек, как Стрэкер, не предпринял бы такой тонкой операции, как порез сухожилия, без предварительной практики. На чем он мог практиковаться? Мой взгляд случайно упал на овец, и я предложил вопрос, ответ на который, к собственному моему удивлению, подтвердил мое предположение.

– Вы вполне уяснили все, м-р Холмс.

– Вернувшись в Лондон, я отправился к портнихе, которая сразу признала Стрэкера, как прекрасного заказчика по фамилии Дэрбишайра, и сказала, что жена у него красавица, любящая дорогие наряды. Я не сомневаюсь, что из-за этой женщины он совершенно запутался в долгах и дошел до этой гнусной проделки.

– Вы объяснили все, кроме одного, – сказал полковник. – Где же была лошадь?

– Она бродила по болоту, и ее приютил один из ваших соседей. Мне кажется, мы должны дать амнистию в этом случае. Если не ошибаюсь, это Клэпгем, и мы будем на станции «Виктория» минут через десять. Если вам угодно выкурить сигару у нас, полковник, я буду рад сообщить вам все дальнейшие подробности, которые могут интересовать вас.

Мёсгрэвский обряд

В характере моего друга Шерлока Холмса меня всегда поражала одна аномалия: самый аккуратный и методический человек во всем, что касалось умственных занятий, аккуратный и даже, до известной степени, изысканный в одежде, он был одним из тех безалаберных людей, которые способны свести с ума того, кто живет в одной квартире с ними. Я сам не могу считать себя безупречным в этом отношении, так как жизнь в Афганистане развила мою природную склонность к бродячей жизни сильнее, чем приличествует медику. Но все-таки моей неаккуратности есть границы, и когда я вижу, что человек держит сигары в корзине для углей, табак – в носке персидской туфли, а письма, на которые не дано еще ответа, прикалывает ножом в самую середину деревянной обшивки камина, то начинаю считать себя добродетельным человеком. Я, например, всегда думал, что стрельба из пистолета – занятие, которому следует предаваться на открытом воздухе, а Холмс, иногда, когда на него находит странное расположение духа, сидит себе, бывало, в своем кресле и выпускает дробинки в стенку, что, конечно, не служило ни к украшению комнаты, ни к очищению ее атмосферы. Наши комнаты всегда бывали полны разными химическими снарядами и вещественными доказательствами, которые часто попадали в совсем неподходящие места и оказывались то в масленке, то там, где их еще менее можно было ожидать. Но самый мой тяжелый крест составляли бумаги Холмса. Он терпеть не мог уничтожать документы, особенно имевшие отношение к делам, в которых он принимал участие, а между тем разобрать их у него хватало энергии только раз в год, а иногда и в два. Как я уже упоминал в моих заметках, набросанных без всякой связи, за вспышками страшной энергии, во время которых он занимался делами, давшими ему известность, наступала реакция, когда он лежал целыми днями на софе, погруженный в чтение и игру на скрипке, и поднимаясь только для того, чтобы перейти к столу. Таким образом, бумаги накопились месяц за месяцем, и все углы комнаты бывали набиты связками рукописей, которых нельзя было ни сжечь, ни убрать без их владельца.

В один зимний вечер, когда мы сидели у камина и он только что кончил вписывать краткие заметки в свою записную книгу, я решился предложить ему употребить следующие два часа на приведение нашей комнаты в более жилой вид. Холмс не мог отрицать справедливости моей

просьбы, а потому отправился с плачевным лицом в свою спальню и вскоре вышел оттуда, таща за собой большой жестяной ящик. Он поставил его посреди комнаты и, тяжело опустившись на стул перед ним, открыл крышку. Я увидел, что ящик наполнен до трети связками бумаг, перевязанных красными тесьмами в отдельные пакеты.

– Много тут дел, Ватсон, – проговорил он, смотря на меня лукавым взглядом. – Я думаю, если бы вы знали, что лежит у меня в этом ящике, вы попросили бы меня вынуть отсюда некоторые бумаги, вместо того, чтоб укладывать новые.

– Это, вероятно, заметки о ваших ранних работах, – спросил я. – Мне часто хотелось познакомиться с ними.

– Да, мой мальчик, все это дела, совершенные до появления возвеличившего меня биографа.

Нежным, ласковым движением он вынимал одну связку за другою.

– Не все здесь успехи, Ватсон, – сказал он, – но есть и хорошенькие задачки. Вот воспоминания о Тарльтонском убийстве, о деле винторговца Вамбери, о приключении старухи русской, о странном деле алюминиевого костыля, полный отчет о кривоногом Риколетти и его ужасной жене. А вот – ага! – это, действительно, нечто выдающееся.

Он опустил руку на самое дно ящика и вытащил маленький деревянный ящичек с выдвигающейся крышкой, в роде тех, в которых держат детские игрушки. Оттуда он вынул клочок смятой бумаги, старинный медный ключ, деревянный колышек с привязанным к нему клубком веревок и три ржавых металлических кружка.

– Ну-с, мой милый, какого вы мнения насчет этого? – спросил он, улыбаясь выражению моего лица.

– Любопытная коллекция.

– Очень любопытная, а связанная с ними история и того любопытнее.

– Так у этих реликвий есть своя история?

– Они сами история.

– Что вы хотите сказать этим?

Шерлок Холмс вынул все вещи одна за другой и разложил их на столе. Потом он сел на стул и окинул их довольным взглядом.

– Вот все, что осталось у меня, как воспоминание о «Месгрэвском обряде», – сказал он.

Я не раз слышал, как он упоминал об этом деле, но не знал его подробностей.

– Как бы я был рад, если бы вы рассказали мне все подробно, – сказал я.

— И оставил бы весь этот хлам неубранным? — с злорадством проговорил Холмс. — А где же ваша хваленая аккуратность, Ватсон? Впрочем, я буду очень рад, если вы внесете этот случай в ваши записки; в нем есть некоторые пункты, делающие его единственным в уголовной хронике не только нашей, но, я думаю, и всякой другой страны. Коллекция достигнутых мною пустячных успехов не была бы полна без отчета об этом странном деле.

Вы, может быть, помните, как дело «Глории Скотт» и мой разговор с несчастным человеком, судьбу которого я рассказал вам, впервые обратили мое внимание на профессию, ставшую делом моей жизни. Вы видите меня теперь, когда мое имя приобрело широкую известность и когда общество и официальная власть признают меня высшей инстанцией в сомнительных случаях. Даже тогда, когда вы только что познакомились со мной и описали одно из моих дел под названием «Этюд алой краской», у меня уже была большая, хотя не особенно прибыльная, практика. Поэтому вы и представить себе не можете, как было мне трудно пробиться в жизни.

Когда я приехал в Лондон, я поселился в улице Монтэгю, как раз у Британского музея. Тут я жил несколько времени, наполняя свои многочисленные часы досуга изучением тех отраслей науки, которые могли понадобиться мне. По временам наворачивались дела, главным образом, по рекомендации товарищей-студентов, так как в последние годы моего пребывания в университете там много говорили обо мне и о моем методе. Третье из этих дел было дело о «Мёсгрэвском обряде», которому я обязан первым шагом к моему теперешнему положению, благодаря возбужденному им интересу и важным последствиям.

Реджинальд Мёсгрэв воспитывался в одном колледже со мной, и я был несколько знаком с ним. Товарищи не особенно любили его, считая гордецом, хотя мне лично всегда казалось, что гордость его была напускная и за ней скрывалась робость и неуверенность в своих силах. Наружность его была чисто аристократическая: тонкий, прямой нос, большие глаза, небрежные и, вместе с тем, изящные манеры. И действительно, он был отпрыском одной из древнейших фамилий королевства, хотя и по младшей ветви, отделившейся от северных Мёсгрэвов в шестнадцатом столетии и поселившейся в восточном Суссексе, где замок Хёрлстон является, быть может, древнейшим из всех обитаемых жилищ графства. На молодом человеке как будто лежал отпечаток его родины, и всякий раз, что я глядел на его бледное, умное лицо, на постав его головы, перед моими глазами восставали потемневшие своды, решетчатые окна и все особенности феодального жилища. Иногда нам приходилось разговаривать друг с

другом, и я помню, что он всегда выказывал живейший интерес к моему способу исследований и выводов.

Четыре года я не видел его, как вдруг в одно прекрасное утро он вошел в мою комнату на улице Монтэгю. Он мало изменился, одет был по моде – он всегда был франтом – и сохранил спокойные, изящные манеры, которыми отличался прежде.

– Как поживаете, Мёсгрэв? – спросил я, обменявшись с ним дружеским рукопожатием.

– Вы, вероятно, слышали о смерти моего бедного отца? – сказал он. – Он умер около двух лет тому назад. С тех пор мне, само собой разумеется, пришлось взять на себя управление хёрлстонским имением, а так как я вместе с тем депутат от своего округа, то дела у меня много. Вы же, Холмс, как я слышал, стали применять на практике те способности, которым мы так удивлялись в былое время.

– Да, – ответил я, – я пустил мои способности в дело.

– Очень приятно слышать это, так как ваш совет драгоценен для меня в настоящее время. У нас в Хёрлстоне случились очень странные вещи, а полиции не удалось ничего выяснить. Дело, действительно, самое необыкновенное и необъяснимое.

Можете себе представить, с каким интересом я слушал его, Ватсон. Наконец-то перед мной был тот случай, которого я тщетно ожидал в продолжение долгих месяцев бездействия. В глубине души я был уверен, что могу иметь успех там, где других постигла неудача. Теперь мне представляется случай испытать себя.

– Сообщите мне, пожалуйста, все подробности! – вскрикнул я.

Реджинальд Мёсгрэв сел против меня и закурил папиросу, которую я предложил ему.

– Надо вам сказать, – начал он, – что хотя я и холост, но мне приходится держать в Хёрлстоне значительное количество прислуги, так как это – старинное поместье, требующее большого присмотра. Кроме того, во время охоты на фазанов у меня обыкновенно гостят знакомые, так что нельзя обойтись малым числом прислуги. Всего у меня восемь служанок, повар, дворецкий, два лакея и мальчик. Для сада и для конюшен, понятно, есть отдельные слуги.

Изо всей этой прислуги дольше всех у нас в доме жил Брэнтон, дворецкий. В молодости он был учителем, но остался без места, и отец взял его к себе. Это человек очень энергичный, сильного характера и скоро сделался незаменимым в нашем доме. Он был высок, красив собой, с великолепным лбом, и, хотя служил у нас двадцать лет, теперь ему не более

сорока лет. Удивительно, что при подобной наружности и выдающихся способностях – он говорит на нескольких языках и играет чуть ли не на всех инструментах удивительно, говорю я, что он так долго довольствовался занимаемым им положением. Впрочем, я думаю, что ему жилось спокойно, и у него не хватало энергии для какой либо перемены. Херлстонского дворецкого помнят все, кто гостил у нас.

Но у этого совершенства был, однако, один недостаток. Он несколько дон-жуан, и вы, конечно, можете себе представить, что такому человеку было не трудно разыгрывать эту роль в спокойном деревенском уголке.

Пока Брентон был женат, все шло хорошо, но с тех пор, как овдовел, он доставлял нам много хлопот. Несколько месяцев тому назад мы надеялись было, что он остепенится, так как сделал предложение Рочель Хоуэлс, нашей второй горничной; но вскоре он бросил ее и стал ухаживать за Джэнет Треджелис, дочерью главного ловчего. Рочель, – очень хорошая девушка, но вспыльчивая и впечатлительная, как истая уроженка Уэльса, – захворала острым воспалением мозга и теперь бродит по дому, или, по крайней мере, бродила до вчерашнего дня, как черноглазая тень той девушки, какой была прежде.

Это – первая наша драма в Хёрлстоне, но вторая заставила нас забыть о ней. Этой второй драме предшествовало позорное изгнание дворецкого Брентона.

Вот как это случилось. Я уже говорил, что это был умный человек. Ум и погубил его, возбудив в нем ненасытное любопытство относительно вещей, совершенно его не касавшихся. Я ничего не подозревал, пока неожиданный случай не открыл мне глаз.

Однажды ночью на прошлой неделе – именно в четверг – я никак не мог заснуть, выпив, по глупости, после обеда чашку крепкого черного кофе. Пробившись кое-как до двух часов ночи и потеряв всякую надежду, я встал и зажег свечу, намереваясь продолжать чтение романа, который я начал днем. Книга осталась в бильярдной, а потому я надел халат и отправился за ней.

Чтобы попасть в бильярдную, мне надо было спуститься с лестницы и затем пройти через коридор, который ведет в библиотеку и комнату, где хранится оружие. Можете себе представить мое изумление, когда, заглянув в коридор, я увидел свет, выходивший через отворенную дверь библиотеки. Я сам погасил там лампу и запер дверь, когда пошел спать. Естественно, что первой моей мыслью было, что в дом забрались воры. Коридоры Херлстона в изобилии украшены всякого рода старым оружием. Я схватил первую попавшую секиру, поставил свечу сзади себя, пробрался на

цыпочках по коридору и заглянул в открытую дверь.

В библиотеке оказался дворецкий Брентон. Он сидел в кресле, держа на коленях какую-то бумагу, похожую на карту или план. Он наклонился над ней, очевидно, в глубоком раздумье. Я остолбенел от изумления и молча наблюдал за ним, стоя в темноте. При слабом свете маленького огарка, стоявшего на краю стола, я разглядел, что Брентон вполне одет. Вдруг он встал с кресла, подошел к бюро, стоявшему в стороне, отпер его и выдвинул один из ящиков. Оттуда он вынул какую-то бумагу; затем, вернувшись на место, положил ее на стол рядом с огарком и стал разглядывать с величайшим вниманием. Негодование охватило меня при виде невозмутимого спокойствия, с которым он рассматривал наши фамильные документы. Я невольно сделал шаг вперед. Брентон поднял голову и увидел, что я стою в дверях. Он вскочил как ноги с мертвенно-бледным лицом и сунул за пазуху похожую на карту бумагу, которую он так внимательно изучал.

– Так вот как вы оправдываете доверие, которое мы оказывали вам? – сказал я. – Завтра вы оставите вашу службу.

Он поклонился с видом совершенно уничтоженного человека и, молча, проскользнул мимо меня. Огарок был еще на столе, и при свете его я взглянул на бумагу, которую Брентон вынул из бюро. К моему изумлению, это оказалось вовсе не важным документом, а не чем иным, как копией вопросов и ответов, употребляющихся при странном старинном обычае, называемом «Мёсгрэвским обрядом». Это – вид особой церемонии, составляющей особенность нашего рода в течение многих веков и совершаемой каждым Мёсгрэвом при достижении совершеннолетия. Этот обряд имеет частное значение и может быть интересен разве только для археолога, как наши гербы и девизы. Практической же пользы из него не извлечь.

– Мы лучше после поговорим об этой бумаге, – заметил я.

– Если вы считаете это необходимым, – несколько колеблясь, ответил Мёсгрэв. – Итак, буду продолжать свое показание. Я запер бюро ключом, оставленным Брентоном, и только что повернулся, чтоб выйти из комнаты, как с изумлением заметил, что дворецкий вернулся и стоял передо мной.

– Мистер Мёсгрэв, сэр! – вскрикнул он хриплым, взволнованным голосом. – Я не могу перенести бесчестия. Я всегда был горд не по положению, и бесчестие убьет меня. Кровь моя падет на вашу голову, сэр, если вы доведете меня до отчаяния. Если вы не можете оставить меня у себя после того, что случилось, то, ради Бога, дайте мне месяц сроку, как будто я сам отказался и ухожу по своей доброй воле. Это я могу перенести,

мистер Мёсгрэв, но мне не перенести, если вы выгоните меня из дома на глазах всех, кого я так хорошо знаю.

– Вы не заслуживаете снисхождения, Брентон, – ответил я. – Ваше поведение в высшей степени неблагоприятно, но так как вы долго служили в нашей семье, я не хочу порочить вас публично. Однако месяц – это слишком долгий срок. Уезжайте через неделю под каким угодно предлогом.

– Через неделю, сэр! – закричал он в отчаянии. – Хоть две недели... дайте мне, по крайней мере, две недели...

– Неделю! повторил я. – И то это еще слишком снисходительно.

Он медленно вышел из комнаты, опустив голову на грудь, как нравственно убитый человек, а я загасил свечу и вернулся к себе в комнату.

В продолжение двух дней после этого случая Брентон исполнял свои обязанности особенно тщательно. Я не намекал на прошедшее и с некоторым любопытством ожидал, как ему удастся скрыть свой позор. Но на третье утро он не пришел ко мне, как обыкновенно, за приказаниями на этот день. Выходя из столовой, я случайно встретил горничную Рочель Хоуэлс. Я говорил вам, что она только что оправилась от болезни и теперь была так страшно бледна и худая, что я побранил ее, зачем она работает.

– Вам следовало бы лежать в постели, – сказал я, – за работу же приметесь, когда выздоровеете.

Она взглянула на меня с таким странным выражением, что у меня в голове мелькнула мысль, не сошла ли она с ума.

– Я уже достаточно окрепла, мистер Мёсгрэв, – сказала она.

– Посмотрим, что скажет доктор, – ответил я. – Теперь же оставьте всякую работу и когда пойдете вниз, скажите Брентону, что мне нужно его видеть.

– Дворецкий пропал, – сказала она.

– Пропал! Как пропал?

– Пропал. Никто не видел его. В его комнате его нет. О! он уехал... уехал...

Она прислонилась к стене и разразилась громкими криками и резким хохотом. Испуганный этим внезапным истерическим припадком, я бросился к звонку, чтобы позвать кого-нибудь на помощь. Девушку, продолжавшую рыдать и хохотать, отнесли в ее комнату, а я справился о Брентоне. Не оставалось ни малейшего сомнения, что он исчез. Постель его оказалась не тронутой; никто его не видел после того, как он ушел вечером к себе в комнату. Трудно было, однако, догадаться, как он мог выйти из дому, так как все окна и двери утром были найдены запертыми. Платье, часы и даже деньги Брентона оказались в комнате; не доставало только

черной пары, которую он обыкновенно носил. Не было также туфель, но сапоги оказались налицо. Куда же мог дворецкий Брентон уйти ночью и что с ним случилось!

Конечно, мы обыскали весь дом с чердака до подвала, но нигде не нашли Брентона. Дом, как я уже говорил, представляет собою целый лабиринт, особенно первоначальная постройка, в которой, собственно, теперь никто не живет; однако мы обыскали каждую комнату, каждую каморку и не нашли и следа пропавшего. Мне казалось невероятным, чтобы он мог уйти, оставив все свое имущество, а, между тем, где же он мог быть? Я призвал местную полицию, но из этого ничего не вышло. Накануне ночью шел дождь, мы осмотрели лужайку и аллеи вокруг дома, но понапрасну. Таково было положение дела, когда новое обстоятельство совершенно отвлекло наше внимание от первоначальной тайны.

Два дня Рочель Хоуэлс была так больна, что пришлось на ночь приставить к ней сиделку. Она то лежала в забытьи, то впадала в истерику. На третью ночь после исчезновения Брентона сиделка, видя, что больная заснула спокойно, сама задремала в кресле. Когда она проснулась рано утром, то увидела, что кровать пуста, окно открыто, а больной и следа нет. Меня тотчас же разбудили. Я взял с собой двух лакеев и отправился искать пропавшую девушку. Не трудно было определить направление, по которому она пошла. Под окном ясно были видны следы, которые шли через лужайку к пруду, где они исчезали у песчаной дорожки, ведущей из имения. Пруд в этом месте имеет 8 футов глубины, и вы можете себе представить, что мы почувствовали, когда увидели, что след несчастной девушки вел прямо к краю пруда.

Мы сейчас же вооружились баграми и принялись за поиски тела, но ничего не нашли. Но зато мы вытащили совершенно уж неожиданный предмет. Холщевый мешок с массой заржавленного, потерявшего цвет металла и тусклыми кусочками кремня или стекла. Эта странная находка была все, что нам удалось выловить из озера, и, несмотря на все поиски и расспросы, мы так ничего и не знаем о судьбе Рочели Хоуэлс и Ричарда Брентона. Местная полиция просто и приложить ума не может, и я пришел к вам, как к последнему убежищу.

Можете себе представить, Ватсон, с каким интересом я выслушал это необычайное стечение обстоятельств, как я пытался сопоставить их и найти общую связь между ними.

Исчез дворецкий. Исчезла горничная. Девушка любила дворецкого, но потом имела причину возненавидеть его. Она уроженка Уэльса – страстная, необузданная. Известно, что немедленно после исчезновения Брентона она

была в страшно возбужденном состоянии. Она бросила в пруд мешок с какими-то странными предметами. Все это факторы, которые следовало принять во внимание, но они не объясняли сути дела. Где исходная точка этой цепи событий? Только конец запутанной цепи лежал передо мною.

– Мне нужно взглянуть на бумаги, которые так заинтересовали вашего дворецкого, что он рискнул потерять место, – сказал я.

– В сущности, этот наш обряд – довольно большая нелепость, – ответил Мёсгрэв, – извинительная только благодаря своему старинному происхождению. Копия ответов и вопросов у меня с собой, так что можете взглянуть на нее, если желаете.

Он подал мне бумагу, которую я держу в руках в настоящую минуту. Вот тот ряд странных вопросов, на которые должен был давать такие же странные ответы каждый из Мёсгрэвов при достижении совершеннолетия. Я прочту вам ответы и вопросы:

- «– Чье оно было?
- Того, кого нет.
- Чье оно будет?
- Того, кто будет позже.
- В каком это было месяце?
- В шестом, считая с первого.
- Где было солнце?
- Над дубом.
- Где лежала тень?
- Под вязом.
- Сколько сделано шагов?
- К северу десять и десять; к западу пять и пять; к югу два и два; к востоку один и один и потом вниз.
- Что мы должны отдать за это?
- Все, что наше.
- Почему мы должны отдать это?
- Из-за доверия».

– На оригинале нет числа, но, судя по орфографии, он относится к половине семнадцатого столетия, – заметил Мёсгрэв. – Боюсь, что этот документ мало поможет вам в раскрытии тайны.

– Зато он представляет собою другую тайну, и еще более интересную, чем первая, – сказал я. – Может быть, раскрытие одной из них повлечет за собой раскрытие другой. Извините меня, Мёсгрэв, но должен сказать, что

ваш дворецкий кажется мне очень умным человеком и более проникательным, чем десять поколений его господ.

– Я не понимаю вас, – ответил Мёсгрэв. – Бумага, по моему мнению, не имеет никакого практического значения.

– А по-моему, она имеет огромное значение, и мне кажется, что Брентон разделял мой взгляд. Вероятно, он видел ее раньше той ночи, когда вы поймали его.

– Очень возможно. Мы не скрывали этого.

– Насколько я понимаю, в ту ночь, когда вы застали его, он просто хотел освежить документ в своей памяти. Вы говорили, что у него в руках была карта или план, который он сличал с рукописью и который спрятал в карман при вашем появлении.

– Это верно. Но какое могло ему быть дело до нашего старинного обычая и что может означать вся эта галиматья?

– Мне кажется, что нам не трудно будет узнать это, – сказал я. – Если позволите, мы отправимся с первым поездом в Суссекс и на месте поближе познакомимся с этим делом.

В тот же день, под вечер, мы уже были в Хёрлстоне. Может быть, вам приходилось видеть изображение знаменитого старинного здания или читать описания его, а потому я ограничусь только упоминанием, что оно имеет форму |-, причем более длинная линия представляет собой новую часть постройки, а короткая – ядро, из которого развилось все остальное. Над низкой входной дверью в центре старого здания в камне высечено «1607» год, но знатоки, судя по характеру деревянной и каменной отделки, считают, что дом построен гораздо раньше этого времени. Поразительно толстые стены и крошечные окна этой части здания побудили обитателей его выстроить в прошлом столетии новое крыло, а старый дом служит теперь кладовой и погребом, и то только в случае необходимости. Великолепный парк из вековых деревьев окружает все здание, а пруд, о котором упоминал мой клиент, лежит в конце аллеи, ярдах в двухстах от дома.

У меня, Ватсон, уже не было сомнения в том, что во всем этом деле была только одна тайна, а не три. Я был убежден, что если бы мне только удалось понять значение «Мёсгрэвского обряда», то в руках у меня оказалась бы путеводная нить, которая привела бы меня к открытию истины о дворцеком Брентоне и горничной Хоуэльс. Поэтому-то я и решил приложить все свои старания к тому, чтоб узнать, почему Брентон стремился изучить старинную формулу. Очевидно, потому, что заметил то, что ускользнуло от внимания целого ряда поколений помещиков и что

обещало ему какие-то личные выгоды. Что же это было и как оно повлияло на его судьбу?

При чтении «обряда» мне стало вполне ясно, что измерения относятся к какому-нибудь месту, о котором упоминается в документе, и что если бы нам удалось найти это место, мы напали бы на след тайны, которую предки Мёсгрэвов нашли нужным облечь в такую странную форму. Для начала нам были даны два проводника – дуб и вяз. Что касается дуба, то найти его было очень легко. Прямо перед домом, по левую сторону дороги, ведущей к подъезду, стоял патриарх между дубами – одно из великолепнейших деревьев, каких мне когда либо доводилось видеть.

– Существовал этот дуб во время составления вашего «обряда»? – спросил я, когда мы проезжали мимо.

– Он стоял здесь, вероятно, во время завоевания Англии норманнами, – ответил Месгрэв. – Он имеет 23 фута в обхвате.

Итак, одно из моих предположений оказывалось верным.

– Есть у вас старые вязы? – спросил я.

– Вот там стоял очень старый вяз, но десять лет тому назад его разбило молнией, и мы спилили его ствол.

– Вы можете найти это место, где стояло это дерево?

– О, да.

– Других вязов нет?

– Старых нет, но много молодых.

– Мне бы хотелось видеть место, где рос этот вяз.

Мы приехали в шарабане, и мой клиент тотчас же, не заходя в дом, повел меня на опушку лужайки, где стоял прежде вяз – почти на половине пути между дубом и домом. Мои исследования, по-видимому, шли успешно.

– Я полагаю, невозможно определить высоту этого вяза? – спросил я.

– Могу сразу ответить на этот вопрос. Он был высотой в 64 фута.

– Каким образом вы знаете это? – с удивлением спросил я.

– Когда мой старый учитель давал мне, бывало, задачу по тригонометрии, то она всегда касалась измерения вершин. Мальчиком я измерил каждое дерево и каждое строение в нашем поместье.

Это была совершенно неожиданная удача. У меня уже оказывалось больше данных, чем я мог ожидать за такое короткое время.

– Скажите, пожалуйста, – спросил я, – ваш дворецкий не предлагал вам никогда подобного вопроса?

Реджинальд Мёсгрэв с изумлением взглянул на меня.

– Теперь, когда вы напомнили об этом, я действительно припоминаю,

что Брентон спрашивал меня несколько месяцев тому назад о высоте этого дерева. Они с грумом поспорили из-за этого.

Можете себе представить, Ватсон, как приятно мне было слышать эти слова. Ведь таким образом оказывалось, что я на верном пути. Я взглянул на солнце. Оно стояло низко на небе, и я рассчитал, что менее чем через час оно будет стоять как раз над вершиной старого дуба. Тогда было бы исполнено одно из условий, упомянутых в «обряде». А тень от вяза должна была означать крайнюю точку тени, иначе говорилось бы о тени от ствола. Значит, мне следовало определить, куда падет конец тени от вяза, когда солнце станет как раз над дубом.

– Ведь это же трудно было сделать, Холмс, когда вяза уже не существовало.

– Я знал только одно: если Брентон мог сделать это, то могу и я. К тому же это было вовсе не так трудно. Я пошел с Мёсгрэвом в его кабинет и сделал колышек из дерева, к которому привязал длинную веревку с узлом на каждом ярде. Затем я взял удочку в шесть футов и пошел со своим клиентом к тому месту, где прежде стоял вяз. Солнце как раз освещало вершину дуба. Я воткнул колышек в землю, наметил направление тени и измерил ее. Она оказалась длиной в 9 футов.

Теперь нужно сделать самое пустяшное вычисление. Если удочка в шесть футов отбрасывает тень в 9 фут., то дерево в 64 фут. высоты дает тень в 96 фут., а направление обоих должно быть, понятно, одинаковое. Я вымерил расстояние и дошел почти к стене дома, где я воткнул в землю свой колышек. Можете себе представить мой восторг, Ватсон, когда в двух дюймах от этого места я увидел в земле воронкообразное углубление. Я понял, что это отметка, сделанная Брентоном при его измерениях, и что, следовательно, я иду по его следам.

Я начал отсчитывать шаги от этой точки, определив предварительно страны света с помощью компаса. Десять шагов, сделанные каждой ногой, пришлись параллельно стене дома. Тут я опять отметил колышком точку, на которой остановился. Затем я тщательно отмерил пять шагов к востоку и два к югу и очутился прямо у порога старого дома. Два шага к западу означали, что мне следовало сделать два шага по выложенному плитам коридору – и я стоял на месте, указанном «обрядом».

Никогда в жизни не приходилось мне испытывать такого сильного разочарования, Ватсон. Одно мгновение мне казалось, что в мои вычисления вкралась какая-то основная ошибка. Лучи заходящего солнца падали прямо на коридор, и я ясно видел, что старые, вытоптанные камни, которыми он был вымощен, плотно спаяны цементом и не сдвигались с

места уже много лет. Брентон не дотрогивался до них. Я постучал по полу, но звук везде был одинаков, и нигде не было заметно ни трещины, ни пробоины. К счастью Мёсгрэв, который понял смысл моих поступков и волновался не менее меня, вынул рукопись, чтобы проверить мои вычисления.

– И вниз! – закричал он, – Вы пропустили «и вниз»!

Я думал, что эти слова означали, что нам придется рыть землю, но теперь увидел, что ошибся в своих предположениях.

– Так там есть подвал? – крикнул я.

– Да, такой же старый, как и дом. Сюда, через эту дверь.

Мы спустились по витой каменной лестнице, и мой товарищ, чиркнув спичку, зажег большой фонарь, стоявший на боченке в углу. В ту же минуту мы убедились, что попали в настоящее место и что кто-то побывал тут раньше нас.

Подвал служил складом для дров, но поленья, очевидно, прежде покрывавшие весь пол, теперь были сложены по сторонам так, что посередине образовался свободный проход. В этом проходе лежала большая тяжелая плита с заржавленным железным кольцом посередине, к которому был привязан толстый шерстяной шарф.

– Клянусь Юпитером! – вскрикнул Мёсгрэв, – это шарф Брентона. Я видел его на нем и готов поклясться в этом. Что делал тут этот негодяй?

По моему предложению вызвали двух полицейских, и, в их присутствии, я попытался поднять плиту, таща за шарф. Я мог только слегка приподнять ее и только с помощью одного из констэблей мне удалось отодвинуть ее в сторону. Перед нами зияла глубокая черная яма. Мы все смотрели в нее. Мёсгрэв стал на колени и опустил фонарь.

Перед нами открылось темное помещение около семи футов в глубину и футов четырех в квадрате. У одной стены его стоял низкий деревянный сундук, окованный медью, с поднятой крышкой, в которой торчал ключ странной старинной формы. Снаружи ящик был покрыт толстым слоем пыли, а сырость и черви проели дерево, на котором виднелись кучки грибов. Несколько металлических кружков, по-видимому, старинных монет – вот таких, какие вы видите у меня в руке – валялось на дне сундука, но больше там ничего не было.

Но в это время мы совершенно забыли и думать о сундуке: наши взоры приковались к тому, что мы увидели рядом с ним. То была фигура человека, одетого в черный костюм, сидевшего на корточках, положив голову на край сундука и охватив его обеими руками. От такой позы вся кровь прилила ему к голове, и никто не мог бы узнать черт этого искаженного,

посиневшего лица; но когда мы приподняли тело, то мистер Мёсгрэв по росту, одежде и волосам признал в нем своего бывшего дворецкого. Брэнтон умер уже несколько дней тому назад, но на теле не было заметно ни раны, ни какого либо повреждения, которые могли бы указать причину его страшной смерти. Тело вынесли из погребца, а мы снова остались перед загадкой, почти такой же ужасной, как та, с которой мы встретились впервые.

Признаюсь, Ватсон, что я начал сомневаться в успехе моих розысков, я думал, что разрешу загадку, как только найду место, указанное в «обряде». Но вот я стоял на этом месте и, по-видимому, был так же далек, как прежде, от решения, что скрывалось так тщательно семьей Мёсгрэвов. Правда, что я пролил свет на судьбу Брэнтона, но теперь следовало установить, каким образом эта судьба постигла его и какую роль играла во всей этой истории исчезнувшая женщина. Я присел на боченок в углу и стал обдумывать все, что случилось.

Вы знаете, Ватсон, мой метод: в подобного рода случаях я ставлю себя на место данного человека и, выяснив себе предварительно степень его развития, пробую представить, как бы я действовал на его месте. В данном случае дело облегчалось тем, что Брэнтон был, без сомнения, человек недюжинного ума. Он знал, что дело идет о какой-то драгоценности. Он нашел место. Он увидел, что плита, закрывающая вход в подвал, слишком тяжела для того, чтобы ее мог сдвинуть один человек. Что же ему оставалось делать? Он не мог получить помощи от посторонних. Даже в том случае, если бы ему удалось найти кого-нибудь, кто согласился бы помочь ему и кому бы он мог вполне довериться, ему угрожала опасность попасться, когда ему пришлось бы впустить своего сообщника. Лучше было найти себе помощника в доме. Но кого? К кому мог он обратиться? Эта девушка любила его. Мужчине всегда трудно представить себе, что он окончательно лишился любви женщины, как бы дурно он ни поступил с ней. Вероятно, Брэнтон снова полюбезничал с Хоуэлс, чтобы помириться с ней, а затем сделать ее своей сообщницей. Они, должно быть, вместе пришли ночью в погреб и соединенными силами подняли плиту. До этой минуты их действия так ясно представлялись мне, как будто я сам присутствовал при них.

Однако, поднять плиту было делом трудным для двух лиц, из которых, к тому же, одна была женщина. Нелегко это было и для нас — дюжего суссэксского полицейского и меня. Что же они могли выдумать, чтобы помочь себе? Вероятно, то же, что сделал бы я сам. Я встал и внимательно осмотрел разбросанные по полу поленья и почти сразу убедился в

основательности моего предположения. На одном полене, длиной около 3 футов, явственно виднелась выемка, а несколько других были сплюснены с боков, как будто сжатые какою-то тяжестью. Очевидно, приподняв плиту, они стали совать одно полено за другим, пока не образовалось отверстие настолько большое, что они могли пролезть в него; тогда они положили одно полено вдоль отверстия; этим и объясняется выемка на его нижнем конце, так как плита придавливала его своей тяжестью к противоположному краю щели. До сих пор все было ясно для меня.

Теперь каким образом восстановить ночную драму? Очевидно, в яму спустился только один человек, и именно Брентон. Девушка должна была ожидать его наверху. Брентон отпер сундук и, надо полагать, передал найденные им вещи сообщнице, так как в сундуке вещей не оказалось. А потом? Что случилось потом?

Вспыхнула ли ярким огнем жажда мести, тлевшая в душе страстной кельтской женщины, когда она увидела в своей власти человека, сделавшего ей зло... может быть, большее, чем подозревали окружающие. Случайно ли подались поленья и плита закрыла вход в подвал, который стал могилой Брентона? Или резким движением руки она отбросила опору, и плита рухнула на свое место? Как бы то ни было, мне казалось, что я вижу лицо женщины, судорожно сжимающей найденное сокровище и в безумном ужасе бегущей по винтовой лестнице, между тем как в ее ушах раздавались снизу глухие крики и яростные удары в плиту заживо погребенного неверного любовника.

Итак, вот тайна ее бледности, ее нервного состояния и истерического хохота на следующее утро. Но что же было в сундуке? Куда она девала вещи? Вероятно, то были обломки металла и кремней, вытасченные из озера моим клиентом. Она бросила их при первом удобном случае, чтобы скрыть последние следы своего преступления.

Минут двадцать я просидел, не двигаясь, обдумывая происшедшее. Мёсгрэв, весь бледный, продолжал стоять на прежнем месте, раскачивая фонарь и смотря вниз в яму.

– Это монеты Карла I, – сказал он, взяв несколько кружков, оставшихся в сундуке. – Вы видите, мы верно определили время учреждения «обряда».

– Может быть, мы найдем еще что-нибудь, оставшееся от Карла I, – вскрикнул я. Внезапно мне показалось, что я понял значение двух первых вопросов «обряда». – Дайте мне взглянуть на вещи в мешке, который вы вытащили из пруда.

Мы пошли в кабинет, и он разложил перед мной обломки. Я понял,

почему он не придавал им никакого значения: металл был почти черный, а камни тусклые и бесцветные. Я потерял один из них о рукав, и он засверкал у меня на ладони, словно искра. Одна из металлических вещей имела вид двойного кольца, но сильно поломанного, так, что оно потеряло свою первоначальную форму.

– Вам не мешает припомнить, что королевская партия существовала в Англии и после смерти короля, а когда его приверженцам пришлось, наконец, бежать из страны, они, вероятно, спрятали куда-нибудь многие из своих драгоценностей, намереваясь вернуться за ними в более мирные времена.

– Мой предок, сэр Ральф Мёсгрэв, был ярким приверженцем Карла II и сопровождал короля во всех его скитаниях, – сказал мой друг.

– А, в самом деле! – заметил я. – Ну, это обстоятельство доставляет последнее, недостающее нам звено. Я должен поздравить вас со вступлением в обладание (хотя и очень трагическим образом) реликвии, имеющей большую ценность, но еще большее историческое значение.

– Что же это такое? – задыхаясь от изумления, проговорил он.

– Не более, не менее, как древняя корона английских королей.

– Корона!

– Именно. Обратите внимание на слова «обряд». Что там говорится? «Чье оно было». – «Того, кого нет». Это после казни Карла. Затем: «Чье оно будет». – «Того, кто будет позже». Это говорилось о Карле II, восшествие на престол которого предвиделось заранее. По-моему, не может быть сомнения в том, что это изломанная, потерявшая всякую форму диадема украшала некогда головы королей из дома Стюартов.

– А как она попала в пруд?

– Это вопрос, для ответа на который потребуется несколько времени, – и я изложил ему всю длинную цепь предположений и доказательств, развитую мною. Уже стемнело и луна ярко сияла на небе, прежде чем я окончил свой рассказ.

– Как же случилось, что Карл не получил своей короны обратно, когда вернулся? – спросил Мёсгрэв, кладя корону в холщевой мешок.

– Ах, это вопрос, который, вероятно, никогда не будет выяснен вполне. По-видимому, ваш предок, знавший эту тайну, умер, не объяснив почему-то своему потомку значения оставленного им документа. С того времени и до сих пор документ переходил от отца к сыну, пока, наконец, не попал в руки человека, сумевшего понять тайну и потерявшего жизнь при попытке добыть спрятанное сокровище.

Вот история «Мёсгрэвского обряда», Ватсон. Корона и до сих пор в

Хёрлстоне, хотя владельцам пришлось иметь дело с судом и уплатить значительную сумму денег для того, чтобы оставить ее у себя. Я уверен, что, если вы упомянете мое имя, они покажут вам эту корону. Об исчезнувшей девушке никто ничего не слышал; вероятно, она бежала из Англии и унесла воспоминания о своем преступлении в далекие края.

Рейгэтские помещики

Прошло не мало времени, прежде чем здоровье моего друга, м-ра Шерлока Холмса, вполне поправилось после его напряженной деятельности весной 1887 г. Вопрос о нидерландско-суматрской компании и колоссальных планах барона Мопертюи еще слишком жив в памяти публики и слишком интимно связан с политическими и финансовыми вопросами для того, чтобы касаться его в этих очерках. Однако, следствием его, косвенным образом, было появление странной, сложной задачи, разрешение которой дало моему другу возможность ввести новое оружие в число употреблявшихся им во время его продолжительной борьбы с преступлениями.

В моих заметках упоминается, что 14-го апреля я получил телеграмму из Лиона, извещавшую меня, что Холмс лежит больной в гостинице Дюлон. Спустя сутки я уже стоял у его постели и с облегчением убедился, что симптомы его болезни не представляли ничего опасного. Однако, и его железное сложение не выдержало напряженного состояния, в котором он находился во время следствия, продолжавшегося два месяца. За этот период он работал не менее пятнадцати часов в сутки, а иногда, как он признался мне, и по пяти суток без отдыха. Блистательный исход дела не мог предотвратить реакции, последовавшей за крайним напряжением сил, и в то время, когда имя его гремело по всей Европе, а комната, в которой он лежал, была положительно завалена поздравительными телеграммами, я нашел его в полном упадке духа. Даже сознание, что он добился успеха в деле, с которым не могла справиться полиция трех государств, и перехитрил самого искусного мошенника Европы, не могло вывести его из нервной прострации.

Через три дня мы вместе вернулись в улицу Бэкер, но ясно было, что моему другу нужна перемена места, да и мне мысль провести недельку, другую в деревне казалась очень привлекательной. Мой старинный приятель, полковник Хэйтер, которого я лечил в былое время в Афганистане, жил теперь близ Рейгэта в Сёррее и не раз приглашал меня погостить у него. В последний раз он писал, что был бы рад, если бы мой друг приехал со мной. Пришлось пустить в ход разные дипломатические уловки, но когда Холмс узнал, что мой приятель – холостяк и что гостям его предоставляется полная свобода, он согласился принять предложение, и через неделю после нашего возвращения из Лиона мы уже сидели под

гостеприимной кровлей полковника. Хэйтер был славный старый солдат, много выдавший на своем веку, и, как я и ожидал, у них с Холмсом нашлось много общего.

Вечером в день нашего приезда мы все сидели в кабинете полковника, стены которого украшены были оружием. Холмс лежал на диване, а Хэйтер и я пересматривали небольшой запас оружия.

– Между прочим, вдруг сказал полковник, – я возьму к себе наверх один из этих пистолетов на случай тревоги.

– Тревоги! – сказал я.

– Да, недавно тут у нас был переполох. В прошлый понедельник напали на дом одного из наших магнатов, Эктона. Покража ни велика, но воров еще не удалось поймать.

– А следов никаких? – спросил Холмс, взглядывая на полковника.

– Никаких. Но дело это пустяшное, одно из мелких преступлений, обычных в нашей местности, слишком ничтожных для того, чтобы за интересоваться вас, м-р Холмс, после знаменитого международного дела.

Холмс сделал знак рукою, как бы отстраняя комплимент, но по улыбке было видно, что он доволен им.

– Были в деле какие-нибудь интересные подробности?

– Кажется, нет. Воры обшарили библиотеку, но получили очень мало за свой труд. Все там перевернуто вверх дном, шкафы открыты и обшарены, а исчезли только один разрозненный том Гомера в переводе Попа, два подсвечника накладного серебра, пресс-папье из слоновой кости, маленький дубовый термометр и пучок веревки.

– Что за странный подбор вещей! – заметил

– О, молодцы, очевидно, схватили, что им попало под руку.

Холмс проворчал что-то себе под нос.

– Местная полиция должна бы заняться этим, – сказал он. – Ведь очевидно, что...

Но я погрозил ему.

– Вы здесь для отдыха, мой милый. Ради Бога, не выдумывайте себе новой работы, когда у вас нервы так издерганы.

Холмс, с видом комической покорности, взглянул на полковника, и разговор перешел на менее опасные темы.

Однако, судьба решила, чтобы вся моя профессиональная осторожность пропала даром, потому что на следующее утро дело явилось перед нами в таком виде, что его нельзя было игнорировать, и наше посещение деревни приняло совершенно неожиданный оборот. Мы сидели за завтраком, когда в столовую вдруг вбежал дворецкий с совершенно

растерянным видом.

– Вы слышали новость, сэр? – задыхаясь, проговорил он. – Слышали, что случилось у Кённингэмов, сэр?

– Воровство? – крикнул полковник, не донеся до рта чашку с кофе.

– Убийство!

Полковник свистнул.

– Чорт возьми! – проговорил он. – Кто же убит? Сам мировой или сын?

– Ни тот, ни другой, сэр. Убит Вильям, кучер. В самое сердце... и слова ни сказал.

– Кто же убил его?

– Разбойник, сэр. Выскочил, как стрела, и след его простыл. Он только что влез в окно кладовой, как Вильям бросился на него и поплатился жизнью, спасая имущество своего господина.

– Когда?

– Вчера ночью, сэр, около полуночи.

– А! Ну, так мы сейчас отправимся туда, – сказал полковник, хладнокровно принимаясь опять за завтрак. – Скверная история, – прибавил он, когда дворецкий вышел из комнаты. – Старик Кённингэм – один из самых выдающихся наших помещиков и весьма порядочный человек. Это убийство страшно поразит его, потому что кучер жил у него много лет и был хороший слуга. Очевидно, это те же негодяи, которые забрались в Эктон.

– И украли такую странную коллекцию? – задумчиво сказал Холмс.

– Вот именно.

– Гм! Может быть, дело окажется совершенно простое, но на первый взгляд оно все же любопытно, не правда ли? Шайка воров, действующая в известной местности, могла бы несколько разнообразить свои похождения и не нападать в течение нескольких дней на два дома в одном округе. Когда вчера вечером вы заговорили о предосторожностях, я помню, что мне пришла в голову мысль, что едва ли какой либо вор или вору обратят внимание на эту местность Англии. Оказывается, однако, что мне следует еще многому поучиться.

– Я думаю, это какой-нибудь местный профессионал, – сказал полковник. – В таком случае он, понятно, выбрал поместья Эктона и Кённингэма, как самые большие.

– И богатые?

– Должны бы быть самыми богатыми; но в продолжение нескольких лет они вели процесс друг с другом, который, как я полагаю, высосал соки из обоих. У старого Эктона есть какое-то право на половину имени

Кённингэма, и адвокаты ухватились за это дело обеими руками.

– Если это какой-нибудь местный негодяй, то поймать его не трудно, – зевая, проговорил Холмс. – Хорошо, Ватсон, я не стану мешаться в это дело.

– Инспектор Форрестер, сэр, – проговорил дворецкий, растворяя двери.

В комнату вошел франтоватый молодой человек с умным лицом.

– Здравствуйте, полковник, – сказал он. – Извините, что помешал, но мы слышали, что здесь м-р Шерлок Холмс из улицы Бэкер.

Полковник указал на моего друга. Инспектор поклонился.

– Мы думали, что, может быть, вы согласитесь пойти с нами, м-р Холмс.

– Судьба, положительно, против вас, Ватсон, – со смехом сказал мой приятель. – Мы только что говорили об этом деле, инспектор. Может быть, вы сообщите нам несколько подробностей.

По тому, как он откинулся на спинку кресла, я увидел, что все мои увещания будут напрасны.

– В деле Эктона у нас не было никаких данных. В этом же их очень много, и нет сомнения, что в обоих случаях участвовала одна и та же личность. Человека этого видели.

– А!

– Да, сэр. Но он убежал с быстротой лани, после того, как выстрелил в бедного Вильяма Кирвана. М-р Кённингэм видел его из окна спальни, а м-р Алек Кённингэм – с черного хода. Тревога поднялась в три четверти двенадцатого. М-р Кённингэм только что лег в постель, а м-р Алек, уже в халате, курил трубку. Они оба слышали, как кучер Вильям звал на помощь, и м-р Алек бросился вниз узнать, что случилось. Дверь черного хода была отперта, и внизу лестницы он увидел двух человек, боровшихся друг с другом. Один из них выстрелил, другой упал, и убийца бросился в сад и перескочил через забор. М-рь Кённингэм, выглянув из окна спальни, видел, как он добежал до дороги, но затем потерял его из виду. М-р Алек нагнулся, чтобы посмотреть, нельзя ли помочь умирающему, а негодяй тем временем убежал. Мы знаем только, что это человек среднего роста, одетый в темную одежду, усердно разыскиваем его и надеемся скоро найти, так как он здесь чужой.

– Что делал Вильям там? Говорил он что-нибудь перед смертью?

– Ни слова. Он жил в сторожке с матерью, и так как был очень преданный малый, то мы думаем, что он пришел в дом взглянуть, все ли там в порядке. Понятно, что происшествие в поместье Эктона заставило

всех быть настороже. Разбойник, должно быть, только что взломал дверь – замок оказался сломанным, когда Вильям бросился на него.

– Не сказал ли Вильям чего-нибудь матери, когда уходил из дома?

– Она очень стара и глуха, и мы ничего не можем добиться от нее. Она чуть с ума не сошла от постигшего ее удара, да и прежде, кажется, не отличалась умом. Но у нас в руках есть одна замечательная вещь. Взгляните, пожалуйста, на это!

Он вынул маленький клочок бумаги из записной книги и разложил его на коленях.

– Вот что найдено в руке убитого. По-видимому, что это клочок, оторванный от целого листа бумаги. Заметьте, что обозначенное тут время как раз совпадает с тем, когда убили беднягу Вильяма. Вы видите, что или убийца вырвал от него остальную лист, или, наоборот, Вильям вырвал этот клочек из рук убийцы. Дело идет как будто о свидании.

Холмс взял клочок бумаги, факсимиле которого приведено здесь.

<i>около три четверти двадцатого</i>
<i>узнаете кое-что, может быть</i>

– Если признать это за назначение свидания, – продолжал инспектор, – то, конечно, можно предположить, что Вильям Кирван, хотя и пользовался репутацией честного человека, состоял в заговоре с вором. Он мог встретиться с ним, помочь ему даже взломать дверь, а затем между ними могла произойти ссора.

– Это чрезвычайно интересный отрывок, – сказал Холмс, рассматривая его с большим вниманием. – Дело-то оказывается гораздо сложнее, чем я думал, – прибавил он, опуская голову на руки. Инспектор улыбался впечатлению, произведенному этим делом на знаменитого лондонского специалиста.

– Ваше последнее предположение о возможности соглашения между вором и кучером и о том, что этот клочок представляет собой отрывок письма одного из них, остроумно и не лишено вероятия, – заговорил, наконец, Холмс. – Но эта записка открывает...

Он снова опустил голову на руки и сидел несколько минут, погруженный в глубокое раздумье. Когда он поднял голову, я с изумлением увидел, что румянец играл у него на щеках, а глаза блестели, как до болезни. Он вскочил на ноги с прежней энергией.

– Знаете что! – сказал он. – Мне бы хотелось хорошенько и спокойно заняться подробностями этого дела. В нем есть что-то чрезвычайно привлекательное для меня. Если позволите, полковник, я оставлю вас с моим другом Ватсоном и пройду с инспектором, чтобы проверить правдоподобность фантазии, пришедшей мне в голову. Я вернусь через полчаса.

Прошло целых полтора часа, прежде чем инспектор вернулся один.

– Мистер Холмс расхаживает по полю взад и вперед, – сказал он. – Он приглашает нас всех отправиться в дом.

– К мистеру Кённингэму?

– Да, сэр.

– Зачем?

Инспектор пожал плечами.

– Право, не знаю, сэр. Между нами, мне кажется, что мистер Холмс еще не вполне оправился от болезни. Он держит себя как-то странно и очень возбужден.

– Мне кажется, вы напрасно тревожитесь, – сказал я. – Я всегда убеждался, что в его сумасшествии есть известный метод.

– Или, наоборот, в его методе сказывается сумасшествие, – пробормотал инспектор. – Но он горит желанием отправиться туда, а потому, если вы готовы, полковник, пойдемте к нему.

Мы застали Холмса расхаживающим взад и вперед по полю, с опущенной на грудь головой и засунутыми в карманы брюк руками.

– Интерес дела все возрастает, – проговорил он. – Ватсон, наша поездка в деревню удалась как нельзя лучше. Я провел чудесное утро.

– Вы были, как видно, на месте преступления? – спросил полковник.

– Да; мы с инспектором сделали маленькую рекогносцировку.

– И успешно?

– Да; мы видели несколько интересных вещей. Расскажу вам дорогой. Прежде всего мы видели тело несчастного. Он, действительно, как и говорили, умер от выстрела из револьвера.

– А разве вы сомневались в этом?

– О, во всяком случае следовало удостовериться. Исследование наше было не лишним. Потом мы поговорили с мистером Кённингэмом и его сыном, которые точно указали нам место, где убийца перескочил через забор. Это было чрезвычайно интересно.

– Конечно.

– Потом мы заглянули к матери бедного малого, но ничего от нее не узнали, так как она очень стара и слаба.

- Ну, а результат ваших исследований?
- Убеждение, что случай совершенно особенный. Может быть, наше посещение несколько выяснит его. Мы с инспектором, кажется, сходимся во мнении, что клочок бумаги, зажатый в руке убитого и указывающий час смерти его, весьма важный документ.
- Он должен служить исходной точкой, мистер Холмс.
- Он и служит ей, Автор этой записки заставил Вильяма Кирвана встать в этот час. Но где же лист, от которого оторван этот клочок?
- Я тщательно осмотрел все место кругом, надеясь найти его, – сказал инспектор.
- Он был вырван из руки убитого. Кому было так нужно овладеть им? Тому, кого могла уличить эта записка. Что же он сделал с ней? По всем вероятностям, сунул ее в карман, не заметив, что клочок от нее остался в руке убитого. Если бы нам удалось добыть остальную часть листка, то, очевидно, мы сделали бы большой шаг к открытию тайны.
- Да, но как нам добраться до кармана преступника, не поймав его самого?
- Да, да, об этом стоит подумать. Затем еще один пункт. Записка была прислана Вильяму. Человек, написавший ее, принес не сам, иначе он мог бы передать все на словах. Кто же принес записку? Или ее прислали по почте?
- Я навел справки, – сказал инспектор. – Вильям получил вчера после полудня письмо по почте. Конверт он уничтожил.
- Превосходно! – вскрикнул Холмс, похлопывая инспектора по спине. – Вы видели почталиона. Право, приятно работать с вами. Ну, вот и сторожка; если вы пройдете со мною, полковник, я покажу вам место преступления.
- Мы прошли мимо хорошенького коттэджа, где жил покойный, и, по аллее, окаймленной дубами, дошли до красивого старинного дома эпохи королевы Анны. Над входной дверью стоял год битвы при Мальплаке.^[2] Холмс и инспектор по вели нас кругом до черного входа, отделенного садом от забора, идущего вдоль дороги. У двери в кухню стоял констэбль.
- Откройте дверь, – сказал Холмс. – Ну-с, вот на этой лестнице стоял молодой мистер Кённингэм и видел, как двое людей боролись как раз на том месте, где мы стоим теперь. Старик мистер Кённингэм стоял у второго окна налево и видел, как убийца убежал влево от куста. Видел это и сын. Оба они сходятся на счет куста. Тогда мистер Алек выбежал и стал на колени возле раненого. Земля, как вы видите, очень тверда, и тут нет следов, которые могли бы помочь нам.

В эту минуту из-за угла дома на дорожку сада вышли двое людей. Один из них был пожилой человек, с крупными, резкими чертами лица, с тяжелым взглядом глаз; другой – блестящий молодой человек; его сияющее, смеющееся лицо и щегольская одежда составляли странный контраст с приведшим нас сюда делом.

– Все еще возитесь с ним? – сказал он Холмсу. – Я думал, что вы, лондонцы, сразу схватываете суть дела. Оказывается, не так-то скоро.

– Ах, дайте нам немножко времени, – добродушно заметил Холмс.

– Да, время понадобится вам, – сказал молодой Алек Кённингэм. – По моему, нет никаких улик.

– Есть только одна, – ответил инспектор. – Мы думали, что если бы нам удалось найти... Боже мой! Что с вами, мистер Холмс?

Лицо моего друга вдруг приняло ужасное выражение. Глаза его закатились, черты исказились. С подавленным стоном он упал ничком на землю. Испуганные внезапностью и силой припадка, мы отнесли его в кухню. Несколько минут он лежал в большом кресле, откинувшись на спинку и тяжело дыша. Наконец, он встал и со сконфуженным видом принялся извиняться, что перепугал нас.

– Ватсон может вам сказать, что я только что оправился после серьезной болезни, – объяснил он. – Я подвержен этим внезапным нервным припадкам.

– Не отвезти ли вас домой в шарабане? – спросил старик Кённингэм.

– Так как я уже здесь, то мне хотелось бы удостовериться в одном пункте. Это очень легко сделать.

– А именно?

– Видите ли, мне кажется, весьма возможно предположить, что бедняга Вильям пришел не до, а после того, как вор забрался в дом. Вы, по-видимому, не сомневаетесь, что хотя замок и был взломан, но убийца не входил в дверь.

– Мне кажется, это – очевидно, – серьезно ответил м-р Кённингэм. – Ведь мой сын Алек еще не ложился спать и, конечно, слышал бы, если бы кто-нибудь ходил внизу.

– Где он сидел?

– Я сидел и курил у себя в уборной.

– Где окно уборной?

– Последнее слева; рядом с окном комнаты отца.

– Конечно, у вас обоих еще горели лампы?

– Без сомнения.

– Странно, – улыбаясь, проговорил Холмс. – Ну, разве не удивительно,

что вор – да к тому еще опытный вор – решается ворваться в дом, когда видит по свету, что в нем не спят еще двое людей.

– Должно быть, человек смелый.

– Если бы дело не было странное, нам не пришлось бы просить вас выяснить его, – сказал м-р Алек. – Что же касается вашего предположения, что вор обокрал дом прежде, чем накрыл его Вильям, то я считаю его вполне нелепым. Разве мы не заметили бы беспорядка в доме и не хватились бы похищенных вещей?

– Это зависит от того, какие вещи пропали, – сказал Холмс. – Вы должны помнить, что мы имеем дело с каким-то совершенно необычным вором. Например, вы помните, что он унес у Эктона?.. Пучок веревок, пресс-папье и еще какие-то пустяки.

– Мы вполне отдаемся в ваше распоряжение, м-р Холмс, – сказал старик Кённингэм. – Все, что укажете вы или инспектор, будет исполнено.

– Во-первых, – сказал Холмс, – мне бы хотелось, чтобы вы предложили награду лично от себя – когда еще полиция определит сумму! – а эти вещи нужно делать как можно скорее. Я набросал заявление; может быть, вы согласитесь подписать его. Я думаю, пятидесяти фунтов будет достаточно.

– Я охотно дал бы и пятьсот, – сказал Кённингэм, беря лист бумаги и карандаш, поданный Холмсом. – Но здесь есть неточность, – прибавил он, взглянув на объявление.

– Я несколько торопился, когда писал.

– Видите ли, вы пишете: «Так как в среду, около трех четвертей первого, была сделана попытка...» и т. д. На самом же деле было три четверти двенадцатого.

Мне было досадно за сделанную ошибку, так как я знал, как это будет неприятно Холмсу. Он отличался точностью в передаче фактов, но только что перенесенная им болезнь, очевидно, потрясла его, и этой маленькой случайности было для меня достаточно, чтобы видеть, что он еще не вполне поправился. Он сам сконфузился на минуту, инспектор поднял брови, а Алек Кённингем громко захохотал. Но старый джентльмен исправил ошибку и отдал Холмсу бумагу.

– Отдайте ее напечатать как можно скорее, – сказал он. – Мне кажется, это превосходная идея.

Холмс аккуратно положил объявление в записную книжку.

– А теперь, – сказал он, – право, хорошо бы нам всем пройти по дому и убедиться, не утащил ли чего-нибудь этот несколько полоумный грабитель.

Прежде чем войти в дом, Холмс осмотрел взломанную дверь. Очевидно, было всунуто долото или крепкий нож, чтобы выдвинуть замок обратно.

– У вас, стало быть, нет засова? – спросил он.

– Мы не находили его нужным.

– Вы не держите собаки?

– Держим; но она на привязи по другую сторону дома.

– Когда прислуга ложится спать?

– Около десяти.

– Вероятно, и Вильям ложится в то же время?

– Да.

– Странно, что он не спал именно в эту ночь. Теперь я был бы очень рад, если бы вы были так добры и проводили нас по дому, м-р Кённингэм.

Коридор, вымощенный плитами, с выходящими в него кухнями, вел к деревянной лестнице, поднимавшейся в первый этаж. Он выходил и на противоположную площадку, с которой начиналась другая, более нарядная лестница, ведущая в парадную переднюю. На эту площадку выходили двери гостиной и нескольких спален, в том числе и спальни м-ра Кённингэма и его сына. Холмс шел медленно, внимательно приглядываясь к архитектуре дома. По выражению его лица я видел, что он напал на горячий след, но никак не мог себе представить, куда приведет его этот след.

– Любезный сэр, – сказал м-р Кённингэм с некоторым нетерпением, – право же, все это совершенно бесполезно. Моя комната там, где оканчивается лестница, а за ней идет комната сына. Предоставляю вам судить, мог ли вор забраться сюда, не потревожив нас.

– Кажется, придется вернуться и искать нового следа, – заметил сын с несколько злобной улыбкой.

– Попрошу вас потерпеть еще немного. Вот, например, мне хотелось бы знать, как далеко можно видеть из окон спален. Это, насколько я понял, спальня вашего сына, – прибавил он, отворяя дверь, – а это уборная, где он сидел и курил, когда началась тревога. Куда выходит ее окно?

Он прошел через спальню, отворил дверь и окинул взглядом следующую комнату.

– Надеюсь, вы довольны теперь? – спросил м-р Кённингэм с досадой в голосе.

– Благодарю вас; кажется, я видел все, что нужно.

– Тогда, если это действительно необходимо, мы можем пройти в мою комнату.

– Если вас это не затруднит.

Мировой судья пожал плечами и провел нас в свою комнату, очень просто убранную. В то время, как мы подходили к окну, Холмс отстал от остальных так, что он и я шли последними в нашей группе. В ногах у кровати стоял маленький столик, а на нем тарелка с апельсинами и графин с водой. В ту минуту, как мы подошли к нему, Холмс, к несказанному моему изумлению, нагнулся вперед и преспокойно опрокинул столик. Графин разлетелся вдребезги, а фрукты покатались во все стороны.

– Ах, Ватсон, что вы наделали? – хладнокровно заметил Холмс. – В какой вид вы привели ковер?

Я нагнулся в смущении и стал подбирать фрукты, поняв, что мой товарищ по какой-то известной только ему причине желал, чтобы я взял вину на себя. Другие последовали моему примеру и поставили столик на ножки.

– Ах! – крикнул инспектор. – Куда же он девался?

Холмс исчез.

– Подождите минутку, – сказал Алек Кеннингэм. – По-моему, он спятил с ума. Отец, пойдем посмотрим, куда он девался.

Они выбежали из комнаты. Инспектор, полковник и я в недоумении переглядывались между собой.

– Честное слово, я склонен разделить мнение мистера Алека, – сказал инспектор. – Может быть, это следствие болезни, но мне кажется, что...

Внезапный возглас: «На помощь! На помощь! Убьют!» прервал его речь. С ужасом я узнал голос моего друга и выбежал, как безумный, на площадку. Крики, перешедшие в хриплый стон, неслись из комнаты, в которую мы заходили раньше. Я влетел сначала в нее, а потом в смежную уборную. Оба Кеннингэма навалились на лежавшего на полу Холмса. Младший душил его за горло обеими руками, а старший, казалось, старался вывихнуть ему кисть руки. В одно мгновение мы трое оторвали их от Холмса, и он с трудом поднялся на ноги, весь бледный и сильно измученный.

– Арестуйте этих людей, инспектор! – задыхаясь, проговорил он.

– По обвинению в чем?

– В убийстве кучера Вильяма Кирвана.

Инспектор оглядывался вокруг в полном недоумении.

– О, м-р Холмс! – наконец, проговорил он, – я уверен, что вы вовсе не...

– Замолчите и взгляните на их лица! – отрывисто сказал Холмс.

Никогда в жизни не приходилось мне видеть на человеческом лице более полного выражения сознания вины. Старик казался совершенно

пораженным; его лицо с резко очерченными чертами приняло тяжелое, угрюмое выражение. Сын же, напротив, утратил все свое изящество; ярость опасного дикого зверя засверкала в его темных глазах и исказила красивое лицо. Инспектор ничего не сказал, но подошел к двери и свистнул в свисток. На зов явились два констэбля.

– Не могу поступить иначе, м-р Кённингэм, – сказал он. – Надеюсь, что все это окажется нелепым недоразумением. А! Это что! Бросьте.

Он взмахнул рукой, и на пол упал револьвер, который навел молодой Кённингэм, собираясь застрелиться.

– Сохраните эту вещь, – сказал Холмс, поспешно наступая на револьвер, – он пригодится нам при следствии. Но вот то, что необходимо нам.

Он протянул инспектору маленький кусок смятой бумаги.

– Остальная записка? – спросил инспектор,

– Именно так.

– Где же она была?

– Там, где и следовало ожидать. Сейчас объясню вам все. Мне кажется, полковник, что вы с Ватсоном можете теперь вернуться домой; я же приду к вам самое большое через час. Мне и инспектору нужно поговорить с арестованными, но я наверно вернусь к завтраку.

Шерлок Холмс сдержал свое слово и через час уже входил в курительную комнату полковника в сопровождении пожилого господина невысокого роста, которого представили мне как м-ра Эктона, в доме которого произошел первый грабеж.

– Я желал, чтобы м-р Эктон присутствовал при моем объяснении этого дельца, – сказал Холмс, – так как ему вполне естественно интересоваться подробностями его. Боюсь, любезный полковник, что вы от души жалеете, что приняли в свой дом такого буревестника, как я.

– Напротив, – горячо ответил полковник, – я считаю, что мне посчастливилось в том, что я мог изучить ваш метод исследований. Сознаюсь, что результаты превзошли все мои ожидания. Но я так и не понимаю, какие у вас были данные для того, чтобы выяснить это дело.

– Боюсь, что мое объяснение может разочаровать вас, но у меня привычка никогда не скрывать своего метода ни от моего друга Ватсона, ни от кого из интеллигентных людей интересующихся ими. Но прежде всего, так как я несколько потерпел от встряски, заданной мне в уборной, то намереваюсь подкрепиться глоточком вашей водки, полковник. Я несколько утомился за последнее время.

– Надеюсь, у вас не было больше нервного припадка?

Шерлок Холмс от души расхохотался.

– В свое время дойдет и до этого, – сказал он. – Я расскажу вам все по порядку и покажу вам, как я дошел до моих выводов. Пожалуйста, останавливайте меня, если что либо покажется вам неясным.

В искусстве сыска чрезвычайно важно уметь отличить в массе фактов случайные от существенных. Иначе энергия и внимание рассеиваются вместо того, чтобы сосредоточиться, как это необходимо. В данном случае с первой минуты у меня не было сомнения, что ключ ко всему происшествию следует искать в клочке бумаги, вынутом из руки мертвеца.

Прежде чем идти дальше, я хотел бы обратить внимание на то обстоятельство, что если бы рассказ Алека Кённингэма был верен и нападавший, застрелив Вильяма Кирвана, бежал моментально, то, очевидно, не он вырвал бумагу из рук убитого. А если это сделал не он, то сделал сам Алек Кённингэм, потому что к тому времени, как спустился старик, на месте происшествия было уже несколько слуг. Это очень просто, но инспектор не обратил внимания на эту сторону дела, потому что точкой его отправления была невозможность участия местных магнатов в подобного рода преступлениях. Ну, а у меня нет никаких предрассудков, и я всегда послушно иду по всякому следу и, таким образом, в самой первой стадии следствия я уже стал подозрительно поглядывать на роль, сыгранную мистером Алеком Кённингэмом.

Я очень тщательно изучил уголок оторванной бумаги, переданный мне инспектором. Мне сразу стало ясно, что он составляет часть весьма важного документа. Вот он. Не бросается ли вам в глаза что либо особенное?

– Почерк очень неровный, – сказал полковник.

– Дорогой сэръ! – вскрикнул Шерлок Холмс, – не может быть ни малейшего сомнения в том, что записка писана двумя лицами по очереди. Обратите внимание на букву «т», написанную твердым почерком и с черточкой над буквой в словах «захотите», «придти» и сравните ее с той же буквой в слове «четверть», написанном более слабым почерком. Достаточно весьма поверхностного анализа, чтобы убедиться, что слова «узнаете», «может быть» написаны более твердой рукой, а «что» – более слабой.

– Клянусь Юпитером, это ясно, как день! – крикнул полковник.

– Очевидно, задумано было скверное дело, и один из соучастников, не доверяя другому, решил, чтобы все делалось сообща. Руководителем был, конечно, тот, кто написал слова: «захотите», «узнаете».

– Из чего вы заключаете это?

– Это можно вывести из одного сравнения почерков. Но у нас есть и другие, более важные основания. Если вы станете внимательно рассматривать этот клочок, то придете к заключению, что человек с более твердым почерком первый писал слова, оставляя пустые места, которые должен был заполнять другой. Оставленные промежутки между словами были иногда слишком малы, и второму пришлось писать очень сжато, чтобы вставить свои слова. Человек, написавший свои слова первым, без сомнения, и задумал все дело.

– Превосходно! – вскрикнул м-р Эктон.

– Но весьма поверхностно, – сказал Холмс. – Теперь, однако, мы подходим к весьма существенному пункту. Может быть, вам неизвестно, что определение возраста человека по его почерку доведено экспертами до значительной точности. В нормальных случаях можно почти наверно определить возраст данного человека. Я говорю в «нормальных», потому что болезнь и физическая слабость придают почерку характер старости, хотя бы больной и был молодой человек. В данном случае, смотря на смелую, твердую руку одного и несколько неуверенный, хотя еще четкий почерк другого, мы можем сказать, что один – молодой человек, а второй – пожилой, хотя еще не дряхлый.

– Превосходно! – повторил м-р Эктон.

– Но далее есть еще один пункт, более тонкий и интересный. В обоих почерках есть что-то общее, свойственное, очевидно, лицам, состоящим в кровном родстве. Вам это может быть более заметно в отдельных буквах, мне же это ясно по многим мелким чертам. Я не сомневаюсь, что в этой записке выразилась манера писать всей семьи. Конечно, я сообщаю вам только главные результаты моих исследований. Остальное интересно только для экспертов. Как бы то ни было, все способствовало подтверждению моего впечатления, что эта записка написана Кённингэмами – отцом и сыном.

Дойдя до этого заключения, я, конечно, постарался вникнуть в подробности преступления и посмотреть, куда они меня поведут. Я пошел с инспектором к дому и осмотрел все, что можно было видеть там. Как я убедился, рана умершему была нанесена из револьвера на расстоянии четырех ярдов с небольшим. Платье не почернело от пороха. Очевидно, что Алек Кённингэм солгал, что выстрел последовал во время борьбы кучера с вором. Затем – и отец и сын сходились в указанного места, где убийца выскочил на дорогу. Но тут как раз оказывается низина с сырым дном. Так как в низине не оказалось никаких следов, то я пришел к убеждению, что

Кённингэмы не только опять солгали, но что в деле вовсе и не было никакого постороннего лица.

Оставалось отыскать мотивы этого странного преступления. Для этого я прежде всего попытался найти причину странной кражи в доме м-ра Эктона. Из нескольких слов полковника я понял, что между вами, м-р Эктон, и Кённингэмами шел какой-то процесс. Понятно, что мне тотчас же пришло в голову, что они вломились в вашу библиотеку с намерением добыть некоторые документы, которые могли бы повлиять на ход дела.

– Совершенно верно, – сказал Эктон, – не может быть ни малейшего сомнения в их намерениях. У меня неопровержимые права на половину их имени, и если бы им удалось найти одну бумагу – к счастью, она хранится в нескораемом шкафу моего поверенного – они, наверно бы, выиграли процесс.

– Ну, вот видите! – сказал, улыбаясь, Холмс. – Это была смелая, отчаянная попытка, в которой я вижу влияние молодого Алека. Не найдя ничего, они попытались отвлечь подозрение, придав нападению вид обычного грабежа, для чего унесли первые попавшиеся вещи. Это было достаточно ясно, но все же многое оставалось темным для меня. Главное было добыть недостающую часть записки. Я был уверен, что Алек вырвал ее из руки убитого, и сильно подозревал, что он спрятал ее в рукав халата. Куда иначе он мог девать ее? Единственный вопрос состоял в том, там ли она еще. Стоило употребить все усилия, чтоб разъяснить это, и для того мы все отправились в дом.

Кённингэмы подошли к нам, как вероятно вы помните, когда мы стояли у кухонной двери. Само собой разумеется, очень важно было не напоминать им о существовании записки, иначе они сейчас бы уничтожили ее. Инспектор только что собирался сообщить им, какую важность мы придаем этому документу, как со мной сделался припадок, и разговор принял другое направление.

– Господи, Боже мой! – со смехом сказал полковник. – Неужели вы хотите сказать, что мы потратили наше сочувствие на притворную болезнь?

– С профессиональной точки зрения, это было проделано изумительно, – сказал я, с удивлением смотря на человека, постоянно поразившего меня новыми проявлениями своей изобретательности.

– Это искусство часто бывает очень полезно, – заметил Холмс. – Оправившись, я прибегнул к уловке – быть может, довольно остроумной – и заставил старика Кённингэма написать слова «три четверти двенадцатого», чтобы иметь возможность сличить их со словами на записке.

– Какой же я был осел! – вскрикнул я.

– Я видел, как вас огорчила моя слабость, – смеясь, сказал Холмс. – Мне было жаль, что приходится огорчать вас. Мы все пошли наверх. Увидав во время осмотра уборной, что халат висит за дверью, я опрокинул столик, чтоб отвлечь их внимание, и шмыгнул обратно в уборную, чтоб осмотреть карманы. Но я только что нашел (как и ожидал) записку в одном из карманов, как на меня набросились оба Кённингэма и, наверно, убили бы меня, если бы вы не подоспели и не спасли меня. Я и теперь еще чувствую, как молодой Кённингэм схватил меня за горло, а старик чуть не вывихнул мне руку, стараясь вырвать бумагу. Они, как видите, догадались, что я понял все, и внезапный переход от полной безопасности к полному отчаянию заставил их совершенно потерять голову.

У меня со стариком Кённингэмом был короткий разговор о мотиве преступления. С ним можно было разговаривать, но сын его – суций демон, готовый застрелиться или застрелить кого угодно, если бы у него в руках очутился револьвер. Когда старик Кённингэм увидел, что улики против него так вески, он потерял мужество и сознался во всем. Оказывается, что Вильям тайком проследил за своими хозяевами в ночь нападения на дом м-ра Эктона и, получив таким образом власть над ними, пытался, путем угрозы, шантажировать их. Но м-р Алек слишком опасный человек для того, чтоб с ним можно было вести подобного рода игру. С его стороны было положительно гениальной выдумкой воспользоваться недавними грабежами в здешней местности для того, чтоб отделаться от человека, которого он боялся. Вильяма заманили в ловушку и застрелили. Будь записка у них в руках и обрати они побольше внимания на некоторые подробности, весьма возможно, что подозрение никогда бы не пало на них.

– А записка? – спросил я.

Холмс положил перед нами следующую бумагу:

<i>Если вы придете <u>вз три четверти двенадцатую</u></i>	
<i>кз казнить, вы</i>	<i>узнаете кое-что,</i>
<i>что может очень удивить и</i>	<i>может быть</i>
<i>очень полезно вам, а также и Анни Моррисон.</i>	
<i>Только никому не говорите об этом.</i>	

– Я именно ожидал найти что-нибудь в этом роде, – сказал он. – Конечно, мы так и не знаем, какие отношения существовали между Алеком

Кённонгэмом, Вильямом Кирваном и Анни Моррисон. Результат однако показывает, что западня была устроена очень искусно. Ватсон, я полагаю, что наш отдых в деревне увенчался полным успехом, и завтра я вернусь в улицу Бэкер с обновленными силами.

1892

Грек-переводчик

За все время моего продолжительного близкого знакомства с Шерлоком Холмсом мне никогда не приходилось слышать, чтобы он упомянул о своих родных. Он редко говорил и о своей молодости. Эта сдержанность с его стороны увеличивала несколько сверхъестественное впечатление, которое он производил на меня, до такой степени, что иногда я начинал смотреть на него, как на феномен в своем роде, как на ум без сердца, как на существо, настолько же лишенное всякого человеческого чувства – симпатии, любви, насколько выдающееся по уму. Его отвращение к женщинам и нелюбовь к новым знакомствам составляли типическую особенность его спокойного характера, не более, однако, чем его полное молчание относительно своих родных. Я пришел к убеждению, что он сирота, у которого умерли все родственники, как вдруг в одно прекрасное утро, он, к полному моему изумлению, заговорил со мной о своем брате.

Это было летом, после вечернего чая, во время отрывочного, бессвязного разговора, в котором мы от клубов и причин изменения наклона эклиптики перешли, наконец, к вопросу об атавизме и наследственных способностях. Предметом нашего спора был вопрос о том, насколько каждая способность известной личности унаследуется от предков и насколько зависит от воспитания в раннем возрасте.

– Что касается вас лично, – сказал я, – изо всего того, что вы рассказывали мне, очевидно, что вашим даром наблюдательности и замечательной способностью к быстрым выводам вы обязаны только своей систематической подготовке.

– До некоторой степени да, – задумчиво ответил Холмс, – Мои предки были помещиками, которые, как кажется, вели образ жизни, свойственный их сословию. Но тем не менее, должно быть, эти способности в крови у меня. Может быть, я унаследовал их от бабушки, сестры французского художника Вернэ. Художественные задатки выливаются иногда в самые странные формы.

– Но почему вы знаете, что ваши способности унаследованы вами?

– Потому что мой брат Майкрофт одарен ими в еще большей степени, чем я.

Это было совершенной новостью для меня. Если в Англии существует еще один человек, одаренный такими необычайными способностями, то почему о нем не знает ни полиция, ни публика? Я предложил этот вопрос

моему приятелю, намекнув при этом, что он только из скромности признает брата выше себя. Холмс засмеялся.

– Дорогой Ватсон, я не разделяю мнения тех, кто считает скромность добродетелью, – сказал он. – Для логического ума все вещи должны быть такими, каковы они на самом деле, а ценить себя ниже того, что стоишь, такое же отклонение от истины, как и переувеличивать свои достоинства. Поэтому, если я говорю, что Майкрофт одарен наблюдательной способностью в большей степени, чем я, то можете быть уверены, что это точная, непреложная правда.

– Он моложе вас?

– На семь лет старше.

– Как же это он неизвестен?

– О, он очень известен в своем кругу.

– В каком же?

– Да, например, в клубе Диогена.

Я никогда не слышал об этом учреждении, и, должно быть, это отразилось на моем лице, потому что Шерлок Холмс вынул из кармана часы и сказал:

– Клуб Диогена страннейший из клубов Лондона, а Майкрофт самый странный из людей. Он ежедневно бывает в клубе от трех четвертей пятого до восьми часов без двадцати минут. Теперь шесть, и если желаете пройтись в такой прекрасный вечер, то я буду рад показать вам две лондонских диковинки.

Пять минут спустя мы уже шли по улице к Риджентскому цирку.

– Вы удивляетесь, что Майкрофт не пользуется своим даром, чтобы стать сыщиком, – сказал мой приятель. – Он неспособен к этому занятию.

– Но мне показалось, что вы сказали...

– Я сказал, что он обладает большей наблюдательностью и способностью делать выводы, чем я. Если бы искусство сыщика ограничивалось рассуждениями, сидя в кресле, то мой брат был бы величайшим в мире деятелем в области открытия преступлений. Но у него нет ни человеколюбия, ни энергии. Он не двинется с места, чтобы проверить свои рассуждения, и готов скорее признать себя неправым, чем потревожить себя, доказывая свою правоту. Много раз я обращался к нему в затруднительных случаях, и даваемые им объяснения всегда оказывались верными. А между тем он совершенно неспособен выяснять практическую сторону дела, которой надо заняться прежде, чем дело пойдет в суд.

– Следовательно, это не его профессия?

– Нет. То, что для меня составляет средство жизни, – для него только

развлечение дилетанта. У него необыкновенная способность разбираться в цифрах, и он проверяет книги во многих правительственных учреждениях. Майкрофт живет в Палль-Малле и каждое утро ходит в Уайтхолл, а вечером возвращается оттуда. Из года в год он не делает иных прогулок и нигде не бывает за исключением клуба Диогена, помещающегося как раз напротив его квартиры.

– Это название совершенно незнакомо мне.

– Весьма вероятно. В Лондоне, как вам известно, много людей, которые избегают общества или по застенчивости, или по нелюдимости. А между тем, они не против того, чтоб почитать новые журналы и газеты, сидя в удобных креслах. Вот для людей подобного рода и устроен клуб Диогена, к членам которого принадлежат самые нелюдимые и несообщительные люди в Лондоне. Никто не должен обращать ни малейшего внимания на другого. Нигде, за исключением приемной комнаты, не разрешается разговаривать, тоекратное нарушение этого правила, дошедшее до сведения правления, ведет к исключению виновного из числа членов. Брат был одним из основателей этого клуба, и я сам нахожу, что посещение его очень успокоительно действует на нервы.

Разговаривая, мы дошли до Палль-Малля со стороны Сент-Джимской улицы. Шерлок Холмс остановился у одного из подъездов и, сделав мне знак молчать, провел меня в переднюю. Через стеклянную перегородку я увидел большую роскошную комнату, где за газетами сидело много людей, каждый в своем уголке. Холмс ввел меня в маленькую комнату, где оставил меня, и через минуту вернулся с незнакомым мне человеком, в котором я сразу узнал его брата.

Майкрофт Холмс был гораздо выше и плотнее Шерлока. Он был положительно толст, но его лицо, хотя и массивное, носило следы того же пронизательного выражения, которым так отличалось лицо его брата. Глаза, особенного водянистого светло-серого цвета, казалось, всегда смотрели тем взглядом, как бы проникающим куда-то в пространство, в глубину, какой я замечал у Шерлока только тогда, когда он напрягал все свои силы.

– Рад познакомиться с вами, сэр, – сказал он, протягивая широкую, плоскую, как ласты тюленя, руку. – С тех пор, как вы стали писать о Шерлоке, я со всех сторон только и слышу о нем. Между прочим, Шерлок, я думал, что ты зайдешь ко мне на той неделе, чтобы посоветоваться об истории в замке. Я думал, что, может быть, она окажется несколько трудноватой для тебя.

– Нет, я справился с ней, – улыбаясь, ответил мой приятель,

- Конечно, это Адамс?
- Да, Адамс.
- Я был уверен в этом с самого начала.

Братья сели в нише окна.

– Самое удобное место для каждого, кто желает изучить человечество, – сказал Майкрофт. – Взгляните, что за чудные типы! Например, вот хоть эти двое людей, направляющиеся к нам.

- Один – маркер, а другой?
- Вот именно. Как ты думаешь, кто другой?

Незнакомцы остановились перед окном. Несколько меловых пятен на кармане жилета одного из них были единственными указаниями на его близость к бильярду, насколько я мог заметить. Другой был смуглый человек в сдвинутой на затылок шляпе и с несколькими свертками под мышкой.

– Должно быть, бывший военный, – сказал Шерлок. – И только-что вышедший в отставку.

- По-моему, служил в Индии.
- Офицер в отставке.
- Думаю – артиллерист, – сказал Шерлок.
- И вдовец.
- Но имеет ребенка.
- Ребят, мой милый, ребят.
- Ну, уж это слишком, – смеясь, заметил я.

– Несомненно, не трудно сказать, что человек такой выправки, очевидно, привыкший повелевать, с таким загорелым лицом – военный, недавно вернувшийся из Индии, – ответил Холмс.

– Что он недавно оставил службу, видно из того, что он еще носит военные сапоги, – заметил Майкрофт.

– Походка у него не кавалериста, а, между тем, он носил фуражку набок, что видно по более светлой коже на одной стороне лба. Для сапера он слишком тяжеловесен. Он артиллерист.

– Потом траурный костюм указывает на то, что он потерял кого-то очень близкого. То, что он сам делает покупки, как бы указывает на то, что он лишился жены. Вы видите, он покупал детские вещи. По погремушке можно заключить, что у него есть очень маленький ребенок. Жена, вероятно, умерла родами. Книга с картинками под мышкой указывает на то, что ему приходится заботиться еще о другом ребенке.

Я начал понимать, почему мой приятель говорит, что его брат обладает еще большими способностями, чем он. Шерлок взглянул на меня и

улыбнулся. Майкрофт взял щепотку табаку из черепаховой табакерки и смахнул порошок с сюртука большим красным шелковым платком.

– Между прочим, Шерлок, – сказал он, – у меня есть нечто, как раз по сердцу тебе – очень странное дело, о котором меня просили высказать свое мнение. У меня не хватило энергии заняться им как следует, но оно дало мне основание для очень интересных предположений. Если хочешь выслушать факты...

– С удовольствием, дорогой Майкрофт.

Майкрофт написал несколько слов на листке, вырванном из записной книжки, позвонил и отдал записку вошедшему лакею.

– Я попросил м-ра Меласа зайти сюда, – сказал он. – Он живет над моей квартирой, и я немного знаком с ним. Вот почему он и обратился ко мне в своем затруднительном положении. М-р Мелас – грек по происхождению и замечательный лингвист. Он живет частью заработком, получаемым им в качестве переводчика в судебных местах, частью состоя проводником при богатых путешественниках с востока, останавливающихся в отелях Нортумберлэнд-Авеню.

Через несколько минут к нам вошел маленький, толстый человек. Оливковое лицо и черные, как уголь, волосы ясно выдавали его южное происхождение, хотя по разговору его можно было счесть за образованного англичанина. Он торопливо пожал руку Шерлоку Холмсу, и его темные глаза заблестели от удовольствия, когда он узнал, что этот специалист желает выслушать его историю.

– Я не предполагаю, чтобы полиция поверила мне... честное слово, не предполагаю, – сказал он жалобным голосом. – Только потому, что им не приходилось слышать ничего подобного, они думают, этого и быть не может. Но я не успокоюсь, пока не узнаю, что случилось с моим бедняком с пластырем на лице.

– Я весь внимание, – проговорил Шерлок Холмс.

– Сегодня среда, – начал м-р Мелас, – ну, так это случилось в понедельник ночью... понимаете, только два дня тому назад. Я – переводчик, как, вероятно, уже сказал вам мой сосед. Я перевожу на разные языки, но так как я грек по происхождению и ношу греческую фамилию, то больше всего имею дело с этим языком. В продолжение многих лет я состою главным переводчиком с греческого языка в Лондоне, и мое имя хорошо известно во всех отелях.

Довольно часто случается, что за мной присылают в самые неподходящие часы в случаях каких либо приключений с иностранцами, или когда приехавшие с поздними поездами путешественники требуют

моих услуг. Поэтому я несколько не удивился, когда в понедельник ночью ко мне явился некий мистер Летимэр, очень элегантный молодой человек, и попросил меня поехать с ним в ожидавшем его кэбе. «К нему приехал по делу один приятель грек, – говорил он, – и так как он говорит только на своем языке, то и понадобились услуги переводчика». Из его слов я понял, что дом его находится вблизи, в Кенсингтоне. Казалось, он очень торопился, так как поспешно усадил меня в кэб, когда мы вышли на улицу.

Я сказал: в кэб, но скоро мне показалось, что я очутился в карете. Во всяком случае экипаж был обширнее обыкновенного четырехколесного лондонского орудия пытки, а обивка, хотя потрепанная, была из дорогой материи. М-р Летимэр уселся напротив меня, и мы проехали по Чаринг-Кроссу к Шефтсбёри-Авеню. Затем мы выехали на Оксфордскую улицу, и я только-что заговорил было о том, что мы делаем большой крюк, как речь моя была прервана необычайным поведением моего спутника.

Он начал с того, что вынул из кармана страшного вида кистень, налитый свинцом, и стал размахивать им, как бы пробуя его тяжесть и саду, потом, не говоря ни слова, положил его на сиденье рядом с собой. После этого он поднял окна с обеих сторон, и я увидел, что они заклеены бумагой, как будто для того, чтоб помешать мне смотреть на улицу.

– Сожалею, что мешаю вам смотреть, м-р Мелас, – сказал он. – Дело в том, что я не хочу, чтобы вы видели то место, куда мы едем. Мне было бы неудобно, если бы вы могли найти дорогу туда.

Можете себе представить, как я был поражен этими словами. Мой спутник был сильный, широкоплечий парень, и, не говоря уже о кистене, я ни в каком случае не мог бороться с ним.

– Меня очень удивляет ваше поведение, м-р Летимэр, – пробормотал я. – Вы должны понимать, что поступаете незаконно.

– Без сомнения, это в своем роде вольность, – ответил он, – но мы вознаградим вас за это. Однако, должен предупредить вас, м-р Мелас, что если, в эту ночь, вы подымете тревогу или сделаете что либо, что будет угрожать моим интересам, вы навлечете на себя серьезные неприятности. Прошу вас помнить, что никто не знает, где вы находитесь, и в этой карете так же, как и в моем деле, вы вполне в моей власти.

Он говорил спокойно, но в тоне его голоса слышалась угроза. Я продолжал сидеть молча, недоумевая, зачем он похитил меня.

Мы ехали около двух часов; я никак не мог догадаться, куда меня везут. Иногда по стуку камней можно было думать, что мы едем по шоссе, иногда по тихой, спокойной езде можно было предположить, что карета катится по асфальту. Но за исключением этой разницы в звуках не было

ничего, что могло бы помочь мне догадаться, где мы. Бумага на окнах была непроницаема, а переднее окно затянуто синей занавеской. Мы выехали из Палль-Малля в четверть восьмого, а на моих часах было без десяти минут девять. Когда наш экипаж, наконец, остановился, мой спутник опустил окно, и я мельком увидел низкий свод подъезда, где горела лампа. Когда я поспешно вышел из кареты, дверь подъезда распахнулась, и я очутился в доме. У меня осталось смутное впечатление, что перед подъездом была лужайка и деревья. Не могу сказать – была ли то усадьба, или просто дом в деревне.

В доме горела лампа под цветным колпаком. Огонь ее был спущен так сильно, что я едва мог разглядеть довольно большую переднюю, увешанную картинами. В полумраке я заметил, что дверь нам отворил маленький, невзрачный, сутуловатый человек средних лет. Когда он повернул к нам свет, я увидел, что он был в очках.

– Это м-р Мелас, Гарольд? – спросил он.

– Да.

– Отлично! Отлично! Надеюсь, вы не рассердитесь на нас, м-р Мелас, но мы не могли обойтись без вас. Если вы хорошо отнесетесь к нам, то не пожалеете, но если вздумаете сыграть с нами какую-нибудь штуку, то... сохрани вас Бог.

Он говорил отрывисто, нервным тоном, хихикая между словами, но почему-то он внушил мне больше страха, чем мой спутник.

– Что вам нужно от меня? – спросил я.

– Только, чтобы вы предложили несколько вопросов одному господину, греку, который в гостях у нас, и передали бы нам его ответы. Но говорите только то, что вам скажут, или... – тут он опять нервно захихикал, – лучше бы вам было не родиться.

Говоря это, он отворил дверь и ввел меня в комнату, по-видимому, роскошно убранную, но также плохо освещенную одной, полуспущенной лампой. Комната была большая и по тому, как мои ноги утопали в ковре, очевидно, богато меблированная. Я мимоходом заметил бархатные стулья, высокий, белый мраморный камин и, как мне показалось, с одной стороны его набор японского оружия. Как раз под лампой стоял стул; пожилой человек указал мне на него. Молодой вышел из комнаты и внезапно вернулся через другую дверь, ведя за собой джентльмена, одетого во что-то в роде халата. Джентльмен медленно приближался ко мне. Когда он вошел в круг слабого света, бросаемого лампой, я ужаснулся его вида. Он был смертельно бледен. Его выпуклые глаза сверкали как у человека, дух которого сильнее плоти. Но что поразило меня больше всех признаков

физической слабости, – это то, что все его лицо было покрыто полосами пластыря, скрещивавшимися между собой; таким же большим куском пластыря был закрыт и рот.

– У тебя доска, Гарольд? – крикнул пожилой, когда вошедшее странное существо скорее упало, чем село на стул. – Свободны у него руки? Ну, дай ему грифель. Предлагайте ему вопросы, м-р Мелас, а он будет писать ответы. Прежде всего, спросите его, готов ли он подписать бумаги.

Глаза незнакомца вспыхнули.

– Никогда, – написал он по-гречески на доске.

– Ни на каких условиях? – спросил я по приказанию нашего тирана.

– Только в том случае, если я увижу, что ее будет венчать мой знакомый греческий священник.

Пожилой захихикал язвительно.

– Вы ведь знаете, что ожидает вас в таком случае?

– Лично мне все равно.

Вот несколько вопросов и ответов из нашего странного разговора, частью устного, частью письменного. Несколько раз я должен был спрашивать его, согласится ли он подписать бумагу, и несколько раз передавал его негодующий ответ. Но скоро мне пришла в голову счастливая мысль. Я стал прибавлять свои слова к каждому вопросу, – сначала невинного свойства, чтобы убедиться, не понимает ли по-гречески который-нибудь из двух присутствующих. Когда же я увидел, что они ничего не подозревают, я начал более опасную игру. Вот, приблизительно, наш разговор.

– Ваше упрямство только повредит вам. Кто вы?

– Мне все равно. Я иностранец.

– Вы сами навлекаете беду на себя. Сколько времени вы здесь?

– Пусть будет так. Три недели.

– Состояние никогда не перейдет к вам. Чем вы больны?

– Оно не перейдет к негодьям. Они морят меня голодом.

– Вы будете свободны, если подпишите. Кому принадлежит этот дом?

– Я никогда не подпишу. Не знаю.

– Этим вы не окажете ей услуги. Как ваше имя?

– Пусть она сама скажет мне это. Кратидес.

– Вы увидите ее, если подпишете. Откуда вы?

– Так, значит, я никогда не увижу ее. Из Афин.

Еще пять минут, мистер Холмс, и я разузнал бы всю историю под самым носом этих господ. Мой следующий вопрос уяснил бы мне все, но в

это мгновение отворилась дверь, и в комнату вошла какая-то женщина. Я разглядел только, что она была высока ростом, грациозна, с черными волосами и в каком-то свободном белом платье.

– Гарольд! – сказала она по-английски с иностранным акцентом. – Я не могу оставаться дольше; так скучно оставаться одной, с... о, Боже мой, это Павел!

Последние слова она проговорила по-гречески, и в то же мгновение незнакомец с судорожным усилием сорвал со рта пластырь и с криком: «София, София!» бросился в объятия женщины. Объятия их длились, однако, лишь секунду. Молодой человек поспешно бросился к незнакомке и вытолкнул ее из комнаты, а пожилой легко справился со своей истощенной жертвой и вытащил его в противоположную дверь. На одно мгновение я остался один в комнате и вскочил на ноги с смутной надеждой узнать, что это за дом, в котором я находился. К счастью, однако я не успел ничего предпринять: подняв голову, я увидел, что старший из мужчин стоит в дверях, пристально смотря на меня.

– Довольно, м-р Мелас – сказал он. – Вы видите, что мы заставили вас принять участие в нашем интимном деле. Мы бы не стали беспокоить вас, если бы наш друг, говорящий по-гречески и начавший переговоры, не должен был вернуться на восток. Нам необходимо было заменить его кем-нибудь, и мы очень обрадовались, узнав, что вы хорошо знаете греческий язык.

Я поклонился.

– Вот пять соверенов, – продолжал он, подходя ко мне. – Надеюсь, что вы останетесь довольны этим вознаграждением. Но помните, – прибавил он, слегка дотронувшись до моей груди и хихикнув, – что если вы проговоритесь хоть одной человеческой душе, то да сжалится Господь над вашей душой.

Не могу вам передать, какое отвращение, какой ужас внушал мне этот человек. Теперь, когда на него падал свет лампы, я мог лучше разглядеть его. Лицо у него было бледное, с резкими чертами, с маленькой остроконечной реденькой бородкой. Говоря, он вытягивал лицо и передергивал губами и веками, словно человек, страдающий пляской св. Витта. Я невольно подумал, что его странный смех был также симптомом нервной болезни. Но самое ужасное в его лице были глаза – серые, стального цвета, с холодным блеском, с выражением злобной, непреклонной жестокости в глубине.

– Мы узнаем, если вы проговоритесь, – сказал он. – У нас есть свои способы добывать нужные нам сведения. Ну-с, экипаж ожидает вас, и мой

друг проводит вас домой.

Меня поспешно провели по передней и втокнули в карету так, что я опять успел увидеть только деревья и сад. М-р Летимэр шел за мной по пятам и молча сел на свое прежнее место напротив меня. Снова, в полном безмолвии, с поднятыми стеклами, мы проехали бесконечное пространство, пока, наконец, карета не остановилась. Только-что пробило полночь.

– Вы выйдете здесь, м-р Мелас, – сказал мой спутник. – Сожалею, что приходится оставить вас так далеко от вашего дома, но делать нечего. Всякая ваша попытка последовать за каретой послужит вам только во вред.

Говоря это, он отворил дверцу, и только что я успел выпрыгнуть, как кучер ударил по лошади, и экипаж быстро помчался. Я в изумлении оглянулся вокруг. Я был на пустыре, поросшем темными группами кустарников. Вдали виднелась линия домов, в верхних этажах которых кое-где мелькали огни. С другой стороны я увидел красные сигнальные фонари железной дороги.

Экипаж, в котором я приехал, уже исчез из виду. Я продолжал стоять, оглядываясь и стараясь догадаться, где бы я мог быть, как вдруг услышал, что кто-то подходит ко мне в темноте. Когда незнакомец подошел ближе, то оказался железнодорожным сторожем.

– Можете мне сказать, что это за место? – спросил я.

– Уандсуорт-Коммон, – ответил сторож.

– Могу я попасть на поезд, идущий в город?

– Если пройдете до станции Клэпкэм, – это с милю отсюда, то поспеете как раз к последнему поезду.

Так и окончилось мое приключение, м-р Холмс. Не знаю, где я был, с кем говорил, не знаю ничего, кроме того, что рассказал вам. Знаю только, что там происходит что-то ужасное и что мне хотелось бы помочь этому несчастному. На следующий же день я рассказал всю историю м-ру Майкрофту Холмсу, а затем полиции.

Несколько времени мы сидели молча, выслушав этот необычайный рассказ. Затем Шерлок Холмс взглянул на брата и спросил:

– Сделаны какие-нибудь шаги?

Майкрофт взял газету «Daily News», лежавшую на столе.

– «Награда тому, кто сообщит какие-либо сведения о местонахождении джентльмена-грека, Павла Кратидеса из Афин, не умеющего говорить по-английски. Такая же награда тому, кто сообщит что либо о даме-гречанке, по имени София. Х. 2473». Это объявление было помещено во всех ежедневных газетах, но ответа не последовало.

– Не справлялись в греческом посольстве?

– Справлялся. Там ничего не знают.
– Так надо телеграфировать начальнику полиции в Афинах.
– Вся энергия нашей семьи сосредоточилась в Шерлоке, – сказал Майкрофт, оборачиваясь ко мне. – Ну, так берись за это дело и дай мне знать, если оно удастся тебе.

– Конечно, – ответил мой приятель, вставая со стула. – Я сообщу обо всем и тебе и м-ру Меласу. А пока, м-р Мелас, будь я на вашем месте, я стал бы остерегаться, так как эти негодяи узнали по объявлениям, о том, что вы выдали их.

На пути домой Холмс зашел на телеграф и послал несколько телеграмм.

– Видите, Ватсон, мы во всяком случае не потеряли даром вечера, – заметил он. – Некоторые из самых интересных моих дел попали ко мне через Майкрофта. В только что слышанном нами загадочном происшествии есть несколько особенных черт, хотя, в общем, оно допускает только одно объяснение.

– Вы надеетесь выяснить это дело?

– Ну, зная столько, сколько уже известно нам, было бы странно, если бы мы не открыли всего. У вас у самого, должно быть, уже составила какая-нибудь теория насчет слышанного нами.

– В общих чертах – да.

– Ну, что же вы думаете?

– Мне кажется очевидным, что эта молодая гречанка увезена молодым англичанином, Гарольдом Летимэром.

– Откуда?

– Может быть, из Афин.

Шерлок Холмс покачал головой.

– Этот молодой человек не говорит ни слова по-гречески. Барышня порядочно говорит по-английски. Из этого можно вывести заключение, что она уже несколько времени находится в Англии, а он никогда не бывал в Греции.

– Ну, хорошо. Предположим тогда, что она приехала в Англию и этот Гарольд уговорил ее бежать с ним.

– Это более вероятно.

– Тогда брат – я думаю, она приходится ему сестрой – приезжает в Англию, чтобы вмешаться в их отношения. По неосторожности он попадает в руки молодого человека и его пожилого товарища. Они хватают приезжего и стараются силой принудить его подписать какие-то бумаги, чтобы завладеть состоянием молодой девушки, опекуном которой он,

может быть, состоит. Он отказывается. Для того, чтобы вести разговоры, им нужен был переводчик, и они напали на м-ра Меласа. Раньше у них был другой переводчик. Девушке не говорили о приезде брата, и она узнала об этом совершенно случайно.

– Превосходно, Ватсон! – вскрикнул Холмс. – Я действительно думаю, что вы недалеко от истины. Видите, все карты в наших руках, остается только бояться насилия со стороны этих господ. Если они дадут нам достаточно времени, мы накроем их.

– Но как найти, где находится их дом?

– Ну, если наши предположения правильны и имя этой девушки – София Кратидес (или, по крайней мере, это ее прежняя фамилия), то нетрудно будет напасть на ее след. Эта наша главная надежда, так как брат, по-видимому, совершенно чужой здесь. Ясно, что прошло уже несколько времени с тех пор, как Гарольд вступил в сношения с этой девушкой, – во всяком случае, несколько недель, – так как брат успел узнать это в Греции и приехать сюда. Если они жили в одном месте все это время, то мы должны получить какой-нибудь ответ на публикацию Майкрофта.

Во время этого разговора мы дошли до нашего дома в улице Бэкер. Холмс первый поднялся по лестнице и, отворив дверь в нашу комнату, вздрогнул от удивления. Я заглянул ему через плечо и также изумился. Майкрофт Холмс сидел в кресле и курил трубку.

– Входи, Шерлок! Войдите, сэр! – любезно проговорил он, улыбаясь при виде наших изумленных лиц. – Ты не ожидал от меня такой прыти, Шерлок? Но это дело имеет что-то особенно привлекательное для меня.

– Как ты попал сюда?

– Я обогнал вас в кэбе.

– Открылось что-нибудь новое?

– Я получил ответ на публикацию.

– А!

– Да, через несколько минут после того, как вы ушли.

– И что же?

Майкрофт Холмс вынул лист бумаги.

– Вот записка, – сказал он, – написанная мягким пером на дорогой бумаге цвета крем, пожилым, болезненным человеком. Вот что он пишет: «Сэр, в ответ на ваше объявление от сегодняшнего числа, могу сообщить вам, что я очень хорошо знаю молодую девушку, о которой идет речь. Если вы потрудитесь зайти ко мне, я сообщу вам некоторые подробности ее грустной истории. В настоящее время она живет в Бекенгэме, в имении «Мирты». С почтением Дж. Дэвенпорт».

– Он пишет из Нижнего Брикстона, – сказал Майкрофт Холмс, – как думаешь, Шерлок, не съездить ли нам к нему, чтобы расспросить его?

– Жизнь брата дороже истории сестры, мой милый Майкрофт, Я думаю, мы заедем в Scotland-Yard за инспектором Грегсоном и оттуда проедем прямо в Бекенгэм. Мы знаем, что человек обречен на смерть, и каждый лишний час имеет громадное значение.

– Не захватить ли нам с собой м-ра Меласа, – предложил я, – нам может понадобиться переводчик?

– Превосходно, – сказал Шерлок Холмс, – пошлите за экипажем и поедем немедленно.

Говоря это, он выдвинул ящик стола, и я заметил, что он сунул револьвер в карман.

– Да, – сказал он в ответ на мой вопросительный взгляд. – Из всего слышанного я заключил, что мы имеем дело с чрезвычайно опасной шайкой.

Почти совсем стемнело, когда мы подъехали к дому на Паль-Малле, где жил м-р Мелас. Как раз перед нами за ним заехал какой-то господин и увез его с собой.

– Не можешь ли сказать, куда? – спросил Майкрофт Холмс.

– Не знаю, – ответила женщина, которая отперла нам дверь. – Знаю только, что он уехал в карете вместе с джентльменом.

– Этот джентльмен не называл себя по фамилии?

– Нет, сэр.

– Это был высокий, красивый, молодой брюнет?

– О, нет, сэр; господин небольшого роста, в очках, с худым лицом, но с очень приятными манерами: он смеялся все время, пока говорил.

– Едем скорее! – отрывисто крикнул Шерлок Холмс.

– Дело становится очень серьезным! – заметил он, когда мы ехали в «Scotland-Yard». – Эти люди опять захватили Меласа. Он человек не храброго десятка, как они заметили в ту ночь. Этот негодяй сумел запугать его, как только явился к нему. Без сомнения, им понадобились его профессиональные услуги, но, воспользовавшись ими, они, пожалуй, захотят наказать его за то, что считают предательством с его стороны.

Мы надеялись, что по железной дороге доедем в Бекенгэм скорее, чем в экипаже. Однако, когда мы доехали до «Scotland-Yard», то принуждены были употребить более часа на то, чтоб дожждаться инспектора Грегсона и выполнить некоторые формальности, необходимые для того, чтоб проникнуть в дом. Было уже без четверти десять, когда мы приехали на станцию, и половина одиннадцатого, когда все четверо высадились в

Бекенгэме. Проехав полмили от станции, мы очутились перед «Миртами» – большим, мрачным домом, стоявшим особняком вдали от дороги. Тут мы опустили экипаж и пошли по дороге.

– В окнах темно, – заметил инспектор. – Дом, кажется, пуст.

– Наши птички улетели, и гнездышко опустело, – сказал Холмс.

– Почему вы говорите так?

– С час тому назад здесь проехала тяжело нагруженная повозка.

Инспектор рассмеялся.

– Я видел след колес при свете фонаря у ворот, но почему вы знаете, что повозка была тяжело нагружена?

– Вы, может быть, заметили, что те же следы колес идут и в другую сторону. Но колеи, которые идут от ворот, гораздо глубже, так что можно наверно сказать, что на повозке были тяжелые вещи.

– Вы несколько перехитрили меня, – сказал, пожимая плечами, инспектор, – не легко нам будет попасть в дом. Но попробуем прежде, не услышит ли нас кто-нибудь.

Он принялся громко стучать молотком у двери и звонить в колокольчик, но совершенно безуспешно. Холмс исчез куда-то, но вернулся через несколько минут.

– Я отворил одно окно, – сказал он.

– Хорошо, что вы на нашей стороне, а не против нее, м-р Холмс, – заметил инспектор, увидев, как ловко мой друг отпер задвижку. – Ну, мне, кажется, в этом случае мы можем войти, не дожидаясь приглашения.

Один за другим мы пробрались в большую комнату, по-видимому, ту самую, в которую был введен м-р Мелас. Инспектор зажег фонарь, и при свете его мы могли рассмотреть две двери, занавеску, лампу, японские вещи, – все то, что описывал грек. На столе стояло два стакана, пустая бутылка из-под водки и остатки еды.

– Это что? – внезапно сказал Холмс. Мы все остановились и прислушались.

Откуда-то над нашими головами доносился тихий, жалобный звук, походивший на стон. Холмс бросился к двери и выбежал в переднюю. Печальный звук несясь сверху. Холмс бросился наверх, инспектор и я за ним, а Майкрофт старался не отставать от нас, насколько ему позволяла его тучность.

Во втором этаже мы увидели три двери; из средней из них и неслись зловещие звуки, те понижавшиеся до бормотанья, то переходившие в резкий визг. Дверь была заперта, но ключ в замке оказался снаружи. Шерлок поспешно отворил дверь и вбежал в комнату, но через мгновение

выскочил назад, схватившись рукой за горло.

– Это уголья! – вскрикнул он. – Погодите. Это пройдет.

Заглянув в комнату, мы увидели, что она освещалась только синим, тусклым пламенем, колебавшимся над небольшим медным таганом, стоявшим среди комнаты. Пламя бросало мертвенно неестественный круг на пол. В тени мы заметили неясные очертания двух людей, прижавшихся к стене. Из открытой двери пахло ужасными ядовитыми испарениями, от которых мы закашлялись и чуть было не задохлись. Холмс бросился на верх лестницы, чтобы впустить свежий воздух, потом кинулся в комнату, открыл окно и выбросил таган в сад.

– Через минуту можно будет войти, – задыхаясь, проговорил он. – Где свечка? Я думаю, в такой атмосфере нельзя зажечь спички. Подержи фонарь у двери, Майкрофт, а мы вытащим их. Ну, беритесь!

Мы бросились к отравленным и вытащили их на площадку. Оба были без чувств, с посиневшими губами, распухшими, налитыми кровью лицами и вышедшими из орбит глазами. Лица их были до такой степени искажены, что только по черной бороде и коренастой фигуре мы могли узнать грека-переводчика, с которым расстались только несколько часов тому назад в клубе Диогена. Он был крепко связан по рукам и ногам, а над одним глазом виднелись следы сильного удара. Другой, связанный таким же образом, был высокий, до крайности истощенный мужчина, с лицом, уродливо испещренным полосами липкого пластыря. Он перестал стонать, когда мы положили его на пол, и для меня было достаточно одного взгляда, чтобы убедиться, что для него уже не нужно нашей помощи. Но мистер Мелас был еще жив и менее чем через час, с помощью нашатырного спирта и водки, мне удалось привести его в себя. Он открыл глаза, и я имел удовольствие убедиться в том, что моя рука спасла его от мрачной долины смерти, где сходятся все дороги.

История, которую он рассказал нам, оказалась простой и подтвердила все наши предположения. Посетитель, пришедший к мистеру Меласу, вынул из рукава нож и так напугал грека угрозой мгновенной смерти, что вторично увез его с собой. Этот хихикающий негодяй имел на несчастного лингвиста почти гипнотическое влияние. Мелас не мог даже говорить о нем без дрожи и не бледнея. Его поспешно увезли в Бекенгэм, и там ему пришлось быть переводчиком при свидании еще более драматическом, чем первое: англичане угрожали пленнику немедленной смертью, если он не согласится на их требования. Наконец, видя, что никакие угрозы не действуют, они втолкнули его обратно в его тюрьму и, упрекнув Меласа в предательстве, обнаружившемся в объявлении в газете, оглушили его

ударом палки; он потерял сознание и опомнился только тогда, когда мы привели его в чувство.

Таково было странное приключение, случившееся с греком переводчиком и до сих пор еще не вполне объясненное. Повидавшись с джентльменом, ответившим на публикацию, мы узнали, что несчастная молодая девушка происходила из богатой греческой семьи и приезжала в Англию к своим знакомым. Там она встретилась с молодым человеком, Гарольдом Летимэром, который приобрел над ней сильное влияние и уговорил ее бежать с ним. Ее знакомые, неприятно пораженные этим случаем, ограничились тем, что известили ее брата, жившего в Афинах, и затем умыли руки. Брат, по приезде в Англию, по неосторожности попал в руки Летимэра и его сообщника, Вильсона Кемпа, человека с самым темным прошлым. Негодяи, увидев, что незнакомец, по незнанию английского языка, совершенно беспомощен в их руках, держали его пленником в своем доме и, жестоким обращением и голодом, пытались заставить его отречься в их пользу от своего состояния и от состояния сестры. Девушка не знала о его пребывании в доме, а пластырь на его лице был наклеен для того, чтобы было труднее узнать его в случае неожиданной встречи. Но, несмотря на эту предосторожность, она с женской наблюдательностью сразу узнала его при первом посещении переводчика. Впрочем, бедная девушка была также пленницей, так как в доме не было никого, кроме человека, исполнявшего роль кучера, и его жены, которые оба были сообщниками заговорщиков. Убедившись, что тайна их открыта, а от пленника ничего не добьешься, негодяи бежали с девушкой из нанятого ими меблированного дома, сначала отомстив, как они думали, и тому, с кем им не удалось сладить, и выдавшему их.

Через несколько месяцев мы получили из Будапешта интересную газетную вырезку. В ней сообщалось о трагической смерти двух англичан, путешествовавших с какой-то женщиной. Оба они были найдены заколотыми, и венгерская полиция предполагала, что они нанесли друг другу смертельные раны во время ссоры. Но мне кажется, что Холмс держится иного мнения, и до сих пор он предполагает, что если бы можно было отыскать гречанку, мы узнали бы, как было отомщено все зло, причиненное ей и брату.

Морской договор

Июль месяц, в год моей женитьбы, останется навсегда памятным мне, благодаря трем интересным делам, в которых мне посчастливилось принимать участие вместе с Шерлоком Холмсом и изучать его метод. Дела эти записаны у меня под названием «Второе пятно», «Морской договор» и «Усталый капитан», но первое из них касается интересов самых знатных фамилий Англии, и поэтому не может быть опубликовано в настоящее время. А между тем ни одно из дел, которыми занимался Холмс, не может служить лучшей иллюстрацией его аналитического метода, ни одно не произвело более сильного впечатления на близких к Холмсу сотрудников. У меня до сих пор хранится почти буквальный доклад о свидании, во время которого Холмс указывает все подробности дела г. Дюбюку, начальнику парижской полиции, и Фрицу фон-Бальдбауму, известному данцигскому специалисту. Оба эти специалиста совершенно напрасно потратили много энергии на расследование этого дела. Но рассказать все можно будет только в грядущем столетии, а пока я опишу второе из записанных мною происшествий, угрожавшее быть стать важным национальным вопросом и отличающееся несколькими подробностями, придающими ему единственный в своем роде характер.

В школе я был очень близок с одним из мальчиков – Перси Фельпсом. Ровесник мне по годам, он был старше меня на два класса. Способности у него были блестящие; он получал все награды, какие только давались в школе, и закончил тем, что получил стипендию, которая дала ему возможность продолжать свою победоносную карьеру в Кэмбридже. Насколько я помню, у него была знатная родня, и еще маленькими мальчиками мы знали, что брат его матери – лорд Хольдхёрст, известный консерватор. Это знатное родство приносило ему в школе мало пользы; напротив, нам казалось интересным повалить и отколотить именно его. Другое дело, когда он вступил в свет. До меня доносились слухи, что, благодаря его способностям и знатным связям, он получил хорошее место в министерстве иностранных дел. Затем он совершенно исчез из моей памяти до тех пор, пока следующее письмо не напомнило мне об его существовании:

«Брайарбрэ, Уокинг.

Любезный Ватсон, я не сомневаюсь, что вы помните

«головастика» Фельпса, бывшего в пятом классе, когда вы учились в третьем. Может быть, вы слышали, что благодаря влиянию дяди, я получил хорошее место в министерстве иностранных дел и пользовался там доверием и уважением до тех пор, пока ужасное несчастье не разрушило вдруг всей моей карьеры.

Бесполезно было бы описывать вам все подробности этого несчастного случая. Если вы согласитесь исполнить мою просьбу, то мне придется лично рассказать вам все. Я только что оправился от воспаления мозга, которое продолжалось девять недель, и еще очень слаб. Не можете ли вы навестить меня и привести с собой вашего друга, м-ра Холмса? Мне хотелось бы узнать его мнение насчет одного дела, хотя знатоки и уверяют меня, что больше ничего уже нельзя сделать. Попробуйте уговорить его и приезжайте как можно скорее. В том ужасном состоянии, в котором я нахожусь, каждая минута кажется часом. Скажите ему, что если я не просил его совета раньше, то не потому, чтобы сомневался в его талантливости, а оттого, что лишился способности соображать с той самой минуты, как удар постиг меня. Теперь рассудок вернулся ко мне, но я боюсь думать слишком много, чтобы не вызвать повторения припадка. Я еще так слаб, что, как видите, принужден диктовать письмо. Постарайтесь привезти его.

Ваш старый товарищ

Перси Фельпс».

Что-то в этом письме, – может быть, усиленные мольбы о приглашении Шерлока Холмса, – тронуло меня. Тронуло настолько, что даже в том случае, если бы мне представлялась какая-нибудь трудная задача, я выполнил бы ее; а тут я хорошо знал, что Холмс любит свое искусство и всегда готов оказать помощь всякому, кто нуждается в ней. Жена согласилась со мной, что не следует терять ни минуты, и потому через час после завтрака и уже был в своей прежней квартире на улице Бэкер.

Холмс сидел у стола в халате, весь погруженный в какой-то химический опыт. Большая изогнутая реторта неистово кипела на голубоватом пламени бунзеновской лампочки и дистиллированные капли собирались в двухлитровую мензурку. Мой приятель еле взглянул на меня,

когда я вошел в комнату. Видя, что он занят каким-то важным опытом, я уселся в кресло и стал ждать. Он погружал свою стеклянную трубочку то в один сосуд, то в другой и, наконец, поставил на стол пробирку. В правой руке у него был лоскуток лакмусовой бумаги.

– Вы пришли как раз в критическую минуту, – проговорил он. Если эта бумажка останется синей – хорошо; если же станет красной, то дело идет о жизни человека.

Он опустил бумажку в пробирку, и она сразу окрасилась в темно-красный цвет.

– Гм! я так и думал! – вскрикнул Холмс. – Через минуту я к вашим услугам, Ватсон. Табак вы найдете в персидской туфле.

Он подошел к письменному столу, набросал несколько телеграмм и отдал их мальчику. Потом он бросился в кресло и, подняв колени, охватил их руками.

– Самое обыкновенное убийство, – сказал он. – Мне кажется, у вас есть что-то получше. Вы прямо буреизвестник преступлений, Ватсон. Что там такое?

Я подал ему письмо, которое он прочел с сосредоточенным вниманием.

– Немногое узнаешь из этого; не правда ли? – заметил он отдавая письмо обратно.

– Почти ничего.

– Только почерк интересный.

– Но ведь писал не он сам.

– Вот именно. Это женский почерк.

– Наверно мужской! – сказал я.

– Нет, женский, и почерк женщины с редким характером. Видите, для начала исследования недурно знать, что клиент состоит в близких отношениях с человеком исключительным по своим добрым или хорошим качествам. Это заинтересовало меня. Если вы готовы, то отправимся сейчас же в Уокинг и взглянем на дипломата, находящегося в таком печальном состоянии, и на даму, пишущую письма под его диктовку.

Нам посчастливилось попасть на ранний поезд в Ватерлоо, и менее чем через час мы уже были в сосновых лесах и среди вереска Уокинга. Брайарбрэ оказался большим особняком, стоявшим среди обширного парка, в нескольких минутах ходьбы от станции. Мы послали наши карточки, и нас ввели в изящно убранную гостиную, куда к нам скоро вышел довольно полный господин, встретивший нас очень гостеприимно.

На вид ему было скорее под сорок, чем под тридцать лет, но щеки его были так румяны, а глаза так веселы, что он производил впечатление пухлого шаловливого ребенка.

– Как я рад, что вы приехали, – сказал он, радушно пожимая нам руки. – Перси все утро спрашивал про вас. Он, бедняга, цепляется за каждую соломенку. Его отец и мать просили меня повидаться с вами, так как им тяжело всякое упоминание об этом деле.

– Мы не знаем никаких подробностей, – заметил Холмс. – Вы, как я замечаю, также не член их семьи.

Наш новый знакомец сначала удивился, потом взгинул вниз и рассмеялся.

Вы, вероятно, видели монограмму «Дж. Г.» на моем брелоке, – сказал он. – Одно мгновение я подумал, что вы слишком догадливы. Меня зовут Джозеф Гаррисон, и так как Перси должен жениться на моей сестре Анни, то я стану его родственником. Вы увидите мою сестру в его комнате: в продолжение двух месяцев она неусыпно ухаживает за ним. Не пойти ли нам к нему сейчас же? Я знаю, с каким нетерпением он ожидает вас.

Комната, куда он повел нас, была в одном этаже с гостиной. Она представляла собой нечто среднее между будуаром и спальней и была вся заставлена цветами. Молодой человек, очень бледный и истощенный, лежал на кушетке у открытого окна, через которое доносился чудный запах из сада и напоенный ароматами летний воздух. Рядом с ним сидела женщина, которая встала при нашем появлении.

– Уйти мне, Перси? – спросила она. Он удержал ее за руку.

– Как поживаете, Ватсон? – ласково сказал он. – Я никогда не узнал бы вас с этими усами, да, я думаю, и вы не признали бы меня. Это, вероятно, ваш знаменитый друг м-р Шерлок Холмс?

Я представил их друг другу, и мы сели. Толстый господин вышел из комнаты, но сестра его осталась и продолжала держать руку больного. Это была женщина поразительной наружности – небольшого роста, слишком полная, но с чудным, оливковым цветом лица, большими, темными, как у итальянки, глазами и роскошными черными волосами. Яркий цвет ее лица еще более оттенял худобу и смертельную бледность молодого человека.

– Не буду отнимать у вас времени и сразу перейду к делу, – сказал он, приподнимаясь на кушетке. – Я был счастлив, м-р Холмс, успех сопровождал меня во всем, как вдруг накануне женитьбы внезапное, страшное несчастье разбило все мои надежды на будущее.

Может быть, Ватсон говорил вам, что я служил в министерстве иностранных дел и, благодаря влиянию моего дяди, лорда Хольдхёрста,

быстро получил ответственное место. Когда дядя сделался министром иностранных дел, он стал давать мне конфиденциальные поручения, и так как мне удавалось всегда успешно выполнять их, то он, наконец, вполне убедился в моих способностях и такте.

Почти десять недель тому назад – именно 23-го мая – он позвал меня к себе в комнату и, похвалив меня за успешное окончание данного мне дела, сказал, что хочет дать мне новое конфиденциальное поручение.

– Вот, – сказал он, вынимая серый сверток из своего бюро, – вот оригинал секретного договора между Англией и Италией, некоторые слухи о котором, к сожалению, уже проникли в печать. Крайне важно скрыть остальное. Французское или русское посольства заплатили бы огромные деньги, чтобы узнать подробности этих бумаг. Я ни за что не выпустил бы их из своего бюро, если бы не нужны были копии. Есть у тебя в канцелярии письменный стол?

– Да, сэр.

– Ну, так возьми договор и запири его в стол. Я отдал приказание, чтобы ты остался позже других, так что ты можешь переписать бумаги на свободе, не боясь, что кто-нибудь подсмострит. Когда кончишь, запири в стол оригинал и копию и отдай мне лично завтра и то и другое.

Я взял бумаги и...

– Извините, одну минутку, – сказал Холмс, – во время этого разговора вы были одни?

– Совершенно одни.

– В большой комнате?

– Тридцать футов по каждой стене.

– В середине ее?

– Приблизительно, да.

– И говорили тихо?

– Дядя всегда говорит замечательно тихо. Я же почти ничего не говорил.

– Благодарю вас, – сказал Холмс, закрывая глаза, – пожалуйста, продолжайте.

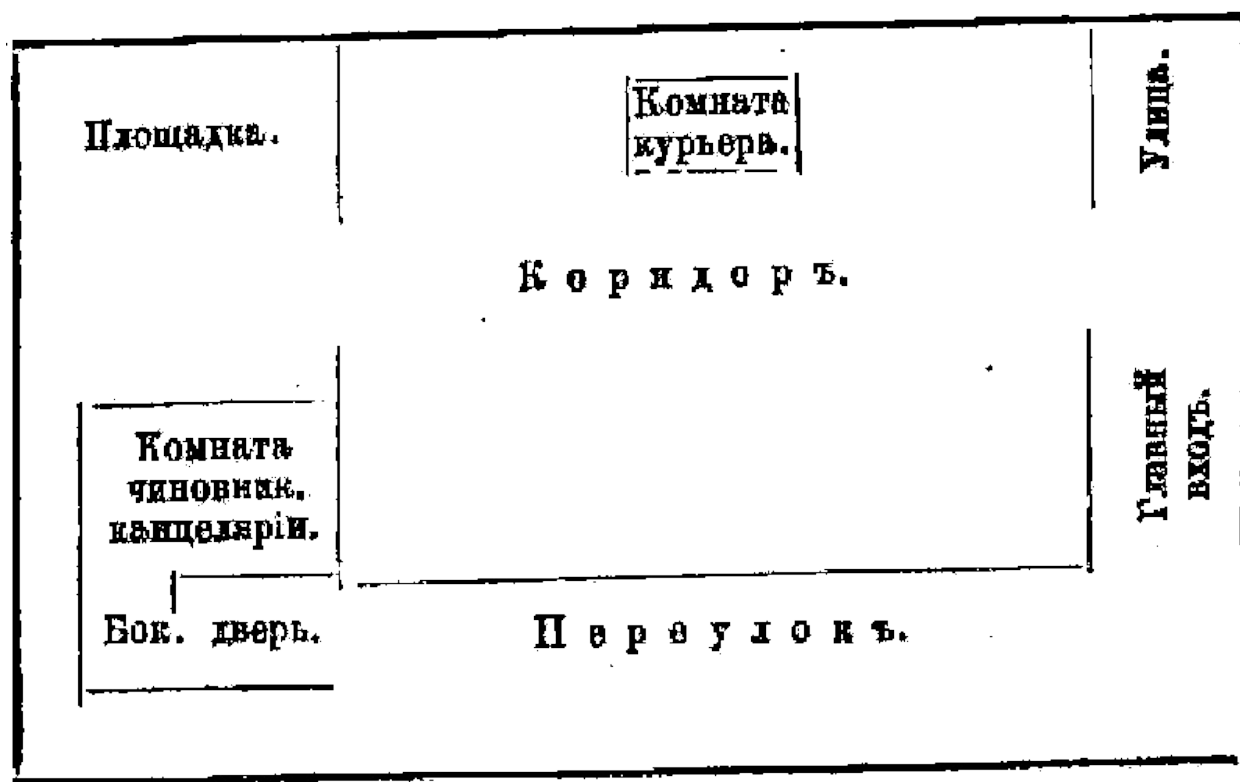
– Я сделал все, как он велел, и стал ожидать, когда уйдут другие чиновники. Одному из них, работавшему в моей комнате, Чарльзу Горо, надо было доделать какую-то работу. Я оставил его и пошел обедать. Когда я вернулся, он уже ушел. Мне очень хотелось поскорее окончить работу, так как я узнал, что Джозеф – мистер Гаррисон, которого вы только что видели, – в городе и поедет в Уокинг с одиннадцатичасовым поездом, на который я также рассчитывал попасть если будет возможно.

Когда я стал рассматривать договор, то убедился, что дядя нисколько не преувеличивал его значения. Не буду сообщать вам подробностей, скажу только, что он определяли положение Великобритании относительно тройственного союза и предугазывал образ действия страны в случае, если французский флот приобретет большие преимущества над итальянским в Средиземном море. Разбирались вопросы специально морские. В конце стояли подписи сановников, подписавших договор. Я пробежал бумагу глазами и принялся списывать ее.

Этот длинный документ, написанный по-французски, содержал двадцать шесть отдельных статей. Я писал, как только мог скоро, но к девяти часам успел списать только девять статей и потерял всякую надежду попасть на поезд. Какая-то сонливость и тупость овладели мной – частью под влиянием обеда, а частью вследствие работы в течение целого дня. Я подумал, что, может быть, чашка кофе освежит меня. В маленькой комнатке под лестницей всегда дежурит курьер, который, в случае нужды, может сварить на спиртовой лампочке кофе для заработавшихся чиновников. Я позвонил, чтобы он пришел.

К моему удивлению, на зов явилась какая-то толстая пожилая женщина с грубым лицом, в переднике. Она сказала, что она жена курьера и занимается поденной работой. Я приказал ей дать кофе.

Я переписал еще две статьи и, почувствовав еще большую сонливость, встал и принялся ходить по комнате, чтобы размять ноги. Кофе мне еще не подали. Не понимая причины задержки, я отворил дверь в коридор и пошел узнать, в чем дело. От комнаты, в которой я работал, идет слабо освещенный коридор. Он заканчивается извилистой лестницей, внизу которой находится комната курьера. На половине лестницы есть маленькая площадка, на которую под прямым углом выходит другой коридор. Этот коридор ведет, по другой маленькой лестнице, к маленькой двери, через которую ходит прислуга, а также чиновники для сокращения пути из Чарльз-Стрит. Вот грубый набросок расположения комнат.

— Благодарю вас. Мне кажется, я вполне понимаю вас, — сказал Шерлок Холмс.

— Чрезвычайно важно, чтобы вы обратили внимание на этот пункт. Я спустился по лестнице в переднюю и увидел, что курьер крепко спит, сидя перед кофейником, стоявшим на спиртовой лампочке. Вода в кофейнике кипела так яростно, что брызги ее падали на пол. Я только что протянул руку, чтобы растолкать курьера, продолжавшего спать крепчайшим сном, как над головой его раздался сильный звон колокольчика. Он проснулся, вскочил на ноги и с недоумением взглянул на меня.

— Мистер Фельпс, сэр! — проговорил он.

— Я пришел посмотреть, готов ли мой кофе.

— Я кипятил воду, да и заснул, сэр.

Он посмотрел на меня и затем, с выражением еще большего изумления, взглянул на все еще продолжавший звонить колокольчик.

— Если вы здесь, сэр, то кто же звонит в колокольчик? — спросил он.

— Колокольчик? — сказал я. — Что это за колокольчик?

— Это колокольчик из той комнаты, в которой вы работали.

Ужас оледенил мне сердце. Значит, кто-нибудь был в комнате, где на столе лежал мой драгоценный договор. Я, как безумный, сбежал с лестницы и побежал по коридору. Ни в коридоре, ни в комнате никого не

было, мистер Холмс. Все было в полном порядке, но порученных мне бумаг на столе не оказалось. Копия лежала на месте, а оригинал исчез.

Холмс сидел на кресле, потирая руки. Я видел, что дело ему вполне по сердцу.

– Скажите, пожалуйста, что же вы тогда сделали? – проговорил он.

– Я сейчас же понял, что вор, должно быть, пробрался на лестницу через боковую дверь. Я бы встретился с ним, если бы он вошел другим ходом.

– Вы, уверены, что он не мог прятаться все время в комнате или в коридоре, слабо освещенном по вашим словам?

– Это совершенно невозможно. Крыса не могла бы спрятаться в комнате или в коридоре. Там нет ни одного укромного местечка.

– Благодарю вас. Продолжайте.

– Курьер угадал по моему побледневшему лицу, что произошло что-то неладное, и пошел за мной наверх. Мы оба быстро пробежали по коридору и по крутой лестнице, которая ведет на Чарльз-Стрит. Дверь была заперта, но не на замок. Мы распахнули ее и выбежали на улицу. Я хорошо помню, что в эту минуту на соседней церкви пробило три удара. Было три четверти десятого.

– Это чрезвычайно важно, – проговорил Холмс, записывая на манжетке рукава.

– Ночь была очень темная; накрапывал теплый дождик. На Чарльз-Стрите было безлюдно, но в конце Уайтголля царило обычное оживление. Без шляп мы выбежали на улицу, на отдаленном конце которой стоял полицейский.

– Произошло воровство! – задыхаясь, проговорил я. – Из министерства иностранных дел украден очень важный документ. Не проходил ли здесь кто-нибудь?

– Я стою здесь четверть часа, сэр, – ответил полицейский. – За это время прошла только одна пожилая высокая женщина в шали.

– Ах, это моя жена, – сказал курьер. – А больше никто не проходил?

– Никто.

– Ну, значит, вор прошел другой дорогой, – проговорил курьер, дергая меня за рукав.

Но я не удовольствовался этим; к тому же очевидные старания курьера увести меня только усилили мои подозрения.

– В которую сторону пошла эта женщина? – крикнул я.

– Не знаю, сэр. Я видел ее, но не обратил особого внимания. Мне показалось, что она торопилась куда-то.

– Как давно это было?

– О, только несколько минут тому назад!

– Минут пять?

– Да, не более того.

– Сэр, вы только теряете время, когда важна каждая минута – поверьте мне на слово: старуха моя тут ни при чем, и пойдете в тот конец улицы. Ну, если вы не пойдете, я пойду один, – и он бросился в другую сторону.

Но я догнал его и схватил за рукав.

– Где вы живете? – спросил я.

– № 16 Анви-Лэн, Брикстон, – ответил он, – но не идите по ложному следу, мистер Фельпс. Пойдите в другой конец улицы и посмотрим, не узнаем ли там чего-нибудь.

Я ничего не терял, исполняя его совет, и потому мы оба вместе с полицейским бросились на противоположный конец улицы. Народу там было очень много, но так как погода была сырая, то все торопились укрыться куда-нибудь. Прогуливающихся, к которым можно было бы обратиться с вопросами, не оказывалось.

Затем мы вернулись в канцелярию и обыскали всю лестницу и коридор, но безуспешно. Коридор, ведущий в комнату, покрыт светлым линолеумом, на котором очень ясно отпечатлевается всякое пятно, Мы внимательно оглядели его, но не нашли следов ног.

– Дождь шел целый вечер?

– Начиная с семи часов.

– Как же так женщина, вошедшая в комнату около девяти, не запачкала линолеума своими грязными сапогами?

– Я рад, что вы предложили этот вопрос. Он мне пришел также в голову тогда. Поденщицы обыкновенно снимают сапоги внизу у курьера и надевают туфли.

– Это очевидно. Итак, следов не было видно, несмотря на сырую погоду? Сцепление обстоятельств, действительно, очень интересное. Что же вы затем сделали?

– Мы обыскали и комнату. Потайной двери тут не могло быть, а окна находятся на высоте тридцати футов от земли; оба они были заперты изнутри. Ковер исключает всякую мысль о люке, а потолок самый простой, выбеленный клеевой краской. Я готов прозакладывать свою жизнь, что вор вышел через двор.

– А камин?

– Там нет его. Есть только печка. Шнурок колокольчика висит как раз направо от моего стола. Тот, кто звонил, подошел для этого прямо к столу.

Но зачем бы преступнику звонить в колокольчик? Это просто неразрешимая задача.

– Действительно, случай необычайный. Что же вы предприняли потом? Вы, вероятно, осмотрели всю комнату, чтобы найти какие либо следы преступника – окурок сигары, оброненную перчатку или шпильку, или какую-нибудь другую мелочь?

– Там не было ничего подобного.

– А запаха?

– Ну, мы об этом не подумали.

– Ах, запах табаку имел бы для нас очень важное значение в этом случае.

– Я никогда не курю сам и поэтому думаю, что заметил бы запах табаку. Вообще не было положительно никаких данных. Единственным осязательным фактом является то обстоятельство, что жена курьера – миссис Тэнджей – торопливо ушла из данного места. Сам курьер объяснил только, что она уходила почти всегда в то время. Полицейский и я решили, что лучше всего схватить эту женщину, пока бумаги еще у нее.

Между тем слух об этом происшествии дошел до полиции. Явился сыщик, м-р Форбс, и энергично принялся за дело. Мы наняли экипаж и через полчаса приехали по данному адресу. Нам отворила дверь какая-то молодая женщина, оказавшаяся старшей дочерью м-с Тэнджей. Она сказала, что мать еще не возвращалась, и попросила нас подождать ее в передней комнате.

Минут через десять кто-то постучался в дверь, и тут мы сделали первую серьезную ошибку, за которую я упрекаю себя. Вместо того, чтоб отворить дверь самим, мы допустили дочь сделать это и слышали, как она сказала: «Мать, тут ждут тебя двое людей». Мгновение спустя мы услышали чьи-то поспешные шаги. Форбс распахнул дверь, и мы оба вбежали в заднюю комнату или кухню, но женщина обогнала нас. Она смотрела на нас вызывающим взглядом. Внезапно она узнала меня, и выражение полного изумления показалось на ее лице.

– Да неужели же это м-р Фельпс из канцелярии! – вскрикнула она.

– Ну, а за кого же вы приняли нас, когда убежали? – спросил мой товарищ.

– Я думала, вы за долгом, – ответила она. – У нас тут вышли неприятности с одним торговцем.

– Это вы неудачно придумали, – ответил Форбс. – У нас имеются данные предполагать, что вы взяли важную бумагу из министерства иностранных дел и убежали, чтоб отдать ее кому-то. Вы поедете с нами в

полицию, и вас обыщут там.

Напрасно она протестовала и сопротивлялась. Привели карету, и мы отправились все втроем. Но сначала мы осмотрели кухню, и особенно плиту, чтобы посмотреть, не сожгла ли она бумаг в ту минуту, как осталась одна. Однако мы не нашли ни золы, ни каких бы то ни было остатков. Как только мы приехали в «Scotland Yard», мы велели немедленно приставленной для этого женщине обыскать ее. Я ждал с мучительной тревогой результатов обыска. Бумаг у подозреваемой не оказалось.

Тогда только я понял весь ужас моего положения. До тех пор я только действовал, и деятельность заглушала мысли. Я был так уверен в том, что найду договор, что не решался даже подумать о том, что будет, если он пропал. Но теперь делать было нечего, и я мог на досуге уяснить себе мое положение. Это было ужасно! Ватсон может сказать вам, что в школе я был нервным, чувствительным мальчиком. Таков уж я по натуре. Я подумал о дяде и его товарищах по кабинету, о позоре, который я навлек на него, на себя, на всех моих родных. Что из того, что я жертва необыкновенного случая? Никакие случайности не допускаются там, где затронуты дипломатические интересы. Я погиб, погиб постыдно, безнадежно. Не помню, что я сделал. Думаю, что разыграл целую сцену. Мне смутно припоминается, как вокруг меня собралась толпа чиновников, старавшихся утешить меня. Один из них отвез меня на Ватерлоо и посадил в поезд, шедший в Уокинг. Я думаю, он проводил бы меня до дома, если бы в том же поезде не ехал доктор Феррьер, который живет по соседству со мной. Доктор чрезвычайно любезно согласился взять меня на свое попечение и хорошо сделал, потому что на станции у меня сделался припадок, и прежде чем мы доехали до дома, я стал буйным и сумасшедшим.

Можете себе представить, каково было состояние моих близких, когда звонок доктора разбудил их и они увидели меня в подобном положении. Бедная Анни – вот она – и моя мать были в полном отчаянии. Доктор Феррьер слышал кое-что на станции от сыщика и передал им все. Понятно, это не улучшило дела. Очевидно было, что у меня будет продолжительная болезнь. Поэтому Джозефа выгнали из его уютной спальни и поместили тут меня. Здесь я лежал целых девять недель, мистер Холмс, без сознания. У меня было воспаление мозга. Если бы не уход мисс Гаррисон и не лечение доктора – вы бы не говорили сегодня со мной. Анни ухаживала за мной днем, а по ночам за мной смотрела сиделка, так как в припадках бешенства я был способен на все. Рассудок мой прояснялся медленно, а память вернулась только в последние три дня. По временам я желаю, чтобы она и вовсе не возвращалась. Первым моим делом было телеграфировать м-

ру Форбсу, в руках которого находится дело. Он приехал и сказал мне, что, несмотря на все усилия, ему не удалось найти нити, за которую можно было бы ухватиться. Курьера и его жену расспрашивали чрезвычайно подробно, но не могли ничего добиться от них. Тогда подозрение полиции пало на молодого Горо, который, если помните, оставался в этот вечер на службе позже других. Единственным поводом к подозрению являлось то обстоятельство, что он остался, когда ушли другие, и носит французскую фамилию; но я начал работу только после его ухода, а его родные, хотя и гугенотского происхождения, но по своим симпатиям и традициям такие же англичане, как мы с вами. Подозрения ничем не подтвердились, и дело на том и окончилось. Обращаюсь к вам, м-р Холмс, как к последней моей надежде. Если и вы не поможете мне, то моя честь и карьера погублены навеки.

Больной, обессиленный долгим рассказом, опустился на подушку, и добровольная сиделка дала ему выпить какого-то подкрепляющего лекарства. Холмс молча сидел, откинув голову и закрыв глаза. Посторонний мог бы подумать, что он слушает совершенно безучастно, но я видел, что он был весь внимание.

– Вы рассказали все так ясно, – наконец, проговорил он, – что мне остается предложить вам очень мало вопросов. Однако есть один чрезвычайно важный. Вы никому не рассказывали о возложенном на вас поручении?

– Никому.

– А например, мисс Гаррисон?

– Нет. Я не был в Уокинге в промежуток между получением поручения и его выполнением.

– И не виделись, случайно, с кем-нибудь из близких?

– Нет.

– Знает ли кто-нибудь из них ход в канцелярию?

– О, да, все.

– Впрочем, раз вы говорите, что никому не рассказывали про договор, то эти вопросы не идут к делу.

– Я ничего не говорил.

– Что вы знаете о курьере?

– Ничего, кроме того, что он отставной солдат.

– Какого полка?

– Слышал, что гвардейского... «Кольдстрим».

– Благодарю. Не сомневаюсь, что Форбс сообщит мне некоторые подробности. Чиновники отлично умеют собирать факты, хотя не всегда

используют их... Что за прелестный цветок – розы!

Он прошел мимо кушетки к открытому окну и приподнял склонившийся стебель розы, любуясь на красивое сочетание пурпурового и зеленого цветов. Для меня это увлечение являлось новой чертой в характере Холмса, так как мне ни разу не приходилось видеть, чтобы он особенно интересовался такими предметами.

– Нет ничего, в чем выводы были бы так необходимы, как в религии, – проговорил Холмс, прислоняясь к ставням. – Человек рассуждающий может тут построить все как в точных науках. Мне кажется, что нашу высшую уверенность в благодати Провидения можно основывать именно на цветах. Все другое – силы, желания, пища – насущная необходимость. А эта роза – роскошь, ее запах и цвет – украшения жизни, но не необходимые условия ее. Только благодать дает излишества, и потому-то я говорю, что цветы должны поддерживать в нас надежду.

Во время этой тирады Холмса выражение удивления и разочарования показалось на лице Перси Фельпса и его сиделки. Он впал в мечтательное настроение, продолжая держать розу в руках. Мисс Гаррисон прервала молчание.

– Как вы полагаете, есть надежда разрешить эту тайну, м-р Холмс? – спросила она с оттенком колкости в голосе.

– О, тайну! – ответил он, вздрогнув и как бы возвращаясь к прозе жизни. – Было бы нелепым отрицать, что дело чрезвычайно трудное и сложное, но обещаю вам хорошенько заняться им и сообщить все обстоятельства, которые обратят на себя мое внимание.

– Видите ли вы какую либо нить?

– Вы дали мне целых семь, но конечно, мне нужно испробовать их прежде, чем решить, пригодны ли они.

– Вы подозреваете кого-нибудь?

– Самого себя...

– Как? Что это значит?

– Подозреваю самого себя в том, что вывел заключения слишком поспешно.

– Так отправляйтесь в Лондон и проверьте ваши заключения.

– Превосходный совет, мисс Гаррисон, – сказал Холмс, вставая. – Я думаю, Ватсон, это лучшее, что мы можем сделать. Не предавайтесь ложным надеждам, м-р Фельпс. Дело очень запутанное.

– Я буду ожидать вас с лихорадочным нетерпением, – ответил молодой человек.

– Хорошо, я приеду завтра утром с тем же поездом, хотя, по всем

вероятиям, не сообщу вам ничего нового.

– Да благословит вас Бог за это обещание, – воскликнул. больной, – я оживаю при мысли, что возможно что-нибудь сделать. Между прочим, я получил письмо от лорда Хольдхёрста.

– Ага! Что же он пишет?

– Письмо холодное, но не резкое. Я думаю, от резкости его удержала моя серьезная болезнь. Он повторяет, что дело чрезвычайно важное, и прибавляет, что ничего не будет предпринято относительно моей будущности – под этими словами он, конечно, подразумевает отставку, – пока я не поправлюсь и мне не представится возможность исправить беду.

– Ну, это разумно и деликатно, – сказал Холмс. – Идем, Ватсон. В городе нам предстоит много дела.

М-р Джозеф Гаррисон отвез нас на станцию, и скоро мы уже неслись в портсмутском поезде.

– Очень весело въезжать в Лондон по одной из этих линий, которые проходят так высоко, и откуда вам открывается вид на дома, подобные этому.

Я думал, что он шутит, потому что вид был довольно мрачный, но он скоро объяснил свою мысль.

– Посмотрите на эти большие, отдельные группы построек, возвышающиеся над сланцевыми крышами, как кирпичные острова среди моря свинцового света.

– Школьные здания.

– Маяки, мой милый! Светильники будущего! Семенные коробочки с сотнями светлых зернышек в каждой, из которых выйдет будущее, лучшее, более умное поколение Англии. Как вы думаете, этот Фельпс не пьет?

– Думаю, что нет.

– И я полагаю то же. Но следует допускать всякие предположения. Бедняга попал в сильную передрагу, и еще вопрос, удастся ли нам выручить его. Что вы думаете о мисс Гаррисон?

– Девушка с сильным характером.

– Да, но порядочная, или я сильно ошибаюсь. Она и ее брат – единственные дети железного фабриканта, где-то около Нортумбэрленда. Фельпс сделал ей предложение, стал ее женихом во время путешествия в прошлом году, и она приехала сюда, в сопровождении брата, чтобы познакомиться с своими будущими родными. Тут произошла катастрофа, и она осталась ухаживать за своим возлюбленным. Брату Джозефу понравилось здесь, и он также остался. Как видите, я навел уже несколько справок. Но сегодняшний день весь должен быть посвящен справкам.

- Моя практика... – начал я.
- О, если ваши дела интереснее моих... – возразил Холмс несколько резко.
- Я хотел только сказать, что моя практика может обойтись без меня день-другой – теперь ведь самое тихое время года.
- Превосходно, – сказал Холмс. Хорошее расположение духа вернулось к нему. – Ну, так мы вместе займемся делом. Я думаю, прежде всего нам нужно повидаться с Форбсом. Он, вероятно, расскажет нам все необходимые подробности так, что мы будем знать, как подойти к делу.
- Вы сказали, что нашли нить.
- Даже несколько; но пригодности их мы можем испытать только путем новых справок. Труднее всего выследить преступление, цель которого неизвестна. Нельзя сказать этого про данное преступление. Кому оно может быть полезно? Французскому посланнику, русскому, тому, кто может продать бумаги одному из них, и, наконец, лорду Хольдхёрсту.
- Лорду Хольдхёрсту?
- Ведь возможно допустить, что государственный деятель может быть в таком положении, что случайное исчезновение подобного документа не особенно огорчило бы его.
- Только не человек такой безупречной репутации, как лорд Хольдхёрст.
- Однако нам нельзя не принять этого во внимание. Мы сегодня повидаемся с благородным лордом и увидим, не скажет ли он нам чего-нибудь. А пока я уже навожу справки.
- Уже наводите?
- Да, со станции Уокинг я телеграфировал во все вечерние лондонские газеты. Вот какое объявление появится в них.
- Он передал мне листок бумаги, вырванной из записной книжки. На нем было написано карандашом:

«10 фунтов награды тому, кто сообщит номер кэба, привезшего седока к подъезду министерства иностранных дел или неподалеку от него 23-мая в три четверти десятого вечера. Дать знать 221, улица Бэкер».

- Вы уверены, что вор приехал в кэбе?
- Если и не в кэбе – неважность. Но если м-р Фельпс не ошибается, говоря, что в комнате негде скрыться, то вор должен был прийти извне. Если он пришел в такую сырую ночь и не оставил следов на линолеуме,

который осматривали через несколько минут после происшествия, то весьма вероятно, что он приехал в кэбе. Да, мне кажется, что мы смело можем остановиться на кэбе.

– Это возможно.

– Вот одна из тех нитей, о которых я говорил. Она может довести нас до чего-нибудь. А затем колокольчик... главнейшая особенность дела. Отчего зазвонил колокольчик? Может быть, вор дернул его, бравиря опасность? Или, может быть, кто-нибудь бывший с вором дернул звонок, чтобы предупредить преступление. Была ли это простая случайность? Или...

Холмс снова погрузился в глубокое, безмолвное раздумье, но мне, привыкшему ко всем его настроениям, показалось, что в его уме возникла внезапно новая догадка.

Было двадцать минут четвертого, когда мы приехали на вокзал и, наскоро позавтракав в буфете, отправились в «Scotland Yard». Холмс уже телеграфировал Форбсу, и он ожидал нас. Это был маленький человек с пронизательным, но вовсе не любезным выражением лисьего лица. Он встретил нас холодно и стал еще холоднее, когда услышал причину нашего посещения.

– Слышал я о вашем способе вести дела, м-р Холмс, – колко проговорил он. – Пользуетесь всеми данными, добытыми полицией, а потом стараетесь окончить дело сами, набросив тень на тех, которые начали розыски.

– Напротив, – возразил Холмс. – Из пятидесяти трех моих последних дел мое имя упоминается только в четырех, а в сорока девяти остальных вся честь принадлежит полиции. Я не виню вас в том, что это неизвестно вам: вы молоды и неопытны; но если желаете достигнуть успеха в вашей новой деятельности, то вам следует работать со мной, а не против меня.

– Я был бы очень рад некоторым указаниям, – сказал сыщик, изменяя тон. – До сих пор, правда, я не имел никакого успеха.

– Какие шаги вы сделали?

– Подозрение пало на курьера Тэнджей. Аттестат из полка у него прекрасный, и никаких улик против него нет. Но жена у него плохая. Я думаю, она знает больше, чем говорит.

– Вы проследили за ней?

– Мы приставили к ней одну из наших женщин. М-с Тэнджей пьет; наша поверенная два раза разговаривала с ней, когда та была навеселе, но ничего не добилась.

– Насколько я слышал, у них была назначена продажа с аукциона.

- Да, но долг был уплачен.
- Откуда они взяли деньги?
- Он получил свою пенсию; но вообще незаметно, чтобы у них были деньги.
- Чем она объяснила свое появление на звонки м-ра Фельпса?
- Она сказала, что муж ее очень устал, и она хотела помочь ему.
- Конечно, это подтверждается тем, что немного позднее он оказался спящим на стуле. Итак, против него нет улик, кроме репутации жены. Спросили вы ее, почему она так спешила в тот вечер? ее поспешность обратила на нее внимание констэбля.
- Она запоздала и торопилась домой.
- Указали вы ей на то, что вы и м-р Фельпс были у нее на квартире раньше ее, хотя она вышла на двадцать минут раньше вас?
- Она объясняет это разницей между омнибусом и кэбом.
- Объяснила она, почему, придя домой, пробежала прямо в кухню?
- Потому что там у нее лежали деньги, которыми она уплатила долг.
- Однако, у нее есть ответ на все. Спрашивали ли вы ее, не видела ли она кого-нибудь на Чарльз-Стрите?
- Только констэбля.
- Ну, вы, кажется, допросили ее достаточно подробно. Что вы еще сделали?
- В продолжение девяти недель следили за Горо, но безуспешно. Против него нет ни малейших улик.
- Еще что?
- Да, ничего, нет вовсе улик.
- Есть у вас какое-нибудь предположение, отчего звонил колокольчик?
- Должен сознаться, что теряюсь в догадках. Надо обладать большим хладнокровием, чтобы сделать такую штуку.
- Да, очень странный поступок. Очень благодарен вам за сообщения. Дам вам знать, если удастся предоставить виновного. Идем, Ватсон.
- Куда же мы отправимся теперь? – спросил я, когда мы вышли на улицу.
- Поедем интервьюировать лорда Хольдхёрста, кабинет-министра и будущего премьера Англии.

Нам посчастливилось застать лорда Хольдхёрста в его помещении на Доунинг-Стрит. Холмс послал свою визитную карточку, и нас сейчас же приняли. Государственный деятель принял нас со свойственной ему старомодной вежливостью и усадил нас на роскошные кресла, стоявшие по бокам камина. Стоя между нами на ковре, лорд Хольдхёрст, высокий,

тонкий, с резко очерченным, задумчивым лицом, с кудрявыми, преждевременно поседевшими волосами, казался олицетворением не часто встречающего типа истого благородного вельможи.

– Ваша фамилия очень знакома мне, м-р Холмс, – улыбаясь, проговорил он. – И, конечно, я не сомневаюсь насчет цели вашего посещения. Только один случай, происшедший в здешнем министерстве, мог привлечь ваше внимание. Можно узнать, чьи интересы вы представляете?

– Интересы м-ра Перси Фельпса, – ответил Холмс.

– Ах, моего несчастного племянника! Вы понимаете, что именно вследствие нашего родства мне труднее защитить его, чем любого постороннего. Боюсь, что этот случай очень дурно отразится на его карьере.

– Но если документ будет найден?

– Тогда, конечно, дело другое.

– Мне хотелось бы предложить вам несколько вопросов, лорд Хольдхёрст.

– Буду счастлив дать вам все сведения, какие только могу.

– Наставления относительно переписки документа вы давали в этой комнате?

– Да.

– Следовательно, вряд ли кто мог подслушать вас?

– И речи не может быть об этом.

– Говорили ли вы кому-нибудь, что намереваетесь отдать переписать договор?

– Никому.

– Вы уверены в этом?

– Совершенно уверен.

– Ну, если вы ничего не говорили о документе и м-р Фельпс также не говорил, а кроме вас никто не знал об этом, то присутствие вора в комнате является случайным. Он просто воспользовался подвернувшимся ему счастливым случаем.

Лорд Хольдхёрст улыбнулся.

– Тут уже кончается предел моих знаний, – сказал он.

Холмс задумался на одно мгновение.

– Есть один очень важный пункт, о котором я хочу поговорить с вами, – сказал он. – Насколько я знаю, вы опасались очень серьезных последствий в том случае, если бы договор стал известен?

Тень пробежала по выразительному лицу министра.

– Да, последствия могут быть очень серьезные.
– И они уже обнаружились?
– Нет еще.
– Если договор попадет во французское или русское посольство, вы, вероятно, узнаете об этом?
– Конечно, – ответил лорд Хольдхёрст, и на лице его выразилось неудовольствие.

– Так как с тех пор прошло уже почти десять недель и о бумаге ничего не слышно, то нельзя ли предположить, что, по какой либо причине, она не попала ни в одно из посольств?

Лорд Хольдхёрст пожал плечами.

– Нельзя же предположить, м-р Холмс, чтобы вор украл договор только для того, чтоб вставить его в рамку и повесить на стену.

– Может быть, он поджидает, кто даст высшую цену?

– Если подождет еще немного, то ничего не получит. Через несколько месяцев договор перестанет быть тайной.

– Это чрезвычайно важно, – сказал Холмс, – Конечно, можно предположить внезапную болезнь вора...

– Например, воспаление мозга? – спросил министр, бросая проницательный взгляд на своего собеседника.

– Я этого не говорю, – невозмутимо ответил Холмс. – Но мы отняли у вас слишком много дорогого времени, лорд Хольдхёрст, а потому позвольте проститься с вами.

– Полного успеха, кто бы ни был виновный, – сказал Хольдхёрст, провожая нас до дверей.

– Прекрасный человек, – заметил Холмс, когда мы вышли на улицу. – Но трудно ему поддерживать свое положение с должным достоинством. Он далеко не богат. Вы, конечно, заметили, что на сапогах новые подметки? Ну, Ватсон, не стану вас больше отвлекать от вашей работы: сегодня я ничего не буду делать; подожду ответа на объявление насчет кэба. Но был бы очень благодарен вам, если бы вы поехали со мной завтра утром в Уокинг с тем же поездом, как сегодня.

На следующее утро я встретил его на станции, и мы вместе поехали в Уокинг. Он сказал мне, что не получил ответа на объявление и не узнал никаких новых данных. Выражение лица Холмса, когда он хотел, было невозмутимо, как у краснокожего, и по его виду я не мог вывести заключения, доволен ли он положением дела, или нет. Как я помню, он разговаривал о системе измерений Бертильона и восторгался французским ученым.

Больного мы нашли, как и раньше, на попечении его усердной сиделки. На вид ему было гораздо лучше. Когда мы вошли, он встал с кушетки и свободно пошел навстречу нам.

– Что нового? – торопливо спросил он.

– Как я и опасался, не могу сказать вам ничего верного, – ответил Холмс. – Видел я и Форбса, и вашего дядюшку, и начал розыски по двум следам; может быть, что-нибудь и выйдет из этого.

– Так вы не отчаиваетесь?

– Нисколько.

– Да благославит вас Бог за это! – вскрикнула мисс Гаррисон. – Не будем только терять надежды и терпения – и правда откроется.

– Мы можем вам рассказать больше, чем вы нам, – сказал Фельпс, садясь на кушетку.

– Я надеялся на это.

– Да, сегодня ночью с нами случилось происшествие, которое могло бы иметь весьма важные последствия, – проговорил Фельпс. Выражение лица его стало очень серьезным, и нечто похожее на страх мелькнуло в его глазах. – Знаете ли, я начинаю думать, что я бессознательно являюсь центром какого-то ужасного заговора, направленного против моей жизни и чести.

– А! – вскрикнул Холмс.

– Это кажется невероятным, потому что, насколько я знаю, у меня нет врагов. Но после того, что произошло ночью, я не могу прийти к иному заключению.

– Пожалуйста, расскажите мне все.

– Надо вам сказать, что в эту ночь я спал в первый раз со времени моей болезни один в комнате, без сиделки. Мне было настолько лучше, что я решил обойтись без нее, но оставил себе ночник. Около двух часов утра я заснул, но был внезапно разбужен каким-то легким шумом, как будто мышь грызла доску. Несколько времени я прислушивался к этому звуку. Звук становился все громче и громче, и, наконец, у окна послышался металлический лязг. Я поднялся на кровати в полном изумлении. Всякое сомнение исчезло. Кто-то просовывал инструмент в узкую щель между ставнями и приподымал болт.

Затем наступила пауза, длившаяся минут десять. Очевидно, кто-то прислушивался, не проснулся ли я от шума. Потом я услышал, как отворилось окно медленно, с тихим скрипом. Я не мог выдержать дольше, потому что нервы мои уж не те, что прежде, вскочил с кровати и распахнул ставни. У окна, на земле, притаился какой-то человек. Он исчез с

быстротой молнии, так что я не мог рассмотреть его. На нем было что-то в роде плаща, которым он прикрывал нижнюю часть лица. В одном я только не сомневаюсь – это в том, что в руках у него было какое-то орудие, как будто длинный нож. Я ясно видел блеск его, когда незнакомец бросился бежать.

– Это чрезвычайно интересно, – сказал Холмс. – Ну, что же вы сделали тогда?

– Будь я сильнее, я выскочил бы в открытое окно и бросился бы за ним. Но в настоящем моем состоянии я только позвонил и поднял на ноги весь дом. Это заняло несколько времени, так как звонок проведен в кухню, а вся прислуга спит наверху. Но на мой крик явился Джозеф и разбудил остальных. Джозеф и грум нашли следы на цветочной клумбе под окном, но последние дни погода стояла такая сухая, что они решили, что бесполезно искать продолжения следов на траве. Они сказали мне, что на деревянной изгороди вдоль дороги остались знаки, показывающие, что кто-то перелезал через нее, причем сломал верхушку одного из кольев. Я еще ничего не говорил местной полиции, потому что хотел раньше посоветоваться с вами.

Этот рассказ, казалось, произвел необычайное впечатление на Шерлока Холмса. Он встал со стула и в неопишемом волнении принялся ходить по комнате.

– Несчастье никогда не приходит одно, – сказал Фельпс, улыбаясь, хотя было ясно, что ночное происшествие несколько потрясло его.

– Да, достаточно-таки их выпало на вашу долю, – сказал Холмс. – Как вы думаете, могли бы вы пройтись со мной вокруг дома?

– О, да, мне бы хотелось выйти на солнце. Джозеф пойдет с нами.

– И я также, – сказала мисс Гаррисон.

– Извините, – сказал Холмс, покачивая головой, – но я попрошу вас остаться на вашем месте.

Молодая девушка села на стул с недовольным видом. Брат ее присоединился к нам, и мы все вчетвером вышли из дома и, обогнув лужайку, подошли к окну комнаты молодого дипломата. Как он говорил, на цветочной клумбе виднелись следы ног, но они были очень неясны и безнадежно спутаны. Холмс нагнулся, рассматривая их, и через мгновение поднялся и пожал плечами.

– Вряд ли кто-нибудь мог бы вывести что-нибудь из этого, – сказал он. – Обойдем кругом всего дома, посмотрим, почему вор выбрал именно эту комнату. По-моему, большие окна гостиной и столовой должны бы скорее привлечь его внимание.

– Они виднее с дороги, – заметил м-р Джозеф Гаррисон.

– Ах, да, конечно. Он мог бы попробовать забраться через эту дверь. Куда она ведет?

– Это – задний ход, через который ходят торговцы. Понятно, эта дверь запирается на ночь.

– Бывали у вас когда-нибудь подобные покушения?

– Никогда, – ответил наш клиент.

– Есть у вас в доме серебро или какие-либо ценности, которые могли бы привлечь воров?

– Ничего ценного.

Холмс обошел кругом дома, засунув руки в карман, с непривычным для него небрежным видом.

– Между прочим, – сказал он, обращаясь к Джозефу Гаррисону, – я слышал, что вы нашли место, где вор перелез через забор. Пойдем, взглянем на него.

Молодой человек подвел нас к месту, где верхушка кола была расщеплена. Холмс, оторвав кусок, посмотрел критическим взглядом.

– Вы думаете, что этот кусок отломлен только вчера? По-моему, это случилось давно.

– Может быть.

– Нет следов, которые указывали бы, что кто-нибудь перескочил на другую сторону. Здесь кажется, нам нечего делать. Пойдем в спальню и обсудим дело.

Перси Фельпс шел очень медленно, опираясь на руку своего будущего зятя. Холмс быстро прошел по лужайке, и мы с ним подошли к открытому окну раньше других.

– Мисс Гаррисон, – сказал Холмс многозначительным тоном, – вы должны оставаться здесь весь день. Оставайтесь во что бы то ни стало целый день там, где вы находитесь теперь. Это чрезвычайно важно.

– Конечно, я исполню ваше желание, м-р Холмс, – сказала удивленная девушка.

– Когда пойдете спать, закройте дверь снаружи и оставьте ключ у себя. Обещайте мне сделать это.

– А Перси?

– Он поедет с нами в Лондон.

– А я должна остаться здесь?

– Вы должны сделать это ради него. Вы можете быть полезной ему. Обещайте скорее!

Она утвердительно кивнула головой как раз в ту минуту, как

остальные подошли к окну.

– Чего это ты киснешь там, Анни? – крикнул ей брат. – Выйди-ка на солнышко!

– Нет, благодарю, Джозеф. У меня немного болит голова, а здесь в комнате так прохладно и хорошо.

– Что вы предполагаете делать теперь, м-р Холмс? – спросил Перси Фельпс.

– Видите, занимаясь этим второстепенным делом, нам не следует упускать из виду главное. Вы могли бы очень помочь мне, поехав со мной в Лондон.

– Сейчас?

– Как можно скорее. Скажем, через час.

– Я чувствую себя достаточно сильным для этого, если бы я мог действительно быть полезным.

– Вы как нельзя более.

– Может быть, вы желаете, чтобы я остался там на ночь?

– Я только что хотел предложить это вам.

– Значит, если мой ночной приятель снова навестит меня, то увидит, что птичка улетела. Мы все в ваших руках, м-р Холмс, и вы должны говорить нам, что мы должны делать. Может быть, вы желаете, чтобы Джозеф поехал с нами и присматривал за мной?

– О, нет! Мой друг Ватсон – медик, как вам известно; он и присмотрит за вами. Если позволите, мы позавтракаем здесь, а потом отправимся все трое в город.

Его предложение было принято. Мисс Гаррисон, согласно совету Холмса, отказалась выйти из спальни. Я не понимал маневров моего приятеля. Может быть, он просто хотел удержать барышню от свидания с Фельпсом. Молодой человек, обрадованный сознанием выздоровления и возможностью действовать, завтракал с нами в столовой. Холмс приготовил нам еще сюрприз: он проводил нас на станцию, посадил в вагон и затем спокойно объявил, что не намерен уезжать из Уокинга.

– Тут есть два-три пункта, которые мне хотелось бы выяснить до отъезда, – сказал он. – Ваше отсутствие, м-р Фельпс, облегчит до известной степени это дело. Ватсон, будьте добры, когда приедете в Лондон, отправляйтесь прямо в улицу Бэкер с нашим приятелем и оставайтесь с ним, пока я не приеду. Вы – старые товарищи по школе, и вам есть о чем поговорить. М-ра Фельпса вы можете поместить в спальне; я буду дома к завтраку, так как есть поезд, который приходит в Ватерлоо в восемь часов.

– А как же насчет расследований в Лондоне? – заметил Фельпс.

– Мы можем завтра заняться этим. Я полагаю, что в настоящее время мое присутствие полезнее здесь.

– Скажите там, в Брайэрбрэ, что я надеюсь вернуться завтра к вечеру, – крикнул Фельпс, когда поезд двинулся от платформы.

– Вряд ли я попаду в Брайэрбрэ, – ответил Холмс и весело махнул рукой, когда мы отъехали от станции.

Фельпс и я много говорили об этом неожиданном поступке Холмса, но ничего не могли придумать.

– Я полагаю, что он хочет узнать что-нибудь насчет вчерашнего нападения. Что касается меня, то я не верю, чтобы это был простой вор.

– Что же вы думаете?

– Даю вам слово – можете, если хотите, приписать это расстройству нервов – но мне кажется, что кругом меня идет серьезная политическая интрига, и, по вполне непонятной для меня причине, заговорщики умышляют против моей жизни. Это звучит чрезвычайно высокопарно и нелепо, но обратите внимание на факты! Зачем вору пытаться пробраться в спальню да еще с длинным ножом в руках?

– Вы уверены, что это не было долото?

– О, нет, это был нож. Я ясно видел, как сверкнуло лезвие.

– Но с чего станут так яростно преследовать вас?

– Ах! в этом-то и вопрос.

– Ну, если Холмс думает то же самое, то, может быть, этим и можно объяснить его действия. Если ваше предположение верно, то, поймав того, кто покушался на вас ночью, он может легко найти и похитителя морского договора. Глупо же предполагать, что у вас два врага, один из которых обворовывает вас, а другой угрожает вашей жизни.

– Но м-р Холмс сказал, что он не возвратится в Брайэрбрэ.

– Я уже давно знаю его и знаю, что он ничего не делает без основательного повода, – сказал я, и наш разговор перешел на другие предметы.

Денек выдался тяжелый. Фельпс был еще слаб после продолжительной болезни, раздражителен и нервен вследствие перенесенных им потрясений. Напрасно я старался заинтересовать его Афганистаном, Индией, специальными вопросами, – всем, что только могло бы отвлечь от его мыслей. Он постоянно возвращался к утерянному договору, выказывал свое удивление, свои предположения о том, что делает Холмс, какие шаги предпринимает лорд Хольдхёрст, какие новости мы получим утром. К вечеру волнение его достигло высшего напряжения.

– Вы безусловно доверяете Холмсу? – спросил он.

– Я был свидетелем многих замечательных дел, в которых он принимал участие.

– Но ему никогда не удавалось освещать мрак, подобный тому, который царит в данном случае?

– О, мне известно, что он разрешал вопросы потруднее вашего.

– Но не такого важного значения?

– Не знаю. Насколько мне известно, ему были поручены весьма важные дела трех царствующих домов Европы.

– Вы хорошо его знаете, Ватсон? Он так непроницаем, что я положительно не понимаю его. Как вы думаете, есть у него надежда на успех?

– Он ничего не говорил.

– Это дурной знак.

– Напротив, я заметил, что он всегда говорит, если не напал на след. В противоположном случае и когда он еще не вполне уверен в верности своих предположений, он бывает очень молчалив. Ну, мой друг, нервничанием делу не пособишь, поэтому ложитесь-ка спать, чтобы завтра встать свежим и готовым ко всему, что может ожидать вас.

Наконец, мне удалось уговорить его последовать моему совету, хотя, судя по его возбужденному виду, я не надеялся, что он будет спать. Волнение его заразило и меня, и я метался полночи, раздумывая о странной тайне и придумывая сотни объяснений, одно невозможнее другого. Зачем Холмс остался в Уокинге? Почему он просил мисс Гаррисон остаться целый день в комнате больного? Почему он не сказал обитателям Брайэрбрэ, что намеревается остаться там? Я напрасно ломал голову, стараясь найти объяснения этих фактов, пока, наконец, не заснул.

Я проснулся в семь часов и тотчас же пошел в комнату Фельпса. Он был страшно бледен и измучен бессонной ночью. Первым его вопросом было, приехал ли Холмс.

– Он будет здесь в обещанное время, ни минуты раньше или позже, – сказал я.

И слова мои оказались справедливыми, так как тотчас после восьми часов к подъезду быстро подкатила карета, и из нее вышел наш друг. Стоя у окна, мы увидели, что левая рука у него подвязана, а лицо бледно и сердито. Он пошел в подъезд, но прошло несколько времени, прежде чем он поднялся наверх.

– У него такой вид, как будто он потерпел неудачу! – вскрикнул Фельпс.

Я принужден был сознаться, что он прав.

– В конце концов, следует предположить, что разгадка тайны находится в городе, – сказал я.

Фельпс тяжело вздохнул.

– Не знаю почему, но я так надеялся на его возвращение, – сказал он. – Но ведь вчера рука у него не была подвязана? Что же случилось с ним.

– Вы не ранены, Холмс? – спросил я, когда мой друг вошел в комнату.

– Пустая царапина... благодаря собственной моей неловкости, – ответил он, раскланиваясь с нами. – Ваше дело, м-р Фельпс, действительно, одно из самых темных, которые мне приходилось распутывать.

– Я боялся, что оно окажется выше ваших сил.

– Замечательно интересный случай.

– Повязка указывает на какие-то приключения, – заметил я. – Не расскажете ли вы нам, что случилось с вами?

– После завтрака, мой милый Ватсон. Вспомните, что сегодня утром я дышал воздухом Сёррея на протяжении тридцати миль. Вероятно, нет ответа на мое объявление о № кэба? Ну, что же, нельзя ожидать удачи во всем.

Стол был уже накрыт, и только что я собрался позвонить, как м-сс Гёдзон принесла чай и кофе. Через несколько минут она вернулась с закрытыми блюдечками. и мы все уселись у стола: Холмс страшно голодный, я – полный любопытства, Фельпс в глубочайшем унынии.

– М-сс Гёдзон оказалась на высоте обстоятельств, – сказал Холмс, снимая крышку с блюда, на котором лежали тушеные цыплята. – Ее стряпня несколько однообразна, но она, как шотландка, умеет приготовить подходящий завтрак. Что там у вас, Ватсон?

– Ветчина и яйца, – ответил я.

– Хорошо. А вы что покушаете, м-р Фельпс? Цыпленка, яиц? Положить вам или вы сами возьмете?

– Благодарю вас, я не могу есть, – сказал Фельпс.

– Ну, полноте! Попробуйте-ка блюдо, которое перед вами.

– Благодарю вас; право, не могу.

– Надеюсь, что, по крайней мере, вы не откажетесь положить мне, – сказал Холмс, лукаво подмигивая.

Фельпс поднял крышку, громко вскрикнул и устремил неподвижный взор в одну точку. Лицо его стало бледнее блюда, на которое он смотрел. По середине блюда, наискось, лежал сверток голубовато-серой бумаги. Фельпс схватил его, прочел, пожирая глазами, и, как бешеный, пустился скакать по комнате, прижимая бумагу к груди и взвизгивая от восторга. Потом он бросился в кресло в полном изнеможении, так что нам пришлось

дать ему водки, чтобы предотвратить обморок.

– Ну, ну, – успокоительно сказал Холмс, поглаживая его по плечу. – Нехорошо было с моей стороны так поразить вас, но Ватсон вам скажет, что я люблю драматические положения.

Фельпс схватил его руку и поцеловал.

– Да благословит вас Бог! – вскрикнул он. – Вы спасли мою честь.

– Ну, знаете, ведь и моя была задета, – возразил Холмс. – Уверяю вас, что мне так же невыносимо было бы не добиться успеха в деле, как вам не исполнить данного вам поручения!

Фельпс запрятал драгоценный документ в самый глубокий карман сюртука.

– У меня не хватает духа прервать ваш завтрак, а между тем я умираю от нетерпения узнать, где и как вы достали договор.

Шерлок Холмс проглотил чашку кофе и занялся яичницей с ветчиной. Потом он встал, зажег трубку и уселся в свое кресло.

– Расскажу вам, что я сделал сначала и что случилось потом, – сказал он, – Расставшись с вами на станции, я сделал восхитительную прогулку по очаровательной местности Сёррея и дошел до хорошенькой деревушки Райплей, где напился чаю в гостинице, наполнил свою фляжку и запасся сэндвичами. Я остался там до вечера, а потом отправился в Уокинг и как раз после заката солнца очутился на большой дороге у Брайэрбрэ. Я подождал, пока на дороге не стало народу – да, кажется, и вообще эта дорога не очень многолюдна – и перелез через забор в парк.

– Но ведь, наверно, калитка была отперта? – заметил Фельпс.

– Да, но у меня особые вкусы в подобных случаях. Я выбрал место, где стоят три сосны, и под их защитой перелез через забор так, что никто не мог увидеть меня. Перебравшись на другую сторону, я пополз от куста к кусту – доказательством чего может служить плачевное состояние моих брюк, пока не дополз до группы рододендронов как раз против окна вашей спальни; тут я присел на корточки и стал ждать. Шторы в вашей комнате не были опущены, и я мог видеть мисс Гаррисон, сидевшую у стола за чтением. Было четверть одиннадцатого, когда она захлопнула книгу, закрыла ставни и вышла из комнаты. Я слышал, как она затворила дверь и повернула ключ в замке.

– Ключ? – спросил Фельпс.

– Да, я просил мисс Гаррисон запереть дверь снаружи и взять с собой ключ, когда она пойдет спать. Она строго выполнила все мои указания, и без ее участия договор не лежал бы у вас в кармане. Итак, она ушла, огни в доме потухли, а я продолжал сидеть, скорчившись, под рододендронами.

Ночь была чудная, но ждать было очень скучно. Правда, в этом ожидании было своего рода возбуждение, напоминавшее то, которое охватывает охотника, когда он лежит у ручья, подстерегая крупную дичь. Однако время тянулось очень медленно почти также медленно, как в ту ночь, когда мы с вами, Ватсон, сидели в ночной тьме, ища разрешения тайны «пестрой ленты». Церковные часы в Уокинге отбивали каждую четверть, а мне, по временам, казалось, что они совсем остановились. Наконец, около двух часов ночи, я услышал тихий звук открываемого засова и скрип ключа. Мгновение спустя, отворилась боковая дверь, и при свете луны я увидел м-ра Джозефа Гаррисона, выходящего из дома.

– Джозефа! – вскрикнул Фельпс.

– Он был без шляпы, но на плече у него был накинут черный плащ, которым он мог мгновенно закрыть себе лицо, в случае нужды. Он крался в тени вдоль стены. Дойдя до окна вашей комнаты, он всунул длинный нож в щель между рамами и отодвинул задвижку. Открыв окно и просунув нож между ставнями, он отпер и их. Из моей засады я отлично видел внутренность комнаты и каждое движение м-ра Гаррисона. Он зажег две свечи на камине и потом приподнял угол ковра у двери. Он наклонился и вынул кусок из паркета; такие куски обыкновенно оставляются для того, чтоб можно было добраться до соединения газовых труб. Эта доска, конечно, прикрывала то место, откуда идет газовая труба, снабжающая газом кухню, находящуюся внизу. Из потайного местечка он вынул вот этот сверток бумаг, задвинул доску, прикрыл ее ковром, затушил свечи и попал прямо в мои объятия, так как я поджидал его за окном. Ну, мистер Джозеф оказался опаснее, чем я думал. Он бросился на меня с ножом, и мне пришлось два раза повалить его на земле, причем он порезал мне руку, прежде чем я справился с ним. Страшно было выражение единственного глаза, которым он мог видеть по окончании борьбы, но он выслушал мои доводы и отдал бумаги. Получив их, я отпустил его, а сегодня утром телеграфировал Форбсу все подробности. Если ему удастся поймать пташку, тем лучше! Но если, как я сильно подозреваю, он найдет гнездышко опустевшим, тем лучше для правительства. Мне кажется, что как лорду Хольдхёрсту, так и м-ру Перси Фельпсу было бы приятно, если бы это дело не дошло до суда.

– Боже мой! – с трудом проговорил наш клиент. – Неужели вы хотите сказать, что в продолжение этих долгих мучительных десяти недель украденные бумаги были в той же комнате, где я?

– Да.

– Джозеф! Джозеф, негодяй и вор!

– Гм! Боюсь, что Джозеф гораздо хуже и опаснее, чем можно было бы судить по его внешнему виду. Из того, что я слышал от него сегодня утром, я вывел заключение, что он много потерял на бирже и готов на все на свете, чтобы поправить свое состояние. Так как он страшный эгоист, то и не задумался пожертвовать счастьем своей сестры и вашей репутацией, когда ему представился удобный случай поправить свои дела.

Перси Фельпс откинулся на спинку стула.

– У меня кружится голова, – сказал он. – Ваши слова ошеломили меня.

– Главное затруднение в вашем деле было изобилие данных, – начал Холмс своим наставительным тоном. – Все существенное скрывалось массой ненужных мелочей. Из всех представленных нам фактов нужно было выбрать только те, которые казались наиболее важными, и затем подобрать их по порядку так, чтобы восстановить, действительно, замечательную цель событий. Я стал подозревать Джозефа на основании того факта, что вы собирались ехать с ним домой вечером, и потому было естественно, чтобы он заехал за вами в министерство, хорошо известное ему. Когда я узнал, что кто-то пытался пробраться в спальню, в которой, кроме Джозефа, никто не мог скрыть ничего, я вспомнил, что вы рассказывали нам, как вы приехали с доктором и вытеснили Джозефа из спальни, и мои подозрения перешли в уверенность; тем более, что покушение было произведено в первую же ночь, когда не было сиделки, и ясно указывало на то, что человеку, пытавшемуся пробраться в спальню, были хорошо известны все домашние привычки.

– Как я был слеп!

– Факты вашего дела, насколько я мог установить их, следующие. Джозеф Гаррисон вошел в канцелярию через дверь, выходящую на Чарльз-Стрит, и, хорошо зная дорогу, вошел прямо в комнату, в которой вы занимаетесь, как только вышли оттуда. Видя, что там никого нет, он позвонил, и в эту минуту ему бросилась в глаза лежавшая на столе бумага. Он сразу увидел, что случай отдает ему в руки государственный документ чрезвычайной важности; в одно мгновение он сунул его в карман и ушел с ним. Если припомните, прошло несколько минут, прежде чем сонный курьер обратил ваше внимание на колокольчик, и этого времени было вполне достаточно, чтобы вор мог скрыться. С первым же поездом он уехал в Уокинг и, рассмотрев свою добычу и убедившись в ее громадном значении, спрятал документ в вполне надежном месте, намереваясь вынуть его оттуда через день или два и отнести во французское посольство или в другое место, где он мог бы получить хорошую цену за эту бумагу. Тут вы внезапно вернулись. Его тотчас же выселили из его комнаты, и с этого

времени в ней было постоянно, по крайней мере, двое людей, которые мешали ему достать спрятанное сокровище. Было, действительно, отчего сойти с ума. Но, наконец, ему показалось, что представился удобный случай. Он попробовал пробраться в вашу комнату, но ваш чуткий сон помешал ему. Вы помните, что в этот вечер вы не приняли обычного лекарства?

– Да, помню.

– Я думаю, что он принял меры, чтобы усилить действие лекарства, и вполне рассчитывал, что вы будете без сознания. Я понял, что он повторит эту попытку, когда это можно будет сделать безопасно. Ваш отъезд явился для него желанным случаем. Я продержал мисс Гаррисон в комнате весь день для того, чтоб он не мог заподозрить нас. Потом, заставив его предположить, что путь свободен, стал караулить его, как уже описывал вам. Я уже знал, что бумаги находятся в комнате, но не хотел подымать ковра и пола, разыскивая их. Поэтому я допустил его вынуть их из тайника и, таким образом, избег бесчисленных хлопот. Есть еще какой-нибудь пункт, который вы желали бы выяснить?

– Зачем он в первый раз пытался влезть в окно, когда мог войти в дверь? – спросил я.

– Ему пришлось бы пройти мимо семи спален. А из окна доступ был легкий. Желаете спросить еще что-нибудь?

– Ведь вы не думаете, что он хотел убить кого-нибудь? – спросил Фельпс. – Нож, вероятно, служил ему только для того, чтобы открыть окно?

– Может быть, – ответил Холмс, пожимая плечами. – Одно только могу сказать с уверенностью... м-р Джозеф Гаррисон джентльмен из тех, в руки которых я не хотел бы попасть.

Последнее дело

С болью сердца принимаюсь я за перо, чтобы написать последние воспоминания о моем необыкновенно даровитом друге, м-ре Шерлоке Холмсе. В бессвязных и, как я и сам сознаю, не всегда удачных очерках я пытался описать кое-что из пережитого мною вместе с ним, начиная с нашей первой случайной встречи и с того времени, когда своим вмешательством в дело о «морском договоре» он, несомненно, предотвратил серьезные международные осложнения. Этим очерком я хотел закончить свои воспоминания и не касаться события, оставившего пустоту в моей жизни, которой мне не удалось заполнить в течение двух лет. Но недавние письма полковника Джэмса Мориэрти, в которых он защищает память своего брата, заставляют меня изложить для публики факты так, как они произошли в действительности. Лишь я один знаю всю истину и рад, что настало время, когда нечего больше скрывать ее. Насколько мне известно, о смерти моего друга появилось только три отчета: в «Journal de Genève» 6 мая 1891 г., в телеграмме Рейтера, помещенной в английских газетах 7 мая, и, наконец, в вышеупомянутых письмах. Из этих отчетов первый и второй чрезвычайно кратки, а последний, как я сейчас докажу, совершенно извращает факты. Поэтому я обязан в первый раз сообщить о том, что произошло в действительности между профессором Мориэрти и мистером Шерлоком Холмсом.

Следует припомнить, что после моей женитьбы и увеличения частной практики, мои близкие отношения с Холмсом несколько изменились. Он еще иногда приходил за мной, когда желал иметь товарища в своих розысках, но это случалось все реже и реже, так что за 1890 г. у меня записаны только три дела, в которых я принимал участие с ним. В продолжение зимы этого года и ранней весны 1891 я знал из газет, что французское правительство пригласило Холмса по очень важному делу, и получил от него две записки из Нарбонны и Нима, по которым я заключил, что он, вероятно, долго пробудет во Франции. Поэтому я несколько удивился, когда 24-го апреля вечером он вошел в мой кабинет. Меня поразила его бледность и еще более усилившаяся худоба.

— Да, я несколько переутомился, — заметил он, отвечая скорее на мой взгляд, чем на мои слова. — В последнее время было много спешных дел. Вы ничего не имеете против того, что я закрою ставни?

Комната освещалась только лампой, стоявшей на столе, у которого я

читал. Холмс подошел к окну и, захлопнув ставни, крепко запер их болтами.

– Вы опасаетесь чего-то? – спросил я.

– Да.

– Чего же?

– Выстрела из-за угла.

– Что вы хотите этим сказать, мой милый Холмс?

– Я думаю, что вы достаточно хорошо знаете меня, Ватсон, и не считаете меня нервным человеком. Но, по-моему, не признавать близкой опасности является скорее признаком глупости, чем храбрости. Дайте мне, пожалуйста, спичку!

Он затянулся папиросой, как будто находя в этом некоторое успокоение.

– Я должен извиниться за такое позднее посещение, – сказал он, – и кроме того попрошу вас позволить мне выбраться из вашего дома, перелезши через забор сада.

– Но что же все это значит? – спросил я. Он протянул руку, и при свете лампы я увидел, что два пальца у него изранены и окровавлены.

– Как видите, это не пустяки, – улыбаясь, проговорил он. – Повреждения настолько серьезны, что из-за них можно лишиться руки. Дома м-с Ватсон?

– Нет, она гостит у знакомых.

– В самом деле? Так вы одни?

– Совершенно один.

– В таком случае мне легче будет предложить вам съездить со мной на неделю на континент.

– Куда?

– О, куда-нибудь. Мне решительно все равно.

Все это было очень странно. Не в характере Холмса предпринимать бесцельную прогулку, и к тому же, что-то в его бледном, истощенном лице говорило мне, что нервы его натянуты в высшей степени. Он заметил вопрос у меня в глазах и, сложив кончики пальцев, облокотясь на колени, объяснил мне положение дел.

– Вы, вероятно, никогда не слыхали о профессоре Мориэрти?

– Никогда.

– Вот это-то и удивительно! – вскрикнул Холмс. – Человек орудует в Лондоне и никто не слышал о нем. Это-то и позволяет ему побивать рекорды преступлений. Говорю вам совершенно серьезно, Ватсон, что если бы мне удалось поймать его и избавить от него общество, я считал бы мою

карьеру завершённой и готов бы был перейти к какому-нибудь более спокойному занятию. Между нами, последние мои дела, где я оказал услуги шведскому королевскому дому и французской республике, дают мне возможность жить тихой жизнью, согласно моим наклонностям, и сосредоточив все мое внимание на химических исследованиях. Но я не могу найти покоя, не могу сидеть спокойно на месте, при мысли, что человек, подобный профессору Мориэрти, может беспрепятственно разгуливать по улицам Лондона.

– Что же он сделал?

– Его жизнь совершенно необычайная. Он человек хорошего происхождения, превосходно образован и одарен от природы феноменальными математическими способностями. Двадцати одного года он написал трактат о биноме Ньютона, которым приобрел себе европейскую известность. Благодаря этому он получил кафедру в одном из наших небольших университетов. По-видимому, все предсказывало ему блестящую карьеру. Но у него самые дьявольские наследственные наклонности. В его жилах текла кровь преступника, а его необычайные умственные способности не только не ослабили его наклонностей, но еще увеличили их и сделали более опасными. Темные слухи о нем распространялись в университетском городе, так что ему пришлось отказаться от кафедры и переселиться в Лондон, где он занялся подготовкой молодых людей к офицерскому экзамену. Вот все, что известно о нем в обществе, все же остальное открыто лично мною.

Как вам известно, Ватсон, никто так хорошо, как я, не знаком с высшими преступными сферами Лондона. Уже несколько лет тому назад я постоянно чувствовал, что за всяким злодеянием кроется какая-то сила, серьезная организаторская сила, всегда идущая против закона и защищающая преступника. Много раз в самых разнообразных случаях – подлогах, грабежах; убийствах – я чувствовал присутствие этой силы и подозревал ее участие во многих нераскрытых преступлениях, о которых не советовались со мной. Целыми годами я старался приподнять завесу, скрывавшую эту тайну, и, наконец, наступило время, когда я нашел нить и проследил ее, пока она не привела меня, после тысячи причудливых изгибов, к экс-профессору Мориэрти, математической знаменитости.

Он – Наполеон в области преступлений, Ватсон. Он – организатор половины всех преступлений и почти всех, остающихся нераскрытыми в нашем обширном городе. Он – гений, философ, отвлеченный мыслитель. У него первоклассный ум. Он сидит неподвижно, словно паук в центре своей паутины, но эта паутина расходится тысячами нитей, и он отлично знает

содрогание каждой нити. Сам он мало что делает. Он только составляет планы. Но агенты у него многочисленны и превосходно организованы. Если нужно совершить какое либо преступление – скажем, выкрасть бумагу, ограбить дом, удалить с дороги человека – стоит только сообщить профессору, и он организует и устроит все дело. Агента могут поймать. В таком случае всегда найдутся деньги, чтобы взять его на поруки или пригласить защитника. Но центральная власть, руководившая агентом, никогда не попадает, даже не подозревается, Такова была организация, до существования которой я дошел путем выводов, и я употребил всю свою энергию, чтобы обнаружить и сломить ее.

Но профессор был окружен, словно стеной, такими хитросплетениями, что, несмотря на все мои усилия, казалось невозможным добыть какие-либо улики, которые могли бы довести его до суда. Вы знаете мои силы, Ватсон, однако, через три месяца я должен был сознаться, что встретил, наконец, соперника, не уступавшего мне в умственном отношении. Восхищение его искусством заглушало во мне ужас перед его преступлениями. Но, наконец, он сделал промах – маленький, очень маленький промах, но которого нельзя было скрыть при том, что я так внимательно следил за ним. Я воспользовался случаем и, исходя из этой точки, опутал его сеть, которая теперь готова сомкнуться. Через три дня, т.е. в будущий понедельник, все будет кончено, и профессор с главными членами шайки очутится в руках полиции. Тогда начнется самый крупный криминальный процесс нашего века, разъяснится более сорока таинственных преступлений и все члены шайки будут повешены, но один неловкий шаг, и они могут ускользнуть у нас из рук даже в последнюю минуту.

Если бы мне удалось сделать все без ведома профессора Мориэрти, дело кончилось бы отлично, но его трудно провести. Он видел каждый шаг, который я предпринял против него. Несколько раз он пытался ускользнуть от меня, но я каждый раз выслеживал его. Знаете, друг мой, если бы написать подробный отчет этой молчаливой борьбы, описание наносимых и отпарированных ударов составило бы одну из самых блестящих страниц истории сыска. Никогда еще мне не приходилось подыматься на такую высоту, и никогда еще противник не наступал на меня так сильно. Он наносил сильные удары, а я еще более сильные. Сегодня утром были сделаны последние шаги, и через три дня все должно было быть кончено. Я сидел у себя в комнате, думал об этом деле, как вдруг отворилась дверь. Передо мной стоял профессор Мориэрти.

Нервы у меня достаточно крепкие, Ватсон, но, должно признаться, я

вздрагнул, увидя перед собой человека, который так занимал мои мысли. Наружность его хорошо знакома мне. Он очень высок и худ; у него выпуклый белый лоб, глубоко впавшие глаза. Его выбритое, бледное аскетическое лицо сохраняет еще в себе что-то профессорское. Спина у него сутуловатая от постоянных занятий, лицо выступает вперед и как-то странно покачивается из стороны в сторону точно у пресмыкающегося. Он с любопытством смотрел на меня из-под своих тяжелых век.

– У вас лоб менее развит, чем я ожидал, – наконец, проговорил он. – Опасная привычка ощупывать в кармане халата заряженный револьвер.

Дело в том, что при входе профессора я сразу понял, какая опасность угрожает мне. Единственным спасением для него было заставить меня умолкнуть навеки. В одно мгновение я переложил револьвер из ящика в карман и ощупывал его через халат. При его замечании я вынул револьвер из кармана и положил его со взведенным курком на стол. Мориэрти продолжал смотреть на меня, помаргивая и улыбаясь, но что-то в его взгляде заставило меня радоваться, что револьвер у меня под рукой.

– Вы, по-видимому, не знаете меня, – сказал он.

– Напротив, – ответил я. – Кажется, совершенно ясно, что знаю. Садитесь, пожалуйста, я могу уделить вам пять минут в случае, если вы желаете сказать что-нибудь.

– Все, что я хочу сказать, уже промелькнуло у вас в уме, – сказал он.

– Как, вероятно, и мой ответ в вашем, – ответил я.

– Итак, вы стоите на своем.

– Непоклебимо.

Он опустил руку в карман, а я взял со стола револьвер. Однако, он вынул только записную книжку, в которой было записано несколько чисел.

– Вы перешли мне дорогу 4-го января, – сказал он. – 23-го вы обеспокоили меня; в середине февраля вы серьезно помешали мне; в конце марта, 30-го, совершенно расстроили мои планы, а теперь, в конце апреля, благодаря вашим постоянным преследованиям, мне положительно грозит потеря свободы. Положение становится невозможным.

– Вы желаете сделать какое-нибудь предложение? – спросил я.

– Бросьте это дело, м-р Холмс, – сказал он, покачивая головой из стороны в сторону, – знаете, лучше бросьте.

– После понедельника, – сказал я.

– Ну, ну, – сказал он. – Я уверен, что человек такого ума, как вы, должен видеть, что существует только один исход этого дела. Вам нужно бросить его. Для меня было умственным наслаждением видеть, как вы возились с этим делом, и поэтому я совершенно искренне говорю, что был

бы очень огорчен, если бы мне пришлось прибегнуть к крайним мерам. Вы ошибаетесь, сэр, но уверяю вас, что это правда.

– Опасность – часть моего ремесла, – ответил я.

– Это не опасность, а неминуемая гибель, – сказал он. – Вы стоите на дороге не одного человека, а целой могучей организации, всего значения которой вы, при всем своем уме, не могли достаточно оценить. Вы должны сойти с дороги, м-р Холмс, или вас растопчут.

– Боюсь, что удовольствие, вызываемое этим разговором, заставляет меня пренебрегать важными делами, призывающими меня в другое место, – сказал я, вставая с места.

Он также встал и молча смотрел на меня, печально покачивая головой.

– Ну, что же делать? – наконец сказал он. – Очень жаль, но я сделал все, что мог. Я знаю весь ход вашей игры. Вы не можете ничего сделать до понедельника. Это поединок между вами и мной, м-р Холмс. Вы надеетесь посадить меня на скамью подсудимых. Говорю вам, я никогда не буду сидеть на скамье подсудимых. Вы надеетесь одолеть меня. Говорю вам, что это никогда не удастся вам. Если вы достаточно умны, чтобы погубить меня, будьте уверены, что и я, в свою очередь, могу погубить вас.

– Вы насказали мне много комплиментов, м-р Мориэрти, – возразил я. – Позвольте мне ответить вам одним: если бы я мог быть уверен, что исполнится первое ваше предположение, то, ради общественного блага, с радостью согласился бы второе.

– Могу вам обещать исполнение последнего, – с насмешкой проговорил он, повернулся ко мне своей сутуловатой спиной и, несколько раз оглянувшись на меня, вышел из комнаты.

Таково было мое странное свидание с профессором Мориэрти. Сознаюсь, что оно произвело на меня очень неприятное впечатление. Его мягкая, точная манера выражаться производит впечатление искренности, чего не может вызвать простая угроза. Конечно, вы скажете: «отчего же не принять полицейских мер?» Но дело в том, что удар будет нанесен его агентами. У меня есть уже доказательства, что это так будет.

– На вас уже было устроено нападение?

– Дорогой мой Ватсон, профессор Мориэрти не из тех людей, что любят дремать. Около полудня я пошел по делу в Оксфордскую улицу. В ту минуту, как я завернул за угол, на меня налетел, как стрела, парный экипаж. Я вскочил на тротуар и спасся таким образом от опасности быть раздавленным на смерть. Экипаж мгновенно скрылся из виду. После того я пошел по тротуару, и на улице Кер с крыши одного из домов упал кирпич и разбился вдребезги у моих ног. Я позвал полицию, и мы осмотрели

местность. На крыше были сложены кирпичи для ремонта, и полицейские хотели уверить меня, что кирпич сбросило ветром. Я, понятно, знал лучше, в чем дело, но не мог ничего доказать. После этого я взял кэб и поехал на квартиру к брату, где и провел день. Сейчас, по дороге к вам, на меня напал какой-то негодяй с дубиной. Я сбил его с ног, и полиция забрала его; но могу с полной уверенностью сказать вам, что никогда не будет установлено какой бы то ни было связи между джентльмэном, о передние зубы которого я разбил себе руку, и бывшим учителем математики, который вероятно, решает задачи за десять миль отсюда. Теперь, Ватсон, вы, конечно, не удивляетесь, что, войдя к вам, я прежде всего запер ставни и принужден был просить у вас разрешения выйти из вашего дома менее заметным ходом, чем парадная дверь.

Часто мне приходилось восхищаться храбростью моего друга, но никогда больше, чем теперь, когда он спокойно рассказывал о всех происшествиях этого ужасного дня.

– Вы проведете ночь у меня? – спросил я.

– Нет, друг мой; я оказался бы опасным гостем. У меня уже составлены планы и все будет хорошо. Дело подвинулось уже настолько, что может идти и без моей помощи, арест может быть произведен и без меня, хотя мое присутствие будет необходимо для показаний. Очевидно, что для меня лучше всего уехать на несколько дней, пока полиция получит возможность действовать свободно. Поэтому мне было бы очень приятно, если бы вы поехали со мной на континент.

– Теперь практики не много, – сказал я, – и у меня есть сосед, который согласится заменить меня. Охотно поеду с вами.

– И можете отправиться завтра утром?

– Если нужно.

– О, да, очень нужно. Вот вам инструкция, милый Ватсон, и прошу вас следовать ей буквально, так как вы вполне со мною будете вести игру против самого умного мошенника и самого могущественного синдиката преступников в Европе. Слушайте же! Вы отправите сегодня же свой багаж с доверенным лицом на станцию «Виктория». Утром пошлите лакея за экипажем, но велите ему не брать ни первого, ни второго кэба из тех, которых он встретит. Вы сядете в этот экипаж и поедете на Странд к Лоутерскому пассажи, передав кучеру адрес на клочке бумаги и предупредив его, чтобы он не бросал адреса. Приготовьте заранее плату и, приехав к пассажи, немедленно выскакивайте из кэба и пробегайте через пассаж так, чтобы в четверть десятого быть на другом конце его. За углом вас будет ожидать каретка. На козлах будет сидеть человек в большом

черном плаще с воротником, обшитым красным кантом. Он довезет вас до станции как раз к отходу континентального поезда.

– Где я встречусь с вами?

– На станции. Нам оставлено второе купэ первого класса.

– Так, значит, мы встретимся в вагоне?

– Да.

Напрасно я уговаривал Холмса переночевать у меня. Я ясно видел, что он боится навлечь неприятности на приютивший его дом. Наскоро повторив мне инструкцию, он встал и вышел со мной в сад, перелез через забор на улицу Мортимер, свистнул кэб и уехал.

Утром я буквально исполнил указания Холмса. Извозчик был нанят со всеми предосторожностями так, чтобы не мог оказаться одним из подстерегавших нас, и после завтрака я сейчас же поехал к Лоутерскому пассажу. Быстро пробежав через пассаж, я нашел ожидавшую меня каретку с сидевшим на козлах человеком большого роста в темном плаще. Как только я прыгнул в экипаж, он стегнул по лошади, и мы помчались к станции «Виктория». Выпустив меня, он поворотил лошадей и быстро отъехал, даже не взглянув в мою сторону.

До сих пор все шло прекрасно. Мой багаж был уже на месте, и я без труда нашел купэ, указанное Холмсом, тем более, что оно было единственное, на котором стояла надпись: «занято». Меня беспокоило только то, что Холмс еще не явился. До отхода поезда оставалось всего семь минут. Напрасно я искал тонкую фигуру моего друга среди путешественников и провожавших. Не было и следа его. Несколько минут я употребил на то, чтобы помочь почтенному итальянскому патеру, пытавшемуся объяснить носильщику на ломанном английском языке, что багаж его следует отправить через Париж. Затем, еще раз оглянувшись вокруг, я вернулся к себе в купэ, где нашел своего престарелого приятеля итальянца. Носильщик усадил его ко мне, несмотря на надпись «занято». Бесполезно было объяснять патеру, что он не имеет права на место в купэ, так как я знал по-итальянски еще менее, чем он по-английски. Поэтому я только пожал плечами и продолжал высматривать своего друга. Дрожь пробегала у меня по телу при мысли, что причиной его отсутствия могло быть какое-нибудь несчастье, случившееся с ним ночью. Кондуктор уже захлопнул дверцу купэ, раздался свисток, как вдруг...

– Вы не удостоили даже поздороваться со мной, милый Ватсон, – проговорил чей-то голос.

Я обернулся в неопisanном удивлении. Старый патер повернулся лицом ко мне. На одно мгновение морщины разгладились, нос отодвинулся

от подбородка, нижняя губа подтянулась, рот перестал шамкать, огонь мелькнул в тусклых глазах, сгорбленная фигура выпрямилась. Но в следующую же минуту все тело опять сгорбилось, и Холмс исчез так же быстро, как появился.

– Боже мой! – вскрикнул я. – Как вы поразили меня.

– Нужно соблюдать осторожность, – шепнул Холмс. – У меня есть основание предполагать, что они напали на наш след. А! Вот и сам Мориэрти!

В это мгновение поезд двинулся. Выглянув из окна, я увидел высокого человека, бешено расталкивавшего толпу и махавшего рукой, как бы желая остановить поезд. Однако было уже поздно; быстрота хода все увеличивалась, и скоро мы уже отъехали от станции.

– Благодаря принятым предосторожностям, нам все-таки удалось отделаться от него, – проговорил, смеясь, Холмс.

Он встал и, сбросив сутану и шляпу, спрятал их в свой ручной мешок.

– Видели вы утренние газеты, Ватсон?

– Нет.

– Значит, не знаете ничего о том, что случилось в улице Бэкер.

– В улице Бэкер?

Ночью подожгли нашу квартиру, но большого вреда не сделали.

– Боже мой! Да ведь это невыносимо, Холмс.

– Должно быть, они совершенно потеряли мой след после ареста малого с дубиной. Иначе им не пришлось бы в голову, что я вернусь домой. Однако они, очевидно, проследили вас, и потому-то Мориэрти явился на станцию. Не сделали ли мы какого-нибудь промаха?

– Я сделал все по вашим указаниям.

– Нашли карету?

– Да, экипаж ожидал меня.

– Узнали кучера?

– Нет.

– Это – мой брат Майкрофт. В подобного рода случаях хорошо иметь кого-нибудь своего, чтобы не брать в доверенные наемных людей. Но надо подумать, что нам делать с Мориэрти.

– Так как мы едем с экспрессом, согласующимся с отъездом парохода, то, мне кажется, мы совершенно отделались от него.

– Вы, очевидно, не поняли меня, милый Ватсон, когда я говорил вам, что по уму этот человек равный мне. Не можете же вы допустить, чтобы я, преследуя кого-нибудь, растерялся бы от такого ничтожного препятствия. Отчего же вы можете предположить это о нем?

– Что же он сделает?

– То, что сделал бы я.

– А что бы вы сделали?

– Заказал бы экстренный поезд.

– Но ведь это будет поздно.

– Нисколько. Наш поезд останавливается в Кентербёри, а до отхода парохода проходит по крайней мере четверть часа. Он догонит нас там.

– Можно подумать, что мы преступники. Прикажите арестовать его сейчас же по приезде.

– Это значило бы погубить работу трех месяцев. Мы поймали бы крупную рыбу, а мелкая ушла бы из сети. В понедельник мы поймаем всех. Нет, арест немыслим.

– Что же нам делать?

– Мы выйдем в Кентербёри.

– А потом?

– Потом проедем по соединительной ветви в Ньюгавен, а оттуда в Диепп. Мориэрти опять сделает то же, что сделал бы я. Он проедет в Париж, заметит наш багаж и будет поджидать нас дня два в помещении для хранения багажа. Мы же в то время приобретем пару ковровых мешков, поощрив таким образом промышленность тех стран, по которым путешествуем, и спокойно проедем в Швейцарию через Люксембург и Базель.

Я слишком привычный путешественник, чтобы потеря багажа могла серьезно беспокоить меня, но, признаюсь, мне было неприятно скрываться и укрываться от человека, за которым значилось столько страшных преступлений. Однако было очевидно, что Холмс понимал наше положение лучше, чем я. Поэтому мы вышли в Кентербёри, где узнали, что поезд в Ньюгавен отходить только через час.

Я смотрел несколько печальным взглядом вслед быстро исчезающему поезду, увозившему мой багаж, когда Холмс дернул меня за рукав и указал вдаль на линию железной дороги.

– Видите! Уже! – сказал он.

Вдали, среди Кентских лесов, виднелась тонкая струя дыма. Минуту спустя на открытом пути, образующим изгиб станции, показался мчавшийся паровоз с одним вагоном. Мы еле успели спрятаться за грудой багажа, как он с шумом и грохотом пролетел мимо, обдав нас струей горячего пара.

– Вот он проезжает мимо, – сказал Холмс вслед вагону, покачивавшемуся и подскакивавшему на рельсах. – Как видите, есть

граница догадливости нашего приятеля. С его стороны была бы нужна необыкновенная проницательность для того, чтобы вывести то заключение, к которому пришел бы я и на основании которого я стал бы действовать.

– А что бы он сделал в случае, если бы ему удалось догнать нас?

– Нет ни малейшего сомнения, что он попытался бы убить меня. Однако, эту игру могут вести два игрока. Теперь вопрос в том, позавтракать ли нам здесь раньше обыкновенного времени или поголодать до тех пор, пока доберемся до буфета в Ньюгавене.

В эту ночь мы доехали до Брюсселя и провели там два дня, а на третий отправились в Страсбург. В понедельник утром Холмс телеграфировал лондонской полиции, и вечером, когда мы возвратились в гостиницу, мы нашли ожидавший нас ответ. Холмс разорвал телеграмму и с проклятием швырнул ее в камин.

– Так и должно было ожидать! – со стоном проговорил он. – Он бежал.

– Мориэрти!

– Поймали всю шайку, за исключением его. Он ускользнул. Конечно, раз меня нет, некому было бороться с ним. Но мне казалось, что я дал им в руки все необходимое. Я думаю, вам лучше вернуться в Англию, Ватсон.

– Это почему?

– Потому что теперь я опасный товарищ. Этот человек потерял все дело своей жизни. Он пропал, если вернется в Лондон. Если я верно понимаю его характер, то он употребит всю свою энергию на то, чтоб отомстить мне. Он высказал это во время нашего короткого свидания, и я думаю, что он сдержит свою угрозу. Я очень советую вам возвратиться к своему делу.

Конечно, старый военный и в то же время такой старинный друг, как я, не мог согласиться на подобного рода просьбу.

Полчаса мы проспорили об этом вопросе в столовой гостиницы в Страсбурге и в ту же ночь поехали дальше в Женеву.

Целую неделю мы бродили по прелестной долине Роны и затем через проход Жемми, еще покрытый глубоким снегом, пробрались в Интерлакен и Мейринген. Места были удивительно красивые; свежая весенняя зелень внизу представляла яркий контраст с девственной белизной снега вверху. Однако, я ясно видел, что Холмс ни на одно мгновение не забывал о тени, омрачившей его жизнь. В альпийских деревушках, в уединенных горных проходах, повсюду по его взглядам, пристально устремлявшихся на лицо каждого прохожего, я видел, что он убежден, что где бы мы ни были, нам не избежать опасности, следовавшей за нами по пятам.

Однажды, помню, когда мы проходили через Жемми и шли вдоль края

меланхолического озера Даубен, с вершины горы оторвалась громадная каменная глыба и упала в озеро позади нас. В мгновение ока Холмс подбежал к горе и, поднявшись наверх, вытянул шею и стал осматриваться во всех направлениях. Напрасно уверял его проводник, что падение камней весной обычное явление в этой местности. Холмс ничего не сказал, но посмотрел на меня с видом человека, который видит исполнение своих ожиданий.

Но несмотря на постоянную бдительность, он никогда не бывал в подавленном состоянии. Напротив, я не помню, чтобы мне когда-нибудь приходилось видеть его в таком веселом настроении. Он постоянно возвращался к разговору о том, что если бы он мог убедиться, что общество освободилось от профессора Мориэрти, он с радостью закончил бы свою карьеру.

– Мне кажется, что я могу сказать, что не совсем бесполезно прожил жизнь, Ватсон, – говорил он. – Если бы моя деятельность закончилась хоть сегодня, я мог бы спокойно оглянуться на нее. Из более чем тысячи случаев, в которых я принимал участие, я не помню ни одного, где бы я помогал неправой стороне. В последнее время я более занимался проблемами, ставимыми нам природой, чем более поверхностными загадочными вопросами, за которые ответственен искусственный строй нашего общества. Ваши записки, Ватсон, закончатся в тот день, когда я увенчаю свою карьеру поимкой или уничтожением самого опасного и умного преступника в Европе.

Я расскажу все остальное в коротких, но точных словах. Я неохотно останавливаюсь на этом предмете, но сознаю, что долг требует, чтобы я не пропустил ни малейшей подробности.

3-го мая мы достигли маленькой деревни Мейринген и остановились в гостинице «Englischer Hof», которую содержал тогда Петр Штейлер старший. Хозяин был смышленный человек, отлично говоривший по-английски, так как он прослужил три года кельнером в Лондоне, в отеле «Grosvenor». По его совету 4-го мая после полудня мы отправились на прогулку в горы с тем, чтобы переночевать в деревушке Розенлау. Хозяин советовал нам непременно посмотреть водопад Рейхенбах, для чего надо было на половине высоты повернуть немного в сторону.

Это, действительно, страшное место. Поток, раздувшийся от таяния снегов, низвергается в страшную пропасть, из которой брызги поднимаются вверх, словно дым от горящего дома. Пропасть, в которую падает поток, находится между черными, как уголь, скалами. Она суживается, образуя узкий колодезь, где вода кипит на неизмеримой глубине, и с силой

выбрасывается вновь на зубчатые края горы. У человека кружится голова от несмолкаемого грохота и движения зеленой воды, беспрерывно извергающейся в пропасть, а также и от густой завесы брызг, вечно волнующейся и поднимающейся кверху. Мы стояли у края, смотря на сверкающую воду, разбивающуюся далеко внизу о черные скалы, и прислушиваясь к получеловеческим звукам, вылетающим из бездны вместе с брызгами.

Тропинка идет полукругом около водопада для того, чтобы дать полный вид на него, но она сразу обрывается так, что путешественнику приходится возвращаться по тому же пути, по которому он пришел. Мы только что намеривались сделать это, как увидели молодого швейцарца, бегущего к нам навстречу с письмом в руке. На конверте был адрес отеля, из которого мы только что вышли. Письмо было от хозяина ко мне. Он писал, что через несколько минут после того, как мы ушли, в отель приехала какая-то англичанка в последнем градусе чахотки. Она провела зиму в Давосе, а теперь ехала к своим друзьям в Люцерн, как вдруг у нее пошла кровь горлом. Вероятно, ей остается жить лишь несколько часов, но для нее было бы большим утешением видеть близ себя доктора англичанина, и если я могу вернуться... и т. д. Добряк Штейлер прибавлял в постскриптуме, что он счел бы мое согласие за большое одолжение, так как дама решительно отказалась принять местного доктора, и он вполне сознает, что на нем лежит большая ответственность.

Нельзя было отказать в просьбе соотечественнице, умирающей на чужбине. Но мне не хотелось оставить Холмса одного. Наконец, мы решили, что с ним останется молодой швейцарец в качестве проводника и спутника, а я вернусь в Мейринген. Мой друг намеревался пробыть еще несколько времени у водопада, а затем медленно спуститься с горы к Розенлау, куда я также должен был прийти к вечеру. Обернувшись, я увидел, что Холмс стоит, прислонясь к горе, и, сложив руки, смотрит на несущийся поток. Это было в последний раз, что мне было суждено увидеть его на свете.

Спустившись с горы, я оглянулся еще раз. С этого места нельзя было видеть водопада, но я разглядел дорожку, огибающую скат горы. По ней быстро шел какой-то человек. Его темная фигура ясно обрисовалась на зеленом фоне. Я заметил его и быстроту его хода, но скоро забыл о нем, спеша по своему делу.

Через час с небольшим я дошел до отеля в Мейрингене. Старик Штейлер стоял на крыльце.

– Ну, что? Ей не хуже, надеюсь? – поспешно проговорил я.

Недоумение выразилось на лице хозяина, и при первом содрогании его бровей сердце у меня замерло.

– Вы не писали этой записки? – спросил я, вынимая письмо из кармана. – В отеле нет больной англичанки?

– И не было, – ответил он. – Но на конверте адрес отеля! А! вероятно, записку написал высокий англичанин, приехавший после того, как вы ушли. Он говорил...

Но я уже не слушал объяснений хозяина. В паническом страхе я бежал вниз по деревенской улице к тропинке, с которой только что спустился. Спускаться мне пришлось целый час. Несмотря на все мои усилия, прошло еще два, прежде чем я снова очутился у водопада. Альпийская палка Холмса стояла, по-прежнему, у скалы, куда он поставил ее. Но самого Холмса не было и следа, и я напрасно звал его. Ответом мне был только мой собственный голос, повторяемый эхом окружавших меня скал.

При виде альпийской палки, я похолодел и чуть было не лишился чувств. Итак, Холмс не ушел в Розенлау. Он оставался на этой тропинке в три фута, с одной стороны которой высились отвесные скалы, а с другой – зияла бездонная пропасть, до тех пор, пока не настиг его враг. Молодой швейцарец также исчез. Вероятно, он был подкуплен Мориэрти и ушел, оставив врагов наедине друг с другом. Что же случилось потом? Кто мог сказать, что случилось потом?

Минуты две я не мог собраться с силами, ужас при мысли о случившемся ошеломил меня. Потом я стал припоминать методу Холмса и попытался применить ее к разыгравшейся трагедии. Увы! Это было очень легко! Во время нашего разговора мы не дошли до конца тропинки, и альпийская палка указывала на место нашей остановки. Темная почва всегда сыра от брызг, и на ней был бы замечен даже след птицы. На конце тропинки были ясно видны два ряда следов человеческих ног, оба в противоположном направлении от меня. Обратных следов не было видно. На расстоянии нескольких ярдов от конца тропинки почва была вся вытоптана и превратилась в грязь, а кусты терновника и папоротника, окаймлявшие пропасть, вырваны. Я лег ничком и стал смотреть вниз. Брызги летели вокруг меня. Стемнело, и я видел только блестящие от сырости черные скалы и далеко внизу сверкающие, разлетающиеся брызги воды. Я крикнул, но в ответ до моего слуха донесся только тот же получеловеческий крик водопада.

Однако, мне было суждено получить последний привет от моего друга и товарища. Я уже говорил, что его альпийская палка осталась прислоненной к скале, которая выступала над тропинкой. На вершине

скалы я заметил что-то блестящее и, подняв руку, достал серебряный портсигар, который он всегда носил с собой. Когда я поднял его, на землю слетел маленький клочок бумаги, лежавший под ним. Развернув бумагу, я увидел, что это три странички, вырванные из записной книжки Холмса и адресованные ко мне. Как на характеристичную особенность моего друга могу указать на то, что выражения были так же точны, а почерк так же тверд и разборчив, как будто записка была написана в его кабинете.

«Милый Ватсон, – писал Холмс, – пишу эти строки, благодаря любезности м-ра Мориэрти, который ожидает меня для окончательного решения возникших между нами вопросов. Он описал мне несколькими штрихами, как ему удалось ускользнуть от английской полиции и узнать о нашем местопребывании. Эти подробности только подтверждают мое высокое мнение о его способностях. Я рад, что буду иметь возможность освободить общество от дальнейшего пребывания Мориэрти среди него, хотя боюсь, что заплачу за это ценой, которая опечалит моих друзей и в особенности вас, дорогой Ватсон. Но я уже говорил вам, что моя карьера достигла кульминационной точки и что для меня не могло быть лучшего конца. Для полноты признания должен сказать вам, что был убежден, что письмо из Мейрингена не что иное, как западня, и отпустил вас в уверенности, что произойдет нечто в роде случившегося теперь. Скажите следователю Паптерсону, что бумаги, нужные для уличения шайки, хранятся в ящике «М», в синем конверте с надписью «Мориэрти». Перед отъездом из Англии я сделал все распоряжения насчет моего имущества и передал их моему брату Майкрофту. Прошу вас передать мой поклон миссис Ватсон и верить в искреннюю преданность

Вашего Шерлока Холмса».

Все остальное можно передать в нескольких словах. Осмотр экспертов не оставил никакого сомнения насчет того, что борьба кончилась так, как она должна была кончиться, т.-е. что оба противника упали в пропасть, обхватив друг друга. Всякая попытка найти тела была признана совершенно безнадежной, и там, на дне страшного, пенящегося водоворота, нашли вечный покой тела опаснейшего из преступников своего времени и искуснейшего из борцов за закон. Молодой швейцарец исчез; нет

сомнения, что это был один из многочисленных агентов, состоявших в распоряжении Мориэрти. Что касается до шайки, то многие из публики, вероятно, помнят записку, в которой Холмс подробно излагал ее организацию, и тот гнет, под которым ее держал умерший предводитель. На процессе было обнаружено мало подробностей относительно этого ужасного человека, и если мне пришлось теперь подробно описать его жизнь, то это вызвано теми недобросовестными защитниками, которые старались обелить его память нападками на того, кого я всегда буду считать лучшим и умнейшим из всех известных мне людей.

Аристократ-холостяк

Брак лорда Сен-Симона и странное окончание брачной церемонии давно уже перестали интересовать высшие круги общества, в которых вращается несчастный жених. Новые скандалы затмили это происшествие, а их пикантные подробности отвлекли внимание от драмы, происшедшей четыре года тому назад. Я имею основание предполагать, что не все факты, связанные с этим случаем, известны публике, а так как мой друг Шерлок Холмс принимал деятельное участие в выяснении их, то думаю, что мои воспоминания о нем были бы не полны, если бы я не упомянул об этом интересном эпизоде.

Дело было за несколько недель до моей свадьбы, когда я еще жил у Шерлока Холмса в его квартире, в улице Бэкер. Однажды, днем, вернувшись с прогулки, он нашел у себя на столе письмо. Я просидел целый день дома, так как погода стояла сырая; дул осенний холодный ветер. Пуля, оставшаяся у меня в ноге на память об афганской кампании, напоминала мне о своем присутствии глухой болью. Я уселся в кресло, вытянул ноги на стул и окружил себя газетами. Но чтение надоело мне, я швырнул газеты и продолжал лежать, рассматривая герб и монограмму на конверте и размышляя о том, от какого аристократа может быть это письмо.

– Вам письмо от какого-то знатного господина, – заметил я, когда Холмс вошел в комнату. – Если не ошибаюсь, утром вы получили письма от рыбного торговца и таможенного офицера.

– Да, моя корреспонденция носит прелесть разнообразия, – улыбаясь, ответил Холмс, – и чем ниже по положению корреспонденты, тем интереснее их письма. А вот это имеет вид тех приглашений. Не люблю я бывать в обществе: или скучно, или врать надо.

Он распечатал письмо и пробежал его содержание.

– О, да это нечто интересное!

– Не приглашение?

– Нет, профессиональное дело.

– И клиент – аристократ?

– Член одной из лучших фамилий Англии.

– Поздравляю вас, дорогой друг.

– Говорю вам совершенно искренне, Ватсон, общественное положение клиента играет в моих глазах меньшую роль, чем его дела. А в данном случае дело может оказаться интересным. Вы внимательно читали газеты?

– Как видите, – меланхолически проговорил я, указывая на ворох газет. – Больше мне нечего было делать.

– Вот это отлично: вы можете помочь мне. Сам я читаю только уголовные процессы и объявления об умерших. Последнее чтение весьма поучительно. Ну, если вы внимательно следили за-происшествиями, то, вероятно, читали о лорде Сен-Симоне и его свадьбе?

– О, да, читал с величайшим интересом!

– Отлично. Письмо, которое у меня в руке, от лорда Сен-Симона. Я прочту его вам, а вы за то отыщите в газетах все, что написано про этот случай. Вот что он пишет:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс, лорд Бакуотер говорит мне, что я могу вполне положиться на вас, Поэтому я решаюсь зайти к вам, чтоб посоветоваться с вами насчет печального обстоятельства, имеющего отношение к моей свадьбе. Мистер Лестрэд уже ведет это дело, но он уверяет меня, что он ничего не имеет против вашего сотрудничества и думает даже, что вы можете принести известную пользу. Я зайду к вам в четыре часа; если у вас назначено какое-нибудь другое деловое свидание, очень прошу вас, отложить его, так как мое дело чрезвычайно серьезно.

С почтением Роберт Сен-Симон».

– Написано в Гросвеноре гусиным пером; благородный лорд имел несчастье выпачкать мизинец на правой руке, – заметил Холмс, складывая письмо.

– Он пишет, что придет в четыре часа. Теперь три. Еще целый час до его прихода.

– Я воспользуюсь этим временем, чтобы, с вашей помощью, ознакомиться с делом. Поищите-ка отчеты в газетах и положите по порядку, а я пока посмотрю, кто такой наш клиент.

Он снял с полки справочный календарь в красной обложке.

– Вот оно, – сказал он, садясь и раскрывая книгу. – «Роберт Вальсингэм де-Вэр, второй сын герцога Бальмораль». Гм! «Герб – лазоревое поле, и подметные каракули на черном щите. Родился в 1846 г.» Значит, теперь ему сорок один год. Зрелый возраст для брака. «Был младшим секретарем в министерстве колоний. Герцог, его отец, был одно время министром иностранных дел. Они прямые потомки Плантагенетов, с

одной стороны, и в родстве с Тюдорами, с другой». Гм! Ничего нельзя заключить из этих сведений. Может быть, ваши будут интереснее, Ватсон.

– Мне не трудно найти желаемые сведения, так как это событие произошло очень недавно и произвело на меня сильное впечатление. Я не рассказывал вам о нем, потому что у вас было другое дело, и вы не любите мешать одно с другим.

– О, вы говорите об истории с мебельным магазином на Гросвенерской площади. Она совершенно выяснена, да впрочем и сначала было видно, в чем дело. Ну-с, расскажите, что вы нашли в газетах.

Вот первая заметка в «Morning Post», написанная, как видите, несколько недель тому назад. «По слухам в скором времени предстоит бракосочетание лорда Роберта Сен-Симона, второго сына герцога Бальмораль, с мисс Гэтти Дорэн, единственной дочерью Алоизия Дорэн, эсквайра из Сан-Франциско, Калифорния, С.-А. С. Ш.»

– Коротко и ясно, – заметил Холмс, протягивая к огню свои длинные, тощие ноги.

– Более подробная заметка появилась на той же неделе в одной из фешенебельных газет: «Национальное производство на брачном рынке сильно страдает от применения принципа свободной торговли. Необходимо принять охранительные меры. Аристократические дома Великобритании один за другим переходят в руки наших прекрасных заатлантических родственниц. На прошлой неделе список завоеваний очаровательных похитительниц увеличился ценным приобретением. Лорд Сен-Симон, в продолжение двадцати лет противостоявший стрелам маленького божка, объявил о предстоящем своем браке с мисс Гэтти Дорэн, прелестной дочерью калифорнийского миллионера. Мисс Дорэн, грациозная фигура и редкая красота которой обращала на себя общее внимание на балах, – единственная дочь. Говорят, что цифра ее приданого превышает шестизначное число, помимо надежд на будущее. Так как всем известно, что герцогу Бальмораль пришлось за последние годы распродать свои картины, а у лорда Сен-Симона нет своего имущества, за исключением маленького Бирзмурского поместья, то ясно, что счастье не только на стороне калифорнийской красавицы, которая так легко переходит из гражданок республики в ряды британской титулованной аристократии».

– Есть еще что-нибудь? – спросил, зевая, Холмс,

– О, да, множество заметок. Вот, напр., в «Morning-Post» говорится, что свадьба будет очень тихая в церкви св. Георгия на Ганноверской площади; приглашено только несколько близких друзей; после бракосочетания все присутствующие отправятся в Ланкастер, где м-р

Алоизий Дорэн устроил помещение для молодых. Два дня позже – т.-е. в прошлую среду – появилась короткая заметка о том, что свадьба состоялась и молодые проведут медовый месяц в имении лорда Бакуотера, вблизи Питерсфильда. Вот все, что появилось в газетах до исчезновения новобрачной.

– До чего? – переспросил Холмс, приподымаясь в кресле.

– До исчезновения новобрачной.

– Когда же она исчезла?

– Во время свадебного завтрака.

– Вот как. Дело-то оказывается интереснее, чем я ожидал.

Драматическое происшествие.

– Да, и мне оно показалось не совсем обыкновенным.

– Невесты часто исчезают перед свадьбой, новобрачные сбегают иногда во время медового месяца, но подобного случая я не запомню.

Пожалуйста, расскажите мне все подробности.

– Предупреждаю, что подробностей мало.

– Может быть, мы можем выяснить многое сами.

– Я прочту вам заметку одной утренней газеты от вчерашнего дня. Вот название ее: «Странное происшествие на великосветской свадьбе».

«Семья лорда Роберта Сен-Симона неприятно поражена странным происшествием, случившимся после его бракосочетания. Венчание, как было сообщено в газетах, состоялось вчера утром, но только сегодня оказывается возможным подтвердить странные слухи, ходившие в городе. Несмотря на все старания друзей замять дело, о нем говорят так много, что и мы не видим больше повода умалчивать о нем.

Венчание происходило в церкви св. Георгия, на Ганноверской площади. Кроме отца невесты, м-ра Алоизия Дорэн, присутствовали только герцогиня Бальмораль, лорд Бакуотер, лорд Юстэс и леди Клара Сен-Симон (младший брат и сестра жениха) и леди Алисия Виттингтон. После венчания все общество отправилось в дом м-ра Алоизия Дорэна, у Ланкастерских ворот, где был приготовлен завтрак. Оказывается, что вслед за новобрачными пыталась проникнуть в дом какая-то неизвестная женщина, предъявлявшая права на лорда Сен-Симона. После продолжительной тяжелой сцены она была выведена дворецким и лакеем. Новобрачная, к счастью вошедшая в домик до этого неприятного случая, села за завтрак, но вдруг

почувствовала себя дурно и ушла в свою комнату. Она не возвращалась довольно долго, и отец пошел за ней; горничная сказала ему, что новобрачная зашла в комнату, накинула манто, надела шляпу и побежала по коридору. Один из лакеев показал, что видел, как какая-то дама выходила из дома, но ему и в голову не пришло, что это могла быть его госпожа. Убедившись в исчезновении дочери, м-р Алоизий Дорэн, вместе с новобрачным, заявил о случившемся полиции. Приняты энергичные меры и, по всем вероятностям, это странное происшествие будет вскоре выяснено. Однако, вчера вечером не было еще ничего известно о пропавшей леди. Как говорят, полиция арестовала женщину, производшую скандал, предполагая, что она замешана в исчезновении новобрачной. Предполагается преступление из ревности или какого-нибудь другого мотива».

– И это все?

– Есть еще одна маленькая, но не лишенная значения заметка в другой утренней газете.

– Какая?

– Арестована мисс Флора Миллар, производшая скандал. Оказывается, что она была прежде танцовщицей в «Аллегро» и уже несколько лет знает новобрачного. Вот и все, что известно об этом деле по газетам.

– Замечательно интересный случай. Ни за что на свете не отказался бы исследовать его. Звонят, Ватсон. Недавно пробило четыре часа, и потому я не сомневаюсь, что это наш высокородный клиент. Не думайте уходить, Ватсон; я предпочитаю иметь свидетеля, хотя бы на случай, если мне изменит память.

– Лорд Сен-Симон, – доложил мальчик, открывая дверь.

Вошел господин с приятным, утонченным лицом, орлиным носом, бледный и с глазами человека, на долю которого выпала приятная участь повелевать другими. Он вошел бодро, но вообще казался старше своих лет, так как сгибал колени и слегка наклонялся вперед. Волосы у него начинали седеть, а на макушке была лысина. Костюм у него был щегольской: высокий воротник, черный сюртук, белый жилет, желтые перчатки, лайковые сапоги и светлые брюки. Войдя в комнату, он оглянулся, играя шнурком от золотого пенснэ.

– Здравствуйте, лорд Сен-Симон, – сказал Холмс, вставая с места и кланяясь. – Пожалуйста, садитесь. Это мой друг и коллега, м-р Ватсон. Присядьте поближе к огню и потолкуем о деле.

– Дело очень неприятное, – мистер Холмс, как вы сами понимаете. Я слышал, сэр, что вам приходилось заниматься подобного рода щекотливыми делами, хотя вряд ли ваши клиенты принадлежали к тому классу общества, как я.

– Ну, в настоящее время я спускаюсь.

– Что вы хотите сказать?

– Мой последний клиент был король.

– О, в самом деле! Я не знал этого. А у него также пропала жена?

– Вы понимаете, что мои другие клиенты в праве так же рассчитывать на мою скромность, как и вы, – вежливо заметил Холмс.

– Конечно! Вы правы, вполне правы! Что касается моего дела, то я готов дать все сведения, которые потребуются вам.

– Благодарю вас. Я знаю только то, что напечатано в газетах. Например, верно это известие об исчезновении новобрачной?

Лорд Сен-Симон пробежал глазами заметку.

– Да, все это верно.

– Прежде чем я могу составить себе какое либо мнение об этом случае, мне нужно узнать еще многое. Я думаю, лучше всего будет, если я стану предлагать вам вопросы.

– Пожалуйста.

– Когда вы познакомились с мисс Гэтти Дорэн?

– Год тому назад, в Сан-Франциско.

– Вы путешествовали по Соединенным Штатам?

– Да.

– И тогда же обручились с ней?

– Нет.

– Но вы были в дружеских отношениях с ней?

– Мне нравилось ее общество, и она видела это.

– Ее отец очень богат?

– Он считается самым богатым человеком на всем тихоокеанском побережье.

– А как он нажил деньги?

– На рудниках. Несколько лет тому назад у него ничего не было. Потом он нашел золото и разбогател.

– А теперь скажите мне ваше мнение о вашей жене. Что она за человек?

Лорд стал сильнее раскачивать пенснэ и уставился на огонь в камине.

– Видите, м-р Холмс, моей жене было уже двадцать лет, когда разбогател ее отец. До этого времени она свободно бегала среди рудокопов,

гуляла по лесам и горам, так что воспитала ее скорее природа, чем школа. Она, что называется, сорванец, с большой силой воли, свободная от всяких предрассудков. Она очень порывиста и вспыльчива, настоящий вулкан, решительна и, не задумываясь, приводит в исполнение свои решения. Но я не дал бы ей имени, которое я имею честь носить (тут он внушительно кашлянул), если бы не считал ее, в сущности, благородной женщиной. Я считаю ее способной на героическое самопожертвование и думаю, что она с отвращением относится ко всему бесчестному.

– У вас есть ее фотографическая карточка?

– Я принес с собой ее портрет.

Он открыл медальон и показал нам портрет очень красивой женщины. Это был миниатюр на слоновой кости, и художник чудесно изобразил блестящие черные волосы, большие темные глаза и очаровательный ротик мисс Дорэн. Холмс долго и внимательно всматривался в изображенное на портрете лицо, потом закрыл медальон и отдал его лорду Сен-Симону.

– Барышня приехала в Лондон, и вы возобновили знакомство с ней?

– Да, отец привез ее сюда. Мы встречались с ней во время сезона, потом я сделал ей предложение и женился на ней.

– Кажется, она принесла вам большое приданое?

– Хорошее, но не больше того, какое приносят обыкновенно жены в нашем роде.

– И оно остается за вами, раз брак состоялся?

– Я, право, не справлялся об этом.

– Вполне естественно. Вы видели мисс Дорэн накануне вашей свадьбы?

– Да.

– Была она в хорошем настроении духа?

– Наилучшем. Она все время говорила о нашей будущей жизни.

– В самом деле? Это очень интересно. А утром в день свадьбы?

– Все время до окончания венчания была весела, как всегда.

– А потом вы заметили в ней какую-нибудь перемену?

– Сказать по правде, я в первый раз заметил, что характер у нее не очень мягкий. Но случай, наведший меня на это размышление, так ничтожен, что я не счел нужным упомянуть о нем, и к тому же он не имеет никакого отношения к нашему делу.

– Все-таки расскажите нам этот случай.

– О, сущий пустяк! Она уронила букет, когда мы шли в ризницу. Он упал на одну из скамей. Какой-то джентльмэн, сидевший на скамье, подал ей букет после минутного замедления. Когда я заговорил с ней об этом

случае, она ответила мне резко и все время, пока мы ехали домой, сильно волновалась из-за такого пустяка.

– Вот как. Вы говорите, что какой-то господин сидел на скамье. Значите, в церкви была посторонняя публика?

– О, да. Этого невозможно избежать, когда отперта церковь.

– Он не из числа друзей вашей жены?

– Нет, нет, я назвал его джентльмэном только из вежливости, но, на самом деле, он простой человек. Я не обратил особого внимания на него. Но право, мне кажется, мы уклоняемся в сторону.

– Итак, лэди Сен-Симон вернулась из церкви в менее веселом расположении духа, чем была раньше. Что она сделала, когда вошла в дом отца?

– Я видел, что она разговаривала со своей горничной.

– А кто такая ее горничная?

– Ее зовут Алиса. Она американка и приехала из Калифорнии вместе с своей барышней.

– Пользуется ее доверием?

– Даже слишком. Мне казалось, что мисс Дорэн позволяет ей слишком много. Но, конечно, в Америке смотрят на это совершенно иначе.

– Долго она разговаривала с Алисой?

– О, только несколько минут. Я думал о другом.

– Вы не слышали, что они говорили?

– Лэди Сен-Симон сказала что-то на американском жаргоне, который употребляет очень часто. Я не понял ее слов.

– Американский жаргон бывает иногда очень выразителен. А что сделала ваша жена, окончив разговор с горничной?

– Она вошла в столовую.

– Под руку с вами?

– Нет, одна. Она очень независима в подобного рода мелочах. Посидев минут десять, она вдруг встала, пробормотала несколько слов извинения, вышла из комнаты и не возвращалась более.

– Но, насколько я знаю, горничная Алиса показала, что лэди Сен-Симон вошла в свою комнату, накинула манто на подвенечное платье, надела шляпу и ушла.

– Совершенно верно. Потом ее видели в Гайд-парке с Флорой Миллар, арестованной в настоящее время, пытавшейся утром устроить скандал в доме м-ра Дорэна.

– Ах, да. Я бы желал знать некоторые подробности об этой молодой леди и ваших отношениях к ней.

Лорд Сен-Симон пожал плечами и поднял брови.

– Мы были с ней несколько лет в близких, очень близких отношениях. Она служила в «Аллегро». Я не обидел ее, и у нее нет повода жаловаться на меня, но вы знаете женщин, м-р Холмс. Флора очень милое создание, но чрезвычайно вспыльчива и очень любит меня. Она писала мне ужасные письма, когда узнала, что я женюсь. Правду сказать, я потому хотел венчаться скромно, что боялся скандала в церкви.

Она подбежала к подъезду дома мистера Дорэна, когда мы вернулись из церкви, и хотела ворваться в переднюю, осыпая мою жену страшной бранью и угрозами, но я предвидел возможность этого случая и отдал приказания прислуге, которая вывела ее вон. Она успокоилась, когда увидела, что поднятый ею шум ни к чему не повел.

– А ваша жена слышала все это?

– К счастью, нет.

– А потом ее видели в обществе этой самой женщины?

– Да. Мистер Лестрэд отнесся к этому факту очень серьезно. Предполагают, что Флора вызвала мою жену и устроила ей какую-нибудь ужасную западню.

– Что же, это весьма возможно.

– Вы того же мнения?

– Я не утверждаю этого. А вы сами считаете это правдоподобным?

– Флора не обидит и мухи.

– Но ревность может совершенно изменить характер человека. Пожалуйста, скажите, что вы сами думаете об этом?

– Видите ли, я пришел спросить ваше мнение, потому что сам ничего не могу понять. Я рассказал вам все факты. Но если вы все-таки желаете знать мое мнение, то мне представляется возможным, что возбуждение, сознание достигнутого ею высокого положения подействовало на нервную систему моей жены.

– Одним словом – внезапное помешательство.

– Видите, когда я думаю, что она отвернулась не скажу лично от меня, но ото всего, чего безуспешно добиваются другие, – то мне невольно приходит в голову это предположение.

– Что же, это также возможная гипотеза, – улыбаясь, сказал Холмс. – Ну, лорд Сен-Симон, теперь, кажется, все данные у меня в руках. Скажите пожалуйста, когда вы сидели за столом, во время завтрака, вы могли видеть, что делается на улице?

– Из окна видна противоположная сторона улицы и парк.

– Так мне нечего задерживать вас. Я сообщу вам, что узнаю.

– В том случае, если вам удастся разрешить эту задачу... – сказал наш клиент, вставая со стула.

– Я уже разрешил ее.

– Э? Что такое?

– Я говорю, что уже разрешил эту задачу.

– Так где же моя жена?

– Это – подробность, которую я скоро узнаю.

Лорд Сен-Симон покачал головой.

– Боюсь, что это разрешение не под силу нашим головам, – заметил он, сделал величественный, старомодный поклон и вышел из комнаты.

– Очень мило со стороны лорда Сен-Симона удостоить сравнить мою голову со своею, – со смехом сказал Шерлок Холмс. – Я думаю, после этого допроса можно выпить виски с содой и выкурить сигару. Я сделал выводы, прежде чем лорд вошел в комнату.

– О, Холмс!

– У меня записаны подобного рода случаи, хотя, как я уже говорил вам исчезновение не происходило так скоро после венчания. Допрос только подтвердил мои предположения. И пустые по виду показания играют иногда очень важную роль.

– Но ведь я слышал все тоже, что слышали вы.

– Да, но вы не знакомы с предыдущими случаями; а они-то и помогли мне решить эту задачу. То же самое произошло несколько лет тому назад в Абердине и нечто подобное в Мюнхене через год после франко-прусской войны. Ах вот Лестрэд! Здравствуйтесь, Лестрэд! Вот там лишний стакан, а сигары в ящике.

На сыщике был пиджак горохового цвета и галстук, что придавало ему вид моряка. В руках у него был черный холщевый мешок. Он поздоровался, сел и закурил предложенную ему сигару.

– Что случилось? – спросил Холмс, подмигивая мне. – Вы чем-то недовольны?

– Действительно, недоволен. Это проклятое дело Сен-Симона. Ничего понять не могу.

– В самом деле? Вы удивляете меня.

– Что за запутанная история! Работал целый день, и в результате – ничего.

– А и промокли же вы, – сказал Холмс, ощупывая рукав пиджака Лестрэда.

– Да, я исследовал дно Серпантина.

– Господи, Боже мой? Для чего же?

- Искал тело леди Сен-Симон.
- Шерлок Холмс откинулся на спинку кресла и громко расхохотался.
- А вы не пробовали исследовать дно фонтана на Трафальгарской площади? – спросил он.
- Зачем? Что вы хотите этим сказать?
- Столько же шансов найти ее в этом месте, как в другом.
- Лестрэд бросил на моего приятеля сердитый взгляд.
- А вам, вероятно, уже все известно, – проговорил он насмешливым тоном.
- Я только что узнал факты, но уже составил себе определенное мнение.
- В самом деле? Так вы думаете, что Серпантин не играет никакой роли в этом происшествии?
- Считаю это вполне вероятным.
- Так не потрудитесь ли вы объяснить, что значит эта находка?
- Он развязал мешок и выбросил на нас шелковое подвенечное платье, белые атласные туфли, венок и фату – все подмоченное водой.
- Вот еще, – сказал он, кладя на эту кучу новое обручальное кольцо. – Раскусите-ка этот орешек, мистер Холмс.
- Вот как. И все это вы достали со дна Серпантина? – спросил мой приятель, пуская кольца голубого дыма.
- Нет. Их нашел сторож парка плавающими по воде. Вещи признаны принадлежащими ей, ну, я и подумал, что и тело ее недалеко от них.
- По блестящему выводу, что тело человека должно быть всегда близко к его гардеробу. Скажите, пожалуйста, чего вы хотели добиться?
- Какого-нибудь доказательства виновности Флоры Миллар.
- Боюсь, что трудно будет его найти...
- В самом деле? – с горечью вскрикнул Лестрэд. – Боюсь, Холмс, что все ваши выводы и умозаключения ни к чему не годны на практике. В две минуты вы сделали две ошибки. В этом платье есть улика против мисс Флоры Миллар.
- Какая?
- В платье есть карман. В кармане – футляр для визитных карточек, а в нем записка. Вот она. Слушайте: «Увидите меня, когда все будет готово. Идите сейчас. Ф. Г. М.». Ну-с, я и полагаю, что Флора Миллар заманила леди Сен-Симон и упрятала ее куда-нибудь с помощью сообщников. Эта записка подписана ее инициалами. Вероятно, она сунула ее ей в руки у подъезда.
- Отлично, Лестрэд, – со смехом сказал Холмс. – Вы хитро повели

дело. Дайте-ка мне взглянуть.

Он небрежно взял бумажку, но вдруг внимательно взглянул на нее и сказал с довольным видом:

– Да, действительно, это очень важно.

– Ага, вы находите?

– Чрезвычайно важно. Поздравляю вас.

Лестрэд поднялся с места, весь сияя торжеством, и наклонился, чтобы взглянуть на записку.

– Да вы смотрите не с той стороны! – вскрикнул он.

– Напротив, именно с той, с которой следует.

– С которой следует? Вы с ума сошли. Там написано карандашом несколько слов.

– А здесь клочок счета гостиницы, который чрезвычайно интересует меня.

– Тут ничего нет. Я уже смотрел, – сказал Лестрэд.

– «Окт. 4, за комнату. – 8 шилл., завтрак – 2 шилл. 6 пенсов, дичь – 1 шилл., закуска – 2 шилл. 6 пенсов, стакан хереса – 8 пенсов». Ничего тут не вижу.

– Весьма вероятно. А между тем это очень важно. Что же касается записки, она, или, по крайней мере, подпись на ней, также имеет важное значение, и потому еще раз поздравляю вас.

– Я уж потерял достаточно много времени, – сказал, вставая, Лестрэд. – Я считаю, что следует действовать, а не разводить разные теории, сидя у камина. Прощайте, м-р Холмс; увидим, кто первый разрешит загадку.

Он собрал все вещи, сунул их в мешок и вышел.

– Я скажу вам только несколько слов относительно этого дела, Лестрэд, – протяжно проговорил Холмс вслед своему сопернику. – Леди Сен-Симон – миф. Нет ее и никогда не было.

Лестрэд с грустью посмотрел на моего друга. Потом повернулся ко мне, хлопнул себя три раза по лбу, многозначительно покачал головой и поспешно вышел из комнаты.

Он еле успел закрыть дверь, как Холмс встал и надел пальто.

– Он прав относительно того, что следует действовать, – заметил он, – а потому я должен вас покинуть на некоторое время, Ватсон.

Шерлок Холмс ушел в шестом часу, а час спустя явился приказчик из гастрономического магазина с большим ящиком. С помощью пришедшего с ним мальчика он открыл ящик и, к великому моему удивлению, стал выкладывать роскошный холодный ужин на мой простой деревянный стол.

Тут были куропатки, фазан, страсбургский пирог и несколько бутылок старого вина. Выложив все это, мои гости исчезли, как духи в сказках, объяснив, что деньги они получили и принесли все вещи по указанному адресу.

Около девяти часов Шерлок Холмс быстро вошел в комнату. Выражение лица его было серьезно, но в глазах светился огонек. Я заключил, что предположения его оправдались.

– Ага! ужин готов, – сказал он, потирая руки.

– Вы ждете гостей? Накрыто на пять персон.

– Да, я думаю, к нам соберется кое-кто, – сказал он. – Удивляюсь, что нет еще лорда Сен-Симона. Ага! Кажется, это его шаги на лестнице.

Вошел наш утренний гость. Смущение выражалось на его аристократическом лице. Усиленнее чем когда либо он теребил шнурок своего пенснэ.

– Мой посыльный застал вас? – спросил Холмс.

– Да... Сознаюсь, что содержание вашего письма поразило меня. Уверены ли вы в том, что говорите?

– Безусловно.

Лорд Сен-Симон упал в кресло и провел рукой по лбу.

– Что скажет герцог, когда узнает, что один из членов его семьи подвергся такому унижению? – прошептал он.

– Это чистая случайность. Нет никакого унижения.

– Ах! Вы смотрите на эти вещи с другой точки зрения.

– Тут некого винить. Она не могла поступить иначе. Жаль, конечно, что это вышло несколько резко, но ведь у нее нет матери, которая могла бы дать совет в таком случае.

– Это оскорбление, сэр, публичное оскорбление, – сказал лорд Сен-Симон, постукивая пальцами по столу.

– Вы должны отнестись снисходительно к бедной девушке, очутившейся в таком неслыханном положении.

– Никакого снисхождения! Я страшно зол, со мной поступили отвратительно!

– Кажется, позвонили, – сказал Холмс. – Да, на лестнице слышны шаги. Если я не в состоянии убедить вас, лорд Сен-Симон, то я пригласил адвоката, который, может быть, окажется счастливее меня.

Он отворил дверь и ввел в комнату какого-то господина с дамой.

– Лорд Сен-Симон, – сказал он, – позвольте мне представить вас г. и г-же Фрэнсис Гай Моультон. С г-жей Моультон вы, кажется, встречались.

При виде вошедших наш клиент вскочил с места и выпрямился,

опустив глаза и заложив руку за борт сюртука с видом оскорбленного достоинства. Дама быстро подошла к нему и протянула руку. Он не поднял глаз. И, пожалуй, хорошо сделал, так как трудно было бы устоять перед умоляющим выражением ее прелестного личика.

– Вы сердитесь, Роберт, – сказала она. – И имеете полное право сердиться.

– Пожалуйста, не извиняйтесь, не извиняйтесь, – с горечью ответил лорд Сен-Симон.

– О, я знаю, что отвратительно поступила с вами и должна была сказать вам все раньше. Но я была словно безумная с тех пор, как увидела Франка, и не знала, что делала и говорила. Удивляюсь, как я не упала в обморок у алтаря.

– Сударыня, вы, может быть, желаете, чтобы мой друг и я ушли из комнаты, пока вы будете объясняться?

– Если мне можно выразить мое мнение, – заметил незнакомец, – то, по-моему, в этом деле и так было слишком много тайны. Что касается меня, я ничего не имею против того, чтоб и Европа и Америка узнали всю правду.

Мистер Моультон был живой, маленький, сухой человек с резкими чертами загорелого лица.

– Ну, так я расскажу всю нашу историю, – сказала миссис Моультон. – Мы с Франком познакомились в 1881 году, в лагере Мак-Квира, вблизи Скалистых гор, где папа искал золото. Мы обручились, но папа вдруг напал на золотоносную жилу, а у Франка дело прогорело. Папа становился все богаче и богаче, а Франк все беднее и беднее. Папа и слушать не хотел о том, чтоб мы поженились, и увез меня в Сан-Франциско. Франк не хотел отказаться от меня и поехал за нами. Мы виделись без ведома папы. Он взбесился бы, если бы узнал это. Поэтому мы сами порешили дело. Франк сказал, что он вернется на россыпи и возвратится только тогда, когда будет так же богат, как папа. Тогда я обещалась ему ждать его и не выходить замуж, пока он жив. «Отчего бы нам не пожениться теперь? – сказал Франк. – Я буду спокойнее. Я никому не скажу, что ты моя жена, пока не вернусь». Ну, мы переговорили, и он устроил все так отлично, что мы сейчас же и повенчались. После этого Франк отправился искать счастья, а я вернулась к папе.

Я слышала, что Франк был в Монтане, а затем переехал в Аризону и, наконец, в Новую Мексику. Потом в газетах появилось известие о нападении индейцев на лагерь золотоискателей. В числе убитых стояло имя моего Франка.

Я упала в обморок и была больна несколько месяцев. Папа думал, что

у меня чахотка, и возил меня чуть ли не ко всем докторам в Сан-Франциско. Более года ничего не было слышно о Франке, так что я не сомневалась уже в его смерти. Потом лорд Сен-Симон приехал в Сан-Франциско, затем мы отправились в Лондон, где он сделал мне предложение. Папа был очень доволен, но я все время чувствовала, что ни один человек в мире не заменит мне моего бедного Франка.

Но все же, если бы я вышла за лорда Сен-Симона, я исполняла бы свой долг по отношению к нему. Любовью нельзя управлять, но своими поступками можно. Я пошла с ним к алтарю с намерением быть ему хорошей женой. Но можете себе представить, что я почувствовала, когда, оглянувшись, увидела Франка. В первую минуту я подумала, что это его призрак, но, оглянувшись во второй раз, заметила, что он стоит на том же месте и вопросительно смотрит на меня, как будто желая узнать, рада я или не рада его видеть. Удивляюсь, как я не упала в обморок. Голова у меня кружилась, слова священника звучали в ушах, словно жужжание пчелы. Я не знала, что делать, Остановить венчание и сделать сцену в церкви? Я опять взглянула на Франка. Он, должно быть, понял мои мысли, потому что приложил палец к губам в знак молчания. Потом я увидела, что он пишет что-то на клочке бумаги – очевидно мне. Проходя мимо него, я уронила букет. Он поднял его и, вместе с цветами, сунул мне в руку записку. Он просил меня сойти к нему, когда он подаст мне знак. Понятно, я ни минуты не сомневалась в том, что мой долг обязывает меня следовать его указаниям.

Вернувшись из церкви, я рассказала все моей горничной, которая знала Франка в Калифорнии и очень любила его. Я велела ей молчать, упаковать несколько вещей и приготовить манто. Я знаю, что нужно было объясниться с лордом Сен-Симоном, но это было ужасно страшно в присутствии его матери и всех этих важных господ. Я решилась убежать и потом уже объяснить все. Мы сидели за столом не более десяти минут, как вдруг я увидела Франка, стоявшего на противоположной стороне улицы. Он сделал мне знак и пошел по направлению к парку. Я вышла из комнаты, оделась и пошла вслед за ним. Ко мне подошла какая-то женщина, говорила что-то о лорде Сен-Симони – оказывается, что и у него было что-то до брака, – но мне удалось отделаться от нее и я догнала Франка. Мы сели в кэб и поехали в квартиру, нанятую им на Гордонской площади. Таким образом, после многих лет ожидания, я соединилась, наконец, с Франком.

Франк был взят в плен индейцами, бежал от них в Сан-Франциско, узнал, что я считала его умершим, отправился в Англию и отыскал меня здесь как раз в день венчания.

– Я прочел в газетах, – объяснил американец. – Там была упомянута фамилия невесты и церковь, где ее будут венчать, но не сказано, где она живет.

– Мы стали толковать о том, что нам следует делать. Франк стоял за откровенное объяснение, но мне было так стыдно, что хотелось исчезнуть и никогда больше никого не видеть. Я решила только написать папе, что я жива. Мне страшно было подумать, что все эти лорды и леди сидят за столом в ожидании меня. Франк взял мое подвенечное платье и все вещи, связал их в узел и бросил его куда-то, чтобы меня не могли проследить. По всей вероятности, мы завтра же уехали бы в Париж, если бы к нам не пришел вот этот любезный господин – мистер Холмс. (Хотя я не понимаю, как он нас нашел). Он очень добро и ясно доказал мне, что я неправа, а Франк прав и, что если мы будем скрываться, то все обвинят нас. Потом он предложил нам поговорить с лордом Сен-Симоном наедине, и мы сейчас же приехали к нему. Ну, Роберт, теперь вы все знаете. Мне очень жаль, что я причинила вам огорчение. Надеюсь, что вы не очень дурно думаете обо мне.

Во время ее продолжительного рассказа лорд стоял в прежней позе, с нахмуренными бровями и крепко сжатыми губами.

– Извините, – проговорил он, – я не привык обсуждать публично мои интимные дела.

– Так вы не прощаете меня? Не хотите пожать мне руку на прощанье?

– О, отчего же нет, если это может доставить вам удовольствие.

Он холодно пожал протянутую ему руку.

– Я надеялся, что вы запросто поужинаете с нами, – сказал Холмс.

– Это уж слишком, – ответил лорд. – Я вынужден покориться обстоятельствам, но не вижу причины радоваться. Позвольте пожелать вам всем доброй ночи.

Он сделал общий поклон и величественно вышел из комнаты.

– Надеюсь, что, по крайней мере, вы не откажетесь сделать мне честь поужинать с нами, – сказал Шерлок Холмс. – Я всегда рад видеть американца, мистер Моультон, потому что я из тех людей, которые думают, что ошибки правительства в былые годы не помешают нашим детям стать со временем гражданами огромного государства под соединенным флагом Великобритании и Соединенных Штатов.

– А дело-то вышло очень интересное, – заметил Холмс по уходе наших гостей. – Оно показало, как просто объясняется иногда дело, кажущееся необъяснимым. На что уж казался загадочным данный случай. А между

тем нет ничего более естественного того хода событий, о котором рассказала нам миссис Моультон. А с другой стороны, какой странный результат, если взглянуть на дело с точки зрения мистера Лестрэда.

– Так, значит, вы не ошиблись?

– С первой же минуты мне стало ясно, что невеста охотно согласилась на брак, а затем раскаялась в своей согласии за несколько минут до возвращения домой. Очевидно, утром произошло что-то, вызвавшее в ней перемену настроения. Что бы это могло быть? Она не могла говорить с кем-нибудь наедине, потому что все время была с женихом. Не видела ли она кого-нибудь? Если видела, то несомненно американца, так как она в Англии недавно и вряд ли кто-нибудь мог приобрести над ней такое влияние, чтобы при виде его она могла изменить все свои планы. Как видите, с помощью метода исключения, мы пришли к выводу, что она видела американца. Кто же этот американец и почему он имеет на нее такое влияние? Это или любовник, или муж. Я знал, что она провела юность в грубой обстановке и в странных условиях. Я дошел до этих выводов еще раньше посещения лорда Сен-Симона. Когда же он рассказал нам про господина, который сидел на скамье, про внезапную перемену в настроении невесты, про то, как она уронила букет (самый обыкновенный способ передачи записки), про разговор с горничной, знавшей все ее дела, на жаргоне, – все стало вполне ясным для меня. Она бежала с мужчиной – любовником или мужем, вероятнее с мужем.

– А как вы их нашли?

– Это было бы трудно, но в руках у нашего друга Лестрэда было драгоценное сведение, значение которого он не понял. Конечно, инициалы играли важную роль, но еще важнее было узнать, что он прожил неделю в одной из лучших английских гостиниц.

– Как вы это узнали?

– По ценам. Восемь шиллингов за постель и восемь пенсов за стакан хереса – такие цены бывают только в самых шикарных гостиницах, каких не много в Лондоне. Во второй из тех, в которые я заходил, находящейся в Нортумберланд-авеню, я узнал в бюро, что Фрэнсис Г. Моультон, американец, выехал накануне. Я попросил взглянуть в приходную книгу и увидел те же цифры, что и на счете. Письма он велел адресовать на площадь Гордона, 226. Я отправился туда и, к счастью, застал влюбленную парочку дома. Я взял на себя дать им отеческий совет, доказал, что им лучше выяснить свое положение перед светом вообще и перед лордом Сен-Симоном в частности, и пригласил их сюда, чтоб поговорить с ним. Как видите, он явился.

– Да, но результат свидания нельзя назвать удачным. Нельзя сказать, чтоб лорд был очень любезен,

– Ах, Ватсон! – с улыбкой сказал Холмс, – может быть, и вы не были бы любезны, если бы после всех ухаживаний и свадьбы вам пришлось бы внезапно отказаться и от жены и от денег. Я думаю, нам следует отнестись к лорду Сен-Симону снисходительно и возблагодарить небо за то, что мы никогда не очутимся в подобном положении. Придвиньте-ка свой стул и дайте мне скрипку. Единственная задача, которую нам предстоит разрешить теперь – это как убить эти мрачные осенние дни.

Берилловая корона

– Холмс, – проговорил я, стоя однажды утром у окна и смотря на улицу, – вот бежит сумасшедший. Как это родственники пускают его одного!

Мой приятель лениво поднялся с места и, засунув руки в карманы халата, заглянул через мое плечо на улицу. Стояло светлое, морозное февральское утро. Выпавший накануне снег покрывал землю плотным слоем и сверкал при лучах зимнего солнца. По середине улицы он почернел от езды, но ближе к тротуарам был точно только что выпавший. Тротуар был подметен и вычищен, но было очень скользко, так что прохожих было меньше, чем обыкновенно. Со стороны станции метрополитэна никого не было видно, за исключением господина, привлекшего мое внимание своим странным видом.

Это был человек около пятидесяти лет, высокий, плотный, внушительного вида с резко очерченными чертами лица. Он был скромно, но хорошо одет, на нем был черный сюртук, блестящий цилиндр, коричневые гетры и отлично сшитые серые брюки. Но поведение его странно противоречило его лицу и всему внешнему виду: он бежал изо всех сил, по временам подсакивая, как человек, не привыкший много ходить. На ходу он размахивал руками, качал головою и делал какие-то необыкновенные гримасы лицом.

– Что это с ним? – сказал я. – Он смотрит на номера домов.

– Я думаю, он идет сюда, – сказал Холмс, потирая руки.

– Сюда?

– Да. Я думаю, он идет посоветоваться со мной. Мне несколько знакомы эти симптомы. Ага! Что я говорил вам?

Незнакомец, задыхаясь, подбежал к нашему подъезду и дернул колокольчик так сильно, что звон раздался по всему дому.

Через несколько мгновений он стоял уже перед нами, все так же задыхаясь и размахивая руками, но во взгляде его глаз было столько горя и отчаяния, что мы перестали улыбаться и с ужасом и сожалением смотрели на него. Сначала он не мог выговорить ни слова и только раскачивался из стороны в сторону и хватал себя за волосы, как человек, потерявший рассудок; затем внезапно бросился к стенке принялся биться о нее головой с такой силой, что нам, вдвоем, еле удалось оттащить его на середину комнаты. Шерлок Холмс усадил его в кресло и стал говорить с ним

свойственным ему ласковым, ободряющим тоном.

– Вы, вероятно, пришли рассказать мне, что с вами случилось, и просить совета, не правда ли? – сказал он. – Вы устали, потому что очень торопились. Пожалуйста, успокойтесь, а потом я буду очень рад выслушать вас.

Незнакомец сидел несколько времени молча, видимо, стараясь овладеть собой. Грудь его тяжело вздымалась. Наконец, он провел платком по лицу, крепко сжал губы и обернулся к нам.

– Вы, конечно, считаете меня сумасшедшим? – спросил он,

– Я вижу, что вы сильно взволнованы, что у вас большое горе, – ответил Холмс.

– Да, горе! Страшное, неожиданное горе, от которого можно с ума сойти! Я мог бы перенести позор, если бы это касалось моего положения в обществе, хотя я человек незапятнанной репутации. В частной жизни каждого человека могут быть также огорчения, но то и другое вместе... это потрясло мне всю душу! К тому же пострадаю не я один; если нельзя будет найти выхода из этого ужасного дела, пострададут самые высокопоставленные личности страны.

– Пожалуйста, успокойтесь, сэр, – сказал Холмс, – и скажите мне, кто вы и что случилось с вами.

– Вам, вероятно, приходилось слышать мою фамилию, – ответил наш посетитель. – Я – Александр Гольдер, один из владельцев банкирского дома «Гольдер и Стивенсон» в улице Треднидль.

Фамилия эта была, действительно, известна нам. Гольдеру и Стивенсону принадлежало второе по своим размерам частное банковское предприятие в Сити. Что же могло случиться с одним из самых выдающихся граждан Лондона, что довело его до такого печального состояния? Мы с нетерпением ожидали его рассказа. Он сделал над собой усилие и заговорил:

– Я чувствую, что нельзя терять ни минуты, – сказал он, – поэтому-то я и бросился сюда, как только полицейский инспектор посоветовал мне обратиться к вам. Я приехал в улицу Бэкер подземной дорогой и пошел пешком, так как кэбы ездят по снегу очень медленно. Оттого-то я так запыхался, так как вообще не привык много ходить. Теперь мне лучше, и я расскажу вам все, насколько возможно коротко и ясно.

«Конечно, вам хорошо известно, что успешное ведение банковских операций зависит не только от выгодного помещения капиталов, но и от увеличения числа вкладчиков. Одной из самых выгодных операций является выдача ссуд под верное обеспечение. В последние годы эта

отрасль нашего дела сильно развилась, и мы давали ссуды многим знатным людям под залог картин, библиотек и серебра.

Вчера утром, когда я, по обыкновению, сидел у себя в конторе, клерк подал мне визитную карточку. Я изумился, когда прочитал стоявшее на ней имя. Это был не кто иной как – ну, пожалуй, даже вам не назову его, скажу только что это – личность, известная всему миру, представитель одной из известнейших, благороднейших фамилий Англии. Я был поражен оказанной мне честью и хотел выразить это, когда вошел посетитель, но он сразу приступил к делу с видом человека, желающего поскорее отделаться от неприятной обязанности.

– Мистер Гольдер, – сказал он, – мне сказали, что вы выдаете ссуды.

– Под хорошее обеспечение, – ответил я.

Мне необходимо немедленно иметь пятьдесят тысяч фунтов, – сказал он. – Конечно, я мог бы занять такую пустяшную сумму у любого из моих друзей, но я предпочитаю устроить дело сам. Вы понимаете, что в моем положении не следует обязываться кому бы то ни было.

– Позвольте узнать, на какой срок вам нужна эта сумма? – спросил я.

– В следующий понедельник я должен получить большую сумму денег и тогда, конечно, отдам вам всю ссуду с процентами, которые вы назначите. Но мне необходимо получить эти деньги сейчас.

– Я был бы счастлив выдать вам, без дальнейших разговоров, эти пятьдесят тысяч фунтов из моих личных денег, – сказал я, – если бы это не было несколько затруднительно для меня. Если же сумма будет выдана от имени фирмы, то, даже по отношению к вам, я должен соблюсти все установленные у нас правила.

– Так, пожалуй, и лучше будет, – проговорил он, подымая черный, кожаный футляр со стула, куда он положил его при входе. – Вам, вероятно, приходилось слышать о берилловой короне?

– Это одно из драгоценнейших сокровищ Англии, – сказал я.

– Совершенно верно.

Он открыл футляр. На мягком, розоватом бархате покоилась великолепная корона.

– Тут тридцать девять громадных бериллов, – продолжал он, – а золотая оправа не имеет цены. По самой дешевой оценке эта вещь стоит вдвое более той суммы, которую я спрашиваю. Я готов оставить вам ее в залог.

Я взял в руки футляр с драгоценной короной и, в смущении, смотрел то на нее, то на моего знатного клиента.

– Вы сомневаетесь в ее стоимости? – спросил он.

– Нисколько. Я только сомневаюсь...

– В том, могу ли я оставить ее вам. Можете успокоиться. Я бы и не подумал сделать это, если бы не был вполне уверен, что могу взять ее обратно через четыре дня. Это простая формальность. Итак, залог достаточен?

– С избытком.

– Вы понимаете, мистер Гольдер, что я даю вам серьезное доказательство доверия, так как много слышал о вас. Я надеюсь, что вы не только не станете рассказывать об этом деле, но и возвратите корону в полной сохранности. Мне нечего говорить вам, какой выйдет скандал, если что-нибудь приключится с этой вещью. Всякое повреждение имеет почти то же значение, что пропажа, так как во всем мире нет подобных бериллов и их нельзя будет заменить. Но я спокойно оставляю вам корону и зайду за ней сам в понедельник утром.

Видя, что мой клиент очень торопится, я позвал кассира и велел ему выдать пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Когда я остался один и взглянул на лежавший передо мной кожаный футляр, меня охватило невольное чувство смущения при мысли о принятой на себя ответственности. Как бы то ни было, это достояние нации, и в случае какого либо несчастья произойдет страшный скандал. Я сожалел, что согласился принять такой залог. Однако дела нельзя уже было поправить, и потому я запер драгоценный футляр в железный шкаф и принялся за работу.

Наступил вечер. Я подумал, что неблагоприятно оставлять в конторе такую драгоценную вещь. В банках часто бывают кражи со взломом. А в каком ужасном положении очутился бы я в подобном случае! Поэтому я решил, что буду брать с собой футляр домой и привозить его обратно в течение нескольких дней так, чтобы он всегда был при мне. Я позвал извозчика, поехал к себе в Стритгэм и вздохнул свободно только тогда, когда принес корону к себе наверх и запер ее в бюро.

Теперь расскажу вам о моих домашних, мистер Холмс, для того, чтобы вы могли составить себе ясное понятие о всех окружающих меня. Грум и лакей спят вне дома, так что о них и говорить нечего. У меня три горничные, которые живут в доме много лет; девушки честные, стоящие выше всяких подозрений. Люси Парр поступила недавно, но у нее отличный аттестат, и я ею доволен. Она очень хороша собой, и у нее много поклонников, которые торчат вокруг дома. За исключением этого недостатка, мы считали ее очень хорошей девушкой.

Такова моя прислуга. Семья же моя такая маленькая, что описать ее

недолго. Я вдовец; у меня единственный сын, Артур. Он страшно огорчает меня, мистер Холмс. Не сомневаюсь, что во всем виноват я сам. Говорят, я избаловал его. Весьма вероятно, что это правда. Когда умерла моя дорогая жена, я перенес всю свою любовь на этого мальчика. Мне хотелось, чтобы улыбка никогда не сходила с его лица. Я исполнял все его желания. Может быть, для обоих нас было бы лучше, если бы я строже относился к нему, но во всяком случае, я поступал так, желая ему добра.

Весьма естественно, что мне хотелось, чтоб он унаследовал мое дело, но у него не было ни малейшего желания заниматься им. Он человек необузданный, упрямый, и, откровенно говоря, я не могу доверять ему больших денег. Он сделался членом аристократического клуба. Благодаря своим очаровательным манерам, он скоро близко сошелся с богатыми людьми, привыкшими широко жить. Он стал вести азартную игру, тратить деньги на скачках и часто приходил ко мне просить денег в счет получаемого им от меня содержания. Он много раз пытался бросить эту опасную компанию, но всякий раз влияние его друга, сэра Джорджа Бёрнвеля, удерживало его от этого намерения. Я несколько не удивляюсь тому, что такой человек, как Джордж Бёрнвель, имеет влияние на Артура. Сын часто приводил его к нам, и я сам не мог устоять против его обаяния. Он старше Артура, вполне светский человек, много путешествовавший, много видевший, блестящий собеседник и очень красивый мужчина. Когда я разбираю его хладнокровно, не поддаваясь чарам его присутствия, припоминаю его цинические речи и выражение, появляющееся иногда в его глазах, я чувствую, что этому человеку нельзя доверяться. То же самое думает и моя маленькая Мэри, умеющая определять характеры с инстинктом женщины.

Теперь остается описать только ее. Она – моя племянница, но пять лет тому назад, когда умер мой брат, я удочерил ее. Это – луч солнца в моем доме – милая, любящая, прекрасная, чудесная хозяйка, нежная спокойная девушка. Она – моя правая рука. Я не знаю, что бы я делал без нее. Только в одном она идет против моего желания. Артур два раза делал ей предложение, он горячо любит ее, и оба раза она отказала ему. Я думаю, она одна могла бы воротить его на путь истинный. Этот брак совершенно изменил бы его жизнь. Теперь это – увы! – уже слишком поздно!

Итак, я рассказал вам про всех моих домашних, мистер Холмс, и буду продолжать мою грустную историю.

Вечером, когда мы пили после обеда кофе, я рассказал Артуру и Мэри о странном случае и драгоценной короне, которую привез домой. Я не назвал только имени моего знатного клиента. Я знаю, наверно, что Люси

Парр, подав кофе, ушла из комнаты, но не могу поручиться, была ли заперта дверь. Мой рассказ очень заинтересовал Мэри и Артура. Им захотелось взглянуть на знаменитую корону, но я решил лучше не трогать ее.

– Куда вы ее положили? – спросил Артур.

– В бюро.

– Надеюсь, что воры не проберутся ночью в дом, – сказал Артур.

– Бюро заперто, – ответил я.

– О, всякий старый ключ подойдет к этому замку. Когда я был маленьким, я открывал бюро ключом от буфета.

Он часто говорил всякий вздор, и потому я не обратил внимания на его слова. Вечером он вошел ко мне в комнату с очень серьезным лицом.

– Папа, – проговорил он, опуская глаза, – не можешь ли ты дать мне двести фунтов?

– Нет, не могу, – резко ответил я. – Я и то передавал тебе слишком много денег.

– Вы были очень добры ко мне, – сказал он, – но мне необходимы эти деньги. Иначе я не могу показаться в клуб.

– И отлично! – крикнул я.

– Да, но не думаю, чтобы вам было приятно, если я выйду оттуда обесчещенным, – сказал он. – Я не вынесу позора. Мне нужно достать эти деньги во что бы то ни стало. Не дадите вы, придется употребить другие средства.

Я был страшно сердит: в третий раз в этом месяце он обращался ко мне за деньгами.

– Не видать тебе от меня ни одного фартинга! – крикнул я. Он поклонился и, молча, вышел из комнаты.

Когда он ушел, я открыл бюро, убедился, что корона на месте, и снова запер на замок. Потом я обошел весь дом, чтоб убедиться, все ли двери заперты. Обыкновенно это делает Мэри, но в эту ночь я решил исполнить сам эту обязанность. Спускаясь с лестницы, я увидел Мэри у бокового окна передней. Когда я подошел к ней, она закрыла ставни и окно.

– Скажите, папа, – проговорила она, несколько смущенно, – вы отпустили на сегодня Люси?

– Конечно, нет.

– Она только что вернулась домой. Я не сомневалась в том, что она выходила только поболтать с кем-нибудь за воротами, но, во всяком случае, это не годится.

– Поговори с ней об этом завтра утром, или я сам поговорю, если

желаешь. Ну, что, все везде заперто?

– Да, папа.

– Спокойной ночи.

Я поцеловал ее, пошел в спальню и вскоре уснул.

Я стараюсь рассказать вам все, что имеет отношение к делу. Пожалуйста, м-р Холмс, предлагайте мне вопросы, если я говорю недостаточно ясно».

– Напротив, ваше показание отличается замечательной ясностью.

– Я перехожу к той части моего рассказа, которая требует особой точности. Я вообще сплю довольно чутко, а в эту ночь мой сон был тревожнее обыкновенного. Около двух часов меня разбудил какой-то шум. Он затих раньше, чем я вполне очнулся, но мне показалось, будто где-то тихо закрылось окно. Я насторожил уши. Вдруг я с ужасом услышал в соседней комнате чьи-то тихие шаги. Я встал с кровати, дрожа от страха, и заглянул в свою уборную.

«– Артур! – вскрикнул я, – негодяй! вор! Как смеешь ты трогать эту корону.

При свете газового рожка я увидел моего несчастного мальчика. Он был в рубашке и брюках и держал в руке корону. Он, казалось, сгибал или выпрямлял ее изо всех сил. При моем восклицании он уронил ее и побледнел, как смерть. Я поднял корону и осмотрел ее. Не хватало одного угла с тремя бериллами.

– Негодяй! – кричал я вне себя от бешенства. – Ты испортил ее! Ты опозорил меня навеки! где бериллы, которые ты украл?

– Украл! – вскрикнул он.

– Да, украл! Вор! – продолжал кричать я, тряся его за плечи.

– Камни все тут. Не может быть, чтоб не хватало, – возразил Артур.

– Не хватает трех, и ты знаешь, где они. Вор и к тому же лжец! Разве я не видел, как ты ломал корону.

– Довольно ругани, – проговорил он, – я не намерен долее терпеть и не скажу ни слова. Утром я покину ваш дом и буду жить самостоятельно.

– Я отдам тебя в руки полиции, – кричал я, не помня себя от горя и бешенства. – Я потребую, что бы это дело было расследовано.

– Вы ничего от меня не узнаете, – отвечал он со страстью, которой я не ожидал от него. – Если призовете полицию, пусть ищет!

Мой крик поднял на ноги всех в доме. Первой в комнату вбежала Мэри. При виде лица Артура и короны у меня в руках, она сразу догадалась в чем дело, громко вскрикнула и упала без чувств. Я послал за полицией и объяснил все. Когда инспектора и констэбли вошли в дом, Артур, стоявший

с упрямым видом, сложив на груди руки, спросил меня, намерен ли я обвинять его в краже. Я ответил ему, что теперь это уже не частное, а общественное дело, так как испорченная корона – достояние нации, и потому я предоставляю закону вступить в свои права.

– По крайней мере, не допускайте, чтобы меня арестовали немедленно, – сказал он. – И вам, и мне будет лучше, если бы я мог на пять минут выйти из дома.

– Чтобы убежать или спрятать украденное, – возразил я.

Сознание ужасного положения, в котором я очутился, охватило меня с новой силой. Я умолял его припомнить, что дело идет не только о моей чести, но и о чести личности, стоящей гораздо выше меня. Подобного рода скандал может вызвать взрыв народного негодования. Но можно еще предупредить несчастье, если только он сознается, куда девались недостающие три камня.

– Все равно ты попался на месте преступления, – говорил я. – Признание не ухудшит дела. Если ты скажешь, где находятся бериллы, все будет прощено и забыто.

– Прощайте тех, которые нуждаются в прощении, – отворачиваясь от меня, насмешливо ответил Артур. Я увидел, что никакие слова не могут повлиять на него. Делать было нечего, я позвал полицейского и инспектора и велел арестовать моего сына. Немедленно обыскали и его самого, и его комнату, и все места в доме, куда он мог спрятать бериллы, но нигде не оказалось и следа их, а мой несчастный сын молчал в ответ на все наши уговаривания и угрозы. Сегодня утром его отвезли в тюрьму, а я, выполнив все формальности, бросился к вам, чтобы молить вас помочь раскрытию тайны. В полиции открыто сознаются, что ничего не понимают в этом деле. Не стесняйтесь никакими расходами. Я уже объявил, что даю тысячу фунтов награды. Боже мой, что я буду делать! В одну ночь я потерял честь, бериллы и сына. О, что делать мне?!»

Он схватился обеими руками за голову и начал раскачиваться из стороны в сторону, бормоча что-то, словно ребенок, горе которого слишком велико для того, чтоб выразить его словами. Шерлок Холмс сидел молча, нахмутив брови и устремив глаза на огонь в камине.

– Бывает у вас много гостей? – спросил он.

– Никого, за исключением моего партнера и его семьи. Иногда заходит кто-нибудь из друзей Артура. В последнее время часто бывал сэр Джордж Бёрнвель.

– А сами вы часто бываете в обществе?

– Артур – да. Мэри и я предпочитаем оставаться дома. Мы с ней не

любим выездов.

– Со стороны молодой девушки это удивительно.

– Она очень тихого нрава и к тому же не очень молода. Ей двадцать четыре года.

– По вашим словам, это событие страшно подействовало на нее?

– Ужасно! Она расстроена даже сильнее меня.

– И никто из вас не сомневается в виновности вашего сына?

– Как можем мы сомневаться, когда я собственными глазами видел корону в его руках.

– Я не считаю это достаточно убедительным доказательством. А вообще корона попорчена?

– Да, она помята.

– А вы не думаете, что он хотел расправить ее?

– Да благословит вас Бог! Вы стараетесь сделать все, что можно, для него и меня. Но это слишком трудная задача. Зачем же корона была у него в руках? Если с невинной целью, то почему он не сказал этого?

– Вот именно. А если он виновен, то почему не выдумал какого-нибудь оправдания? Молчание его носит обоюдоострый характер. Вообще, в этом деле много странного. Что говорят в полиции насчет шума, от которого вы проснулись?

– Там думают, что это Артур хлопнул дверью своей спальни, запирая ее.

– Удивительно правдоподобно! Неужели человек, идущий красть, хлопнет дверью так громко, что разбудит всех в доме? А что же говорят о пропаже камней?

– Продолжают еще обыскивать пол, стены и мебель в надежде найти их.

– А искали вне дома?

– Да. Поиски ведутся с необычайной энергией. Весь сад тщательно обыскан.

– Ну, сэр, – сказал Холмс, – очевидно, что дело-то гораздо серьезнее, чем думаете и вы, и полиция. Вам оно кажется простым, мне же чрезвычайно сложным. Подумайте, что можно вывести из вашей гипотезы. Вы предполагаете, что ваш сын встал с постели, сильно рискуя попасться, вошел в вашу уборную, открыл бюро, вынул корону, отломал небольшую часть ее, пошел куда-то в другое место, где спрятал три берилла из общего числа тридцати девяти так искусно, что их не могут найти, потом вернулся с остальными в уборную, пренебрегая опасностью быть пойманным. Скажите, пожалуйста, выдерживает ли подобного рода гипотеза критику?

– А другая какая? – крикнул банкир с жестом отчаяния. – Если он не виновен, то почему не объяснит нам всего?

– Эта задача выпадает на нашу долго, – ответил Холмс. – М-р Гольдер, мы с вами отправимся в Стритгэм и займемся часок-другой изучением некоторых подробностей.

Холмс настаивал, чтобы я отправился с ними. Я охотно согласился на его желание. Слышанная мной история возбудила во мне сильное любопытство. Сознаюсь, что виновность сына банкира казалась мне столько же очевидной, как и его несчастному отцу, но я настолько верил в ясность суждений Холмса, что чувствовал, что не вся надежда потеряна, раз он недоволен данным ему объяснением. Он не сказал ни слова, пока мы ехали в южную часть Лондона, и сидел, опустив голову на грудь и надвинув шляпу на глаза, очевидно, весь погруженный в свои мысли. Наш клиент, очевидно, несколько ободрился от мелькнувшего ему слабого луча надежды и даже стал болтать со мной о своих делах. После непродолжительной поездки по железной дороге и по шоссе, мы скоро очутились в Форбанке, скромном жилище великого финансиста.

Форбанк, большой квадратный дом из белого камня, стоял несколько в стороне от дороги. Со стороны фасада две широких аллеи, покрытых снегом, вели к двум железным воротам. Справа маленькая деревянная калитка вела на узенькую дорожку между двумя хорошенькими изгородями, по которой ходили торговцы. К кухне слева шла тропинка к конюшням, стоявшим на большой, но глухой проезжей дороге. Холмс покинул нас у подъезда, медленно обошел кругом всего дома, по дорожке к кухне, по саду и вышел к конюшням. Мистер Гольдер и я вошли в столовую и сели у камина, ожидая его. Вдруг дверь отворилась, и в комнату бесшумно вошла молодая барышня. Она была несколько выше среднего роста, тонкая, с темными волосами и глазами, казавшимися еще темнее от необыкновенной бледности ее лица. Мне, кажется, никогда не приходилось видеть такого смертельно бледного женского лица. Губы были также совершенно бескровны, а глаза воспалены от слез. На меня она произвела впечатление женщины, сильно удрученной горем, страдающей даже более отца предполагаемого преступника.

Это было тем удивительнее, что она казалась женщиной сильного характера, умеющей замечательно владеть собой. Не обратив на меня ни малейшего внимания, она прямо подошла к дяде и нежно погладила его по голове.

– Ты ведь распорядился, чтобы Артура выпустили из тюрьмы, не правда ли, папочка? – спросила она.

- Нет, нет, деточка, надо довести дело до конца.
- Но я уверена, что он невинен. Вы знаете, что значит женский инстинкт, Я знаю, что он ничего не сделал. Вы раскаетесь, что поступили так жестоко.
- Зачем же он молчит, если невиновен?
- Как знать? Может быть, оттого, что ваши подозрения оскорбили его?
- Как же я мог не заподозрить его, когда собственными глазами видел в его руках корону?
- О, он взял ее только для того, чтоб посмотреть на нее. О, поверьте моему слову, поверьте, что он невинен. Замните это дело. Так тяжело думать, что наш милый Артур сидит в тюрьме.
- Я не брошу этого дела, пока не найдутся камни... ни за что, Мэри! Я не только не хочу замять этого дела, но, напротив, пригласил сюда одного господина из Лондона, чтобы он хорошенько занялся им.
- Этого господина? – спросила она, обращившись ко мне.
- Нет, его друга, который попросил нас оставить его одного. В настоящее время он остался у конюшен.
- У конюшен? – она с удивлением подняла свои черные брови. – Что же он надеется найти там? А! вероятно, это он. Надеюсь, сэр, вам удастся доказать невинность кузена Артура, в которой я глубоко убеждена.
- Вполне разделяю ваше убеждение и надеюсь, что нам удастся достичь нашей цели, – ответил Холмс, отряхивая снег с сапог. – Вероятно, я имею честь говорить с мисс Мэри Гольдер? Могу я предложить вам несколько вопросов?
- Пожалуйста, сэр, если это может помочь разъяснению этого ужасного дела.
- Вы ничего не слышали прошлой ночью?
- Ничего. Я сошла вниз только тогда, когда услышала громкий голос дяди.
- Вы запирали в эту ночь окна и ставни. Заперли ли вы все окна?
- Да.
- А утром все окна были закрыты?
- Да.
- У вашей горничной есть возлюбленный? Насколько я помню, вы говорили вашему дяде, что она выходила на свидание с ним.
- Да. Она могла слышать рассказ дяди о короне, когда прислуживала в гостиной.
- Понимаю. Вы хотите сказать, что она могла передать эти сведения своему возлюбленному, и потом, вдвоем, они составили план покражи.

– Ну, к чему все эти смутные гипотезы, – с нетерпением крикнул банкир, – ведь я же сказал вам, что видел корону в руках Артура!

– Погодите немного, м-р Гольдер. Мы еще вернемся к этому вопросу. Итак, мисс Гольдер, вы, как я предполагаю, видели ее, когда она возвращалась домой в кухонную дверь?

– Да, когда я пошла посмотреть, заперта ли дверь, я видела, как она проскользнула в нее. В темноте я заметила тоже и мужчину.

– Вы знаете его?

– О, да. Это зеленщик, который носит нам провизию. Его зовут Фрэнсис Проспер.

– Он стоял налево, на дорожке, на таком расстоянии от двери, что не мог войти в дом? – сказал Холмс.

– Да.

– У него одна нога деревянная?

Тень испуга мелькнула в выразительных черных глазах молодой девушки.

– Да вы настоящий волшебник!.. – проговорила она. – Как вы это узнали?

Она улыбнулась, но эта улыбка не нашла себе ответа на тонком, умном лице Холмса.

– Мне бы хотелось подняться теперь наверх, – сказал он, – а потом надо будет опять обойти кругом всего дома. Впрочем, сначала я осмотрю окна внизу.

Он быстро переходил от одного окна к другому и остановился только у большого окна, из которого были видны конюшни. Холмс открыл его и тщательно осмотрел подоконник в увеличительное стекло.

– Теперь пойдем наверх, – наконец, проговорил он.

Уборная банкира была маленькая комната, устланная серым ковром, с большим бюро и длинным зеркалом. Холмс подошел прямо к бюро и пристально оглядел замок.

– Каким ключом оно было отперто? – спросил он.

– Тем, о котором говорил мой сын, ключом от буфета в кладовой.

– Где он?

– Здесь на туалетном столе.

Шерлок Холмс взял ключ и отпер бюро.

– Замок открывается бесшумно, – сказал он. – Неудивительно, что вы не проснулись. Корона, вероятно, в этом футляре. Надо взглянуть на нее.

Он открыл футляр, вынул оттуда диадему и положил ее на стол. Это было редкое произведение ювелирного искусства, а таких чудных бериллов

мне никогда не приходилось видеть. Один угол с тремя камнями был отломан.

– Ну, м-р Гольдер, – сказал Холмс, – вот с другой стороны совершенно такой же угол, как пропавший. Не попробуете ли сломать его.

Банкир в ужасе отшатнулся.

– Ни за что на свете! – сказал он.

– Тогда я попробую, – сказал Холмс и, пустив в дело всю свою силу, попробовал отломить угол, но безуспешно.

– Чувствую, что он поддается немного, но, несмотря на то, что обладаю замечательной силой пальцев, я не в состоянии сломать его; тем менее это может делать человек обыкновенной силы. А как вы думаете, м-р Гольдер, что бы случилось, если бы мне удалось отломить этот кусок? Нечто в роде выстрела. Могло ли это случиться в нескольких шагах от вашей постели, и вы бы ничего не слышали?

– Не знаю, что и думать. Все так туманно для меня.

– Может быть, постепенно, и выяснится. А вы как думаете, мисс Гольдер?

– Сознаюсь, что разделяю недоумение дяди.

– У вашего сына, когда вы увидели его, не было на ногах ни сапог, ни туфель?

– Кроме брюк и сорочки на нем ничего не было.

– Благодарю вас. В этом деле счастье замечательно благоприятствует нам и мы сами будем виноваты, если дело не выяснится. Если позволите, м-р Гольдер, я буду продолжать свои наблюдения вне дома.

Он ушел один, объяснив, что все лишние следы затруднят ему дело. Он вернулся через час с кучей снега на ногах. Лицо его носило все то же непроницаемое выражение.

– Кажется, я видел все, что следует, м-р Гольдер, – сказал Холмс, – и потому отправлюсь домой, где могу быть полезнее для вас.

– А камни, м-р Холмс? Где они?

– Не могу сказать.

Банкир заломил, в отчаянии, руки.

– Значит, мне не видать их больше! – вскрикнул он. – А сын мой... Вы можете дать мне надежду?

– Мое мнение остается неизменным.

– Так скажите же, ради Бога, что за темное дело разыгралось вчера в моем доме?

– Если вы загляните ко мне завтра утром между девятью и десятью часами, я буду рад выяснить его, насколько могу. Ведь вы даете мне carte

blanche, не правда ли? Вы желаете, чтобы я добыл обратно камни во что бы то ни стало и даете мне неограниченный кредит?

– Я готов отдать все свое состояние, чтобы только получить их обратно.

– Отлично. Я займусь этим делом. Прощайте; очень возможно, что я загляну еще сюда до вечера.

Я видел, что мой друг уже составил себе определенное мнение насчет этого происшествия, хотя я даже смутно не мог себе представить, к каким выводам он пришел. Я несколько раз, в то время как мы ехали домой, пробовал вывести у него что-нибудь, но он всякий раз уклонялся от этого разговора, так что я бросил бесполезные попытки и молчал всю остальную дорогу. Еще не было трех часов, когда мы снова очутились в нашей квартире. Холмс поспешно прошел к себе в комнату и вскоре вышел оттуда в одежде самого обыкновенного бродяги. В оборванном пальто с поднятым воротником, в красном галстуке, в стоптанных сапогах, он казался типичным представителем этого класса людей.

– Кажется, ничего, – проговорил он, смотрясь в зеркало. – Очень бы мне хотелось, Ватсон, чтобы вы пошли со мною, но боюсь, что не следует этого делать. Может быть, я и попал на след, а может быть, все окажется вздором. Во всяком случае я скоро узнаю это и через несколько часов вернусь домой.

Он отрезал кусок мяса, вложил его между двумя ломтиками хлеба и, сунув бутерброд в карман, вышел из комнаты.

Я только что кончил пить чай, как он вернулся, очевидно, в превосходнейшем настроении духа, с каким-то старым сапогом в руках. Он швырнул сапог в угол и налил себе чашку чая.

– Я зашел только мимоходом и сейчас уйду опять, – сказал он.

– Куда?

– О, в сторону Вест-Энда. Пожалуйста, не дожидайтесь меня. Я, может быть, приду поздно.

– Ну, как идут дела?

– Ничего. Нельзя пожаловаться. Я побывал в Стритгэме с тех пор, что мы не видались с вами, но не заходил в дом. Дело-то выходит славное, я ни за что не согласился бы упустить его. Однако нечего рассиживать тут и болтать; надо поскорее снять эти отвратительные лохмотья и принять свойственный мне приличный вид.

Я видел по всему, что он довольнее, чем можно было заключить по его словам, Глаза его горели, а на бледных щеках появился легкий румянец. Он быстро поднялся наверх, а через несколько минут я услышал, как входная

дверь захлопнулась за ним.

Я ждал его до полуночи и, не дождавшись, ушел к себе в комнату. Случалось, что он пропадал целыми днями и ночами, когда бывал занят каким-нибудь интересным делом, и потому его отсутствие нисколько не встревожило меня. Не знаю, когда он вернулся, но когда на следующее утро я спустился в столовую, он сидел за чашкой чая, с газетой в руках, свежий и опрятный как всегда.

– Извините, что не дождался вас, Ватсон, – сказал он, – но наш клиент должен прийти сюда рано утром.

– А теперь уже позже девяти, – ответил я. – Да вот и звонят. Вероятно, это он.

Действительно, это был наш приятель банкир. Я ужаснулся перемене, которую увидел в нем. Его широкое лицо осунулось и побледнело, волосы поседели. Он вошел с усталым, апатичным видом, производившим еще более печальное впечатление, чем волнение предыдущего утра, и тяжело опустился в кресло, которое я подставил ему.

– Не знаю, за что судьба преследует меня так жестоко, – проговорил он. – Два дня тому назад я был счастливым, обеспеченным человеком. Теперь меня ожидает одинокая, опозоренная старость. Одна беда приходит за другой. Моя племянница Мэри покинула меня.

– Покинула вас?

– Да. Сегодня утром ее постель оказалась нетронутой; спальня ее была пуста, а на столе в передней лежала записка. Вчера вечером в порыве горя, но не гнева, я сказал ей, что ничего бы этого не было, если бы она вышла замуж за моего мальчика. Может быть, мне не следовало говорить этого. Она намекает на эти слова в своей записке. Вот она: «Дорогой дядя, я чувствую, что причинила вам горе, и знаю, что если бы я поступила иначе, не произошло бы этого ужасного несчастья. Я не могу быть счастлива под вашей кровлей с этой ужасной мыслью и потому решила навеки покинуть вас. Не тревожьтесь о моей судьбе и, главное, не ищите меня, потому что это будет совершенно бесполезно... Вечно вас любящая Мэри». Что значат эти слова, мистер Холмс? Неужели она решила на самоубийство?

– О, нет, нет! Быть может, это наилучшее разрешение вопроса. Я думаю, мистер Гольдер, что ваши испытания близятся к концу.

– Что вы говорите, мистер Холмс! Вы слышали что-нибудь, узнали что-нибудь? Где камни?

– Вы согласны заплатить по тысяче фунтов за каждый камень? Это не покажется вам слишком дорогим?

– Я согласен заплатить десять.

– Это уж лишнее. Трех тысяч достаточно. Ну, конечно, вознаграждение. С вами есть чековая книжка? Вот перо. Пишите чек на четыре тысячи фунтов.

Ошеломленный банкир написал чек. Холмс подошел к письменному столу, вынул из ящика треугольный кусок золота с тремя бериллами и бросил его на стол.

Банкир схватил его с криком радости.

– Вы добыли камни! Я спасен, спасен! – задыхаясь, проговорил он.

Радость его выражалась так же бурно, как и горе. Страстным движением он прижал камни к груди.

– За вами еще один долг, мистер Гольдер, – сказал Холмс несколько строгим голосом.

– Долг! – он схватил перо. – Назовите сумму, и я заплачу ее.

– Нет, это долг не мне и совсем другого рода. Вы должны извиниться перед благородным юношей, вашим сыном. Если бы у меня был такой сын, я гордился бы им.

– Так Артур не брал камней?

– Я говорил вам это вчера и повторяю сегодня.

– Вы уверены в этом? Так поедemте скорей к нему и скажем ему, что истина открыта.

– Он уже знает это. Когда я узнал все, я увиделся с ним. Видя, что он не хочет говорить мне правды, я сам рассказал ему всю историю, так что он должен был признаться, что я прав, и прибавил только несколько подробностей, не вполне ясных для меня. Сегодняшняя новость может развязать ему язык.

– Ради Бога, скажите, что это за тайна?

– Я расскажу вам все и расскажу вам, каким образом я дошел до объяснения тайны. И прежде всего скажу то, что мне труднее всего говорить, а вам слышать. Сэр Джорж Бёрнвель и ваша племянница сговорились бежать и исполнили свое намерение.

– Моя Мэри! Это невозможно!

– К сожалению, это совершенно верно. Ни вы, ни ваш сын не знали человека, которого ввели в свою семью. Это один из опаснейших людей в Англии – разорившийся игрок, отчаянный негодяй, человек без сердца и совести. Ваша племянница не имела понятия о людях такого сорта. Когда он стал нашептывать ей слова любви, как это он делал сотням женщин, она вообразила, что только она одна заставила биться его сердце. Чорт знает, что он наговорил ей, только она превратилась в игрушку в его руках и

имела свидания с ним почти каждый вечер.

– Не верю и никогда не поверю этому! – крикнул банкир. Лицо его было смертельно бледно.

– Ну, так я расскажу, что случилось вчера вечером у вас в доме. Когда вы ушли к себе в комнату, как думала ваша племянница, она сошла вниз и разговаривала со своим возлюбленным у окна, которое выходит к конюшням. Он, должно быть, долго стоял на снегу, так как следы его ног ясно отпечатались там. Она рассказала ему про корону. Алчность проснулась в нем, и он подчинил мисс Мэри своей воле. Не сомневаюсь, что она любит вас, но, я думаю, она из тех женщин, в которых любовь к любовнику заглушает все другие чувства. Едва она успела захлопнуть окно, когда увидела, что вы сходите с лестницы, и принялась рассказывать вам о свидании одной из горничных с возлюбленным на деревянной ноге, что действительно верно.

Ваш сын Артур, после разговора с вами, ушел к себе в спальню, но спал плохо, так как мысль о долгах в клубе тревожила его. В полночь он услышал чьи-то легкие шаги около своей двери. Он встал и, выглянув в коридор, с изумлением увидел свою кузину, которая тихо шла к вашей уборной. Пораженный юноша надел брюки и ждал в темноте, чем окончится это странное дело. Наконец, она вышла из вашей комнаты и при свете лампы, висящей в коридоре, ваш сын увидел у нее в руках берилловую корону. Она спустилась с лестницы. Он, в ужасе, сбежал за нею и спрятался за занавеской у вашей двери, откуда мог видеть, что делается в передней. Он увидел, как мисс Мэри осторожно открыла окно, передала кому-то корону, потом закрыла окно и быстро прошла мимо него к себе в комнату.

Пока она была тут, Артур не мог ничего сделать из опасения выдать любимую женщину. Но как только она ушла, он сразу сообразил, какое ужасное несчастье грозит вам и как важно предупредить его. Он бросился вниз, как был, босиком, открыл окно, выпрыгнул в снег и побежал по дорожке, где увидел темную фигуру, облитую лунным сиянием. Сэр Джорж Бёрнвель хотел бежать, но Артур нагнал его, и между ними началась борьба. Ваш сын старался вырвать корону из рук Бёрнвеля, причем ударил его в глаз. Вдруг что-то треснуло, и корона осталась в руках Артура. Он бросился в дом, закрыл окно, поднялся в вашу уборную, заметил, что корона помята в борьбе, и старался выпрямить ее, когда вы вошли в комнату.

– Неужели все это правда? – задыхаясь, прошептал банкир.

– Вы рассердили его тем, что стали осыпать его бранью как раз в то

время, когда он чувствовал, что заслуживает самой горячей благодарности. Он не мог объяснить дела, не выдавая той, которая, конечно, не заслуживала его снисхождения. Он поступил по-рыцарски и сохранил ее тайну.

– Так вот почему она вскрикнула и упала в обморок, когда увидела корону, – сказал мистер Гольдер. – О, Боже мой! Как я был глуп и слеп! А он просил у меня позволения выйти на пять минут! Бедный, дорогой мальчик хотел посмотреть, не найдется ли отломанный кусок на месте борьбы. Как я был жесток и несправедлив к нему!

– Когда я приехал к вам, – продолжал Холмс, – я сразу тщательно осмотрел все вокруг – не найду ли каких-нибудь следов на снегу. Я знал, что с вечера не напало нового снега, а мороз был достаточно сильный для того, чтоб сохранить отпечатки. Я прошел по дорожке к кухне; она оказалась совершенно истоптанной. Но у входа кухни, очевидно, стояла женщина, разговаривая с мужчиной; круглый след указывал, что одна нога у него деревянная. Я мог даже сказать, что разговору их помешали, потому что женщина быстро побежала к двери, что было видно по глубокому следу каблучков и мелкому носков, а человек с деревянной ногой подождал немного и потом ушел. Я подумал, что это, должно быть, была та горничная и ее возлюбленный, о которых вы говорили мне, и расспросы подтвердили мое предположение. Я обошел весь сад и не видел ничего, кроме нескольких случайных следов, очевидно, принадлежавших полицейским, но когда пришел на дорожку у конюшен, то прочел на снегу длинную, сложную историю. Тут тянулся двойной ряд следов. Один из них принадлежал человеку в сапогах, другой, к моему восторгу, босому. Судя по вашим словам, я сразу же вывел заключение, что последний – вашего сына. Первый шел к дому и обратно, второй бежал за ним. Я пошел по этим следам и увидел, что они вели к окну передней, причем человек в сапогах истоптал весь снег, очевидно, в ожидании кого-то. Тогда я пошел обратно к другому концу, ярдах в ста от окна. Я увидел место, где человек в сапогах остановился; там снег был разбросан, как будто происходила борьба. Несколько капель крови, замеченных мною на снегу, доказали мне, что я не ошибся.

Затем «сапоги» побежали по переулку у конюшни, и новые следы крови показали мне, что ранен именно обладатель их. Когда я вышел по его следам на большую дорогу, то увидел, что мостовая подметена, так что идти дальше было бесполезно.

Если припомните, войдя в дом, я рассматривал в увеличительное стекло раму и подоконник окна. Я сразу убедился, что кто-то влез в него. Я

разглядел след мокрой ноги и мог составить себе некоторое понятие о том, что произошло. За окном стоял какой-то человек; кто-то принес ему корону; ваш сын видел это, бросился за воров, боролся с ним; они тянули корону каждый к себе и сломали ее соединенными силами, чего никак бы не мог достигнуть один из них. Ваш сын вернулся с драгоценной короной, но часть ее осталась в руках его противника. До сих пор все было ясно мне. Теперь весь вопрос заключался в том, кто этот человек и кто принес ему корону?

Я издавна придерживаюсь одного правила: исключите все невозможное, и все, что останется, окажется истиной, несмотря на всю кажущуюся неправдоподобность. Я знал, что это не могли быть вы. Оставалась, значит, ваша племянница и горничные. Если виновны горничные, то почему ваш сын позволяет, чтоб его обвиняли вместо них? Очевидно, это предположение не выносило критики. Но Артур любил свою кузину, и это вполне объясняет, почему он не хотел открыть ее тайны, тем более такой позорной. Когда я припомнил, как вы говорили, что видели ее у окна, как рассказывали о том, что она упала в обморок, увидя корону, мои предположения подтвердились.

Но кто же ее сообщник? Очевидно, любовник. Кого иного она могла любить настолько, чтобы забыть чувство любви и благодарности к вам? Я узнал, что вы мало выезжаете, и круг ваших друзей очень ограничен. Но среди них был сэр Джордж Бёрнвель. Я еще раньше слышал об его дурной репутации по отношению к женщинам. Должно быть, он и был человек в сапогах, и камни находятся у него. Если он и подозревает, что Артур узнал его, он все же мог считать себя в безопасности, так как молодой человек промолчит, чтобы не скомпрометировать своей семьи.

Ну, теперь вы сами можете предположить, какие меры я принял. В виде нищего бродяги я отправился в дом сэра Джоржа, свел знакомство с его лакеем, узнал, что его барин разбил ночью голову и, наконец, купил за шесть шиллингов его старые сапоги, отправился с ними в Стритгэм и увидел, что они приходятся вполне к следам.

– Вчера вечером я видел вблизи дома какого-то оборванца, – заметил м-р Гольдер.

– Это был я. Я убедился, что нашел виновного, и потому вернулся домой и переоделся. Мы предстояла очень трудная роль, так как нужно было избежать скандала, а я знал, что такой ловкий негодяй отлично понимает, что у нас связаны руки, Я отправился к нему. Сначала он, конечно, отрекся от всякого участия в этом деле. Но когда я рассказал ему все подробности, он стал угрожать мне и снял со стены револьвер. Я,

однако, предвидел это и, прежде чем он успел оправиться, приставил ему к голове дуло пистолета. Тогда он стал поблагоразумнее. Я сказал ему, что мы заплатим по тысяче фунтов за каждый камень. Тут, в первый раз, я подметил в нем признаки горя. «Ах, чорт возьми! – проговорил он, – а я-то продал все три за шестьсот фунтов!» Я скоро узнал от него адрес покупателя, успокоив сэра Джорджа, что ему не угрожает преследование. Я отправился к ювелиру, которому он продал камни, долго торговался и, наконец, купил камни по тысяче фунтов за штуку. Тогда я заглянул к вашему сыну, сказал, что все окончилось благополучно, и в два часа ночи лег спать после довольно-таки утомительного трудового дня.

– Дня, который избавил Англию от большого публичного скандала, – сказал банкир, вставая с места, – и, сэр, не нахожу слов, чтобы поблагодарить вас, но вы увидите, что я человек благодарный. Ваше искусство, действительно, превосходит все, что я слышал о нем. А теперь лечу к моему дорогому мальчику, чтоб извиниться перед ним. То, что вы рассказали мне о бедной Мэри, сильно огорчает меня. Даже ваше искусство не может помочь вам сказать мне, где она?

– Я думаю, можно наверно сказать, что она там, где сэр Джорж Бёрнвель, – ответил Холмс. – Верно так же и то, что она скоро будет наказана за все свои прегрешения.

Усадьба «Под буками»

– Для человека, любящего искусство ради искусства, – заметил Шерлок Холмс, откладывая в сторону лист объявлений газеты «Daily Telegraph», – очень часто самое большое удовольствие доставляют именно маловажные случаи. Мне очень приятно заметить, что вы, Ватсон, поняли эту истину и в отчетах о наших делах (должен сказать, иногда несколько приукрашенных) отдали преимущество не «causes célèbres»^[3] и не сенсационным процессам, в которых мне доводилось принимать участие, но случаям, быть может, ничтожным самим по себе, давшим мне возможность воспользоваться моими способностями к выводам и логическому синтезу.

– А все же, – с улыбкой ответил я, – я не могу считать себя вполне свободным от обвинений в сенсационности, в которых укоряют мои воспоминания.

– Вы, может быть, ошибались, – заметил Холмс, вынимая щипцами горящую головню и зажигая ею длинную черешневую трубку, которой он заменял обычную глиняную, когда бывал более склонен спорить, чем углубляться в размышления, – вы, может быть, ошибались в том, что хотели придать краски и жизнь вашим рассказам вместо того, чтобы передавать только строгий последовательный ход моих заключений от причины к следствию. А это самое главное.

– Мне кажется, я всегда отдавал вам должное в этом отношении, – заметил я несколько холодно, так как меня отталкивал не раз уже замечаемый мною эгоизм, игравший большую роль в странном характере моего друга.

– Нет, это не эгоизм и не самомнение, – ответил он, как это часто случалось с ним, скорее на мою мысль, чем на слова. – Если я требую полной справедливости к моему искусству, то только потому, что считаю его безличным: оно вне меня. Преступление – явление обыкновенное. Логика – редкое. Поэтому-то вам следует обращать более внимание на логику, чем на преступление. Вы низвели лекции на степень простых рассказов.

Было холодное весеннее утро. Мы сидели на квартире в улице Бэкер после завтрака у огня, который весело трещал в камине. Густой туман навис над темными домами и в желтых тяжелых клубах его окна противоположных домов казались черными, бесформенными пятнами...

Газовый рожок бросал свет на белую скатерть стола, на серебро и посуду, стоявшую на нем. Шерлок Холмс все утро молча просматривал столбцы газетных объявлений. Не найдя в них ничего интересного, он пришел в дурное настроение и принялся отчитывать меня за мои литературные промахи.

– А между тем, – проговорил он после долгого молчания, во время которого он курил свою длинную трубку и смотрел в огонь, – вас, в сущности, нельзя обвинить в стремлении к сенсационным темам, так как в большинстве случаев дела, которыми вы интересовались, не заключают в себе состава преступления. Дело короля Богемии, странный случай с мисс Мэри Соутерлэнд, тайна человека с изуродованной губой и происшествие с аристократом-холостяком, – все это не имело противозаконного характера. Но зато, быть может, избегая всего сенсационного, вы обращали свое внимание на слишком обыденные случаи.

– Может быть, это и правда, – ответил я, – но зато мои заметки интересны и носят печать новизны.

– О, мой милый, какое дело публике, широкой публике, не умеющей отличить ткача по зубам, а композитора по большому пальцу на левой руке, какое ей дело до тонкостей анализа и дедукции. Впрочем, я и не виню вас, что вы интересуетесь тривиальными делами: время интересных процессов прошло. Люди – или, по крайней мере, преступники – потеряли всякую оригинальность, всякую энергию. Что касается до меня лично, то моя профессия вырождается в искусство отыскивание потерянных карандашей и советов пансионеркам. Кажется, в этом отношении, я дошел до последнего предела. Прочтите-ка письмо, которое я получил сегодня утром!

Он бросил мне смятое письмо. Оно было помечено предыдущим днем и отправлено с площади Монтэгу.

«Дорогой м-р Холмс! Мне необходимо посоветоваться с вами, принимать ли мне предлагаемое место гувернантки, или нет. Если позволите, я приду завтра в половине одиннадцатого.

С почтением

Виолетта Гёнттер».

– Вы знаете эту барышню? – спросил я.

– Нет.

– Теперь как раз половина одиннадцатого.

– Да. А вот и звонят. Наверно, это она.

– Может быть, происшествие будет интересное. Помните, история с голубым карбункулом казалась сущим пустяком, а потом дело-то вышло серьезное. А что если и теперь будет так!

– Будем надеяться! Наши сомнения скоро рассеются. Если не ошибаюсь, это она.

Дверь в комнату отворилась. Вошла молодая девушка. Она была просто, но опрятно одета. Умное, подвижное лицо, все усеянное веснушками, и уверенные манеры обличали в ней женщину, которой приходилось самой пробивать путь к жизни.

– Извините, что беспокоила вас, – сказала она Холмсу. – Со мной произошел странный случай и так как у меня нет ни родных, ни друзей, то я решилась обратиться к вам, надеясь, что вы будете так добры – посоветуете мне, как поступить.

– Пожалуйста, садитесь, мисс Гентер. Рад служить вам.

Я заметил, что новая клиентка произвела на Холмса благоприятное впечатление. Он оглядел ее своим испытующим взглядом, потом опустил глаза, сложил пальцы и приготовился слушать ее рассказ.

– Пять лет я пробыла гувернанткой в семье, полковника Спенса Мунро, – начала свой рассказ мисс Гентер. – Два месяца тому назад полковник получил назначение в Галифакс, в Новой Шотландии, и увез детей в Америку. Я осталась без места. Я стала помещать объявления в газетах, ходила по объявлениям – все безуспешно. Наконец, небольшой запас накопленных мною денег стал приходить к концу, и я положительно не знала, что делать.

В Вест-Энде есть известная контора для приискания мест гувернанткам. Я заходила туда каждую неделю осведомляться, не найдется ли подходящего места. Основателем этого бюро был м-р Вэствэй, но ведет дело мисс Стонер. Она сидит у себя в конторе, а желающих получить место впускают поочередно.

На прошлой неделе, когда я, по обыкновению, вошла в комнату мисс Стонер, она была не одна. Рядом с ней сидел страшно толстый человек с улыбающимся лицом, толстым подбородком, спускавшимся на шею, и с очками на носу. При виде меня он привскочил на стуле и поспешно обернулся к мисс Стонер.

– Вот это именно то, что нужно, – сказал он. – Лучше и быть не может. Чудесно! чудесно!

Он, казалось, был в полном восторге и весело потирал руки. На меня он произвел хорошее впечатление.

– Вы ищете места, мисс? – спросил он.

– Да, сэр.

– Гувернантки?

– Да, сэр.

– А ваши условия?

– На моем последнем месте у полковника Спенса Мунро я получала четыре фунта в месяц,

– О, о! Безобразие, чистое безобразие! – вскрикнул он, всплескивая руками, как бы в порыве горячего гнева. – Как можно было предложить такую жалкую сумму такой милой барышне, обладающей такими талантами.

– Может быть, вы ошибаетесь насчет моей талантливости, сэр, – сказала я. – Я знаю немножко французский и немецкий языки, музыку, рисование...

– Тс, тс! – крикнул он. – Все это не имеет никакого отношения к делу. Главное в том чтоб вы умели вести себя и держаться, как истая лэди. Не сумеете – не годитесь для воспитания ребенка, которому со временем придется играть большую роль в истории страны. Сумеете – как можно вам предложить менее ста фунтов? Для начала я предлагаю вам сударыня сто фунтов жалованья.

Вы можете себе представить, м-р Холмс, как заманчиво было подобного рода предложение для меня, у которой нет ни гроша в кармане. Джентльмэн, должно быть, заметил мой недоверчивый взгляд, вынул бумажник и открыл его.

– У меня в обычае, – проговорил он, улыбаясь так, что глаза его казались двумя блестящими линиями среди его пухлого лица, – давать вперед молодым барышням половину их жалованья, так чтоб им было на что одеться и уехать.

Никогда в жизни, казалось мне, я не встречала такого очаровательного и внимательного человека. Деньги мне были очень нужны, так как я задолжала лавочникам. Но, несмотря на это, предложение показалось мне несколько странным, и я решила узнать хоть что-нибудь прежде, чем согласиться взять место.

– Позвольте спросить, где вы живете, сэр? – спросила я.

– В Гэмпшире. Очаровательное местечко. Называется усадьба «Под буками» и находится в пяти милях от Винчестера. Красивая местность, милая барышня, и прелестный старинный дом.

– Я желала бы узнать, сэр, в чем будут состоять мои обязанности?

– Один ребенок... славный, живой, шестилетний ребенок. О, если бы

вы видели, как он убивает тараканов туфлей! Хлоп! хлоп! хлоп! Не успеешь оглянуться, как трех уж не бывало!

Он откинулся на спинку кресла, и глаза его опять исчезли среди морщин.

Меня несколько удивило подобного рода развлечение ребенка, но видя, что отец смеется, я подумала, что он просто шутит.

– Значит, мне придется заниматься только с одним ребенком? – спросила я.

– Нет, нет, милая барышня, – сказал он, – вам придется исполнять также приказание моей жены, понятно, такие, какие приличны для барышни. Вы ничего не имеете против этого?

– Буду рада, если могу быть полезной.

– Отлично. Вот, например, относительно одежды. Мы, знаете, люди со странностями, но с добрым сердцем. Так вот, если мы попросим вас носить то платье, которое дадим вам, вы ничего не будете иметь против этой маленькой причуды? а?

– Ничего, – ответила я, сильно удивленная его словами.

– Не будете обижаться, если будем просить вас сидеть тут или там?

– О, нет!

– А если мы попросим вас остричь волосы?

Я еле поверила ушам. Как видите, м-р Холмс, волосы у меня густые и довольно редкого оттенка каштанового цвета. Мне было бы жаль пожертвовать ими.

– К сожалению, это невозможно, – ответила я. Он пристально взглянул на меня, и я заметила, как тень пробежала по лицу его.

– А я считаю это необходимым, – сказал он. – Это маленькая причуда моей жены, а как вы знаете, сударыня, с женскими причудами приходится считаться. Итак, вы не соглашаетесь остричься?

– Нет, сэр, – твердо ответила я.

– А, отлично... значит, дело кончено. А жаль, потому что в других отношениях вы совершенно подходите к нашим условиям. В таком случае, мне нужно повидать других барышень, мисс Стонер.

Хозяйка сидела все время молча, перебирая бумаги. При последних словах незнакомца она взглянула на меня таким недовольным взглядом, что я невольно заподозрила, что мой отказ заставляет ее терять хорошие деньги.

– Вы желаете оставаться в списке? – спросила она.

– Да, мисс Стонер.

– Но, право, это кажется вполне бесполезным, раз вы отказываетесь от

таких превосходных предложений, – резко проговорила она. – Вряд ли вам дожждаться другого подобного. Прощайте, мисс Гёнтер.

Когда я вернулась домой, мистер Холмс, и увидела, что в буфете у меня ничего нет, а на столе лежат неуплаченные счета, то невольно спросила себя, не сделала ли я глупости. Ну, если у этих господ какие-то странные причуды, если они требуют необычайного повиновения, то зато они и готовы давать хорошую плату за свои эксцентричности. В Англии гувернантки редко получают сто фунтов в год. Да и к чему мне длинные волосы? Многим очень идут короткие, может быть, пойдут и мне. Через два дня я была вполне уверена, что я сделала большую глупость и подумывала уже переломить свою гордость, пойти в контору и узнать, не свободно ли еще это место, как вдруг получаю письмо. Оно со мной, и и прочту его вам.

«Под буками», вблизи Винчестера.

«Дорогая мисс Гёнтер.

Мисс Стонер была так добра, что дала мне ваш адрес. Пишу, чтобы спросить вас, не переменили ли вы своего решения. Моей жене хочется, чтобы вы согласились жить у нас, так как вы очень понравились ей по моему описанию. Мы согласны давать вам по тридцати фунтов за три месяца – т.-е. 120 ф. в год, чтобы вознаградить вас за мелкие неприятности, причиняемые нашими причудами. Да вообще в них нет ничего затруднительного. Жена любит особый оттенок синего цвета – *bleu électrique* – и желает, чтобы вы носили платье этого цвета по утрам. Вам не придется тратиться, так как у нас осталось такое платье от нашей дорогой дочери Алисы (которая живет теперь в Филадельфии); оно будет, я думаю, как раз впору вам. Не думаю также, чтобы вам было особенно неприятно сидеть где либо в указанном месте или заниматься, чем вас попросят. Что же касается волос, то, как ни жаль обрезать такие чудесные волосы, я должен настоять на этом; однако, надеюсь, что увеличение жалованья вознаградит вас за потерю. Ваши обязанности относительно ребенка очень легкие, приезжайте же, я буду ждать вас в Винчестере с экипажем. Дайте знать, с каким поездом приедете.

С почтением

Джеффо Рюкэстль».

Вот, м-р Холмс, письмо, только что полученное мной. Я решилась принять это место. Однако, прежде чем сделать решительный шаг, я обращаюсь к вам за советом.

– Раз вы решились, то нам не о чем и говорить, мисс Гёнтер, – улыбаясь, проговорил Холмс.

– А вы посоветовали бы мне отказаться?

– Признаюсь, я не желал бы видеть свою сестру на таком месте.

– Что это значит, м-р Холмс?

– Ах, у меня нет никаких данных. Я не могу ничего сказать. Может быть, вы сами составили себе какое-нибудь мнение?

– По-моему, возможно только одно предположение. М-р Рюкэстль показался мне очень добрым человеком. Может быть, жена его сумасшедшая и он желает скрыть это, чтобы ее не засадили в лечебницу; он исполняет все ее капризы, чтобы предотвращать приступы бешенства.

– Конечно, это возможное, даже очень возможное предположение. Но, во всяком случае, это не очень-то приятное место для молодой барышни.

– Но деньги, м-р Холмс, деньги!

– Да, конечно, жалование хорошее, даже слишком хорошее. Вот это-то и тревожит меня. Отчего они дают вам 120 ф., когда любая пойдет за 40? Наверно, есть какая-нибудь основательная причина.

– Я думала, что надо вам рассказать все, чтобы вы поняли, если понадобится потом ваша помощь. Я буду чувствовать себя сильнее, зная, что вы стоите за моей спиной.

– Можете быть спокойны в этом отношении. Дело обещает быть одним из самых интересных за последние месяцы. Тут встречаются совершенно новые черты. Если вы будете в недоумении или опасности...

– Опасности! Какого рода опасности?

Холмс серьезно покачал головой.

– Опасности не будет, если мы сумеем определить, в чем она состоит, – сказал он. – Дайте мне телеграмму, и я приеду к вам во всякое время дня или ночи.

– Этого достаточно, – проговорила она, вставая. Всякое выражение тревоги исчезло с ее лица. – Теперь я совершенно спокойно уеду в Гемпшир. Сейчас же напишу м-ру Рюкэстлю, принесу в жертву мои бедные волосы, а завтра отправлюсь в Винчестер.

Она в кратких словах поблагодарила Холмса, простилась с нами обоими и поспешно вышла из комнаты.

– Ну, эта барышня сумеет постоять за себя, – проговорил я, прислушиваясь к ее быстрым, решительным шагам.

– И отлично, так как, я думаю, ей скоро придется позвать нас, – серьезно сказал Холмс.

Вскоре предсказание моего приятеля оправдалось. В продолжение двух недель я часто думал о мисс Гёнттер. Необыкновенно большое жалование, странные условия, легкие обязанности, – все было ненормально, все указывало на нечто особенное. Я не мог решить, что это причуда или преступный замысел, не мог решить, что за человек, пригласивший мисс Гёнттер – филантроп или негодяй. Я заметил, что Холмс часто сидел, нахмутив брови, весь погруженный в раздумье, но когда я заговорил о мисс Гёнттер, он только махал рукой.

– Данных, данных! – кричал он. – Без глины не сделать кирпичей, – и заканчивал словами, что не желал бы своей сестре подобного места.

Наконец, поздней ночью, мы получили телеграмму. Я только что собирался уйти спать, а Холмс принялся за свои химические опыты. Я часто оставлял его вечером среди реторт и пробирок и находил его утром в том же положении. Он вскрыл желтый конверт, пробежал телеграмму глазами и бросил ее мне.

– Посмотрите в путеводителе, как идут поезда, – проговорил он, возвращаясь к своим химическим опытам.

Телеграмма была короткая и ясная.

«Пожалуйста, будьте завтра в полдень в гостинице «Черный Лебедь», в Винчестере. Приезжайте. Я ничего не понимаю.

Гёнттер».

– Поедете со мной? – спросил Холмс, подымая глаза.

– Очень бы хотелось.

– Так посмотрите расписание.

– Есть поезд в половине десятого. В Винчестер приходит в 12 ч. 30 м., – сказал я, просмотрев расписание.

– Отлично. Пожалуй, лучше отложить анализ ацетонов, так как завтра нужно быть вполне свежим.

На следующий день в одиннадцать часов мы подъехали к древней английской столице. Все время пока мы ехали, Холмс рылся в газетах, но после того как мы въехали в Гэмпшир, он отбросил их и стал восхищаться окружающим нас видом. Стоял идеальный весенний день, По светло-голубому небу с востока на запад неслись легкие белые облачка. Солнце ярко светило, но в воздухе чувствовалась живительная свежесть, вливавшаяся

энергию в душу человека, Повсюду среди свежей зеленой листвы мелькали красные и серые крыши ферм.

– Ну, разве это не прекрасно?! – вскрикнул я с энтузиазмом человека, только что покинувшего туманы улицы Бэкер.

Холмс покачал головой с серьезным видом.

– Знаете, Ватсон, на людях, подобных мне, лежит проклятие: на все смотришь с точки зрения своей специальности, – сказал он. – Вот вы смотрите на эти разбросанные домики и восхищаетесь их красотой. Смотрю я – и единственно, что приходит мне на мысль: как уединенно они стоят и как легко тут совершить преступление.

– Господи! – вскрикнул я. – Ну, кому придет в голову мысль о преступлении, когда смотришь на эти милые, старые жилища?

– Они всегда наполняют мою душу ужасом. Я глубоко верю, Ватсон, на основании опыта, что самые глухие и скверные улицы Лондона не хранят в себе столько ужасных воспоминаний о грехе, сколько улыбающиеся, красивые деревни

– Вы пугаете меня.

– Но ведь это же вполне ясно. В городе общественное мнение может играть роль закона. В самой жалкой улице крик истязуемого ребенка или звук побоев, наносимых каким-нибудь пьяницей, вызывает сострадание или негодование соседей, да и все органы правосудия под рукой, так что всегда можно принести жалобу, и наказание следует за преступлением. Но взгляните на эти маленькие уединенные домики, наполненные, в большинстве случаев, бедными невежественными людьми, не имеющими ни малейшего понятия о законе, подумайте о дьявольски жестоких, ужасных вещах, которые могут совершаться здесь из года в год, и никто не будет ничего знать. Если бы барышня, которая обращается к нам за помощью, жила в Винчестере, я нисколько бы не боялся за нее. Опасность в том, что она живет в пяти милях от города. Однако, ясно, что ничто лично ей не грозит.

– Если она приезжает в Винчестер, чтобы повидаться с нами, то, значит, может и вообще уехать оттуда.

– Очевидно. Она свободна.

– Так в чем же дело? Как объясняете вы это?

– Я придумал семь объяснений известных нам фактов. Которое из них верное – узнаем из новых сведений, которые, без сомнения, ожидают нас. Вот и колокольня собора. Скоро мы услышим, что расскажет нам мисс Гёнттер.

«Черный Лебедь» – известная гостиница на Гайстрите, вблизи

станции. Мисс Гёнттер ожидала нас там. Завтрак был приготовлен в отдельной комнате.

– Я так рада, что вы приехали, – сказала она серьезным тоном. – Это чрезвычайно мило со стороны обоих вас. Я, право, не знаю, что мне делать. Ваши советы будут иметь громадное значение.

– Расскажите, пожалуйста, что случилось с вами.

– Непременно. Но мне нужно поторопиться, так как я обещала м-ру Рюкэстлю, что вернусь к трем часам. Я получила от него позволение отправиться в город, хотя он и не подозревает зачем.

– Ну-с, говорите все по порядку, – сказал Холмс, вытягивая к камину свои длинные ноги и приготовившись слушать.

– Во-первых, не могу, по справедливости, сказать, чтобы м-р или м-с Рюкэстль дурно обращались со мной. Но я не понимаю их, и многое тревожит меня.

– Чего вы не понимаете?

– Их поведения. Но я расскажу вам все. Когда я приехала, м-р Рюкэстль встретил меня на станции и отвез меня в экипаже в «Под буками». Местность, как он говорил, действительно красивая, но сам дом некрасив. Это – большое, четырехугольное, квадратное здание, выкрашенное в белую краску, на которой видны пятна от сырости и дурной погоды. Вокруг дома разведен сад; с трех сторон он окружен лесами, с четвертой идет поле, которое спускается к Соутгэмптонской большой дороге, извивающейся ярдах в ста от подъезда. Поле принадлежит м-ру Рюкэстлю, а леса – лорду Соутертону. Группа буков перед домом дала название усадьбе.

Хозяин, любезный как всегда, привез меня и познакомил с женой и ребенком. Наше предположение насчет м-с Рюкэстль оказалось неверным, м-р Холмс. Она вовсе не сумасшедшая. Это – молчаливая, бледная женщина лет тридцати. Она гораздо моложе мужа, которому, по-моему, не менее сорока пяти лет. Из их разговора я узнала, что они женаты около семи лет, что он вдовец, и его единственная дочь от первого брака уехала в Филадельфию. М-р Рюкэстль сказал мне по секрету, что причиной ее отъезда было непобедимое отвращение к мачехе. Так как дочери должно быть не менее двадцати лет, то, понятно, ее положение в доме при молодой мачехе могло быть неприятным.

М-с Рюкэстль показалась мне такой же бесцветной по уму и характеру, как и по наружности. Она не произвела на меня никакого впечатления. Это – полная ничтожность. Очевидно, она страстно любит своего мужа и ребенка. Она все время смотрела то на одного, то на другого своими светло-

серыми глазами и предупреждала каждое их желание. Муж также, по-своему, был добр с ней, и, вообще, они казались счастливыми супругами. И все же у этой женщины есть какое-то затаенное горе. По временам она погружается в глубокое раздумье, и тогда на лице ее появляется печальное выражение. Несколько раз я заставляла ее в слезах. Иногда я думала, что ее беспокоит характер сына, так как мне никогда не случалось встречать такого избалованного и злого мальчика. Он мал для своих лет; голова непропорционально велика. Вся жизнь его, по-видимому, проходит в смене припадков дикого бешенства промежутками угрюмого расположения духа. Единственное его развлечение – это причинять боль всякому слабейшему существу. Он выказывает замечательную изобретательность в ловле мышей, птичек и насекомых. Но мне не хочется говорить о нем, м-р Холмс, и к тому же он имеет мало отношение к моему рассказу.

– Я рад всякой подробности, – заметил Холмс, – какой бы пустячной она ни казалась вам,

– Постараюсь не пропустить ничего важного. Единственное, что сразу неприятно подействовало на меня – это вид и поведение прислуги. Слуг только двое – муж и жена. Толлер – так зовут мужа – грубый, неуклюжий человек с седыми волосами и бакенбардами и постоянным запахом водки. С тех пор, как я живу в доме, он два раза был совершенно пьян, но м-р Рюкэстль, кажется, не обратил внимания на это. Его жена очень высокая, сильная женщина, с кислым лицом, молчаливая, как м-с Рюкэстль, но не такая любезная, как она. Это очень неприятная пара, но, к счастью, я провожу большую часть дня в детской и в моей комнате, которые находятся в одном углу дома.

В продолжение двух дней по моем приезде жизнь моя шла совершенно спокойно; на третий м-с Рюкэстль после завтрака подошла к мужу и шепнула ему что-то.

– О, да, – проговорил он, оборачиваясь ко мне.

– Мы чрезвычайно обязаны вам, мисс Гёнттер, что вы согласились исполнить наш каприз и обрезаю свои волосы. Уверяю вас, что вы нисколько не подурнели от этого. Теперь посмотрим, как вам пойдет платье цвета «bleu électrique». Оно лежит на постели у вас в комнате. Не будете ли вы так добры надеть его.

Платье оказалось особенного голубого цвета из отличной материи, в роде бежа^[4], но, несомненно, поношенное. Сшито оно было как будто по моей мерке. При виде меня супруги Рюкэстль пришли в какой-то неестественный восторг. Они дождались меня в гостиной, очень большой комнате с тремя окнами, доходящими до полу. У среднего окна, спиной к

нему, стоял стул, на который меня попросили сесть. М-р Рюкэстль ходил по комнате, рассказывая мне самые смешные истории. Вы не можете себе представить, как он был комичен. Я хохотала до слез. М-с Рюкэстль, очевидно, не понимает юмора; она не улыбнулась ни разу и все время сидела, сложив руки на коленях, с печальным, тревожным выражением на лице. Приблизительно через час м-рь Рюкэстль вдруг заметил, что пора приниматься за дела и что я могу переменить платье и идти в детскую к Эдуарду.

Через два дня повторилась та же церемония – снова я переменяла платье, снова села у окна и ото всей души смеялась над смешными историями, которые рассказывал мне м-р Рюкэстль. Репертуар у него был обширный, и рассказывал он неподражаемо. Потом он дал мне роман в желтой обложке, повернул немного мой стул так, чтобы моя тень не падала на книгу, и по просил меня почитать ему. Я читала минут десять, начав со середины главы. Внезапно он прервал меня на половине фразы, сказав, чтобы я переоделась.

Можете себе представить, м-р Холмс, как все это возбудило мое любопытство. Я заметила, что они всегда старались посадить меня спиной к окну. Понятно, что меня охватило страстное желание узнать, что делается у меня за спиной. Сначала это казалось невозможным, но скоро счастливая мысль пришла мне в голову. У меня было сломанное ручное зеркальце. На следующий раз я спрятала кусочек стекла в платке, поднесла его во время взрыва смеха к глазам и принаоровилась так, чтобы видеть, что делалось сзади меня. Признаюсь, меня ожидало разочарование – там ничего не оказалось.

По крайней мере, таково было мое первое впечатление. При втором взгляде я заметила, что на Соутгэмптонской дороге стоит маленький бородатый человек в серой одежде и смотрит в мою сторону. Эта большая проезжая дорога, и на ней обыкновенно бывает много народа. Но этот человек стоял, облокотясь на изгородь, и пристально смотрел на дом. Я опустила платок и, взглянув на м-с Рюкэстль, увидела, что она смотрит на меня проницательным взглядом. Она ничего не сказала, но, я уверена, что она догадалась, что у меня в руке было зеркало, в котором я видела, что происходило за моей спиной. Она поднялась со стула.

– Джеффо, – сказала она, – какой-то нахал смотрит с улицы на мисс Гёнтер.

– Кто-нибудь из ваших друзей, мисс Гёнтер?

– Нет; у меня нет здесь знакомых.

– Что за дерзость? Пожалуйста, обернитесь и махните рукой, чтобы он

ушел.

– Не лучше ли не обращать внимания?

– Нет, нет, он станет, пожалуй, постоянно шататься тут. Пожалуйста, обернитесь и махните ему рукой вот так.

Я исполнила его желание, и м-с Рюкэстль тотчас же спустила штору. Это было неделю тому назад, и с тех пор я не сидела больше у окна, не надевала голубого платья и не видала этого человека на дороге.

– Пожалуйста, продолжайте, – сказал Холмс, – ваш рассказ обещает быть чрезвычайно интересным.

– Боюсь, что вы найдете его несколько бессвязным. В первый же день моего пребывания в усадьбе, м-р Рюкэстль свел меня в маленький амбар у кухни. Подходя к нему, я услышала громкий лязг цепи и какой-то шум, как будто там двигалось большое животное.

– Взгляните сюда! – сказал м-р Рюкэстль, раздвигая доски. – Ну, разве он не красавец?

Я взглянула в щель и увидела в темноте два горящих глаза и смутное очертание какой-то фигуры.

– Не бойтесь, – сказал м-р Рюкэстль, заметив, что я вздрогнула. – Это Карло, моя большая дворовая собака. Я называю ее моей, но в действительности только старый Толлер, мой грум, умеет справляться с ней. Мы кормим ее только раз в день, да и то понемногу, так что она всегда бывает впроголодь. Толлер выпускает ее по ночам, и не поздоровится тому, кто попадется ей на клыки.

Предостережение было не напрасно: через два дня я случайно выглянула из окна около двух часов ночи. Стояла чудная лунная ночь; на лужайке перед домом было светло почти как днем. Я стояла у окна, очарованная тихой красотой расстилавшегося передо мной вида, как вдруг заметила, что какое-то существо движется в тени буков. Когда оно вышло на свет, то оказалось громадной собакой, величиной почти с теленка. Она была страшно худая, коричневого цвета, с черной мордой и опущенным хвостом. Она медленно прошла по лужайке и исчезла в тени на другой стороне. Сердце у меня сжалось от ужаса при виде этого безмолвного страшного часового. Никакой разбойник не испугал бы меня так.

А теперь я должна рассказать вам очень странный случай. Как вы уже знаете, я обрезала волосы в Лондоне. Уезжая, положила их на дно чемодана. Однажды вечером, уложив ребенка, я начала разглядывать мебель в своей комнате и убирать мои вещи. Между прочими вещами тут был старый комод, два верхних ящика которого были открыты и пусты, а нижний заперт. Я наполнила верхние бельем, но у меня осталось еще много

вещей, и мне было неприятно, что я не могу воспользоваться третьим ящиком. Мне пришло в голову, что его заперли случайно, и потому я вынула связку ключей и попробовала открыть ящик. Первый же ключ вполне пришелся к замку, и я открыла ящик. Ни за что вам не угадать, что было там! Мои собственные волосы.

Я вынула их из комода и начала рассматривать. Волосы были того же оттенка, как мои, и так же густы. Но как могли мои волосы очутиться в этом комоде? Дрожащими руками раскрыла я чемодан, вынула из него все вещи и достала волосы. Я положила рядом обе косы и уверяю вас, что их нельзя было отличить одну от другой. Разве это не удивительно? Но как я ни ломала голову, я ничего не могла придумать. Я положила чужие волосы обратно в комод и ничего не сказала Рюкэстлям, так как чувствовала себя неправой в том, что отперла ящик.

Может быть, вы заметили, что я довольно наблюдательна по натуре, м-р Холмс, и потому я скоро хорошо узнала план всего дома. Один флигель казался вполне необитаемым. Дверь из него шла в помещение Толлеров, но она была всегда заперта. Однако, однажды, подымаясь на лестницу, я встретила м-ра Рюкэстля, выходившего из этой двери со связкой ключей в руках. Он совсем не походил на того веселого человека, которого я привыкла видеть. Щеки у него были красные, лоб сердито нахмурен, а жилы на висках напряглись от гнева. Он захлопнул дверь и быстро прошел мимо, не взглянув на меня и не сказав ни слова.

Это возбудило мое любопытство, и когда я пошла гулять со своим воспитанником, то направилась в ту сторону, откуда могла видеть окна флигеля. Три из них были грязны, а четвертое закрыто ставнями. Очевидно, во флигеле никто не жил. Мистер Рюкэстль, веселый и радостный, как всегда, подбежал ко мне.

– Ах, не сердитесь на меня, милая барышня, что я прошел мимо вас, не сказав ни слова, – проговорил он.

Я ответила, что нисколько не обиделась.

– Кстати, – прибавила я, – у вас тут много пустых комнат, а в одной из них закрыты ставни.

Он взглянул на меня с удивлением и, как мне показалось, с некоторым смущением.

– Я очень увлекаюсь фотографией, – сказал он, – и устроил тут мастерскую. Однако, милая барышня, как вы наблюдательны! Кто мог бы подумать это!

Он говорил шутливым тоном, но во взгляде, устремленном на меня, я прочла выражение неудовольствие и подозрения.

Ну, м-р Холмс, как только я поняла, что во флигеле есть что-то, чего я не должна знать, мной овладело страстное желание попасть туда. Это было не только пустое любопытство, хотя я и любопытна по природе. Скорее это было чувство долга – предчувствие, что из этого выйдет что-то хорошее. Говорят о женском инстинкте, может быть, он и говорит во мне. Я твердо решила воспользоваться первым удобным случаем, чтобы пройти в запретную дверь...

Случай этот представился только вчера. Следует сказать, что в пустом флигеле, кроме мистера Рюкэстля, бывают также Толлер и его жена. Один раз я видела, как он пронес в дверь большой холщевой мешок. Последнее время он сильно пил, а вчера вечером был совершенно пьян. Поднимаясь наверх, я заметила, что в двери торчит ключ. Наверно, это забыл его Толлер. Мистер и миссис Рюкэстль были внизу с ребенком. Случай благоприятствовал мне. Я тихо повернула ключ в замке, открыла дверь и вошла.

Перед мной был небольшой коридор; справа от него шел другой коридор, в который выходили три двери. Первая и третья вели в пустые комнаты с окнами, покрытыми густым слоем пыли. Средняя дверь была заперта на замок и, кроме того, прикрыта снаружи широким железным прутком, снятым, очевидно, с кровати; один конец шеста был прикреплен к кольцу в стене, а другой привязан веревкой. В замке ключа не было. Забаррикадированная дверь соответствовала как раз запертому окну, но по пробивавшемуся из-под нее свету я заметила, что в комнате не темно. Очевидно, там было окно наверху. Я стояла, смотря на дверь и думая, какая тайна скрывается тут, когда внезапно услышала шаги в комнате и при неясном свете, сквозившем из-под двери, увиделадвигающуюся там тень. Ужасный, безумный страх овладел мною. Натянутые нервы не выдержали – я повернулась и побежала, побежала, словно убегая от чьей-то страшной руки, старавшейся удержать меня. Я вылетела из двери и попала прямо в объятие мистера Рюкэстля.

– Так это вы, – улыбаясь, проговорил он. – Я так и подумал, когда увидел, что дверь отперта.

– О, я так испугалась! – задыхаясь, сказала я.

– Ах, милая барышня, милая барышня! – если бы вы знали, как ласково говорил он. – Чего же вы так испугались, дорогая барышня?

Но он перехитрил: слишком уже ласково говорил он, а потому я насторожилась.

– Я имела глупость войти в пустой флигель, – ответила я. – Но там так пусто и темно, что я испугалась и выбежала вон. И какая страшная тишина!

- И это все? – спросил он, смотря на меня проницательным взглядом.
- А что такое? – сказала я.
- Зачем, по вашему, я запираю эту дверь?
- Право, не знаю.
- А для того, чтобы туда не ходили те, которым там делать нечего.

Понимаете?

Он продолжал любезно улыбаться.

– Если бы я знала...

– Ну, теперь вы знаете. И если вы еще раз переступите этот порог... – в одно мгновение его улыбка перешла в гримасу бешенства, а лицо приняло дьявольское выражение, – я брошу вас Карло.

Я так испугалась, что, ничего не сознавая, пробежала к себе в комнату. Опомнившись, я увидела, что лежу на кровати. Тогда я подумала о вас, мистер Холмс. Мне было необходимо посоветоваться с кем-нибудь. Я боюсь жить там, боюсь мистера Рюкэстля, его жены, прислуги, даже ребенка. Все они наводят на меня ужас. Если же вы приедете, – думала я, – все будет хорошо. Конечно, я могла бы бежать из их дома, но любопытство боролось во мне с чувством страха. Наконец, – я решила послать вам телеграмму. Я надела шляпу и пальто, пошла на телеграф, за полмили от дома, дала вам телеграмму, и вернулась домой несколько успокоенной. По мере того, как я подходила к дому, мной овладел ужас при мысли, что собака спущена с цепи, но я вспомнила, что Толлер напился до полного бесчувствия, а только он имеет влияние на свирепого Карло и решается выпускать его. Я проскользнула к себе в комнату и долго не спала от радости, что увижу вас. Сегодня утром я, без всяких затруднений, получила позволение поехать в Винчестер, но должна вернуться к трем часам, потому что Рюкэстли едут в гости, а я остаюсь с ребенком. Ну, теперь я рассказала вам все свои приключения, м-р Холмс, и буду очень рада, если вы объясните мне, что все это значит, а главное – посоветуйте, что мне делать.

Холмс и я с напряженным любопытством слушали эту странную историю. По окончании ее Холмс встал со стула и стал ходить по комнате, заложив руки в карманы. Лицо его было чрезвычайно серьезно.

– Толлер все еще пьян? – спросил он.

– Да. Я слышала, как его жена говорила м-с Рюкэстль, что ничего не может поделать с ним.

– Это хорошо. А Рюкэстли сегодня в гостях?

– Да.

– Нет ли в доме погреба с крепким замком?

– Есть. Там держат вино.

– Вы все время действовали, как храбрая, разумная женщина, мисс Гёнттер. Можете ли вы совершить еще один подвиг? Я не просил бы сделать это, если бы не считал вас исключительной женщиной.

– Попробую. В чем дело?

– К семи часам я и мой друг приедем в усадьбу «Под буками». Рюкэстли уедут к этому времени, а Толлер, надеюсь, будет не в состоянии понять что-либо. Остается только миссис Толлер. Если бы вы могли послать ее за чем-нибудь в погреб, а затем запереть ее там на замок, вы значительно бы помогли делу.

– Я сделаю это.

– Превосходно! Тогда мы будем в состоянии основательно исследовать это дело. Конечно, возможно только одно объяснение: вас пригласили затем, чтобы вы изображали ту, которая заключена в известной вам комнате. Это вполне ясно. И если не ошибаюсь, узница не кто иная, как мисс Алиса Рюкэстль, которая, как рассказывают, уехала в Америку. Без сомнения, избрали именно вас, как похожую на нее ростом, фигурой и цветом волос. Ее остригли, вероятно, после какой-нибудь болезни – вот почему и вам пришлось пожертвовать своими волосами. По странной случайности вам попалась ее коса. Человек, которого вы видели на дороге, несомненно, ее друг, а может быть, и жених. Видя вас в платье Алисы и так похожей на нее, он, по вашему смеху и жестам, заключил, что мисс Рюкэстль вполне счастлива и не нуждается более в его любви. Собаку выпускают ночью, чтобы помешать ему видаться с девушкой. До сих пор все ясно. Самым серьезным обстоятельством в деле является характер ребенка.

– Какое отношение это может иметь к делу? – вскрикнул я.

– Дорогой мой Ватсон, вы, как врач, постоянно определяете наклонности ребенка, изучая его родителей. Разве не может быть обратно? Я часто распознавал характер родителей, наблюдая их детей. Этот ребенок неестественно жесток; унаследовал ли он эту жестокость от вечно улыбающегося отца (что, по-моему, весьма вероятно) или от матери – во всяком случае плохо бедной девушке, попавшей в их руки.

– Я уверена, что вы правы, мистер Холмс, – сказала наша клиентка. – Теперь мне припоминаются тысячи мелочей, по которым я вижу, что ваши предположение вполне справедливы. О, не будем терять времени и поможем несчастной!

– Надо действовать осторожно, так как мы имеем дело с чрезвычайно хитрым человеком. В семь часов мы будем у вас и, вероятно, скоро

выясним дело.

Ровно в семь часов мы подошли к усадьбе, оставив экипаж на постоялом дворе. По группе буков, темные листья которых отливали темным золотом при последних лучах заходящего солнца, мы узнали бы дом, даже если бы мисс Гёнттер не встретила нас на крыльце.

– Устроили? – спросил Холмс.

Откуда-то снизу доносился громкий стук.

– Это стучит м-с Толлер в погребе, – сказала мисс Гёнттер, – Муж ее храпит на полу в кухне. Вот его ключи; такие же есть и у мистера Рюкэстля.

– Прекрасно оборудовали дело! – в восторге вскрикнул Холмс. – Теперь ведите нас, и мы скоро покончим с этой темной историей.

Мы отперли дверь, прошли коридор и очутились перед запертой дверью, которую описывала нам мисс Гёнттер. Холмс перерезал веревку и снял засов. Он попробовал несколько ключей, но безуспешно. Изнутри ничего не было слышно, и лицо Холмса омрачилось.

– Надеюсь, мы не опоздали, – проговорил он. – Я думаю, мисс Гёнттер, мы лучше войдем одни, без вас. Ну, идите сюда, Ватсон, посмотрим, не удастся ли нам сломать дверь.

Дверь была старая и сразу подалась. Мы бросились в комнату. Она была пуста. Кроме кровати, столика и корзины белья в ней ничего не было. Окно наверху оказалось открытым, а узница исчезла.

– Тут произошло нечто скверное, – сказал Холмс. – Молодец пронюхал о намерениях мисс Гёнттер и похитил свою жертву.

– Но как?

– Через слуховое окно. Сейчас мы увидим, как он это сделал.

Холмс взлез на крышу.

– Ага! – крикнул он. – Вот тут приставлена лестница. По ней он и спустился.

– Это невозможно, – возразила мисс Гёнттер; – лестницы здесь не было, когда уезжали Рюкэстли.

– Он вернулся домой и приставил ее. Повторяю, он умный и опасный человек. Я не удивляюсь, если он сейчас придет сюда. Смотрите, Ватсон, держите револьвер наготове.

Он только что успел проговорить эти слова, как в дверях комнаты показался очень толстый мужчина с тяжелой дубиной в руках. При виде его мисс Гёнттер вскрикнула и прижалась к стене, Шерлок Холмс подскочил к нему и закричал:

– Негодяй! Где ваша дочь?

Толстяк оглядел всех нас, потом взглянул на открытое слуховое окно.

– Я должен вас спросить об этом, – громко крикнул он, – негодяи! шпионы, воры! Я поймал вас! Вы в моих руках! Погодите, голубчики.

Он повернулся и быстро побежал вниз.

– Он побежал за собакой! – вскрикнула мисс Гёнттер.

– У меня есть револьвер, – сказал я.

– Закройте лучше входную дверь, – заметил Холмс, и мы все бросились на лестницу; но едва мы успели добежать до передней, как на дворе послышался сначала лай собаки, а затем ужасный, раздирающий душу крик. Какой-то пожилой человек с красным лицом, шатаясь, вышел из боковой двери.

– Боже мой! – вскрикнул он. – Кто-то отвязал собаку. Ее не кормили два дня. Скорей, скорее! не то будет поздно!

Мы с Холмсом выбежали на двор, Толлер за нами. Громадное голодное животное вцепилось в горло Рюкэстля, который корчился на земле и кричал от боли. Я подбежал к собаке и выстрелил в упор. Она упала, не разжимая своих острых белых зубов. С большим трудом мы разжали ей челюсти и внесли в дом Рюкэстля, живого, но страшно изуродованного. Мы положили его в гостиной на диван и послали отрезвившегося Толлера за мисс Рюкэстль, а я сделал, что мог, чтоб облегчить его страдания. Мы все стояли вокруг раненого, когда вдруг отворилась дверь и в комнату вошла высокая неуклюжая женщина.

– Миссис Толлер! – вскрикнула мисс Гёнттер.

– Да, мисс. М-р Рюкэстль выпустил меня, когда вернулся домой. Ах, мисс, жаль, что вы не открыли мне своих планов, я бы сказала вам, что ваши труды напрасны.

– Ага! – сказал Холмс, пристально смотря на нее. – Очевидно, миссис Толлер знает больше всех остальных.

– Да, сэр, знаю и готова все рассказать.

– Тогда присядьте, пожалуйста; мы слушаем. Сознаюсь, что тут многое еще неясно для меня.

– Сейчас я объясню вам все, – сказала она. – Рассказала бы и раньше, если бы меня выпустили из погреба. Если дело дойдет до суда, – помните, что я ваш друг и была всегда другом мисс Алисы.

Мисс Алиса не была вообще счастлива с тех пор, как отец ее женился во второй раз. Она не имела никакого голоса в доме, и жилось ей плохо, но стало еще хуже с тех пор, как она познакомилась с мистером Фоулером. Насколько я знаю, у мисс Алисы есть свое отдельное состояние, но она так тиха и терпелива, что предоставляла м-ру Рюкэстлю распоряжаться всем.

Он знал, что все изменится, когда появится жених, который потребует выдачи состояния, принадлежащего невесте. Тогда м-р Рюкэстль начал уговаривать ее подписать бумагу, что она предоставляет ему пользоваться ее имуществом и в том случае, если выйдет замуж. Он так мучил ее этими уговорами, что у нее сделалось воспаление мозга, и в продолжение шести недель она была при смерти. Наконец, ей сделалось лучше, но от нее осталась лишь тень, – чудные ее волосы были обрезаны. Однако, молодой человек остался верен ей и любил ее по-прежнему.

– Ага! – сказал Холмс. – Теперь я все понимаю. М-р Рюкэстль решился прибегнуть к системе одиночного заключения?

– Да, сэр.

– И привез мисс Гёнтер из Лондона сюда, чтобы избавиться от неприятного постоянства мистера Фоулера?

– Да, сэр.

– Но мистер Фоулер, как настойчивый человек – каким и следует быть истому моряку – повел осаду на дом и, встретившись с вами, убедил вас, с помощью металлических или иных аргументов, что ваши интересы совпадают с его интересами.

– Мистер Фоулер очень милый, щедрый господин, – невозмутимо сказала миссис Толлер.

– И таким образом он устроил, что у вашего мужа было всегда достаточно водки, а лестница была приготовлена, как только хозяин ушел из дома.

– Так точно, сэр.

– Простите нас за причиненное вам беспокойство, м-с Толлер, – сказал Холмс. – Вы действительно разъяснили нам все, как нельзя лучше. Вот идет врач и м-с Рюкэстль. Я думаю, Ватсон, нам нужно проводить мисс Гёнтер в Винчестер. Наше присутствие здесь едва ли желательно.

Так была раскрыта тайна усадьбы «Под буками». М-р Рюкэстль не умер, но остался навсегда калекой... поддерживаемым заботами его преданной жены. Они все еще живут со своими старыми слугами, которые, вероятно, слишком хорошо знают прежнюю жизнь Рюкэстля. Мистер Фоулер и мисс Рюкэстль повенчались на другой же день после побега. М-р Фоулер занимает теперь какой-то пост на острове св. Маврикия. Что касается мисс Виолетты Гёнтер, то, к сожалению, мой приятель Холмс перестал интересоваться ею, как только узнал, в чем состояла тайна Рюкэстля. Теперь она – начальник частного училища в Уольсалле и, кажется, ведет свое дело очень успешно.

1892

Собака Баскервиль

I. Мистер Шерлок Холмс

Мистер Шерлок Холмс, имевший обыкновение вставать очень поздно, за исключением тех нередких случаев, когда вовсе не ложился спать, сидел за завтраком. Я стоял на коврике перед камином и держал в руках трость, которую наш посетитель забыл накануне вечером. Это была красивая, толстая палка с круглым набалдашником. Как раз под ним палку обхватывала широкая (в дюйм ширины) серебряная лента, а на этой ленте было выгравировано: «Джэmsу Мортимеру, М. R. C. S. от его друзей из С. С. Н.» и год «1884». Это была как раз такого рода трость, какую носят обыкновенно старомодные семейные доктора, – почтенная, прочная и надежная.

– Что вы с нею делаете, Ватсон?

Холмс сидел ко мне спиной, а я ничем не обнаружил своего занятия.

– Почему вы узнали, что я делаю? У вас, должно быть, есть глаза в затылке.

– У меня по крайней мере есть хорошо отполированный кофейник, и он стоит передо мною, – ответил он. – Но скажите мне, Ватсон, что вы делаете с тростью нашего посетителя? Так как мы к несчастью упустили его визит и не имеем понятия о том, зачем он приходил, то этот знак памяти приобретает известное значение. Послушаем, какое вы составили представление о человеке, рассмотрев его трость.

– Я думаю, – сказал я, пользуясь, насколько мог, методом моего товарища, – что доктор Мортимер удачный пожилой врач, пользующийся уважением, раз знакомые оказали ему внимание этим подарком.

– Хорошо! – одобрил Холмс. – Прекрасно!

– Я также думаю, что он, вероятно, деревенский врач и делает много визитов пешком.

– Почему?

– Потому что эта трость, очень красивая, когда была новою, до того исцарапана, что вряд ли ее мог бы употреблять городской врач. Железный наконечник до того истерт, что, очевидно, с нею совершено не малое число прогулок.

– Совершенно здорово! – заметил Холмс.

– Затем на ней выгравировано «от друзей из С. С. Н.». Я полагаю, что эти буквы означают какую-нибудь охоту (hunt), какое-нибудь местное общество охотников, членам которого он, может быть, подавал

медицинскую помощь, за что они и сделали ему этот маленький подарок.

– Право, Ватсон, вы превосходите самого себя, – сказал Холмс, отодвигая стул и закуривая папироску. – Я должен сказать, что во всех ваших любезных рассказах о моих ничтожных действиях вы слишком низко оценивали свои собственные способности. Может быть, вы сами и не освещаете, но вы проводник света. Некоторые люди, не обладая сами гением, имеют замечательную способность вызывать его в других. Признаюсь, дорогой товарищ, что я в большом долгу у вас.

Никогда раньше не говорил он так много, и я должен сознаться, что слова его доставили мне большое удовольствие, потому что меня часто обижало его равнодушие к моему восхищению им и к моим попыткам предать гласности его метод. Я также гордился тем, что настолько усвоил его систему, что применением ее заслужил его одобрение. Холмс взял у меня из рук трость и рассматривал ее несколько минут невооруженным глазом. Затем, с выражением возбужденного интереса на лице, он отложил папиросу и, подойдя с тростью к окну, стал ее снова рассматривать в лупу.

– Интересно, но элементарно, – произнес он, садясь в свой любимый уголок на диване. – Есть, конечно, одно или два верных указания относительно трости. Они дают нам основание для нескольких выводов.

– Разве я упустил что-нибудь из вида? – спросил я с некоторою самонадеянностью. – Полагаю, – ничего важного?

– Боюсь, дорогой Ватсон, что большинство ваших заключений ошибочно. Я совершенно искренно сказал, что вы вызываете во мне мысли, и, замечая ваши заблуждения, я случайно попал на истинный след. Я не говорю, что вы вполне ошиблись. Человек этот, без сомнения, деревенский врач, и он очень много ходит.

– Так я был прав.

– Настолько, да.

– Но это же и все.

– Нет, нет, милый Ватсон, не все, далеко не все. Я, например, сказал бы, что подарок доктору сделан скорее от госпиталя, чем от охотничьего общества, и раз перед этим госпиталем поставлены буквы С. С., то само собою напрашиваются на ум слова «Чэринг-Кросс» (Charing-Cross Hospital).

– Вы, может быть, правы.

– Все говорит за такое толкование. И если мы примем его за основную гипотезу, то будем иметь новые данные для восстановления личности этого неизвестного посетителя.

– Ну так, предполагая, что буквы С. С. Н. должны означать Чэринг-

Кросский госпиталь, какие же мы можем сделать дальнейшие выводы?

– Разве вы не чувствуете, как они сами напрашиваются? Вы знакомы с моею системой – применяйте ее.

– Для меня ясно только одно очевидное заключение, что человек этот практиковал в городе, прежде чем переехать в деревню.

– Мне кажется, что мы можем пойти несколько дальше. Продолжайте в том же направлении. По какому случаю вероятнее всего мог быть сделан этот подарок? Когда друзья его могли сговориться, чтобы доказать ему свое расположение? Очевидно, в тот момент, когда доктор Мортимер покидал госпиталь с тем, чтобы заняться частной практикой. Мы знаем, что был сделан подарок. Мы полагаем, что доктор Мортимер променял службу в городском госпитале на деревенскую практику. Так будет ли слишком смелым вывод, сделанный из этих двух посылок, что доктор получил подарок по случаю этой перемены?

– Конечно, это, по-видимому, так и было.

– Теперь заметьте, что он не мог быть в штате госпиталя, потому что только человек с прочно установившеюся практикою в Лондоне мог занимать такое место, а такой человек не ушел бы в деревню. Кем же он был? Если он занимал место в госпитале, а между тем не входил в его штат, то он мог быть только врачом или хирургом-куратором, – немногим более студента старшего курса. Он ушел из госпиталя пять лет назад, – год обозначен на трости. Таким образом, милый Ватсон, ваш почтенный, пожилой семейный врач улетучивается, и является молодой человек не старше тридцати лет, любезный, не честолюбивый, рассеянный и обладатель любимой собаки, про которую я в общих чертах скажу, что она больше терьера и меньше мастифа.

Я недоверчиво засмеялся, когда Шерлок Холмс, сказав это, прислонился к дивану и стал выпускать к потолку колечки дыма.

– Что касается до вашего последнего предположения, то я не имею средств его проверить, – сказал я, – но, по крайней мере, не трудно найти некоторые сведения о возрасте и профессиональной карьере этого человека.

С моей небольшой полки медицинских книг я взял врачебный указатель и открыл его на имени Мортимер; их было несколько, но только одно из них могло относиться к нашему посетителю. Я прочел вслух следующие сведения о нем:

«Мортимер, Джэмс, М. R. C. L., 1882, Гримпен, Дартмур, Devon, врач-куратор, с 1882 по 1884 в Чэринг-Кросском

госпитале. Получил Джаксоновскую премию за сравнительную патологию с этюдом под заглавием: «Наследственна ли болезнь?» Член-корреспондент шведского патологического общества, автор статей: «Несколько причуд атавизма» (Ланцет, 1882), «Прогрессируем ли мы?» (Психологический журнал, март, 1883 г.). Служит в приходах Гримпен, Торелей и Гай Барро».

– Ни малейшего намека, Ватсон, на местное общество охотников, – сказал Холмс с саркастической улыбкой, – но деревенский врач, как вы проницательно заметили. Я думаю, что мои выводы достаточно подтверждены. Что же касается до приведенных мною прилагательных, то, если не ошибаюсь, они были: любезный, нечестолюбивый и рассеянный. Я по опыту знаю, что в этом мире только любезный человек получает знаки внимания, только не честолюбивый покидает лондонскую карьеру для деревенской практики и только рассеянный оставляет, вместо визитной карточки, свою трость, прождав вас в вашей комнате целый час.

– А собака?

– Имела обыкновение носить за своим господином эту трость. Так как эта трость тяжела, то собака крепко держала ее за середину, где ясно видны следы ее зубов. Пространство, занимаемое этими следами, показывает что челюсть собаки велика для терьера и мала для мастифа. Это, должно быть... ну да, конечно, это кудрявый спаньель.

Холмс встал с дивана и, говоря таким образом, ходил по комнате. Затем он остановился у окна. В его голосе звучала такая уверенность, что я с удивлением взглянул на него.

– Милый друг, как вы можете быть так уверены в этом?

– По той простой причине, что я вижу собаку на пороге нашей двери, а вот и звонок ее господина. Пожалуйста, не уходите, Ватсон. Он ваш коллега, и ваше присутствие может быть полезным для меня. Наступил, Ватсон, драматический момент, когда вы слышите на лестнице шаги человека, который должен внести что-то в вашу жизнь, и вы не знаете, к добру ли это или нет. Что нужно доктору Джэмсу Мортимеру, человеку науки, от Шерлока Холмса, специалиста по преступлениям? – Войдите.

Вид нашего посетителя удивил меня, потому что я ожидал типичного деревенского врача. Он был очень высокого роста, тонкий, с длинным носом, похожим на клюв, выдававшимся между двумя острыми, серыми глазами, близко поставленными и ярко блестящими из-за очков в золотой оправе. Он был одет в профессиональный, но неряшливый костюм: его сюртук был грязноват, а брюки потерты. Хотя он был еще молод, но спина

его уже была сгорблена, и он шел, нагнув вперед голову, с общим выражением пытливой благосклонности. Когда он вошел, взгляд его упал на трость в руках Холмса, и он подбежал к ней с радостным возгласом:

– Как я доволен! Я не был уверен, здесь ли я ее оставил или в паровой конторе. Я бы не хотел ни за что на свете потерять эту трость.

– Это, как видно, подарок, – сказал Холмс.

– Да, сэр...

– От Чэринг-Кросского госпиталя?

– От нескольких друзей, служащих там, по случаю моей свадьбы.

– Ай, ай, это скверно, – сказал Холмс, качая головой.

Глаза доктора Мортамера блеснули сквозь очки кротким удивлением.

– Почему же это скверно?

– Только потому, что вы разбили наши маленькие выводы. По случаю вашей свадьбы, говорите вы?

– Да, сэр. Я женился и оставил госпиталь, а вместе с ним и всякие надежды на практику консультанта. Это было необходимо для того, чтобы я мог завести свой собственный домашний очаг.

– Ага, так мы в сущности уже не так ошиблись, – сказал Холмс. Итак, доктор Джэкс Мортимер...

– Мистер, сэр, мистер... скромный врач.

– И очевидно человек с точным мышлением.

– Пачкун в науке, мистер Холмс, собиратель раковин на берегах великого неисследованного океана. Полагаю, что я обращаюсь к мистеру Шерлоку Холмсу, а не...

– Нет, это мой друг, доктор Ватсон.

– Очень рад, что встретил вас, сэр. Я слышал ваше имя в связи с именем вашего друга. Вы очень интересуете меня, мистер Холмс. Я с нетерпением ожидал увидеть такой доликоцефальный череп и столь хорошо выраженное развитие надглазной кости. Вы ничего не будете иметь, если я проведу пальцем по вашему теменному шву? Снимок с вашего черепа, пока оригинал его еще деятелен, составил бы украшение всякого антропологического музея. Я вовсе не намерен быть не деликатным, но признаюсь, что жажду вашего черепа.

Шерлок Холмс указал странному посетителю на стул и сказал:

– Я вижу, сэр, что вы восторженный поклонник своей идеи, как и я своей. Я вижу по вашему указательному пальцу, что вы сами скручиваете себе папиросы. Не стесняйтесь курить.

Посетитель вынул из кармана табак и бумажку, и с поразительной ловкостью скрутил папироску. У него были длинные дрожащие пальцы,

столь же подвижные и беспокойные, как щупальцы насекомого.

Холмс молчал, но его быстрые взгляды доказывали мне, насколько он интересуется нашим удивительным гостем.

– Я полагаю, сэр, – сказал он, наконец, – что вы сделали мне честь придти сюда вчера вечером и опять сегодня не с исключительной целью исследовать мой череп?

– Нет, сэр, нет, хотя я счастлив, что получил и эту возможность. Я пришел к вам, мистер Холмс, потому, что признаю себя непрактичным человеком и потому, что я внезапно стал лицом к лицу с очень серьезной и необыкновенной задачей. Признавая вас вторым экспертом в Европе...

– Неужели, сэр! Могу я вас спросить, кто имеет честь быть первым? – спросил Холмс несколько резко.

– Но точно научный ум Бертильона будет всегда иметь сильное влияние.

– Так не лучше ли вам посоветоваться с ним?

– Я говорил, сэр, об уме точно научном. Что же касается до практически делового человека, то всеми признано, что вы в этом отношении единственный. Надеюсь, сэр, что я неумышленно не...

– Немножко, – сказал Холмс. – Я думаю, доктор Мортимер, что вы сделаете лучше, если, без дальнейших разговоров, будете добры просто изложить мне, в чем заключается задача, для разрешения которой требуется моя помощь.

II. Проклятие над Баскервильями

- У меня в кармане рукопись, – начал Джэмс Мортимер.
- Я это заметил, как только вы вошли в комнату, – сказал Холмс.
- Это старая рукопись.
- Не новее восемнадцатого столетия, если это только не подделка.
- Как могли вы это узнать, сэр?

– Все время, пока вы говорили, из вашего кармана выглядывало дюйма два этой рукописи. Плохим был бы я экспертом, если бы не мог указать на эпоху документа с точностью приблизительно до десяти лет. Может быть, вы читали мою небольшую монографию об этом. Я отношу этот документ к 1730 году.

– Точная его дата 1742. – При этом доктор Мортимер вынул документ из кармана. – Эта фамильная бумага была мне доверена сэром Чарльзом Баскервилем, внезапная и загадочная смерть которого около трех месяцев назад произвела такое возбуждение в Девоншире. Я могу сказать, что был его другом и врачом. Это был, сэр, человек сильного ума, строгий, практичный и с столь же мало развитым воображением, как у меня самого. Между тем он серьезно отнесся к этому документу, и его ум был подготовлен к постигшему его концу.

Холмс протянул руку за рукописью и разгладил ее на своем колене.

– Заметьте, Ватсон, перемежающиеся длинные и короткие «S». Это одно из нескольких указаний, давших мне возможность определить дату.

Я посмотрел из-за его плеча на желтую бумагу и поблекшее письмо. В заголовке было написано: «Баскервиль-голлъ», а внизу, – большими цифрами нацарапано: «1742».

– Это имеет вид какого-то рассказа.

– Да, это рассказ одной легенды, которая в ходу в семействе Баскервиль.

– Но, насколько я понимаю, вы желаете посоветоваться со мною о чем-то более современном и практичном?

– О самом современном. О самом практическом спешном деле, которое должно быть решено в двадцать четыре часа. Но рукопись не длинная и тесно связана с делом. С вашего позволения я прочту ее вам.

Холмс прислонился к спинке кресла, сложил вместе кончики пальцев обеих рук и закрыл глаза с выражением покорности. Доктор Мортимер повернул рукопись к свету и стал читать высоким, надтреснутым голосом

следующий любопытный рассказ:

«Много говорилось о происхождении Баскервильской собаки, но так как я происхожу по прямой линии от Гюго Баскервиля, и так как я слышал эту историю от моего отца, а он от своего, то я изложил ее с полной уверенностью, что она произошла именно так, как тут изложена. И я бы желал, чтобы вы, сыновья мои, верили в то, что та же самая Справедливость, которая наказывает грех, может также милостиво простить его, и что нет того тяжелого проклятия, которое бы не могло быть снято молитвою и раскаянием. Так научитесь из этого рассказа не страшиться плодов прошлого, но скорее быть предусмотрительными на счет будущего, дабы скверные страсти, от которых так жестоко пострадал наш род, не были снова распущены на нашу погибель.

Итак, знайте, что во время великого восстания (на историю которого, написанную ученым лордом Кларендоном, я должен серьезно обратить ваше внимание) поместье Баскервиля находилось во владении Гюго Баскервиля, самого необузданного, нечестивого безбожника. Эти качества соседи простили бы и ему, потому что они никогда не видели, чтобы святые процветали в этой местности, но он отличался таким жестоким развратом, что имя его сделалось притчей на всем Западе. Случилось так, что Гюго полюбил (если можно выразить столь прекрасным словом его гнусную страсть) дочь зажиточного крестьянина, арендовавшего земли близ Баскервильского поместья. Но молодая девушка, скромная и пользовавшаяся добрым именем, постоянно избегала его, страшась его дурной славы.

Однажды, в день Михаила Архангела, Гюго с пятью или шестью из своих бездельных и злых товарищей прокрался на ферму и похитил девушку, пока отец ее и братья были в отсутствии, что ему было прекрасно известно. Девушку привезли в замок и поместили в комнате верхнего этажа, а Гюго и его друзья предались, по своему обыкновению, продолжительной ночной оргии. Между тем бедная девушка, слыша песни, крики и страшную ругань, доходившие до нее снизу, чуть с ума не сошла, потому что, когда Гюго Баскервиль был пьян, то, говорят, употреблял такие слова, которые могли сразить человека, слышавшего их. Наконец доведенная до крайнего ужаса, она сделала то, что устрало бы самого храброго мужчину: при помощи плюща, покрывавшего (и поныне покрывающего) южную стену, она спустилась с карниза и побежала через болото по направлению к ферме своего отца, отстоявшей от замка на девять миль.

Немного позднее Гюго вздумал отнести своей гостье поесть и

попить, – а может быть и еще что-нибудь худшее, и нашел клетку пустую, – птичка улетела. Им тогда точно овладел дьявол, и он, бросившись вниз, вбежал в столовую, вскочил на большой стол, опрокидывая бутылки и кушанья, и закричал во все горло, что он готов в эту же ночь предать свое тело и душу нечистому духу, только бы ему удалось догнать девушку. Кутилы стояли разиня рот при виде бешенства своего хозяина, как вдруг один из них, более других злой, а может быть, более пьяный, закричал, что следовало бы выпустить на нее собак. Услыхав это, Гюго выбежал из дому и, вызывая конюхов, приказал им оседлать его кобылу и выпустить собак. Когда это было сделано, он дал собакам понюхать головной платок девушки, толкнул их на след и с громким криком полетел по болоту, освещенному луной.

Кутилы продолжали стоять, вытаращив глаза, не понимая, что такое было предпринято столь поспешно. Но вдруг их отяжелевшие мозги прояснились, и они отдали себе отчет в том, что должно совершиться на болоте. Все взволновались: кто требовал свой пистолет, кто свою лошадь, а кто еще бутылку вина. Наконец, они пришли в себя и всею гурьбою (тринадцать всего человек) сели на лошадей и пустились догонять Гюго. Месяц ясно светил над ними, и они быстро скакали все рядом по тому направлению, по которому обязательно должна была бежать девушка, если она хотела вернуться домой.

Они проскакали две-три мили, когда встретили одного из ночных пастухов на болоте и спросили его, не видал ли он охоты, История гласит, что человек этот был до того поражен страхом, что еле мог говорить, но, наконец, сказал, что видел несчастную девушку и собак, бежавших по ее следам. «Но я видел еще больше этого, – прибавил он, – Гюго Баскервиль обогнал меня на своей вороной кобыле, а за ним молча бежала собака, – такое исчадие ада, какое не дай мне Бог никогда видеть за своими пятами». Пьяные помещики выругали пастуха и продолжали свой путь. Но вскоре по их коже пробежали мурашки, потому что они услышали быстрый стук копыт и тотчас же увидели на болоте скакавшую мимо них вороную кобылу, забрызганную белой пеной, с волочащимися поводьями и пустым седлом. Кутилы собрались теснее друг к другу, потому что их обдал страх, но они все-таки продолжали подвигаться по болоту, хотя каждый, будь он один, рад был бы повернуть обратно. Они ехали медленно и, наконец, добрались до собак. Хотя они все были знамениты своею смелостью и дрессировкой, однако же, тут, собравшись в кучу, были над выемкой в болоте, некоторые отскакивали от нее, другие же, дрожа и вытаращив глаза, смотрели вниз.

Компания, протрезвившаяся, как можно думать, остановилась. Большинство всадников ни за что не хотело двигаться дальше, но трое из них, самых смелых, а может быть, и самых пьяных, спустились во впадину. Перед ними открылось широкое пространство, на котором стояли большие камни, видимые там еще и теперь и поставленные здесь в древние времена каким-нибудь забытым народом. Месяц ярко освещал площадку, и в центре ее лежала несчастная девушка, упавшая сюда мертвою от страха и усталости. Но волосы поднялись на головах трех дьявольски смелых бездельников не от этого вида и даже не от того, что тут же, рядом с девушкой, лежало тело Гюго Баскервиля, а потому, что над Гюго стояло, трепля его за горло, отвратительное существо, похожее на собаку, но несравненно крупнее когда-либо виденной собаки. Пока всадники смотрели на эту картину, животное вырвало горло Гюго Баскервиля и повернуло к ним голову с горящими глазами и разинутую челюстью, с которой капала кровь. Все трое вскрикнули от ужаса и усаkali, спасая жизнь, и долго крики их оглашали болото. Один из них, говорят, умер в ту же ночь от того, что он видел, а двое остальных на всю жизнь остались разбитыми людьми.

Такова, сыновья мои, легенда о появлении собаки, которая с тех пор была, говорят, бичом нашего рода. Изложил я ее, потому что известное менее внушает ужаса, чем предполагаемое и угадываемое. Нельзя также отрицать, что многие из нашего рода погибли неестественною смертью, – внезапной, кровавой и таинственной. Но предадимся защите бесконечно благостного Провидения, которое не будет вечно наказывать невинного дальше третьего или четвертого поколения, как угрожает Священное Писание. А потому я поручаю вас, сыновья мои, этому Провидению и советую вам ради предосторожности не проходить по болоту в темные часы ночи, когда властвует нечистая сила.

(От Гюго Баскервиля его сыновьям Роджеру и Джону, с предупреждением ничего не говорить об этом сестре своей Елизавете)».

Когда доктор Мортимер окончил чтение этого странного рассказа, он сдвинул на лоб свои очки и пристально уставился в Шерлока Холмса. Последний зевнул и бросил окуроч своей папироски в камин.

- Ну? – спросил он.
- Разве вы не находите это интересным?
- Для собирателя волшебных сказок.

Доктор Мортимер вынул из кармана сложенную газету и сказал:

– Теперь, мистер Холмс, мы вам дадим нечто более современное. Это «Хроника графства Девон» от 14-го мая нынешнего года. Она включает в себе краткое сообщение о фактах, сопровождавших смерть сэра Чарльза Баскервиля.

Мой друг нагнулся несколько вперед, и на лице его выразилось напряженное внимание. Наш посетитель поправил очки и начал читать:

«Недавняя скоропостижная смерть сэра Чарльза Баскервиля, которого называли вероятным кандидатом на ближайших выборах от Среднего Девона, набросила мрачную тень на всю страну. Хотя сэр Чарльз жил в своем поместье Баскервиль сравнительно недолго, но его любезность и крайняя щедрость привлекли к нему любовь и уважение всех, кто приходил с ним в соприкосновение. В настоящие дни, изобилующие *pouveaux riches*^[5], утешительно видеть, когда потомок старой фамилии графства, претерпевшей тяжелые дни, способен сам составить свое состояние и вернуть своему роду его былое величие. Известно, что сэр Чарльз приобрел большой капитал спекуляциями в Южной Африке. Благоразумнее тех, кто не останавливается, пока колесо фортуны не повернется против них, он реализировал свои барыши и вернулся с ними в Англию. Он только два года назад поселился в Баскервиле, и все говорят об его широких планах перестройки и усовершенствований, прерванных его смертью. Сам бездетный, он громко выражал желание, чтобы, еще при его жизни, вся эта часть графства получала выгоду от его благосостояния, и многие имеют личные причины оплакивать его преждевременную кончину. О его щедрых пожертвованиях на благотворительные дела местные и во всем графстве часто говорилось на столбцах нашей газеты.

Нельзя сказать, чтобы обстоятельства, связанные со смертью сэра Чарльза, были вполне выяснены следствием, но, по крайней мере, многое сделано для того, чтобы опровергнуть слухи, вызванные местным суеверием. Как бы то ни было, нет ни малейшего повода подозревать злодеяние или чтобы смерть произошла от чего-нибудь иного, кроме самых естественных причин. Сэр Чарльз был вдовец, и можно сказать, что в некоторых отношениях он был эксцентричным человеком: несмотря на свое богатство, он имел очень скромные вкусы, и

весь его домашний штат прислуги в замке Баскервиль состоял из супругов Барримор, – муж был дворецкий, а жена экономкой. Из их показаний, подкрепленных свидетельством нескольких друзей, видно, что за последнее время здоровье сэра Чарльза стало ослабевать и что у него была какая-то болезнь сердца, проявлявшаяся изменениями цвета лица, удушьем и острыми приступами нервного упадка сил. Доктор Джэмс Мортимер, друг и врач покойного, показал то же самое.

Обстоятельства, связанные с этим случаем, очень просты. Сэр Чарльз Баскервиль имел обыкновение перед сном прогуливаться по знаменитой тисовой аллее. Барриморы свидетельствовали о такой привычке его. 14-го мая сэр Чарльз объявил о своем намерении ехать на другой день в Лондон и приказал Барримору уложить вещи. Вечером он отправился на свою обыкновенную ночную прогулку, в продолжение которой имел привычку курить сигару. С этой прогулки ему не суждено было вернуться. В двенадцать часов ночи, видя, что дверь в переднюю все еще открыта, Барримор стал беспокоиться и, засветив фонарь, отправился на поиски своего господина. День был сырой, и следы сэра Чарльза были ясно видны на аллее. На полпути по этой аллее есть калитка, выходящая на болото. Видно было, что сэр Чарльз останавливался тут не надолго, затем продолжал свою прогулку по аллее, и в самом конце ее было найдено его тело. Тут есть один только необъясненный факт, а именно показание Барримора о том, что, за калиткой, следы шагов сэра Чарльза изменили свой характер, и казалось, будто он шел не полной ступней, а только на носках. Некто Мерфи, цыган-барышник, находился в то время на болоте, недалеко от калитки, но, по собственному его признанию, он был мертвецки пьян. Он заявил, что слышал крики, но не был в состоянии определить, откуда они шли. На теле сэра Чарльза не было обнаружено никаких знаков насилия и, хотя свидетельство доктора указывало на невероятное почти искажение лица (настолько сильное, что доктор Мортимер сразу не узнал своего друга и пациента), но было выяснено, что такой симптом бывает в случаях удушья и смерти от паралича сердца. Такое объяснение было дано при вскрытии, доказавшем, что сэр Чарльз давно страдал органическим пороком сердца, и следовательно постановил свое решение на основании медицинских показаний. Хорошо, что все

так объяснилось, потому что крайне важно, чтобы наследник сэра Чарльза поселился в замке и продолжал доброе дело, столь грустно прерванное. Если бы прозаический вывод следователя не положил конца романическим историям, которые нашептывались по поводу этой смерти, то трудно было бы найти владельца для Баскервиля. Говорят, что ближайший родственник и наследник – сэр Генри Баскервиль, сын младшего брата сэра Чарльза. По последним известиям, молодой человек был в Америке, и теперь собираются сведения о нем для того, чтобы иметь возможность сообщить ему о его наследстве».

Доктор Мортимер сложил газету и положил ее обратно в карман.

– Таковы, мистер Холмс, обнародованные факты, относящиеся к смерти сэра Чарльза Баскервиля.

– Я должен принести вам свою благодарность, – сказал Шерлок Холмс, – за то, что вы привлекли мое внимание на случай, который представляет, конечно, несколько интересных данных. Я в то время видел мельком несколько газетных сообщений об этом, но был занят маленьким делом о ватиканской камее и, в своем желании угодить папе, упустил из вида несколько интересных английских дел. В этой статье, говорите вы, заключаются все обнародованные факты?

– Да.

– Так сообщите мне интимные сведения.

С этими словами Холмс снова прислонился к спинке кресла, сложил концы пальцев и принял самое бесстрастное судебское выражение.

– Делая это, – сказал Мортимер, начинавший выказывать сильное волнение, – я говорю то, чего никогда никому не доверял. Один из мотивов, по которому я это скрыл от следствия, заключается в том, что человеку науки крайне неприятно быть заподозренным в том, что он разделяет народное суеверие. Вторым мотивом было то, что Баскервильское поместье, как говорит о том газета, осталось бы без владельца, если бы что-нибудь усилило его и без того мрачную репутацию. По обоим этим причинам я думал, что имел право сказать менее, чем знал, раз практически ничего хорошего не вышло бы из моей откровенности, но от вас у меня нет никакой причины скрывать что бы то ни было.

Болото очень мало населено, и те, кто живут по соседству друг с другом, находятся в постоянном сношении. Поэтому я часто виделся с сэром Чарльзом Баскервилем. За исключением мистера Франкланда из Лафтар-голля и мистера Стапльтона – натуралиста, нет ни одного

интеллигентного человека на много миль. Сэр Чарльз вел уединенную жизнь, но его болезнь свела нас, а эту связь поддерживала общность наших интересов в науке. Он привез с собою из Южной Африки много научных сведений, и не мало провели мы прелестных вечеров, рассуждая о сравнительной анатомии бушмэна и готтентота.

В последние месяцы для меня становилось все яснее и яснее, что нервы сэра Чарльза были до последней крайности натянуты. Прочитанная мною вам легенда настолько подействовала на него, что хотя он ходил по всему пространству своих владений, но ничто не могло бы его заставить пойти ночью на болото. Как бы это ни казалось невероятным вам, мистер Холмс, он был искренно убежден, что ужасный рок тяготеет над его родом, и, конечно, то, что он рассказывал о своих предках, не могло действовать успокоительно. Его постоянно преследовала мысль о присутствии чего-то отвратительного, и не раз спрашивал он меня, не видел ли я во время своих врачебных странствований какого-нибудь странного существа или не слышал ли я лая. Последний вопрос ставил он мне несколько раз, и всегда голос его при этом дрожал от волнения.

Я хорошо помню, как недели за три до рокового происшествия я приехал к нему. Он стоял у выходной двери. Я сошел с брички и, стоя против него, увидел, что его глаза были устремлены за мое плечо, и в них читался страшный ужас. Я оглянулся и успел только мельком заметить что-то такое, что я принял за большого черного теленка, пробежавшего сзади экипажа. Сэр Чарльз был так взволнован и испуган, что я бросился к месту, на котором видел животное, чтобы поймать его. Но оно исчезло, и это происшествие произвело, казалось, на сэра Чарльза самое тягостное впечатление. Я просидел с ним весь вечер и по этому случаю, ради того, чтобы объяснить свое волнение, он вручил мне на хранение рукопись с повестью, которую я вам прочитал. Я упоминаю об этом маленьком эпизоде потому, что он приобретает некоторое значение в виду происшедшей впоследствии трагедии, но в то время я был убежден, что случай самый обыкновенный и что волнение сэра Чарльза не имело никакого основания.

Это я ему посоветовал отправиться в Лондон. Я знал, что сердце его было не в порядке, и постоянный страх, под которым он находился, как бы ни была химерична его причина, очевидно, имел сильное влияние на его здоровье. Я думал, что после нескольких месяцев, проведенных в городских развлечениях, он вернется к нам обновленным человеком. Мистер Стапльтон, наш общий друг, также беспокоившийся о состоянии его здоровья, был того же мнения. В последнюю минуту перед отъездом случилась ужасная катастрофа.

В ночь смерти сэра Чарльза, дворецкий Барримор, нашедший его тело, послал конюха Перкинса верхом за мною, и так как я еще не ложился спать, то через час после происшествия был уже в замке Баскервиль. Я проверил и подтвердил все факты, которые были упомянуты на следствии. Я проследил за отпечатками шагов по тисовой аллее; я видел место у калитки, ведущей в болото, на котором, по-видимому, стоял сэр Чарльз; я заметил изменение формы следов, начиная с этого пункта, и удостоверился, что на мягком гравии не было никаких больше следов, кроме Барримора, и, наконец, я тщательно осмотрел тело, которого не трогали до моего прибытия. Сэр Чарльз лежал ничком, с распростертыми руками, пальцы его впились в землю, и черты лица были до-того искажены каким-то сильным потрясением, что я бы не дал тогда клятвы в том, что вижу именно его. На теле действительно не оказалось никаких знаков насилия. Но одно показание Барримора на следствии было неправильным. Он сказал, что на земле вокруг тела не было никаких следов. Он не заметил никаких, я же заметил... на некотором расстоянии от тела, но свежие и отчетливые.

– Следы шагов?

– Шагов.

– Мужчины или женщины?

Доктор Мортимер как-то странно посмотрел на нас, и голос его понизился почти до шёпота, когда он ответил:

– Мистер Холмс, я видел следы шагов гигантской собаки.

III. Задача

Признаюсь, при этих словах я содрогнулся. Да и в голосе доктора слышалось легкое дрожание, доказывавшее, что и он глубоко взволнован тем, что нам рассказал. Холмс, возбужденный, нагнулся вперед, и глаза его блестели тем жестким, сухим блеском, какой всегда принимал его взгляд, когда он бывал сильно заинтересован.

– Вы их видели?
– Так же ясно, как вижу вас.
– И вы ничего не сказали?
– К чему?
– Каким образом могло случиться, что никто, кроме вас, не видел их?
– Отпечатки эти находились в двадцати приблизительно ярдах от тела, и никто не подумал о них. Полагаю, что и я бы не обратил на них внимания, если бы не знал легенды.

– На болоте много овчарок?
– Конечно, но то была не овчарка.
– Вы говорите, собака была большая.
– Громадная.
– Но она не подходила к телу?
– Нет.
– Какая была погода в ту ночь?
– Ночь была сырая.
– Но дождь не шел?
– Нет.
– Какой вид имеет аллея?
– Она состоит из двух линий тисовых живых непроницаемых изгородей, двенадцати футов высоты. Дорожка между ними имеет приблизительно восемь футов ширины.

– Есть ли что-нибудь между изгородями и дорожкой?
– Да, между ними тянется с обеих сторон полоска травы около шести футов ширины.

– Я понял, что в аллею есть доступ через калитку, сделанную в изгороди?

– Да, через калитку, которая выходит на болото.
– Существует ли какое-нибудь другое отверстие в изгороди?
– Нет никакого.

– Так что, для того, чтобы войти в тисовую аллею, надо спуститься от дома или войти через калитку с болота?

– Есть еще выход – через беседку на дальнем конце.

– Дошел ли сэр Чарльз до нее?

– Нет, он лежал в пятидесяти, приблизительно, ярдах от нее.

– Теперь скажите мне, доктор Мортимер, это очень важно: виденные вами следы были отпечатаны на дорожке, а не на траве?

– На траве нельзя было видеть никаких следов.

– Были ли они на стороне калитки?

– Да, на краю дорожки, с той же стороны, где и калитка.

– Вы чрезвычайно заинтересовали меня. Еще вопрос. Была ли заперта калитка?

– Заперта на замок.

– Как высока она?

– Около четырех футов.

– Так что можно перелезть через нее?

– Да.

– Не видели ли вы каких-нибудь следов у самой калитки?

– Ничего особенного.

– Царь Небесный! И никто не исследовал это место?

– Я сам осмотрел его.

– И ничего не нашли?

– Я был очень смущен. Было очевидно, что сэр Чарльз стоял тут в продолжение пяти или десяти минут.

– Почему вы это узнали?

– Потому что пепел с его сигары успел упасть два раза.

– Прекрасно. Это, Ватсон, коллега нам по душе. Но следы?

– На всем этом маленьком кусочке гравия были видны одни только его следы. Я не видел никаких иных.

Шерлок Холмс ударил себя по колену с выражением досады и воскликнул:

– Ах, отчего меня там не было! Это, очевидно, необыкновенно интересное дело и такого рода, что оно представляет обширное поле для действий научному эксперту. Эта страница гравия, на которой я мог бы прочесть так много, давно уже стерта дождем и тяжелыми сапогами любопытных мужиков. Ах, доктор Мортимер, доктор Мортимер! Как это вы меня не призвали туда! На вас поистине лежит большая ответственность.

– Я не мог вас призвать, мистер Холмс, не обнаружив этих фактов во

всеобщее сведение, а я уже высказал вам причины, по которым не хотел этого сделать. Кроме того, кроме того...

– Почему вы колеблетесь?

– Есть область, в которой самый проницательный и опытный сыщик беспомощен.

– Вы хотите сказать, что дело это сверхъестественное?

– Я этого собственно не сказал.

– Да, но, очевидно, думаете.

– Мистер Холмс! Со времени этой трагедии до моего сведения дошло несколько инцидентов, которые трудно примирить с естественным порядком вещей.

– Например?

– Я узнал, что до этого ужасного происшествия несколько человек видели на болоте существо, соответствующее этому Баскервильскому демону, существо, которое не может быть ни одним животным, известным науке. Все, кто видел его, говорили, что это громадное существо, светящееся, отвратительное и похожее на призрак. Я расспрашивал всех этих людей: один из них крестьянин, с крепкой головою, другой кузнец, третий фермер на болоте, и все они говорят одно и то же об этом странном привидении, и то, что они рисуют, в точности соответствует адской собаке из легенды. Уверяю вас, что в округе царит ужас, и отважен тот человек, который решится пройти ночью по болоту.

– И вы, человек науки, верите в то, что тут действует сверхъестественная сила?

– Я не знаю, что думать.

Холмс пожал плечами и сказал:

– До сих пор мои исследования ограничивались этим миром. Я в скромных размерах боролся против зла, но выступить против самого отца зла было бы, пожалуй, слишком самонадеянно с моей стороны. Однако же вы должны допустить, что следы ног были материальны.

– Собака-легенда была настолько материальна, что могла перегрызть человеку горло, а между тем она была исчадием дьявола.

– Я вижу, что вы совершенно перешли на сторону сверхъестественников. Но, доктор Мортимер, вот что вы мне скажите: если вы придерживаетесь таких взглядов, зачем вы пришли ко мне за советом? Вы говорите мне, что бесполезно расследовать смерть сэра Чарльза, и одновременно просите меня это сделать.

– Я не сказал, чтобы вы произвели расследование.

– Так чем же я могу помочь вам?

– Советом, что мне делать с сэром Генри Баскервилем, который прибудет на станцию Ватерлоо – (доктор Мортимер посмотрел на свои часы) – ровно через час с четвертью.

– Наследник?

– Да. По смерти сэра Чарльза мы собрали справки об этом молодом человеке и узнали, что он занимался фермерством в Канаде. Из добытых о нем сведений оказывается, что он во всех отношениях превосходный малый. Теперь я говорю не как врач, а как душеприказчик сэра Чарльза.

– Я полагаю, что нет больше претендентов на наследство?

– Нет. Единственный еще родственник, о котором нам удалось узнать, – Роджер Баскервиль, младший из трех братьев, из которых бедный сэр Чарльз был старшим. Второй брат, давно умерший, отец молодого Генри. Третий, Роджер, был уродом семьи. В нем текла кровь древнего властного рода Баскервильей, и говорят, что он походил, как две капли воды, на фамильный портрет старого Гюго. Он так вел себя, что ему пришлось бежать из Англии, и он умер в 1876 г. в Центральной Америке от желтой лихорадки. Генри – последний Баскервиль. Через час и пять минут я его встречу на Ватерлооской станции. Я получил телеграмму о том, что он прибудет сегодня утром в Саутгэмптон. Так что же вы посоветуете мне, мистер Холмс, делать с ним?

– Почему не отправиться ему в дом своих предков?

– Да, это кажется естественным, не правда ли? А между тем возьмите в соображение, что всех Баскервильей, живших там, постигал злой рок. Я уверен, что если бы сэр Чарльз мог говорить со мною в момент своей смерти, он попросил бы меня не привозить в это проклятое место последнего в роде и наследника крупного состояния. Однако же, нельзя отрицать, что благосостояние всей бедной, мрачной местности зависит от его присутствия. Все добро, сделанное сэром Чарльзом, пропадет даром, если не будет хозяина в Баскервиль-голле. Из боязни, что мною будет руководить мой собственный, очевидный интерес в этом деле, я и пришел вам рассказать все и попросить вашего совета.

Холмс подумал некоторое время, затем сказал:

– Говоря простыми словами, вы того мнения, что какое-то дьявольское наваждение делает из Дартмура опасное место для потомка Баскервильей, не правда ли?

– По крайней мере, я утверждаю, что обстоятельства указывают на то.

– Прекрасно. Но если ваше мнение о сверхъестественном правильно, то оно может нанести зло молодому человеку так же легко в Лондоне, как и в Девоншире. Чёрт с чисто местною властью, наподобие приходского

управления, был бы слишком непостижимым явлением.

— Вы отнеслись бы к делу не так легко, мистер Холмс, если бы вам пришлось лично войти в соприкосновение с данными обстоятельствами. Так ваше мнение таково, что безопасность молодого человека будет так же обеспечена в Девоншире, как и в Лондоне. Он приедет через пятьдесят минут. Что вы посоветуете?

— Я советую вам, сэр, взять кэб, позвать вашего спаньеля, который царапается у парадной двери, и поехать на Ватерлооскую станцию навстречу сэра Генри Баскервиля.

— А затем?

— А затем вы ровно ничего не скажете ему, пока я не обдумаю дело.

— А как долго вы будете обдумывать его?

— Двадцать четыре часа. Я буду очень обязан вам, доктор Мортимер, если завтра утром, в десять часов, вы придете сюда ко мне и приведете с собою сэра Генри Баскервиля; это было бы полезно для моих будущих планов.

— Я это исполню, мистер Холмс.

Он записал назначенное свидание на манжетке своей рубашки и поспешно вышел свойственной ему странной походкой. Холмс остановил его на верхней площадке лестницы словами:

— Еще один только вопрос, доктор Мортимер. Вы сказали, что перед смертью сэра Чарльза Баскервиля несколько человек видели привидение на болоте?

— Трое видели его.

— А после этого видел ли его кто-нибудь?

— Я ничего не слыхал об этом.

— Благодарю вас. Прощайте!

Холмс вернулся к своему креслу с тем спокойным выражением внутреннего довольства, которое означало, что ему предстоит симпатичная работа.

— Вы уходите, Ватсон?

— Да, если я вам не нужен.

— Нет, друг мой, я только в минуту действия обращаюсь за вашей помощью. Но это роскошное дело положительно единственное с известных точек зрения. Не будете ли вы добры, когда пойдете мимо Брадлея, сказать ему, чтобы он прислал мне фунт самого крепкого табака? Благодарю вас. Было бы лучше, если бы вы нашли удобным не возвращаться до вечера. А тогда мне будет очень приятно сравнить наши впечатления о крайне интересной задаче, которую предложили сегодня утром на наше решение.

Я знал, что одиночество необходимо для моего друга в часы интенсивной умственной сосредоточенности, в продолжение которых он взвешивает все частицы доказательств, строит различные заключения, взаимно их проверяет и решает, какие пункты существенно важны и какие не имеют значения. Поэтому я провел день в клубе и только вечером вернулся в улицу Бекер.

Было около девяти часов, когда я входил в нашу гостиную, и первым моим впечатлением было, что у нас пожар: комната до того была полна дымом, что свет лампы, стоявшей на столе, имел вид пятна. Но когда я вошел, то успокоился, так как закашлялся от едкого табачного дыма. Сквозь туман смутно обрисовалась фигура Холмса в халате; он сидел, скорчившись в кресле, с черною глиняною трубкою в зубах. Вокруг него лежало несколько свертков бумаг.

- Что, простудились, Ватсон? – спросил он.
- Нет, я кашляю от отравленной атмосферы.
- Да, теперь, как вы сказали, и я нахожу ее несколько тяжелою.
- Тяжелою! Она невыносима!
- Так откройте окно. Я вижу, что вы целый день были в вашем клубе.
- Милый Холмс!
- Разве я не прав?
- Конечно, правы, но как...?

Он засмеялся от моего недоумения.

– Вы распространяете вокруг себя, Ватсон, такую восхитительную свежесть, что приятно упражнять свои небольшие способности на ваш счет. Джентльмен выходит из дому в дождливую погоду и грязь; возвращается же он вечером со шляпою и сапогами, не утратившими свой лоск. Значит, он целый день не двигался. У него нет близких друзей. Где же мог он быть? Разве это не очевидно?

- Да, пожалуй, что и очевидно.
- Свет полон очевидностей, которых никто не замечает. Как вы думаете, где был я?
- Также не двигались с места.
- Напротив, я был в Девоншире.
- Мысленно?
- Именно. Мое тело оставалось в этом кресле и, как я, к сожалению, вижу, истребило в мое отсутствие две больших кружки кофе и невероятное количество табаку. Когда вы ушли, я послал к Стамфорду за артиллерийскою картою этой части болота, и мой ум целый день бродил по

нему. Я могу похвастать, что не заблужусь на его дорогах.

– Это карта большого масштаба, вероятно?

– Очень большого. – Он развернул часть ее на своих коленях. – Здесь вот тот участок, который нас интересует, а вот и Баскервиль-голлъ в середине.

– С лесом вокруг него?

– Именно. Я полагаю, что тисовая аллея, не обозначенная на карте под этим названием, идет вдоль этой линии, с болотом на правой ее стороне, как вы видите. Эта кучка строений, – деревушка Гримпен, в которой живет наш друг, доктор Мортимер; на пять миль в окружности, как вы видите, находится очень немного разбросанных жилищ. Вот Лафтар-голлъ, о котором было упомянуто в рассказе. Тут обозначен дом, который, может быть, принадлежит натуралисту Стапльтону, если я верно припомнил его имя. Здесь две фермы на болоте, – Гай-Тор и Фаульмайр. А в четырнадцати милях далее находится большая Принцтаунская тюрьма. Между и вокруг этих разбросанных пунктов лежит мрачное, безжизненное болото. Тут, наконец, находится сцена, на которой разыгралась трагедия, и на которой мы попробуем ее воспроизвести.

– Это, должно быть, дикое место.

– Да, обстановка подходящая. Если чёрт желал вмешаться в дела людей...

– Так, значит, и вы склоняетесь к сверхъестественному объяснению?

– А разве агентами дьявола не могут быть создания из мяса и крови? Теперь для начала нам поставлено два вопроса: первый – не совершено ли здесь преступления, второй – какого рода это преступление, и как оно совершено? Конечно, если предположение доктора Мортимера верно, и мы имеем дело с силами, не подчиненными простому закону природы, то тут и конец нашим расследованиям. Но мы обязаны исчерпать все остальные гипотезы прежде, чем отступить перед этой. Я думаю, если вам безразлично, закрыть это окно. Удивительное дело, но я нахожу, что концентрированная атмосфера способствует концентрированию мыслей. Я не дошел до того, чтобы забираться в ящик для размышлений, но это логический вывод из моих убеждений. Обдумали ли вы этот случай?

– Да, я много думал о нем в течение дня.

– И что вы думаете о нем?

– Это дело способно поставить в тупик.

– Оно, конечно, имеет свой особенный характер. Есть в нем отличительные признаки. Например, это изменение следов. Что вы о нем думаете?

– Мортимер сказал, что человек шел на цыпочках по этой части аллеи.

– Он только повторил то, что какой-то дурак сказал во время следствия. Ради чего стал бы человек ходить на цыпочках по аллее?

– Что же это было?

– Он бежал, Ватсон, бежал отчаянно, бежал, чтобы спасти свою жизнь, бежал, пока не сделался у него разрыв сердца, и он не упал мертвым.

– Бежал от чего?

– В этом-то и заключается наша задача. Есть указания на то, что он был поражен ужасом прежде, чем принялся бежать.

– Какие указания?

– Я полагаю, что причина его страха появилась с болота. Если это так, – а это кажется мне самым вероятным, – то только обезумевший человек мог бежать от дома вместо того, чтобы идти по направлению к нему. Если давать веру показанию цыгана, то сэр Чарльз бежал с криками о помощи по тому направлению, откуда менее всего можно было её получить. Затем еще, – кого ожидал он в эту ночь, и зачем он его ожидал в тисовой аллее, а не в собственном доме?

– Вы думаете, что он ожидал кого-нибудь?

– Сэр Чарльз был пожилой и больной человек. Мы можем допустить, что он вышел на вечернюю прогулку, но земля была сырая и погода неблагоприятная. Естественно ли, чтобы он стоял в продолжение пяти или десяти минут, как доктор Мортимер, с большим практическим смыслом, чем я мог предполагать в нем, заключил по пеплу сигары?

– Но ведь он выходил каждый вечер.

– Не думаю, чтобы он каждый вечер стоял у калитки, ведущей на болото. Напротив, очевидно из рассказа, что он избегал болота. В эту же ночь он стоял там и ждал. Это было накануне дня, назначенного для его отъезда в Лондон. Дело обрисовывается, Ватсон. Является последовательность. Могу я вас попросить передать мне скрипку, и мы отложим все дальнейшие размышления об этом деле, пока не будем иметь удовольствия увидеть завтра утром доктора Мортимера и сэра Генри Баскервиля.

IV. Сэр Генри Баскервиль

Наш завтрак был рано убран, и Холмс в халате ожидал обещанного свидания. Наши клиенты оказались точными: часы только что пробили десять, когда в дверях появился доктор Мортимер, а за ним молодой баронет. Последний был небольшого роста, живой, черноглазый мужчина лет тридцати, крепко сложенный, с густыми черными бровями и здоровым серьезным лицом. Он был одет в красноватый костюм и имел вид человека, проводившего большую часть своего времени на воздухе, а между тем в его решительном взгляде и в спокойной уверенности его манер было что-то, обличающее в нем джентльмена.

– Это сэр Генри Баскервиль, – сказал доктор Мортимер.

– Верно, – подтвердил сэр Генри, – и странно то, мистер Шерлок Холмс, что, если бы мой друг не предложил мне пойти к вам сегодня утром, я сам по себе пришел бы. Я знаю, что вы занимаетесь разгадкой маленьких загадок, а сегодня утром мне попала одна загадка, которая требует большого обдумывания, чем я на то способен.

– Садитесь, пожалуйста, сэр Генри. Верно ли я понял, что с вами лично случилось нечто необыкновенное с тех пор, как вы приехали в Лондон?

– Ничего особенно важного, мистер Холмс. Нечто похожее на шутку. Сегодня утром я получил это письмо, если только можно это назвать письмом.

Он положил на стол конверт, и мы все нагнулись над ним. Конверт этот был из простой сероватой бумаги. Адрес: «Сэр Генри Баскервиль, Нортумберландский отель», был напечатан неровными буквами; на почтовом штемпеле было «Чэринг-Кросс» и число вчерашнего дня.

– Кто знал, что вы остановитесь в Нортумберландском отеле? – спросил Холмс, проницательно всматриваясь в нашего посетителя.

– Никто не мог этого знать. Мы решили вместе с доктором Мортимером остановиться в этом отеле уже после того, как я с ним встретился.

– Но, без сомнения, доктор Мортимер уже поселился там раньше?

– Нет, я остановился у одного приятеля, – сказал доктор. – Не могло быть никаких указаний на то, что мы намерены были отправиться в этот отель.

– Гм! Кто-то, по-видимому, глубоко заинтересован вашими

действиями.

Холмс вынул из конверта пол-листа бумаги малого формата, сложенный вчетверо. Он его развернул и расправил на столе. Посередине листа была наклеена отдельными печатными словами единственная фраза: «Если вам ценна ваша жизнь или ваш разум, вы должны держаться далеко от болота». Одно только слово «болото» было написано чернилами, но также печатными буквами.

– Теперь, – сказал Генри Баскервиль, – вы, может быть, скажете мне, мистер Холмс, что это значит, и какой чёрт так интересуется моими делами?

– Что вы об этом думаете, доктор Мортимер? Вы должны допустить, что в этом-то уж во всяком случае нет ничего сверхъестественного.

– Конечно, сэр, но это письмо могло быть получено от человека, убежденного в сверхъестественности этого дела.

– Какого дела? – резко спросил сэр Генри. – Мне кажется, что вы все знаете гораздо больше, чем я о моих собственных делах.

– Мы поделимся с вами всеми нашими сведениями, прежде чем вы уйдете из этой комнаты, сэр Генри. Обещаю вам это, – сказал Шерлок Холмс. – А пока, с вашего позволения, мы ограничимся этим весьма интересным документом, который был, по всей вероятности, составлен и сдан на почту вчера вечером. Нет ли у вас вчерашнего «Таймса», Ватсон?

– Он тут в углу.

– Могу я вас попросить достать его и развернуть на странице с передовыми статьями?

Он быстро пробежал глазами столбцы газеты и сказал:

– Вот отменная статья о свободной торговле. Позвольте мне прочитать вам извлечение из нее. «Если вам польстят, вы вообразите, что от покровительственного тарифа должны быть поощрены ваша специальная торговля или ваш собственный промысел, но разум говорит, что от такого законодательства благосостояние будет далеко от страны, наша ввозная торговля будет менее ценна и жизнь на острове в ее общих условиях будет держаться на низком уровне». Что вы думаете об этом, Ватсон? – воскликнул сияющий Холмс, потирая от удовольствия руки. – Не находите ли вы, что тут выражено прекрасное чувство?

Доктор Мортимер посмотрел на Холмса с выражением профессионального интереса, а сэр Генри Баскервиль с недоумением взглянул на меня своими черными глазами и сказал:

– Я немного смыслю в тарифах и тому подобном, но мне кажется, что мы удалились от пути к объяснению этого письма.

– Напротив, сэр Генри, мы идем по самым горячим следам. Ватсон больше вас знаком с моим методом, но я опасаясь, что и он не вполне понял значение этой сентенции.

– Признаюсь, я не понимаю, какое она имеет отношение к письму.

– А между тем, милый мой Ватсон, между ними существует тесная связь, одно взято из другого. «Если», «вам», «вы», «от», «должны», «ваша», «ваш», «разум», «далеко», «ценна», «жизнь», «держаться». Видите ли вы теперь, откуда эти слова взяты?

– Чёрт возьми, вы правы! Ну, не прелесть ли это! – воскликнул сэр Генри.

– Право, мистер Холмс, это превосходит все, что я мог вообразить, – произнес доктор Мортимер, смотря с удивлением на моего друга. – Я мог бы догадаться, что слова взяты из газеты, но сказать из какой и прибавить, что они взяты из передовой статьи, это поистине удивительно. Как вы это узнали?

– Я полагаю, доктор, что вы отличите череп негра от черепа эскимоса?

– Конечно.

– Но каким образом?

– Потому что это моя специальность. Различие бросается в глаза. Надглазная выпуклость, личной угол, изгиб челюсти...

– Ну, а это моя специальность, и различие также бросается в глаза. На мой взгляд такая же существует разница между разделенным шпоном шрифтом боргесом, которым печатаются статьи «Таймса», и неряшливым шрифтом дешевой вечерней газетки, какая существует между вашим негром и эскимосом. Распознавание шрифтов – одно из самых элементарных знаний эксперта по преступлениям, хотя признаюсь, что однажды, когда я был еще очень молод, я смешал «Leeds Mercury» с «Western Morning News». Но передовую статью «Таймса» очень легко отличить, и эти слова не могли быть взяты ниоткуда больше. Так как это сделано вчера, то вероятность говорит за то, что слова вырезаны из вчерашнего номера.

– Насколько мне удастся следить за вашими мыслями, мистер Холмс, – сказал сэр Генри Баскервиль, – кто-то вырезал это послание ножницами...

– Ногтяными ножницами, – добавил Холмс. – Видно, что ножницы были очень короткие, так как слово «держаться» вырезано в два приема.

– Это верно. И так, кто-то вырезал послание короткими ножницами и наклеил его клейстером...

– Клеем, – поправил Холмс.

– Клеем на бумагу. Но мне хочется знать, почему слово «болото»

написано чернилами?

– Потому что не нашли его в печати. Остальные слова очень просты и могли быть найдены в любом нумере, но «болото» менее обыкновенно.

– Да, конечно, это вполне ясно. Не узнали ли вы еще чего-нибудь из этого послания, мистер Холмс?

– Есть одно или два указания, а между тем приняты все меры, чтобы скрыть руководящую нить. Вы заметили, что адрес напечатан неровными буквами. Но «Таймс» такая газета, которую редко можно найти в чьих бы то ни было руках, кроме высокообразованных людей. А потому мы можем признать, что письмо составлено образованным человеком, желавшим, чтобы его признали за необразованного, и его старание скрыть свой почерк наводит на мысль, что этот почерк вам знаком или может стать знакомым. Еще заметьте, что слова не наклеены аккуратно в одну линию и что некоторые гораздо выше других. Слово «жизнь» например совершенно не на своем месте. Это доказывает, может быть, небрежность, а может быть, волнение и поспешность со стороны составителя. Я склонен принять последнее мнение, потому что раз дело было так важно, то нельзя думать, чтобы составитель письма был небрежен. Если же он спешил, то тут является интересный вопрос, почему он спешил, так как всякое письмо, брошенное в почтовый ящик до сегодняшнего раннего утра, дошло бы до сэра Генри раньше его выхода из отеля. Не опасался ли составитель письма помехи и от кого?

– Тут мы входим уже в область догадок, – сказал доктор Мортимер.

– Вернее в область, в которой мы взвешиваем вероятности и выбираем самую возможную из них. Это научное приспособление воображения, но мы всегда имеем материальное основание, на котором строятся наши рассуждения. Вот вы, без сомнения, назовете это догадкой, а я почти уверен, что этот адрес написан в отеле.

– Скажите, Бога ради, как вы можете это утверждать?

– Если вы тщательно рассмотрите его, то увидите, что и перо и чернила наделали писателю много хлопот. Перо брызнуло два раза в одном слове и трижды высыхало во время писания короткого адреса, что служит доказательством того, что в чернильнице было очень мало чернил. Частное перо и чернильница редко бывают в таком плачевном состоянии, а чтобы обе эти принадлежности писания были скверные – обстоятельство, встречающееся весьма редко. Но вы знаете, каковы вообще чернила и перья в гостиницах. Да, я очень мало колеблюсь, говоря, что если бы мы могли обыскивать корзинки для ненужных бумаг во всех отелях по соседству с Чэринг-Кроссом, пока бы не напали на остатки вырезанной передовой

статьи «Таймса», то сразу наложили бы руки на человека, пославшего это оригинальное письмо. Эге! Что это такое?

Он тщательно рассматривал бумагу, на которой были наклеены слова, держа ее не больше как дюйма на два от своих глаз.

– В чем дело?

– Ничего, – ответил Холмс, опуская бумагу. – Это чистый полулист бумаги, даже без водяного знака. Я думаю, что мы извлекли все, что можно было, из этого любопытного письма; а теперь, сэр Генри, не случилось ли еще чего-нибудь интересного с вами с тех пор, как вы в Лондоне?

– Нет, мистер Холмс. Не думаю.

– Вы не заметили, чтобы кто-нибудь следовал за вами и караулил вас?

– Мне кажется, что я прямо попал в самый разгар дешевого романа, – ответил наш гость. – Какому чёрту нужно следить за мною или караулить меня?

– Мы подходим к этому вопросу. Но прежде чем приняться за него, не имеете ли вы еще чего-нибудь сообщить нам?

– Это зависит от того, что вы считаете стоящим сообщения.

– Я считаю стоящим внимания все, что выходит из ряда жизненной рутины.

Сэр Генри улыбнулся.

– Я мало еще знаком с британскою жизнью, потому что я провел почти всю свою жизнь в Штатах и в Канаде. Но надеюсь, что у вас здесь не считается делом обыденной жизни потерять один сапог.

– Вы потеряли один из ваших сапогов?

– Ах, милый сэр, – воскликнул доктор Мортимер, – он просто не доставлен на место. Вы найдете его, когда вернетесь в отель. Нет надобности беспокоить мистера Холмса такими пустяками.

– Да ведь он же меня просил рассказать о том, что выходит из ряда обыденной жизни.

– Совершенно верно, – сказал Холмс, – как бы ни казался инцидент пустячным. Вы говорите, что потеряли один сапог?

– Я поставил вчера вечером оба сапога за дверь, а утром там оказался только один. Я ничего не мог добиться от малого, который чистил их. Но самое скверное в том, что я только вчера вечером купил эту пару на Странде и ни разу не надевал её.

– Если вы ни разу не надевали этих сапог, то зачем же вы их выставили для чистки?

– То были дубленые сапоги, и они не были покрыты ваксою. Вот почему я их и выставил.

– Так, значит, когда вы вчера приехали в Лондон, то сразу отправились покупать пару сапог?

– Я много чего накупил. Доктор Мортимер ходил со мною. Видите ли, раз мне приходится быть там владельцем, то я должен одеться соответствующим образом, а весьма возможно, что на Западе я стал несколько небрежен в этом отношении. Между прочими вещами я купил те коричневые сапоги (дал шесть долларов за них), и один из них украден прежде, чем я успел их надеть.

– Это кажется очень бесполезным воровством, – сказал Шерлок Холмс. – Признаюсь, – я разделяю мнение доктора Мортимера, что пропавший сапог скоро найдется.

– А теперь, господа, – решительно произнес баронет, – я нахожу, что совершенно достаточно говорил о том немногом, что я знаю. Пора вам выполнить свое обещание и дать мне полный отчет в том, о чем мы хлопочем.

– Ваше требование вполне разумно, – сказал Холмс. – Доктор Мортимер, я думаю, что будет лучше всего, если вы расскажете свою историю так, как вы ее рассказали нам.

Поощренный этим приглашением наш ученый друг вынул бумаги из кармана и изложил все дело так, как он это сделал накануне утром. Сэр Генри Баскервиль слушал с глубочайшим вниманием, и, по временам, у него вырывались возгласы удивления.

– По-видимому, я получил наследство с мезьей, – сказал он, когда длинная повесть была окончена. – Я, конечно, слышал о собаке, когда еще был ребенком. Это любимая история в нашей семье, хотя раньше я никогда не относился к ней серьезно. Но со времени смерти моего дяди, история эта точно бурлит у меня в голове, и я не могу еще разобраться в ней. Вы как будто еще не решили, чьей компетенции это дело: полиции или церкви.

– Совершенно верно.

– А теперь еще явилось это письмо. Я полагаю, что оно тут на месте.

– Оно доказывает, что кто-то знает больше нас о том, что происходит на болоте, – сказал доктор Мортимер.

– А также, – прибавил Холмс, – что кто-то расположен к вам, раз он предостерегает вас против опасности.

– А может быть меня желают удалить из личных интересов?

– Конечно, и это возможно. Я весьма обязан вам, доктор Мортимер, что вы познакомили меня с задачею, которая представляет несколько интересных решений. Но мы должны теперь решить практический вопрос, благоразумно ли будет вам, сэр Генри, отправиться в Баскервиль-голл.

– А почему бы мне не поехать туда?
– Там, по-видимому, существует опасность.
– Какую опасность разумеете вы, – от нашего фамильного врага или от человеческих существ?

– Это-то мы и должны узнать.
– Что бы там ни было, мой ответ готов. Нет такого дьявола в аду, мистер Холмс, ни такого человека на земле, который помешал бы мне отправиться в страну моего народа, и вы можете это считать за мой окончательный ответ.

Его темные брови нахмурились, и лицо его стало багровым. Огненный темперамент Баскервилей, очевидно, не угас в этом последнем их потомке.

– Между тем, – заговорил он снова, – у меня и времени не было подумать о том, что вы мне рассказали. Тяжело для человека понять и решить дело в один присест. Мне бы хотелось провести спокойно час с самим собою, чтобы все обдумать. Послушайте, мистер Холмс, теперь половина двенадцатого, и я отправляюсь прямо в свой отель. Что бы вы сказали, если бы я попросил вас и вашего друга, доктора Ватсона, придти позавтракать с нами в два часа? Тогда я буду в состоянии сказать вам яснее, как подействовала на меня эта история.

– Удобно ли это вам, Ватсон?
– Совершенно.
– Так вы можете ожидать нас. Не приказать ли позвать для вас кэб?
– Я предпочитаю пройтись, потому что все это взволновало меня.
– Я с удовольствием совершу прогулку с вами, – сказал его компаньон.
– Итак мы снова увидимся в два часа. До свидания!

Мы слышали, как наши гости спустились по лестнице и как за ними захлопнулась парадная дверь. В одно мгновение Холмс превратился из сонного мечтателя в человека действия.

– Вашу шляпу и сапоги, Ватсон, живо! Нельзя терять ни одной минуты!

С этими словами он бросился в халате в свою комнату и через несколько секунд вернулся оттуда в сюртуке. Мы побежали вниз по лестнице и вышли на улицу. Доктор Мортимер и Баскервиль были еще видны в двухстах, приблизительно, ярдах впереди нас, по направлению к Оксфордской улице.

– Не побежать ли мне остановить их?
– Ни за что на свете, мой милый Ватсон. Я вполне довольствуюсь вашим обществом, если вы переносите мое. Наши друзья – умные люди, потому что утро действительно прекрасное для прогулки.

Он ускорил шаг, пока мы не уменьшили вдвое расстояние, отделявшее нас от наших посетителей. Затем, оставаясь постоянно в ста ярдах позади их, мы последовали за ними в Оксфордскую улицу, а оттуда далее в Реджент-стрит. Один раз приятели наши остановились и стали смотреть в окно магазина. Холмс последовал их примеру. Затем он издал легкий возглас удивления и, следуя за его проницательным взором, я увидел кэб с кучерским сидением сзади и в этом кэбе человека; он остановил экипаж на той стороне улицы, а теперь снова медленно ехал вперед.

– Это наш человек, Ватсон, идем! Мы хоть всмотримся в него, если не будем в состоянии сделать ничего лучшего.

В эту минуту я отчетливо рассмотрел густую черную бороду и пару пронзительных глаз, смотревших на нас через боковое окошко кэба. Моментально открылось опускное отверстие наверху, что-то было сказано кучеру, и кэб бешено полетел вниз по Реджент-стрит. Холмс с нетерпением стал осматриваться кругом, ища другой кэб, но не было видно ни одного пустого. Тогда он бросился в неистовую погоню в самую середину движения на улице, но расстояние было слишком велико, и кэб уже исчез из виду.

– Ну вот! – с горечью воскликнул Холмс, когда, запыхавшись и бледный от досады, вынырнул из потока экипажей. – Может же случиться такая неудача и можно же поступить так скверно! Ватсон, Ватсон, если вы честный человек, вы и это расскажете и выставите, как неудачу с моей стороны!

– Кто был этот человек?

– Понятия не имею.

– Шпион?

– Из того, что мы слышали, очевидно, что кто-то очень тщательно следит за Баскервилем с тех пор, как он в городе. Иначе как же можно было узнать так быстро, что он остановился в Нортумберландском отеле? Из того факта, что за ним следили в первый день, я вывожу заключение, что за ним будут следить и во второй день. Вы должны были заметить, что я дважды подходил к окну, пока доктор Мортимер читал свою легенду.

– Да, помню.

– Я смотрел, не увижу ли праздношатающихся на улице, но не увидел ни одного. Мы имеем дело с умным человеком, Ватсон. Тут все очень глубоко задумано и, хотя я еще не решил окончательно, с кем мы имеем дело – с доброжелателем или врагом, я вижу, что тут есть сила и определенная цель. Когда наши приятели вышли, я тотчас же последовал за ними, в надежде заметить их невидимого спутника. У него хватило

хитрости не идти пешком, а запастись кэбом, в котором он мог или медленно следовать за ними или же быстро пролететь, чтобы не быть ими замеченным. Он еще имел то преимущество, что, если бы они тоже взяли кэб, то он не отставал бы от них. Однако же это имеет одно большое неудобство.

– Он этим попадает во власть кэбмана.

– Именно.

– Как жаль, что мы не посмотрели на нумер.

– Милый мой Ватсон, как ни оказался я тут неуклюжим, все-таки неужели вы серьезно предполагаете, что я не обратил внимания на нумер. Нумер этот 2704. Но в настоящую минуту он нам бесполезен.

– Я не вижу, что вы могли сделать большего.

– Заметив кэб, я должен был немедленно повернуть назад и идти в обратную сторону. Тогда я мог бы свободно нанять другой кэб и следовать за первым на почтительном расстоянии или, еще лучше, поехать прямо в Нортумберландский отель и там дожждаться его. Когда наш незнакомец проследил бы за Баскервилем до его дома, мы имели бы возможность повторить на нем самом его игру и увидеть, с какою целью он ее затеял. А теперь своею необдуманною поспешностью, которою наш противник воспользовался необыкновенно быстро, мы выдали себя и потеряли след нашего человека.

Разговаривая таким образом, мы медленно подвигались по Реджент-стрит, и доктор Мортимер с своим товарищем давно исчезли из наших глаз.

– Нет никакой надобности следовать за ними, – сказал Холмс. – Тень их исчезла и не вернется. Нам теперь остается посмотреть, какие у нас остались карты в руках, и решительно играть ими. Уверены ли вы, что узнали бы человека, сидевшего в кэбе?

– Я уверен только в том, что узнал бы его бороду.

– И я также, из чего вывожу заключение, что она приставная. Умному человеку, предпринявшему такое деликатное дело, нет иной надобности в бороде, как для того, чтобы скрыть свои черты. Войдем сюда, Ватсон!

Он повернул в одну из участковых комиссионерских контор, где его горячо приветствовал управляющий.

– А, Вильсон, я вижу, что вы не забыли еще маленького дела, в котором я имел счастье вам помочь?

– О, конечно, сэр, я его не забыл. Вы спасли мое доброе имя, а может быть и жизнь.

– Милый мой, вы преувеличиваете. Мне помнится, Вильсон, что между вашими мальчиками был малый по имени Картрайт, который на

следствии оказался довольно способным.

– Он еще у нас, сэр.

– Не можете ли вы его вызвать сюда? Благодарю вас! И, пожалуйста, разменяйте мне эти пять фунтов.

Юноша лет четырнадцати, красивый и с виду смущенный, явился на зов. Он неподвижно стоял и смотрел с большим уважением на знаменитого сыщика.

– Дайте мне список отелей, – сказал Холмс. – Благодарю вас! Вот вам, Картрайт, названия двадцати трех отелей, находящихся в непосредственном соседстве с Чэринг-Кроссом. Видите?

– Да, сэр.

– Вы зайдете во все эти отели.

– Да, сэр.

– В каждом из них вы начнете с того, что дадите привратнику один шиллинг. Вот двадцать три шиллинга.

– Да, сэр.

– Вы скажете ему, что желаете пересмотреть вчерашние брошенные газеты. Вы объясните свое желание тем, что затеряна очень важная телеграмма и что вы разыскиваете ее. Понимаете?

– Да, сэр.

– Но в действительности вы будете разыскивать среднюю страницу «Таймса», с вырезанными в ней ножницами дырками. Вот номер «Таймса» и вот страница. Вы легко узнаете ее, не правда ли?

– Да, сэр.

– В каждом отеле привратник пошлет за швейцаром вестибюля, каждому из них вы также дадите шиллинг. Вот еще двадцать три шиллинга. Весьма вероятно, что в двадцати случаях из двадцати трех вам скажут, что вчерашние газеты сожжены или брошены. В остальных трех случаях вам покажут кучу газет, и вы разыщите в ней эту страницу «Таймса». Много шансов против того, чтобы вы ее нашли. Вот вам еще десять шиллингов на непредвиденные случаи. Сегодня до вечера вы мне сообщите о результатах в Бекер-стрит по телеграфу. А теперь, Ватсон, нам остается только узнать по телеграфу о личности кучера кэба № 2704, а затем мы зайдем в одну из картинных галлерей Бонд-стрита, чтобы провести время до часа назначенного в отеле свидания.

V. Три порванные нити

Шерлок Холмс обладал в изумительной степени способностью отвлекать свои мысли по желанию. Странное дело, в которое нас вовлекли, было в продолжение двух часов как будто совершенно им забыто, и он весь был поглощен картинами новейших бельгийских мастеров. По выходе из галлерей он не хотел ни о чем говорить, кроме как об искусстве (о котором мы имели самые элементарные понятия), пока мы не дошли до Нортумберландского отеля.

– Сэр Генри Баскервиль ожидает вас наверху, – сказал конторщик. – Он просил меня тотчас же, как вы придете, провести вас к нему.

– Вы ничего не будете иметь против того, чтобы я заглянул в вашу книгу записей? – спросил Холмс.

– Сделайте одолжение.

В книге после имени Баскервиля было занесено еще два. Одно было Теофилус Джонсон с семейством, из Ньюкэстля, а другое – миссис Ольдмар, с горничной, из Гай-Лодж, Альтон.

– Это наверное тот самый Джонсон, которого я знал, – сказал Холмс. – Он юрист, не правда ли, седой и прихрамывает?

– Нет, сэр, этот Джонсон – владелец каменноугольных копей, очень подвижный джентльмен, не старше вас.

– Вы, должно быть, ошибаетесь относительно его специальности.

– Нет, сэр. Он уже много лет останавливается в нашем отеле, и мы его очень хорошо знаем.

– Это дело другое. А миссис Ольдмар? Мне что-то помнится, как будто имя ее мне знакомо. Простите мне мое любопытство, но часто бывает, что, навещая одного друга, находишь другого.

– Она больная дама, сэр. Ее муж был майором, и она всегда, когда бывает в городе, останавливается у нас.

– Благодарю вас. Я, кажется, не могу претендовать на знакомство с нею. Этими вопросами, Ватсон, – продолжал он тихим голосом, пока мы поднимались по лестнице, – мы установили крайне важный факт. Мы теперь знаем, что человек, интересующийся нашим приятелем, не остановился в одном с ним отеле. Это значит, что, стремясь, как мы видели, следить за ним, он вместе с тем боится быть замеченным. Ну, а это очень знаменательный факт.

– Чем?

– А тем... Эге, милый друг, в чем дело?

Огибая перила наверху лестницы, мы наткнулись на самого Генри Баскервиля. Его лицо было красно от гнева, и он держал в руке старый пыльный сапог. Он до того был взбешен, что слова не выходили у него из горла; когда же он перевел дух, то заговорил на гораздо более вольном и более западном диалекте, чем тот, каким говорил утром.

– Мне кажется, что в этом отеле меня дурачат, как молокососа! – воскликнул он. – Советую им быть осторожными, не то они увидят, что не на такого напали. Чёрт возьми, если этот мальчишка не найдет моего сапога, то не сдобровать им! Я понимаю шутки, мистер Холмс, но на этот раз они хватили через меру.

– Вы все еще ищете свой сапог?

– Да, сэр, и намерен его найти.

– Но ведь вы же говорили, что это был новый коричневый сапог.

– Да, сэр. А теперь это старый черный.

– Что! Неужели?..

– Именно. У меня было всего три пары сапог: новые коричневые, старые черные и эти из лакированной кожи, что на мне. В прошлую ночь у меня взяли один коричневый сапог, а сегодня стибрили черный. Ну, нашли вы его? Да говорите же и не стойте так, выпучив глаза.

На сцену появился взволнованный немец-лакей.

– Нет, сэр. Я справлялся во всем отеле и ничего не мог узнать.

– Хорошо! Или сапог будет мне возвращен до захода солнца, или я пойду к хозяину и скажу ему, что моментально выезжаю из его отеля.

– Он будет найден, сэр... обещаю вам, что если вы только потерпите, он будет найден.

– Надеюсь, иначе это будет последняя вещь, которую я теряю в этом притоне воров. Однако, простите меня, мистер Холмс, что я беспокою вас такими пустяками.

– Я думаю, что это стоит беспокойства.

– Вы как будто серьезно смотрите на это дело.

– Чем вы это все объясняете?

– Я и не пробую объяснять этого случая. Он мне кажется крайне нелепым и странным.

– Да, странный, пожалуй, – произнес Холмс в раздумье.

– Что вы-то сами о нем думаете?

– Я не скажу, что в настоящее время понимаю его. Это очень сложная штука, сэр Генри. Если связать с этим смерть вашего дяди, то я скажу, что из пятисот дел первойшей важности, которыми мне приходилось

заниматься, ни одно не затрагивало меня так глубоко. Но у нас в руках несколько нитей и все шансы за то, что не та, так другая из них приведет нас к истине. Мы можем потратить время, руководствуясь не той, которой следует, но рано или поздно мы нападём на верную дорогу.

Мы приятно провели время за завтраком и очень мало говорили о деле, которое нас свело. И только когда перешли в частную гостиную Генри Баскервиля, Холмс спросил его, что он намерен делать.

– Отправиться в Баскервиль-голлъ.

– Когда?

– В конце недели.

– В сущности, – сказал Холмс, – я нахожу ваше решение разумным. Для меня вполне очевидно, что в Лондоне следят за вами, а в миллионном населении этого громадного города трудно узнать, кто следит и какая его цель. Если его намерения злостные, то он может причинить вам несчастье, и мы бессильны его предотвратить. Вы не знали, доктор Мортимер, что сегодня утром за вами следили по пятам от моего дома?

Доктор Мортимер сильно вздрогнул.

– Следили? Кто?

– К несчастью, этого я не могу вам сказать. Нет ли между вашими соседями или знакомыми в Дартмуре кого-нибудь с густою черною бородой?

– Нет... ах, постойте, да, у Барримора, дворецкого сэра Чарльза, густая, черная борода.

– А где Барримор?

– Ему поручен Баскервильский дом.

– Нам лучше удостовериться, действительно ли он там и не попал ли каким-нибудь образом в Лондон.

– Как же вы это узнаете?

– Дайте мне телеграфный бланк. «Все ли готово для сэра Генри?» Этого достаточно. Адресуйте мистеру Барримору, Баскервиль-голлъ. Какая ближайшая телеграфная станция? Гримпен. Прекрасно, – мы пошлем другую телеграмму почтмейстеру: «Телеграмму мистеру Барримору вручить в собственные руки. Если он отсутствует, прошу телеграфировать ответ сэру Генри Баскервиль, Нортумберландский отель». Это даст нам возможность узнать до сегодняшнего вечера, находится ли Барримор на своем посту в Девоншире или нет.

– Это правильно, – сказал Баскервиль. – А, кстати, доктор Мортимер, что из себя представляет этот Барриморъ?

– Он сын старого управителя, который умер. Эта семья смотрела за

Баскервиль-голлем в продолжение четырех поколений. Насколько мне известно, он и жена его достойны полного уважения.

– Вместе с тем, – сказал Баскервиль, – ясно, что с тех пор, как никто из нашего семейства не жил в голле, они имеют великолепный дом и при этом никакой работы.

– Это правда.

– Получил ли что-нибудь Барримор по завещанию сэра Чарльза? – спросил Холмс.

– Он и жена его получили каждый по пятисот фунтов.

– Ага! А знали ли они, что получат эти деньги?

– Да, сэр Чарльз очень любил говорить о содержании своего духовного завещания.

– Это очень интересно.

– Надеюсь, – сказал доктор Мортимер, – что вы не смотрите подозрительно на всякого, кто получил наследство от сэра Чарльза, так как и мне он оставил тысячу фунтов.

– В самом деле! А еще кому?

– Он оставил много незначительных сумм отдельным лицам и большие суммы на общественную благотворительность. Все остальное досталось сэру Генри.

– А как велико это остальное?

– Семьсот сорок тысяч фунтов.

Холмс с удивлением поднял брови и сказал:

– Я никак не ожидал, что наследство сэра Чарльза достигает таких гигантских размеров.

– Сэр Чарльз пользовался репутациею богатого человека, но мы не знали, насколько он в действительности богат, пока не рассмотрели его бумаг. Общая стоимость поместья определена приблизительно в миллион.

– Ай, ай! Из-за такого кусочка человек может сделать отчаянный шаг. Еще вопрос, доктор Мортимер. Предположим, что с нашим молодым другом случится что-нибудь (простите мне такое неприятное предположение), кому достанется тогда поместье?

– Так как Роджер Баскервиль, младший брат сэра Чарльза, умер холостым, то поместье перейдет к дальним родственникам Десмондам. Джэмс Десмонд – пожилой пастор в Вестмурланде.

– Благодарю вас. Все эти подробности очень интересны. Встречались ли вы с мистером Джэмсом Десмондом?

– Встречался. Однажды он был с визитом у сэра Чарльза. Это человек почтенной наружности и святой жизни. Я помню, что он отказался принять

от сэра Чарльза имущество, хотя последний и настаивал на том, чтобы определить ему что-нибудь.

– И человек с такими простыми вкусами мог бы унаследовать миллионы сэра Чарльза?

– Он унаследовал бы поместье, потому что таков порядок перехода наследства. Он получил бы также и деньги, если бы настоящий владелец не распорядился ими иначе, на что он имеет полное право.

– Написали ли вы свое завещание, сэр Генри?

– Нет, мистер Холмс. У меня на это не было времени, так как я узнал только вчера о положении дел. Но во всяком случае я нахожу, что деньги должны идти вместе с титулом и поместьем. Таковы были убеждения моего бедного дяди. Каким образом владелец восстановит великолепие Баскервильей, если у него нет денег для поддержания своей собственности. Дом, земля и доллары не могут быть разъединены.

– Это совершенно верно. Итак, сэр Генри, я согласен с вами, что вам следует немедленно отправиться в Девоншир. Только я предложу одну меру предосторожности: вам никоим образом не следует отправляться туда одному.

– Доктор Мортимер возвращается со мною.

– Но у доктора Мортимера практика, которую он не может бросить, да и дом его находится в нескольких милях расстояния от вашего. При всем своем желании, он не в состоянии будет вам помочь. Нет, сэр Генри, вы должны взять с собою надежного человека, который находился бы постоянно возле вас.

– Возможно ли, мистер Холмс, чтобы вы сами согласились поехать?

– Когда наступит кризис, я постараюсь лично явиться на место; но вы поймете, что при моей обширной практике и при постоянных обращениях ко мне за советом по всевозможным делам, я не могу уехать из Лондона на неопределенный срок. В настоящее время на одно из самых почтенных имен в Англии наложено пятно каким-то шантажистом, и только я один могу воспрепятствовать скандалу, который может причинить большое несчастье. Поэтому вы видите, насколько мне невозможно отправиться в Дартмур.

– Кого же вы посоветуете мне взять?

Холмс положил свою руку на мою и сказал:

– Если мой друг согласится, то нет человека, который был бы достойнее находиться возле вас, когда вы почувствуете себя в затруднительном положении. Никто не знает этого лучше меня.

Предложение это застало меня совершенно врасплох, но прежде чем я

успел выговорить одно слово, Баскервиль схватил меня за руку и, сердечно пожав ее, сказал:

– Какой вы добрый, доктор Ватсон. Вы знаете, что со мною происходит, и вам дело так же знакомо, как и мне. Если вы поедете в Баскервиль-голл и высвободите меня из опасности, я никогда этого не забуду.

Ожидание приключений производило всегда чарующее действие на меня, кроме того я был польщен словами Холмса и горячностью, с какою баронет приветствовал меня как своего спутника.

– Я с удовольствием поеду, – сказал я, – и не могу себе представить, как бы я мог лучше употребить свое время.

– И вы будете очень тщательно доносить мне обо всем, – сказал Холмс. – Когда наступит какой-нибудь кризис, как я непременно ожидаю, я направлю ваши действия. Полагаю, что к субботе все будет готово?

– Удобно ли это будет доктору Ватсону?

– Вполне.

– Итак, в субботу, если ничего не произойдет нового, мы встретимся к отходу поезда 10 ч. 30 м. из Паддингтона.

Мы уже встали, чтобы проститься, как Баскервиль издал возглас торжества, вытаскивая из-под шкафика, стоявшего в одном из углов комнаты, коричневый сапог.

– Мой пропавший сапог! – воскликнул он.

– Дай Бог, чтобы все наши затруднения так же быстро уладились, – сказал Шерлок Холмс.

– Но это очень странно, – заметил доктор Мортимер. – Я перед завтраком обыскал крайне тщательно всю эту комнату.

– И я также, – сказал Баскервиль. – Я ни одного дюйма не оставил необысканным.

– И тогда наверное в ней не было этого сапога.

– В таком случае его поставил сюда лакей, пока мы завтракали.

Послали за немцем, но тот ответил, что ему ничего неизвестно об этом, и никакими расследованиями мы не добились разъяснения этого случая. Прибавился новый пункт к этой непрерывной серии бесцельных, по-видимому, мелких тайн, являвшихся так быстро одна вслед за другою. Оставив в стороне мрачную историю смерти сэра. Чарльза, мы имели перед собою ряд необъяснимых инцидентов, имевших место в продолжение двух дней, а именно получение письма из печатных слов, встреча чернобородого шпиона в кэбе, пропажа нового коричневого сапога, пропажа старого черного и, наконец, находка нового коричневого сапога. Когда мы

возвращались в Бекер-стрит, Холмс молча сидел в кэбе и по его сдвинутым бровям и выразительному лицу я видел, что его ум, так же, как и мой, был занят попыткой составить какой-нибудь план, в который могли бы быть помещены все эти странные эпизоды, не имеющие, по-видимому, никакой между собою связи. До позднего вечера сидел он, погруженный в табачный дым и в свои мысли.

Перед самым обедом подали две телеграммы. Первая гласила: «Только что узнал, что Барримор в Баскервиль-голле». Вторая: «Был в двадцати трех отелях, но, к сожалению, не напал на след изрезанного листа «Таймса». – Картрайт».

– Порвались две из моих нитей, Ватсон. Нет ничего более подстрекающего, как случай, в котором все направлено против вас.

– Нам нужно отыскать другой след.

– У нас остается еще кучер, который возил шпиона.

– Совершенно верно. Я телеграфировал, чтобы узнали из официального списка его имя и адрес. Я думаю, что вот и ответ на мой запрос.

Звон колокольчика оказался еще более удовлетворительным, чем ответ, так как отворилась дверь, и в комнату вошел грубый с виду человек, очевидно, кучер, о котором шла речь.

– Я получил извещение из главной конторы, – сказал он, – что господин, живущий здесь, требовал к себе № 2704. Я правлю своим кэбом уже семь лет и никогда не жаловались на меня. Я пришел сюда прямо из двора, чтобы спросить вас лично, что вы имеете против меня.

– Я ровно ничего не имею против вас, милый человек, – сказал Холмс. – Напротив, я имею для вас полсоверена, если вы дадите мне ясные ответы на мои вопросы.

– Ладно, это будет хороший день, – сказал кучер, улыбнувшись во весь рот. – Так что же вы желаете спросить, сэр?

– Прежде всего ваше имя и адрес на случай, если вы мне еще раз понадобится.

– Джон Клэйтон, 3, Терпэй-стрит. Мой кэб из двора Шинлей, около станции Ватерлоо.

Шерлок Холмс записал эти сведения.

– А теперь, Клэйтон, расскажите мне все, что касается вашего седока, который сегодня в десять часов утра караулил этот дом, а затем ехал следом за двумя джентльменами по Реджент-стрит.

Извозчик казался удивленным и несколько смущенным, но сказал:

– Что ж, мне нечего вам сообщать, так как, по-видимому, вы уже

знаете столько же, сколько и я. Дело в том, что мой седок сказал мне, что он сыщик и что я не должен никому говорить о нем.

– Это, милый человек, очень серьезное дело, и вы можете оказаться в очень плохом положении, если вздумаете скрыть что бы то ни было от меня. Так вы говорите, что ваш седок выдал себя за сыщика?

– Да.

– Когда он вам сказал об этом?

– Уходя от меня.

– Не сказал ли он еще чего-нибудь?

– Он назвал свое имя.

Холмс бросил на меня торжествующий взгляд.

– А-а, он назвал свое имя? Это было неосторожностью. И какое же это было имя?

– Его имя, – ответил извозчик, – мистер Шерлок Холмс.

Никогда в жизни не видывал я, чтобы мой друг был так озадачен. Он молчал, пораженный удивлением, а затем разразился искренним смехом.

– Вот так шутник, Ватсон, несомненный шутник, – сказал он. – Я чувствую в нем столь же быструю и гибкую сообразительность, как моя собственная. Он изрядно прошелся на мой счет. Так его зовут Шерлоком Холмсом?

– Да, сэр.

– Превосходно! Расскажите мне, где вы его посадили, и все, что затем случилось.

– Он подозвал меня в половине десятого в Трафальгарском сквере. Он назвал себя сыщиком и предложил мне две гинеи, если я в продолжение всего дня буду делать все, что он потребует, не задавая ему никаких вопросов. Я охотно согласился. Сначала мы поехали в Нортумберландский отель и ждали там, пока не вышли оттуда два джентльмена и не взяли кэб. Мы последовали за их кэбом, пока он не остановился где-то тут.

– У этой самой двери, – сказал Холмс.

– Пожалуй, я не могу сказать ничего положительного, но моему седоку все было прекрасно известно. Мы отъехали на половину улицы и ждали там полтора часа. Тогда двое джентльменов прошли, гуляя, мимо нас и мы последовали за ними по Бекер-стрит и вдоль...

– Я знаю, – прервал его Холмс.

– Пока не проехали три квартала Реджент-стрита. Тогда мой седок откинул верхнее окошечко и крикнул мне, чтобы я ехал как можно быстрее прямо на Ватерлооскую станцию. Я стегнул свою кобылу, и через десять минут мы были на месте. Тогда он заплатил мне две гинеи, как порядочный

человек, и вошел в станцию. Но, уходя, он обернулся и сказал: «Может быть, вам интересно будет узнать, что вы возили мистера Шерлока Холмса». Таким образом я узнал его имя.

– Понимаю. А затем вы больше не видали его?

– Нет, он вошел в станцию и скрылся.

– Ну, а как бы вы описали наружность мистера Шерлока Холмса?

Извозчик почесал голову.

– Не очень-то легко описать этого джентльмена. Я бы дал ему лет сорок, роста он среднего, дюйма на два, на три ниже вас, сэр. Одет он был мешковато, и борода у него черная, подстриженная четырёхугольником, лицо бледное. Ничего больше не могу сказать о нем.

– Какого цвета у него глаза?

– Не могу этого сказать.

– И вы ничего больше не припомните?

– Нет, сэр, ничего.

– Ладно, так вот вам полусовершен. Другая половина ожидает вас, если вы доставите еще какие-нибудь сведения. Покойной ночи.

– Покойной ночи, сэр, и благодарю вас.

Джон Клэйтон удалился, смеясь, а Холмс обернулся ко мне, пожимая плечами и спокойно улыбаясь.

– Оборвалась и третья наша нить, и мы кончили тем, с чего начали, – сказал он. – Хитрый мерзавец! Он знал наш дом, знал, что сэр Генри Баскервиль советовался со мною, на Реджент-стрите узнал меня, предположил, что я заметил номер кэба и примусь за кучера, а потому сделал мне этот дерзкий вызов. Говорю вам, Ватсон, что мы за это время приобрели врага, который достоин нашего оружия. Я получил шах и мат в Лондоне и могу только пожелать вам большого счастья в Девоншире. Но я не спокоен насчет этого.

– Насчет чего?

– Насчет того, что отправлю вас туда. Скверное это дело, Ватсон, скверное, опасное дело, и чем больше я знакомлюсь с ним, тем менее оно нравится мне. Да, милый друг, смейтесь, но даю вам слово, что я буду очень рад, когда вы вернетесь здоровым и невредимым на Бекер-стрит.

VI. Баскервиль-голль

Сэр Генри Баскервиль и доктор Мортимер были готовы в назначенный день, и мы отправились, как было условлено, в Девоншир. Шерлок Холмс поехал со мною на станцию и дал мне свои прощальные инструкции и советы.

– Я не стану, Ватсон, сбивать вас с толку разными предположениями и подозрениями, – сказал он. – Я просто желаю, чтобы вы доносили мне как можно подробнее о фактах и предоставляли мне строить планы.

– О каких фактах? – спросил я.

– Обо всем, что может казаться относящимся, хотя бы косвенно, к занимающему нас делу и, в особенности, об отношениях между молодым Баскервилем и его соседями и обо всяких новых подробностях, касающихся смерти сэра Чарльза. Я сам за последние дни навел некоторые справки, но боюсь, что результаты их оказались отрицательными. Одно только кажется мне положительным, это то, что мистер Джэмс Десмонд, следующий наследник, человек очень милого характера, так что это преследование идет не с его стороны. Я думаю, что мы можем совершенно исключить его из наших предположений. Остается народ на болоте, среди которого будет жить сэр Генри Баскервиль.

– Не лучше ли было бы прежде всего отделаться от этой четы Барримор?

– Ни в каком случае. Вы бы сделали этим непозволительную ошибку. Если они невинны, это было бы жестокою несправедливостью; если же они преступны, то это отняло бы у нас всякую возможность уличить их. Нет, нет, мы сохраним их в нашем списке подозрительных лиц. Затем в голле есть, насколько я помню, конюх. Есть два фермера на болоте. Есть наш друг, доктор Мортимер, которого я считаю вполне честным, и его жена, о которой мы ничего не знаем. Есть ученый Стапльтон и его сестра, про которую говорят, что она привлекательная молодая девушка. Есть мистер Франкланд из Лафтар-голля, тоже неизвестная нам личность, и еще один или два соседа. Все эти люди должны составить предмет вашего специального изучения.

– Я сделаю все зависящее от меня.

– У вас есть оружие, надеюсь?

– Да я нашел благоразумным взять его с собою.

– Конечно. Не расставайтесь с своим револьвером ни днем, ни ночью и

никогда не пренебрегайте предосторожностями.

Наши приятели уже заняли места в вагоне первого класса и ожидали нас на платформе.

На вопросы моего друга доктор Мортимер ответил:

– Нет, мы ничего не узнали нового. За одно я могу поручиться, что за последние два дня за нами не следили. Мы ни разу не выходили из дому без того, чтобы зорко не осматриваться, и никто не мог бы скрыться от нашего наблюдения.

– Полагаю, что вы всегда выходили вместе?

– За исключением вчерашнего дня. Когда я приезжаю в город, то имею обыкновение посвящать один день удовольствию, а потому провел вчерашний день в музее медицинского колледжа.

– А я пошел в парк поглазеть на народ, – сказал Баскервиль, – но мы не подвергались ни малейшего рода неприятностям.

– А все-таки это было неосторожностью, – сказал Холмс, покачав очень серьезно головою. – Прошу вас, сэр Генри, никогда не ходить в одиночестве, иначе с вами может случиться большое несчастье. Нашли ли вы другой сапог?

– Нет, сэр, он исчез навеки.

– В самом деле? Это очень интересно. Ну, прощайте, – добавил он, когда тронулся поезд. – Никогда не забывайте, сэр Генри, одну фразу из странной старой легенды, которую нам прочел доктор Мортимер, и избегайте болота в те темные часы, когда властвуют силы зла.

Я еще смотрел на платформу, когда она уже далеко осталась позади нас, и видел высокую строгую фигуру Холмса, недвижимо стоявшего и смотревшего на нас.

Путешествие совершили мы быстро и приятно; я им воспользовался, чтобы ближе познакомиться с моими обоими спутниками, и проводил время, играя со спаньелем доктора Мортимера. В несколько часов черная земля стала красноватою, кирпич заменился гранитом, и рыжие коровы паслись в огороженных живыми изгородями полях, на которых сочная трава и роскошная растительность свидетельствовали о более щедром, хотя и более сыром климате. Молодой Баскервиль с живым интересом смотрел в окно и громко восклицал от восторга, когда узнавал родные картины Девоншира.

– С тех пор, как я, доктор Ватсон, уехал отсюда, я изъездил немалую часть света, – сказал он, – но ни разу не видел места, которое могло бы сравниться с этим.

– Я никогда не видел девонширца, который бы не клялся своею родиною, – возразил я.

– Это в одинаковой степени зависит как от расы, так и от страны, – заметил доктор Мортимер. – Стоит только взглянуть на нашего друга, и его закругленная голова обнаружит нам кельта со свойственным этой расе энтузиазмом и способностью привязываться. Голова бедного сэра Чарльза была очень редкого типа, полугалльского, полу-иверийского. Но вы были очень молоды, когда покинули Баскервиль-голл, не правда ли?

– Я был еще юношей, когда умер мой отец, и никогда не видел Баскервиль-голля, потому что отец жил в маленьком коттедже на южном берегу. Оттуда же я прямо поехал к одному другу в Америку. Говорю вам, что все тут так же для меня ново, как и для доктора Ватсона, и я с нетерпением жажду увидеть болото.

– Разве? В таком случае ваше желание легко исполнимо, потому что оно уже видно, – сказал доктор Мортимер, указывая рукою в окно.

Над зелеными квадратами полей и кривою линиею невысокого леса возвышался вдали серый печальный холм, увенчанный странною зубчатою верхушкою, производивший впечатление какого-то мрачного фантастического пейзажа, видного в отдалении, как бы во сне. Баскервиль долго сидел молча и пристально смотрел на него, а я между тем читал на его оживленном лице, какое значение имеет для него этот первый взгляд на странное место, где люди его крови так долго властвовали. Американец с виду, он сидел в углу прозаического вагона, а между тем, смотря на его выразительные черты, я чувствовал более чем когда-либо, какой он истинный потомок длинного ряда чистокровных, пылких и властолюбивых людей. Его густые брови, его тонкие подвижные ноздри, его большие карие глаза выражали гордость, мужество и силу. Если на проклятом болоте нас встретит затруднение или опасность, можно, по крайней мере, быть уверенным, что он такой товарищ, для которого стоит идти на риск с уверенностью, что он разделит его.

Поезд остановился у маленькой станции, и мы все вышли. За низкою белою оградой ожидал нас шарабан, запряженный парой жеребцов. Наш приезд составлял, по-видимому, событие, потому что и начальник станции, и носильщики собрались вокруг нас, чтобы вынести наш багаж. Местечко было хорошенькое, но простое, деревенское, и я был удивлен, что у ворот стояли два солдата в темных мундирах; они опирались на короткие винтовки и пристально смотрели на нас, когда мы проходили. Кучер, человек с грубым суровым лицом, поклонился сэру Генри Баскервилю, и, усевшись в экипаж, мы быстро полетели по широкой белой дороге. С обеих

сторон разворачивались пастбища, и старые дома с остроконечными крышами выглядели из-за густой зелени, но за этим мирным, залитым солнцем, пейзажем беспрерывно выделялась пятном на вечернем небе длинная мрачная извилистая полоса болота, перерезанная зубчатыми угрюмыми холмами.

Шарабан повернул на проселочную дорогу, глубоко изрытую колеями, с высокими насыпями по обеим сторонам, поросшими мокрым мохом, жирным папоротником и терновником, многочисленные ягоды которого блестели при свете заходящего солнца. Постоянно подымаясь, мы переехали по узкому гранитному мосту и продолжали путь вдоль шумного потока, который, пенясь и бушуя, стремительно несся между серыми камнями. И дорога и поток шли, извиваясь по долине, густо поросшей старыми дубами и елями. При каждом повороте Баскервиль издавал возглас восхищения, жадно осматривал все кругом и предлагал бесчисленные вопросы. На его взгляд все было красиво, но мне казалось, что на этой местности лежит грустная тень и что она очень резко носит отпечаток печальной поры года. Желтые листья покрывали тропинки и осыпали нас. Шум наших колес заглушался густым слоем гниющей растительности, и я подумал, что грустные дары бросает природа под колеса возвращающегося наследника Баскервильей.

– Это что такое? – воскликнул доктор Мортимер.

Перед нами открылась круглая возвышенность, покрытая вереском, – выдающаяся часть болота. На ее вершине резко и отчетливо, как статуя, выделялся верховой, темный и мрачный, с винтовкою наготове. Он наблюдал за дорогою, по которой мы ехали.

– Что это такое, Перкинс? – спросил доктор Мортимер.

Наш кучер повернулся вполоборота и ответил:

– Из Принцтаунской тюрьмы убежал преступник, сэр. С тех пор прошло уже три дня, и стражи стерегут все дороги и все станции, но не заметили еще никаких следов его. Здешним фермерам это не нравится, сэр, могу вас уверить.

– Но я полагаю, что они получают пять фунтов, если доставят сведения о нем.

– Да, сэр, но возможность получить пять фунтов плохое утешение при возможности, что вам перережут горло. Ведь это не обыкновенный заключенный. Это человек, который ни перед чем не остановится.

– Кто же это такой?

– Это Сельден, ноттингхильский убийца.

Я помнил его дело, потому что им заинтересовался Холмс вследствие

исключительного зверства преступления и бесстыдной грубости, какою были отмечены все действия убийцы. Замена смертной казни заключением произошла вследствие сомнения в здравости его рассудка, настолько поведение его было ужасно. Наш шарабан поднялся на вершину, откуда открылось перед нашими глазами громадное пространство болота, испещренное огромными каменными глыбами и неровными вершинами. С этого болота подул на нас холодный ветер, от которого нас проняла дрожь. Где-то там, на этой мрачной равнине, прячется ужасный человек, зарывшись в нору, как дикий зверь, с сердцем, полным злобы против человечества, изгнавшего его. Недоставало только этого для полноты мрачного впечатления, производимого пустынею, пронизывающим ветром и потемневшим небом. Даже Баскервиль умолк и плотнее завернулся в свое пальто.

Мы оставили за собою плодородную местность. Мы теперь оглядывались на нее, а косые лучи заходящего солнца обращали ручьи в золотые нити, заставляли ярко гореть красную вновь вспаханную землю, и широкую гирлянду лесов. Впереди нас дорога становилась все более мрачною и дикою, проходя над громадными бурыми откосами, осыпанными исполинскими камнями. По временам мы проезжали мимо какого-нибудь коттеджа на болоте с каменными стенами и крышею, без всяких вьющихся растений, которые бы смягчали их резкие очертания. Вдруг мы заглянули в чашеобразное углубление с разбросанными по нем чахлыми дубами и елями, исковерканными и согнутыми многолетними свирепыми бурями. Над деревьями возвышались две узкие башни. Кучер указал на них кнутом и сказал:

– Баскервиль-голл.

Его господин привстал с сиденья: щеки его покраснелись, глаза горели. Через несколько минут мы подъехали к воротам парка, фантастической путанице из железа с изношенными непогодю столбами, покрытыми мохом и увенчанными кабаньими головами из герба Баскервелей. Сторожка представляла собою развалины из черного гранита и стропил, но против нее находилось недостроенное новое здание, первое применение южно-африканского золота, вывезенного сэром Чарльзом.

Мы въехали в аллею, где шум колес был снова заглушен слоем упавших листьев, и старые деревья сходились в виде свода над нашими головами. Баскервиль содрогнулся, когда мы проезжали вдоль длинной темной аллеи, в конце которой смутно вырисовывался, как привидение, дом.

– Это случилось здесь? – спросил он тихим голосом.

– Нет, нет, тисовая аллея находится с другой стороны.

Молодой наследник бросил вокруг себя мрачный взгляд.

– Неудивительно, что дяде чувствовалось не по себе в подобном месте, – сказал он. – Тут всякий будет напуган. Не дальше как через полгода я поставлю ряд электрических фонарей, и вы не узнаете дома, когда подъезд будет освещен лампою Свана и Эдисона в тысячу свечей.

Аллея оканчивалась обширную площадкою, покрытою дерном, и мы увидели дом. При угасающем свете я заметил, что середина его представляла тяжелую мглу, из которой выделялся портик. Весь фасад был покрыт плющом, кое-где прорезанным окном или гербом, слабо светившимся сквозь плющ. От центральной массы подымались две башни, – древние, зубчатые, с множеством бойниц. Справа и слева примыкали к башням более новые пристройки из черного гранита. Из окон с частыми переплетами шел тусклый свет, а из труб на шпилье крутой крыши подымалась единственная струйка дыма.

– Добро пожаловать, сэр Генри! Добро пожаловать в Баскервиль-голл!

Из тени портика выступил высокий мужчина и открыл дверцу шарабана. На желтой стене передней проектировался женский силуэт. Она вышла и помогла мужчине забрать наш багаж.

– Не отпустите ли вы меня прямо домой, сэр Генри? – спросил доктор Мортимер. – Жена ожидает меня.

– Разве вы не пообедаете с нами?

– Нет, мне нужно ехать. По всей вероятности, меня дома ждет работа. Я бы остался, чтобы показать вам дом, но Барримор сделает это лучше меня. Прощайте и никогда не бойтесь посылать за мною днем ли, ночью ли, когда бы я ни понадобился.

Шум колес заглох вдали аллеи, пока сэр Генри и я вошли в переднюю, и дверь подъезда тяжело захлопнулась за нами. Мы очутились в красивом помещении, просторном, высоком, с тяжелым потолком из старого черного дуба. В большом, старинной постройки, камине трещал огонь. Сэр Генри и я протянули к нему руки, так как они у нас онемели от продолжительной езды. Затем мы осмотрелись кругом, – на высокие узкие окна со старыми мутными стеклами, на дубовые стены, на кабаньи головы, на гербы; все это было мрачно при тусклом освещении висевшей по середине комнаты лампы.

– Все здесь имеет совершенно такой вид, как я себе представлял, – сказал сэр Генри. – Не находите ли вы, что это типичный дом древнего рода? Подумать только, что в этом самом зале жили кровные мои пятьсот лет назад! Эта мысль порождает во мне какую-то торжественность.

Я видел, как загорелое лицо сэра Генри просияло детским восторгом. Он стоял посреди комнаты, и свет падал прямо на него, но от стен тянулись длинные тени, покрывавшие его как бы балдахин. Барримор, отнесший багаж в наши комнаты, вернулся. Он стоял перед нами в почтительной позе хорошо воспитанного слуги. Наружность его была замечательная; он был высок, красив, с черною бородою, ровно остриженной, и бледными тонкими чертами.

– Желаете ли вы, сэр, чтобы обед был тотчас же подан?

– Разве он готов?

– Он будет готов через несколько минут. В своих комнатах вы найдете теплую воду. Жена и я будем счастливы, сэр Генри, остаться у вас, пока вы не сделаете новых распоряжений, но вы, конечно, понимаете, что при новых условиях дом этот потребует значительного штата.

– Какие новые условия?

– Я хотел сказать, сэр, что сэр Чарльз вел очень уединенную жизнь, и мы были в состоянии исполнять его требования. Вы же, естественно, захотите видеть у себя более многочисленное общество, а потому вам потребуется иного рода домашнее хозяйство.

– Неужели вы и жена ваша хотите уйти от меня?

– Если и это не причинит вам неудобства.

– Но ведь ваше семейство жило у нас в продолжение нескольких поколений, не правда ли? Мне будет очень больно начать здесь свою жизнь разрывом старой семейной связи.

Мне показалось, что бледное лицо дворецкого выразило некоторое волнение.

– И мы с женой чувствуем то же самое, сэр. Но, по правде сказать, мы оба были очень привязаны к сэру Чарльзу; смерть его нанесла нам удар и сделала очень тяжелым пребывание в этих стенах. Я боюсь, что мы уже никогда не будем чувствовать себя хорошо в Баскервиль-голле.

– Что же вы намерены делать?

– Я не сомневаюсь, сэр, что нам удастся предпринять какое-нибудь дело. Щедрость сэра Чарльза дала нам на это возможность. А теперь, сэр, может быть, лучше будет показать вам ваши комнаты?

Вокруг верхней части древнего вестибюля шла галерея с перилами, и к ней примыкала двойная лестница. От этого центрального пункта во всю длину строения шли два длинных коридора, на которые выходили все спальни. Моя и сэра Генри спальни находились в одном и том же флигеле и были почти смежными. Эти комнаты казались гораздо более современными, чем центральная часть дома; светлые обои и

многочисленные свечи несколько рассеяли мое первое мрачное впечатление.

Но столовая, выходящая в вестибюль, была мрачным и печальным местом. Это была длинная комната, разделенная уступом на эстраду, на которой сживала семья, и на более низкую часть, где размещались подчиненные. На одном ее конце были хоры для музыкантов. Над нашими головами тянулись черные балки с закоптелым потолком над ними. Ряд ослепительных факелов и грубое веселье пиров старого времени, может быть, и смягчали угрюмый вид этой комнаты. Но теперь, когда двое мужчин в черном сидели при слабом освещении лампы с абажуром, поневоле хотелось говорить шёпотом, и чувствовалось угнетенное состояние. Мрачный ряд предков во всевозможных одеяниях, начиная от елизаветинского рыцаря, кончая щеголем времен регентства, смотрели на нас и наводили жуткое чувство своим молчаливым сообществом. Мы не много говорили, и я был рад, когда окончился наш обед, и мы могли уйти в более современную биллиардную и выкурить там папироску.

— Поистине не очень-то это весёлое место, — сказал сэр Генри. — Полагаю, что со временем можно настолько опуститься, чтобы примириться с ним, но теперь я чувствую себя неподходящим для него. Я не удивляюсь, что мой дядя немного свихнулся, если он жил в одиночестве в этом доме. Однако же, если вы ничего не имеете против, мы разойдемся пораньше сегодня, и авось завтра утром предметы покажутся нам более веселыми.

Я раздвинул занавеси, прежде чем лечь в постель, и посмотрел в окно. Оно выходило на зеленую лужайку у подъезда. За нею две группы деревьев шумели и раскачивались поднявшимся ветром. Серп луны выглядывал из-за бегущих облаков. При его холодном свете я увидел за деревьями ломаную линию скал и длинную, низкую впадину угрюмого болота. Я спустил занавеси, почувствовав, что мое последнее впечатление было не лучше первых.

А между тем оно было не самым последним. Я был утомлен, а спать мне не хотелось. Я ворочался с боку на бок, призывая сон, который не приходил. Где-то далеко куранты проббили четверти, и, за исключением этого звука, старый дом был погружен в гробовое молчание. И вдруг, среди полной тишины, я услышал звук, ясный, отчетливый и безошибочный. Это было рыдание женщины, заглушенный, подавленный стон человека, терзаемого непреодолимым горем. Я сел на постели и стал напряженно слушать. Звук этот раздался вблизи и, конечно, был издан в самом доме. Я ожидал в продолжение получаса, все нервы мои были натянуты, но не

услыхал ничего, кроме курантов и шелеста плюща на стене.

VII. Стапльтоны из Меррипит-гауза

Свежая красота следующего утра несколько изгладила мрачное впечатление, произведенное на нас первым знакомством с Баскервиль-голлем. Когда сэр Генри и я сидели за завтраком, солнечный свет врывается потоками через высокие окна и, проходя сквозь покрывавшие их гербы, бросал на пол разноцветные пятна. Темные стены, отражая золотистые лучи, казались бронзовыми, и трудно было представить себе, что мы сидим в той самой комнате, которая накануне вечером так угнетающе подействовала на нас.

– Я думаю, – сказал баронет, – что вина лежала в нас самих, а не в доме. Мы устали от путешествия, прозябли и потому были склонны видеть все в мрачном свете. Теперь же мы освежились, чувствуем себя хорошо, и все стало весело вокруг нас.

– А между тем нельзя приписать все воображению, – возразил я. – Не слышали ли вы, например, как кто-то (женщина, полагаю я) рыдал ночью?

– Это любопытно, потому что и мне, когда я начал дремать, послышалось что-то в этом роде. Я долго прислушивался, но так как звук не повторился, то решил, что видел сон.

– А я его слышал совершенно ясно и уверен, что это рыдала женщина.

– Следует тотчас же это выяснить.

Сэр Генри позвонил и спросил Барримора, не может ли он объяснить слышанное нами. Мне показалось, что бледное лицо дворецкого еще более побледнело, когда он услышал вопрос своего хозяина.

– В доме, сэр Генри, только две женщины, – ответил он. – Одна – судомойка, но она спит в другом флигеле, другая – моя жена, и я отвечаю за то, что она не плакала.

А между тем он лгал, потому что после завтрака я встретил миссис Барримор в длинном коридоре, причем солнце прямо освещало ее лицо. Это была большая, с виду равнодушная, тяжеловесная женщина с установившимся строгим выражением рта. Но много говорившие глаза ее были красны, и она бросила на меня взгляд из-за распухших век. Так, значит, ночью плакала она, и в таком случае муж ее должен был это знать. А между тем он взял на себя очевидный риск скрыть это обстоятельство. Зачем он это сделал? И почему она так горько плакала? Вокруг этого бледного, красивого мужчины уже скопилась таинственная и мрачная атмосфера. Он первый увидал тело сэра Чарльза, и только от него одного

были известны все обстоятельства, сопровождавшие смерть старика. В конце концов возможно, что человек, которого мы видели в кэбе на Реджент-стрите, был Барримор. Борода могла быть его собственная. Из описания извозчика выходило, что его седок был несколько ниже ростом, но это впечатление могло быть ошибочным. Как решить этот вопрос? Очевидно было, что прежде всего следовало повидать гримпенского почтмейстера и узнать, была ли вручена самому Барримору проверочная телеграмма. Какой бы я ни получил ответ, мне будет, по крайней мере, что донести Шерлоку Холмсу.

После завтрака сэру Генри нужно было рассмотреть различные бумаги, а потому время было самое благоприятное для моей экскурсии. Мне пришлось совершить приятную прогулку в четыре мили по краю болота, и я дошел до маленькой серой деревушки, в которой возвышались над другими строениями трактир и дом доктора Мортимера. Почтмейстер, бывший одновременно и сельским лавочником, хорошо помнил телеграмму.

— Конечно, сэр, — сказал он, — я переслал телеграмму мистеру Барримору в точности, как было указано.

— Кто относил ее?

— Мой мальчик. Джэмс, ты относил на прошлой неделе телеграмму мистеру Барримору в голль, не правда ли?

— Я, отец.

— И отдал ее ему в руки? — спросил я.

— Он был тогда на чердаке, так я не мог отдать телеграмму ему в руки, но миссис Барримор обещала тотчас же передать ее.

— Видели ли вы мистера Барримора?

— Нет, сэр. Говорю вам, что он был на чердаке.

— Если вы его не видали, почему же вы знаете, что он был на чердаке?

— Боже мой, да его же собственная жена должна была знать, где он находится, — сказал почтмейстер недовольным тоном. — Разве он не получил телеграммы? Если произошла какая-нибудь ошибка, то жаловаться должен сам мистер Барримор.

Безнадежным казалось продолжать далее мое следствие, но ясно было одно, что, несмотря на хитрость Холмса, мы не имели никаких доказательств тому, что Барримор не ездил тогда в Лондон. Предположим, что он ездил, предположим, что тот же самый человек последний видел сэра Чарльза в живых и первый следил за новым наследником, как только он приехал в Англию. Что же из этого следует? Был ли он агентом других или же у него у самого были какие-нибудь злые умыслы? Какой ему

интерес преследовать род Баскервильей? Я думал о странном предостережении, составленном из слов передовой статьи «Таймса». Было ли это его делом или, может быть, кого-нибудь другого, кто хотел противодействовать его планам? Единственным понятным мотивом для его действий было бы то, что высказал сэр Генри, а именно напугать Баскервиля так, чтобы он не приезжал в свои владения, и в таком случае Барриморам было бы обеспечено удобное и постоянное место жительства. Но такая точка зрения совершенно не могла объяснить, почему понадобились столь тонкие махинации, которыми, как невидимую сеть, был окружен молодой баронет. Сам Холмс сказал, что ему не случалось встречать во время своих многочисленных сенсационных расследований более сложного случая. Идя по серой пустынной дороге, я молил Бога, чтобы мой друг поскорее освободился от своих дел и приехал снять со моих плеч тяжелую ответственность.

Вдруг мои думы были прерваны звуком быстрых шагов и голосом, зовущим меня по имени. Я обернулся, ожидая увидеть доктора Мортимера, но, к удивлению своему, убедился, что за мною бежит совершенно незнакомый человек. То был небольшого роста, худой, гладко выбритый мужчина, с белокурыми волосами и впалыми щеками, лет от тридцати до сорока, в сером костюме и соломенной шляпе. У него через плечо висела жестяная ботаническая коробка, а в руке была зеленая сетка для ловли бабочек.

– Я уверен, доктор Ватсон, что вы извините мне мою смелость, – сказал он, когда, запыхавшись, добежал до меня. – Мы здесь на болоте люди простые и не ждем формальных представлений. Вы, может быть, слышали мое имя от нашего общего друга, доктора Мортимера. Я Стапльтон из Меррипит-гауза.

– Я бы узнал вас по сетке и ящичку, – ответил я, – потому что мне известно, что мистер Стапльтон натуралист. Но как вы узнали меня?

– Я был у Мортимера, и он указал мне на вас из окна своей операционной комнаты. Так как нам с вами по пути, то я решил вас догнать и представиться вам. Надеюсь, что сэр Генри не чувствует себя хуже после путешествия?

– Он чувствует себя очень хорошо, благодарю вас.

– Мы все боялись, что после трагической смерти сэра Чарльза новый баронет не захочет жить здесь. Нельзя требовать от богатого человека, чтобы он похоронил себя в таком месте, но нечего говорить, что если он поселится здесь, то принесет большую пользу стране. Полагаю, что сэр Генри не одержим никакими суеверными страхами?

– Не думаю, чтобы это могло быть.
– Вам, конечно, знакома легенда о вражеской собаке, преследующей род Баскервилей?

– Слышал о ней.
– Удивительно, насколько легковверны здешние крестьяне. Некоторые готовы поклясться, что видели подобную тварь на болоте.

Он говорил с улыбкою, но мне казалось по его глазам, что он смотрит на дело серьезнее, чем хочет это показать.

– История эта сильно подействовала на воображение сэра Чарльза, и я не сомневаюсь, что она была причиною его трагической смерти.

– Но каким образом?
– Его нервы были настолько напряжены, что появление какой бы то ни было собаки могло произвести роковое действие на его больное сердце. Я думаю, что он в самом деле видел что-нибудь в этом роде в тисовой аллее в последнюю свою ночь. Я опасался несчастья, потому что очень любил старика и знал, что сердце его слабо.

– Почему вы это знали?
– От друга моего Мортимера.
– Так вы думаете, что какая-нибудь собака преследовала сэра Чарльза, и что он вследствие этого умер от страха?

– А вы можете объяснить его смерть как-нибудь иначе?
– Я не пришел еще ни к какому заключению.
– А мистер Шерлок Холмс?

От этих слов дыхание остановилось у меня в груди, но, взглянув на спокойное лицо и немигающие глаза своего спутника, я увидел, что у него не было никакого намерения заставить меня врасплох.

– Бесплезно нам, доктор Ватсон, притворяться, что мы вас не знаем, – сказал он. – Отчеты о вашем сыщике дошли до нас, и вы не могли его восхвалять без того, чтобы не сделаться самому известным. Когда Мортимер назвал мне вас, он не мог отрицать подлинности вашей личности. Если вы здесь, значит, мистер Шерлок Холмс заинтересован этим делом, и естественно, что мне любопытно узнать, какого он держится мнения.

– Опасаюсь, что я не в состоянии ответить на этот вопрос.
– Смею я вас спросить, сделает ли он нам честь своим личным присутствием?

– В настоящее время он не может покинуть Лондона. Его внимание поглощено другими делами.

– Какая жалость! Он мог бы пролить некоторый свет на то, что так

темно для нас. Что же касается ваших расследований, то если каким-нибудь образом я могу быть вам полезен, то, надеюсь, вы будете располагать мною. Если бы я имел некоторые указания на свойства ваших подозрений или на способ, каким вы полагаете вести свои расследования, то, может быть, я и в настоящую минуту мог бы оказать вам помощь или подать совет.

– Уверяю вас, что я здесь просто в гостях у своего друга сэра Генри и не нуждаюсь ни в какой помощи.

– Прекрасно! Вы совершенно правы, желая быть осторожным и сдержанным. Я поделом проучен за то, что считаю непростительной навязчивостью, и обещаю вам больше не упоминать об этом деле.

Мы дошли до пункта, где узкая поросшая травой тропинка, отделившись от дороги, вилась по болоту. Вдали поднимался крутой холм, усыпанный валунами; с правой стороны он был в далеком прошлом изрыт каменоломнями, а передней своей стороной смотрел на нас темным утесом, поросшим по скважинам папоротником и терновником. Из-за дальней вершины вилась серая струйка дыма.

– Несколько шагов по этой болотной тропинке, и мы в Меррипитгаузе, – сказал Стапльтон. – Не пожертвуете ли вы часом своего времени, чтобы я мог иметь удовольствие представить вас своей сестре?

Моею первою мыслью было, что я должен быть возле сэра Генри. Но я вспомнил о кипах бумаг и счетов, которыми был усеян его стол. Уже наверное он не нуждался в моей помощи для их разбора. А Холмс настоятельно просил меня изучить соседей на болоте. Я принял приглашение Стапльтона, и мы свернули на тропинку.

– Удивительное место это болото, – говорил он, оглядывая кругом волнистую поверхность – длинные зеленые гряды с гребнями зубчатого гранита, подымавшимися в виде фантастических пенящихся волн. – Болото никогда не может надоесть. Вы не можете себе представить, какие удивительные тайны оно хранит. Оно так обширно, так пустынно и так таинственно.

– Так оно, значит, хорошо вам знакомо?

– Я живу здесь только два года. Местные жители назовут меня пожалуй новопришельцем. Мы приехали сюда вскоре после того, как поселился здесь сэр Чарльз. Но, подчиняясь своим вкусам, я исследовал всю страну и думаю, что немногие знают ее лучше меня.

– Разве ее так трудно изучить?

– Очень трудно. Посмотрите, например, на большую плоскость на север от нас с причудливыми холмами, как бы выступающими из нее. Вы

ничего не находите в ней замечательного?

– Это редкое место для хорошего галопа.

– Естественно, что вы так думаете, а такое мнение стоило людям жизни. Видите вы эти яркие зеленые пятна, разбросанные по ней...

– Да, они имеют вид более плодородных мест.

Стапльтон рассмеялся.

– Это большая Гримпенская трясина, – сказал он. – Неверный шаг, и человеку ли, животному ли – смерть. Еще вчера я видел, как одна из болотных лошадок пропала в ней. Я долго видел ее голову, высывавшуюся из болота, но в конце концов оно засосало и ее. В сухое даже время тут опасно проходить, а после осенних дождей это ужасное место. Между тем я могу добраться до самой середины этой трясины и вернуться оттуда живым и невредимым. О Боже, вот еще одно из этих несчастных пони!

Что-то бурое каталось и подпрыгивало в зеленой осоке. Затем показалась вытянутая вверх и судорожно корчившаяся шея, и над болотом пронесся страшный предсмертный стон. Я похолодел от ужаса, но нервы моего спутника были, по-видимому, сильнее моих.

– Исчезла! – сказал он, – трясина поглотила ее. Две лошади в два дня, а может быть и гораздо более, потому что они в сухое время привыкают ходить туда и только тогда узнают об опасности, когда трясина завладеет ими. Да, скверное место большая Гримпенская трясина!

– И вы говорите, что можете ходить по ней?

– Да, есть одна или две тропинки, по которым может пробежать очень ловкий человек. Я их нашел.

– Но зачем вам ходить в такое отвратительное место?

– Видите вы там вдаль эти холмы? Они представляют собою острова, окруженные со всех сторон бездушной трясиной, медленно подползшей к ним в течение многих годов. На этих холмах находятся редкие растения и бабочки, и надо уметь добраться до них.

– Я когда-нибудь попробую свое счастье.

Он посмотрел на меня с удивлением.

– Бога ради выкиньте из головы такую мысль! Ваша кровь падет на мою голову. Уверяю вас, что вы не имели бы ни малейшего шанса вернуться оттуда живым. Я могу добраться туда только при помощи запоминания очень сложных примет.

– Это что такое?! – воскликнул я. По болоту пронесся протяжный низкий стон, невыразимо печальный. Он наполнил воздух, а между тем невозможно было сказать, откуда он исходит. Начался он грустным

шёпотом и возрос до низкого рева, а затем снова затих в тихом меланхолическом звуке. Стапльтон посмотрел на меня с выражением любопытства на лице.

– Странное место болото, – сказал он.

– Да что же это такое?

– Крестьяне говорят, что это Баскервильская собака требует своей добычи. Я раза два слышал этот звук, но не так громко, как сегодня.

Я с дрожью в сердце посмотрел на громадную равнину, испещренную зелеными пятнами. Ничто не шевелилось на этом обширном пространстве, за исключением двух ворон, громко каркавших на одной из вершин позади нас.

– Вы человек образованный, – сказал я. – Не верите же вы такой бессмыслице? Как вы думаете, какая причина такого странного звука?

– Болота издают иногда необычайные звуки. Происходят они или от того, что земля садится, или от того, что вода поднимается, а может быть и от чего-нибудь другого.

– Нет, нет, это был живой голос.

– Может быть. Слыхали вы когда-нибудь, как ревет выпь?

– Нет, никогда.

– Это очень редкая птица, исчезнувшая ныне из Англии, но на болоте все возможно. Да, я бы не удивился, если бы оказалось, что слышанный нами звук был рев последней выпы.

– Это самый странный звук, какой я когда-либо слыхал в жизни.

– Да, во всяком случае, это необыкновенное место. Посмотрите на тот склон холма. Что вы о нем думаете?

Весь крутой склон был покрыт серыми каменными кругами; их было по крайней мере штук двадцать.

– Что это такое? Ограды для овец?

– Нет, это жилища наших почтенных предков. Доисторические люди густо населяли болото, и так как никто с тех пор не живет здесь, то мы находим нетронутыми все их приспособления к жизни. Это их вигвамы, с которых снесли крыши. Вы можете даже увидеть их очаги и лежа, если полюбуетесь войти туда.

– Но ведь это целый город. Когда и кем он был населен?

– Неолитическим человеком. Время неизвестно.

– Что он делал?

– Он пас свои стада на этих склонах и научился раскапывать олово, когда медный меч начал заменять каменную секиру. Посмотрите на эту большую выемку. Это его работа. Да, доктор Ватсон, вы найдете много

любопытного на болоте. Ах, простите меня! Это наверное циклопида.

Через тропинку перелетела муха или моль, и в один момент Стапльтон бросился за нею с необыкновенною энергиею и быстротою. К ужасу моему, насекомое летело прямо по направлению к трясине, но мой новый знакомый, не останавливаясь, прыгал за нею с кочки на кочку, и в воздухе развеивалась его зеленая сетка. Серый костюм и неправильные зигзаги прыжков делали его самого похожим на гигантскую моль. Я стоял, пристально следя за его охотою с чувством восхищения перед его необыкновенной ловкостью и страха, что он может оступиться на предательской трясине, как вдруг услышал за собою шаги и, обернувшись, увидел возле себя на тропинке женщину. Она пришла с той стороны, где струйка дыма указывала на местоположение Меррипит-гауза, но неровности болота скрывали ее, пока она не подошла совсем близко.

Я не сомневался ни одной минуты в том, что это – мисс Стапльтон, о которой мне говорили, так как на болоте должно было быть немного дам, и я помнил, что кто-то описывал ее как красавицу. И действительно, подошедшая ко мне женщина была красавица самого необыкновенного типа. Нельзя себе представить большого контраста, чем тот, который существовал между братом и сестрою: Стапльтон был бесцветен, с светлыми волосами и серыми глазами, она же – более темная брюнетка, чем те, которых случается встречать в Англии, стройная, изящная и высокая. У нее было гордое лицо с тонкими чертами, до того правильными, что они казались бы невыразительными, если бы не чувственный ротик и чудные, темные, живые глаза. Эта совершенная фигурка в изящном наряде была странным явлением на пустынной болотной тропинке. Когда я обернулся, она смотрела на брата, но затем быстро подошла ко мне. Я приподнял шляпу, желая объяснить ей свое присутствие, как вдруг ее слова обратили мои мысли по совершенно иному направлению.

– Уезжайте! – сказала она. – Возвращайтесь прямо в Лондон, немедленно!

Я мог только смотреть на нее с глупым недоумением. Ее глаза горели, и она нетерпеливо ударяла ногою о землю.

– Зачем мне возвращаться? – спросил я.

– Я не могу этого объяснить.

Она говорила горячо, низким голосом и как-то оригинально картавя.

– Но, Бога ради, сделайте то, о чем я прошу. Уезжайте, и чтобы никогда больше ноги вашей не было на болоте.

– Но я только что приехал.

– Мужчина! мужчина! – воскликнула она. – Неужели вы не способны

понять, когда предостережение делается для вашего же добра? Возвращайтесь в Лондон! Уезжайте сегодня же. Бросьте это место во что бы то ни стало! Тс! мой брат возвращается. Ни слова о том, что я сказала. Не сорвете ли вы для меня этот цветок там в хвое? У нас на болоте очень много этого вида цветов, хотя, конечно, вы опоздали для того, чтобы любоваться красотами этой местности.

Стапльтон бросил свою охоту и вернулся к нам красный и запыхавшийся.

– А, Бериль! – произнес он, и мне показалось, что его приветствие было далеко не сердечным.

– Ах, Джэк, как ты разгорячился!

– Да, я охотился за циклопидой. Они очень редки, и их трудно увидеть поздней осенью. Как жаль, что я упустил ее!

Он говорил беззаботным тоном, но его маленькие, светлые глазки беспрестанно перебегали с девушки на меня.

– Я вижу, что вы уже познакомились.

– Да. Я говорила сэру Генри, что теперь уже поздно для того, чтобы любоваться истинными красотами болота.

– Что такое? За кого ты его принимаешь?

– Я думаю, что это должен быть сэр Генри Баскервиль.

– Нет, нет, – сказал я. – Я простой смертный, но его друг. Я доктор Ватсон.

Краска досады залила ее выразительное лицо.

– Наш разговор был сплошным недоразумением, – сказала она.

– У вас немного было времени для разговора, – заметил ее брат с тем же вопросительным выражением в глазах.

– Я говорила с доктором Ватсоном, как с постоянным жителем, а не как с приезжим, – ответила она. – Какое ему дело до того, рано или поздно он приехал для того, чтобы видеть эти цветы. Но вы пойдете с нами в Меррипит-гауз, не правда ли?

Мы скоро дошли до мрачного дома, бывшего когда-то, в более цветущие времена, фермой, но теперь перестроенного в современное жилище. Его окружал фруктовый сад, но плодовые деревья, как и все прочие на болоте, были чахлы и малорослы. Все это место вообще производило впечатление какой-то скудости и печали. Нас принял странный, высохший, одетый по-деревенски, старый слуга, совершенно подходивший своим обликом к дому. Но внутри большие комнаты были меблированы с изяществом, изобличавшим вкус хозяйки. Когда я посмотрел в окно на беспредельное болото, усеянное камнями,

однообразно тянувшееся до далекого горизонта, то не мог не задать себе вопроса, что заставило этого высокообразованного мужчину и эту красавицу жить в таком месте.

– Оригинальное мы выбрали место для жизни, не правда ли? – спросил Стапльтон как бы в ответ на мои мысли. – А между тем нам удастся чувствовать себя счастливыми, не правда ли, Бериль?

– Совершенно счастливыми, – подтвердила она, но в словах ее не слышалось уверенности.

– У меня была школа, – сказал Стапльтон. – Это было на севере. Работа в ней была слишком механической и неинтересной для человека с моим темпераментом, но возможность жить с молодежью, формировать юные души, класть на них отпечаток своего характера и внушать им свои идеалы была дорога для меня. Но судьба вооружилась против нас. В школе открылась серьезная эпидемическая болезнь, и трое мальчиков умерло от нее. Школа не могла снова подняться после такого удара, и большая часть моего капитала безвозвратно погибла. И все-таки, если бы только не потеря прелестного сообщества мальчиков, я мог бы радоваться своему собственному несчастью, потому что при моей сильной любви к ботанике и зоологии я нахожу здесь безграничное поле для работы; а сестра моя такая же поклонница природы, как и я. Все это вы должны были выслушать, доктор Ватсон, благодаря тому выражению, с каким вы смотрели из нашего окна на болото.

– Мне, конечно, должно было прийти в голову, что здесь немного тоскливо и не столько, может быть, для вас, сколько для вашей сестры.

– Нет, нет, я никогда не тоскую, – быстро возразила она.

– У нас книги, занятия, и мы имеем интересных соедей. Доктор Мортимер в высшей степени сведущий человек в своей специальности. Бедный сэр Чарльз также был восхитительным товарищем. Мы хорошо знали его, и нам так недостает его, что я и выразить не могу. Как вы думаете, не будет ли навязчивостью с моей стороны, если я сегодня сделаю сэру Генри визит, чтобы познакомиться с ним?

– Я уверен, что он будет в восторге.

– Так, может быть, вы предупредите его о моем намерении. При наших скромных средствах мы, может быть, в состоянии будем облегчить ему несколько жизнь, пока он не привыкнет к новой среде. Не желаете ли вы, доктор Ватсон, пойти наверх и взглянуть на мою коллекцию чешуекрылых? Я думаю, что это самая полная коллекция во всей юго-западной Англии. Пока вы будете осматривать ее, подоспеет завтрак.

Но я спешил вернуться к своим обязанностям. Меланхолический вид

болота, смерть несчастного пони, сверхъестественный звук, связанный с мрачною Баскервильскою легендою, все это придавало печальный оттенок моим мыслям. Затем последнюю каплю к этим более или менее неопределенным впечатлениям явилось определенное и ясное предостережение мисс Стапльтон, высказанное с такою серьезностью, что я не мог сомневаться в том, что она сделала это, имея очень глубокое основание. Я устоял против всех уговоров остаться завтракать и тотчас отправился домой по той же поросшей травой тропинке, по которой пришел сюда.

Но, по-видимому, была другая, более прямая дорожка, потому что не успел я дойти до дороги, как был поражен, увидев, что мисс Стапльтон сидит тут на камне. Лицо ее было еще красивее от разлившейся по нем краски, и она держала руку у сердца.

– Я всю дорогу бежала, чтобы перехватить вас, доктор Ватсон, – сказала она. – Я не имела даже времени надеть шляпку. Мне нельзя долго оставаться, не то брат хватится меня. Я хотела вам сказать, как я огорчена своею глупою ошибкою. Пожалуйста, забудьте мои слова, не имеющие никакого отношения к вам.

– Я не могу их забыть, мисс Стапльтон. Я друг сэра Генри, и его благополучие очень близко касается меня. Скажите мне, почему вам так хотелось, чтобы сэр Генри вернулся в Лондон?

– Женский каприз, доктор Ватсон. Когда вы лучше узнаете меня, то поймете, что я не всегда могу объяснить то, что говорю или делаю.

– Нет, нет. Я помню дрожание вашего голоса. Пожалуйста, прошу вас, мисс Стапльтон, будьте откровенны со мною, потому что с тех пор, как я здесь, я чувствую, что вокруг меня сгущаются тени. Жизнь стала походить на эту большую Гримпенскую трясиину с зелеными пятнами повсюду, в которые можно погрузиться, не имея путеводителя, готового указать верную дорогу. Скажите же мне, что у вас было на уме, и я обещаю вам передать ваше предостережение сэру Генри.

Выражение нерешительности пробежало по ее лицу, но взгляд ее снова стал жестким, когда она мне ответила:

– Вы придаете слишком большое значение моим словам, доктор Ватсон. Мой брат и я были очень потрясены смертью сэра Чарльза. Мы были очень близки ему, и его любимую прогулку была дорога через болото к нашему дому. На него произвело сильное впечатление проклятие, тяготеющее над его родом, и когда произошла его трагическая смерть, я естественно почувствовала, что должны быть основания тому страху, который он выражал. Поэтому я была в отчаянии, что другой член семьи

приехал, чтобы поселиться здесь, и сознавала, что его следует предостеречь против опасности, которой он подвергается. Вот и все, что я хотела сообщить.

– Но какого рода опасность?

– Вы знаете историю о собаке?

– Я не верю таким глупостям.

– А я верю. Если вы имеете какое-нибудь влияние на сэра Генри, то увезите его с места, которое было всегда роковым для его рода. Мир велик. Зачем ему желать жить в опасном месте?

– Потому что это опасное место. Таков характер сэра Генри. Я боюсь, что если вы не дадите мне более определенных сведений, то я не в состоянии буду увезти его отсюда.

– Я ничего не могу сказать определенного, потому что ничего определенного не знаю.

– Позвольте мне, мисс Стапльтон, предложить вам еще один вопрос. Если вы ничего иного не хотели сказать, то почему же вы не желали, чтобы ваш брат слышал вас? Тут ничего нет такого, против чего мог бы восстать он или кто бы то ни было другой.

– Мой брат страстно желает, чтобы голль был обитаем, так как он думает, что это было бы на благо бедному народу, живущему на болоте. Он очень будет недоволен, если узнает, что я сказала что-нибудь, могущее заставить сэра Генри уехать отсюда. Но теперь я исполнила свой долг и не скажу больше ничего. Мне нужно вернуться домой, иначе он хватится меня и заподозрит, что я виделась с вами. Прощайте!

Она повернулась и в несколько секунд исчезла между разбросанными камнями, пока я, угнетенный неопределенными страхами, продолжал свой путь в Баскервиль-голль.

VIII. Первое донесение доктора Ватсона

С этого времени я буду следовать за течением событий, переписывая свои же письма к мистеру Шерлоку Холмсу, которые лежат перед мною на столе. Одной страницы недостает, все же остальные точно переписаны и передают более подробно мои чувства и подозрения (имевшие место в то время), чем могла бы это сделать моя память, как она ни ясна относительно этих трагических происшествий.

Баскервиль-голь, октября 13-го.

«Дорогой Холмс, из моих прежних писем и телеграмм вы хорошо ознакомлены со всеми событиями, имевшими место в этом из всего мира самом забытом Богом уголке. Чем дольше здесь живешь, тем глубже проникает в душу дух болота, со всею его обширностью и мрачною прелестью. Раз вы попали на него, вы оставили за собою всякий след современной Англии и видите повсюду жилища и работу доисторического человека. Со всех сторон рассеяны вокруг вас его дома, его могилы и громадные монолиты, указывающие, как предполагают, место нахождения его храмов. Смотря на серые каменные хижины, торчащие на склонах холмов, вы забываете о своем времени, и если бы из-под низкой двери выполз волосатый человек, одетый в звериные шкуры, и натянул бы на свой лук стрелы с кремневым наконечником, то вы почувствовали бы, что его присутствие здесь гораздо более естественно, чем ваше. Странно то, что столь бесплодная местность была так густо населена. Я не археолог, но думаю, что то была не воинственная, разоренная раса, которая принуждена была принять то, что другие отказывались занимать.

Однако же все это не относится к моей миссии, и очень неинтересно для вашего строго практического ума. Я помню ваше полное равнодушие к тому – солнце ли движется вокруг земли или земля вокруг солнца. А потому вернемся к фактам, касающимся сэра Генри Баскервиля.

Я не посылал вам за последние дни никакого донесения, потому что до сегодняшней ночи не произошло ничего, стоящего донесения. Сегодня же случилось очень удивительное обстоятельство, о котором я вам сообщу в свое время. Но прежде всего я должен ознакомить вас с некоторыми другими факторами положения.

Один из них, о котором я говорил очень мало, – беглый преступник. Есть полное основание полагать, что он совсем ушел из этой местности, что составляет большое облегчение для одиноких хозяев на болоте. Прошло две недели со времени его бегства из тюрьмы, и с тех пор ничего не было слышно о нем. Совершенно непостижимо, чтобы он мог так долго продержаться на болоте. Конечно, что касается до возможности скрываться, то в этом он не мог найти затруднения. Каждая каменная хижина могла служить ему убежищем. Но на болоте решительно нечего есть, разве что только он поймал и убил одну из пасущихся овец. Поэтому мы думаем, что он ушел, и фермеры стали от этого спать крепче.

В нашем доме нас четверо сильных мужчин, так что мы можем позаботиться о себе, но признаюсь, что мне бывало жутко, когда я думал о Стапльтонах. Они живут на много миль от всякой помощи. В их доме одна девушка, один старый слуга, сестра и брат – не очень сильный мужчина. Они оказались бы беспомощными в руках всякого отчаянного молодца, как этот ноттинггильский преступник, если бы ему удалось проникнуть к ним. Сэр Генри и я приняли участие в их положении и подали мысль, чтобы конюх Перкинс ходил туда ночевать, но Стапльтон и слышать не хотел об этом.

Дело в том, что наш друг баронет начинает сильно интересоваться красивою соседкою. Этому нечего удивляться, потому что время тянется тоскливо в этом пустынном месте для такого деятельного человека, а она обворожительная красавица. В ней есть что-то трагическое и экзотическое, что составляет удивительный контраст с ее холодным и бесчувственным братом, однако же, и в нем можно подозревать скрытый огонь. Он несомненно имеет очень заметное влияние на нее; я видел, как она, разговаривая, постоянно взглядывала на него, как бы ища его одобрения тому, что сказала. Надеюсь, что он добр к ней. Какой-то сухой блеск его глаз и твердая складка тонких губ доказывают положительный, а может быть и грубый характер. Вы бы нашли его интересным субъектом для изучения.

Он в первый же день навестил Баскервиля, а на другое утро повел нас на то место, где произошли, как предполагается, события, рассказанные легендой о злом Гюго. Мы шли несколько миль по болоту и дошли да такого мрачного места, что оно само по себе могло внушить эту историю. Мы увидели короткую долину между скалами, примыкающую к открытому зеленому пространству, покрытому белым жабником. Посредине этого пространства торчало два больших камня, обостренные кверху в виде громадных клыков какого-нибудь чудовищного животного. Как бы то ни

было, это место вполне соответствовало сцене древней трагедии. Сэр Генри сильно заинтересовался и не раз допрашивал Стапльтона, верит ли он в возможность вмешательства сверхъестественных сил в людские дела. Он говорил как бы шутя, но очевидно было, что настроение его серьезное. Стапльтон отвечал очень сдержанно, но не трудно было заметить, что он говорит менее, чем мог бы сказать, и что он не хочет выразить вполне свое мнение из уважения к чувствам баронета. Он рассказывал о подобных же случаях, когда целые семейства страдали от какого-нибудь злого влияния, и мы сохранили от его слов такое впечатление, что он разделяет народное поверие о собаке.

На возвратном пути мы завтракали в Меррипит-гаузе, и тут сэр Генри познакомился с мисс Стапльтон. С первого же момента, как только взглянул на нее, он, по-видимому, был сильно ею увлечен и, если я не ошибаюсь, чувство это было взаимным. Он часто заговаривал о ней, когда мы возвращались домой, и с тех пор не проходило почти дня, чтобы мы не видели или брата, или сестру. Они сегодня вечером обедают у нас, а мы, кажется, соберемся к ним на будущей неделе. Можно подумать, что такой брак был бы очень желателен для Стапльтона, а между тем я не раз ловил на его лице взгляд самого сильного неодобрения, когда сэр Генри оказывал какое-нибудь внимание его сестре. Он, без сомнения, очень к ней привязан, и ему пришлось бы вести крайне одинокую жизнь без нее, но было бы в высшей степени эгоистичным с его стороны противиться такой блестящей партии. А между тем я уверен, что он не желает, чтобы их близость перешла в любовь, и я замечал несколько раз, что он старался препятствовать их tête-à-tête. Кстати, вашим инструкциям относительно того, чтобы я никогда не допускал, чтобы сэр Генри выходил один, будет гораздо труднее следовать, если ко всем нашим затруднениям прибавится еще любовное дело. Моя популярность очень скоро пострадала бы, если бы мне пришлось исполнять буквально ваши приказания.

На днях, а именно в четверг, доктор Мортимер завтракал у нас. Он отрыл доисторический череп и был от этого в восторге. Я никогда не видывал такого искреннего энтузиаста. Затем пришел Стапльтон, и добрый доктор повел нас, по просьбе сэра Генри, в тисовую аллею, чтобы в точности показать нам, как все произошло в роковую ночь. Прогулка по тисовой аллее очень длинная и мрачная: по обеим сторонам тянутся две высокие стены из подстриженной зеленой изгороди с узкою полоскою, поросшею травою по бокам. На дальнем конце стоит старая, развалившаяся беседка. На половине дороги находится калитка, ведущая на болото, где старик уронил пепел с сигары. Я помнил вашу систему и старался

нарисовать себе картину всего, что случилось. Пока старик стоял там, он увидел что-то идущее к нему по болоту, что-то такое, настолько испугавшее его, что он, не помня себя, пустился бежать и бежал до тех пор, пока не умер от ужаса и истощения. Он бежал по длинной мрачной аллее. От чего? От болотной овчарки? Или же от призрачной собаки, черной, безмолвной и чудовищной? Было ли в этом деле человеческое участие? Знал ли бледный, бдительный Барримор более, чем хотел сказать? Все темно и неопределенно, но постоянно чувствуется за этим мрачная тень преступления.

После моего последнего письма к вам я встретил еще одного соседа, – мистера Франкланда из Лафтар-голля, который живет в четырех приблизительно милях на юг от нас. Он пожилой человек, краснолицый, седовласый и желчный. Он питает страсть к британскому закону и истратил большое состояние в тяжбах. Он судится из одной любви к судам и одинаково готов смотреть на вопрос с различных сторон; поэтому не мудрено, что эта забава оказалась дорогостоящею для него. Иногда он закрывает право проезда и предоставляет приходу тягаться с ним из-за того, чтобы его вновь открыть. Иногда он собственными руками выламывает чужую калитку и объявляет, что здесь с незапамятных времен существовала тропинка, предоставляя собственнику преследовать его за нарушение чужой собственности. Он сведущий человек в древних владельческих и общественных правах и применяет иногда свои познания в пользу Фернвортских сельчан, а иногда против них, так что его периодически то носят с триумфом на руках по деревенской улице, то заочно сжигают. Говорят, что в настоящее время у него на руках девять судебных дел, которые поглотят, вероятно, остаток его состояния и таким образом вырвут его жало, и впредь он сделается безвредным. Если исключить закон, он кажется добродушным человеком, и я упоминаю о нем только вследствие вашего настоящего требования, чтобы я посылал вам описания людей, окружающих нас. Любопытно его настоящее времяпрепровождение: он любитель-астроном и имеет прекрасный телескоп, с которым лежит на крыше своего дома и целый день наблюдает болото, в надежде увидеть беглого преступника. Если бы он ограничивал этим свою деятельность, то все было бы хорошо, но ходят слухи, что он хочет преследовать доктора Мортимера за то, что тот отрыл неолитический череп из могилы без согласия ближайших родственников. Он разнообразит несколько нашу жизнь, внося в нее комический элемент, в котором мы очень нуждаемся.

А теперь, ознакомив вас с обстоятельствами, касающимися беглого

преступника, Стапльтонов, доктора Мортимера и Франкланда из Лафтарголля, я закончу это письмо тем, что важнее всего, рассказав вам поподробнее о Барриморах и в особенности об удивительном открытии, сделанном в прошлую ночь.

Прежде всего напишу вам о проверочной телеграмме, которую вы послали из Лондона с целью удостовериться, что Барримор действительно дома. Я уже объяснил вам, что, по свидетельству почтмейстера, проверка ни к чему ни привела и что мы не имеем никаких доказательств. Я передал об этом сэру Генри, и он тотчас же, со свойственной ему прямолинейностью, позвал Барримора и спросил его, сам ли он получил телеграмму. Барримор ответил утвердительно.

– Передал ли ее вам мальчик в руки? – спросил сэр Генри.

Барримор казался удивленным и после некоторого раздумья сказал:

– Нет. Я был в то время в кладовой, и жена принесла мне телеграмму.

– Ответили ли вы сами на нее?

– Нет. Я передал жене, что надо отвечать, и она спустилась, чтобы написать телеграмму.

Вечером Барримор сам вернулся к этому предмету.

– Я не совсем понял цель ваших утренних вопросов, сэр Генри, – сказал он. – Надеюсь, что они были сделаны вами не потому, что я как-нибудь злоупотребил вашим доверием.

Сэр Генри уверил его, что ничего подобного не имелось в виду, и для его успокоения подарил ему значительную часть своего прежнего платья, так как прибыл лондонский заказ.

Миссис Барримор очень интересуется меня. Она тяжеловесная, основательная особа, очень ограниченная, крайне почтенная и склонная быть пуританкой. Едва ли можно себе представить менее чувствительного субъекта. А между тем я передал вам, как в первую ночь она горько рыдала, и с тех пор я не раз замечал следы слез на ее лице. Какое-то глубокое горе постоянно грызет ее сердце. Иногда я спрашивал себя, не мучает ли ее какое-нибудь преступное воспоминание, а иногда подозреваю, что Барримор домашний тиранн. Я всегда чувствовал, что в характере этого человека есть что-то особенное, таинственное; событие же прошлой ночи обострило все мои подозрения.

Само по себе оно может казаться незначительным. Вы знаете, что вообще я не крепко сплю, и с тех пор, как нахожусь здесь настороже, только дремлю. Прошлую ночью около двух часов я проснулся от шагов человека, прокрадывавшегося мимо моей комнаты. Я встал, открыл дверь и выглянул в нее. По коридору тянулась длинная черная тень человека,

который тихо подвигался со свечкою в руке. Он был в рубашке, панталонах, босой. Я едва мог разглядеть его фигуру, но рост говорил мне, что это Барримор. Он шел очень медленно и осторожно, и во всем его облике было что-то невыразимо преступное и таинственное.

Я говорил вам, что коридор прерывается балконом, который окружает вестибюль, но что далее он снова начинается. Я подождал, пока Барримор скрылся, и затем последовал за ним. Когда я обогнул балкон, он уже дошел до конца дальнего коридора, и я видел по свету, выходявшему чрез открытую дверь, что он вошел в одну из комнат. А надо вам сказать, что все эти комнаты немеблированы и необитаемы, от чего его ночное похождение принимало еще более таинственный характер. Луч света не колебался, из чего я заключил, что Барримор стоит, не двигаясь. Я пробрался как можно тише по коридору и заглянул в дверь.

Барримор приткнулся к окну, держа свечку у самого стекла. Лицо его было обращено ко мне в профиль и выражало напряженное ожидание. Так стоял он несколько минут. Затем тяжело застонал и нетерпеливым жестом потушил свечку. Я моментально вернулся в свою комнату и вскоре после того услышал те же прокрадывавшиеся шаги: Барримор направлялся обратно. Прошло много времени после того и я уже слегка задремал, как вдруг услышал, что кто-то поворачивает ключ в замке, но не мог определить, откуда шел этот звук. Я не знаю, что все это значит, но в доме происходит что-то таинственное и мрачное, до чего мы в конце концов доберемся. Я не стану надоедать вам своими предположениями, потому что вы просили меня сообщать вам только факты. Сегодня утром мы долго беседовали с сэром Генри и выработали план кампании, основанный на моих ночных наблюдениях. В настоящее время не буду говорить о нем, но, благодаря ему, следующее мое донесение будет очень интересным».

IX. Второе донесение доктора Ватсона. Свет на болоте

Баскервиль-голл, октября 15-го.

«Дорогой Холмс, если вы не получали от меня особенных новостей в первые дни, то теперь вы признаете, что я наверстал потерянное время и что события быстро следуют одно за другим. Свое последнее донесение я окончил сообщением о том, что видел Барримора у окна, теперь же у меня скопился такой запас сведений, который должен сильно удивить вас. Обстоятельства приняли такой оборот, какого я не мог предвидеть. С одной стороны они стали за последние сорок восемь часов гораздо яснее, а с другой стороны они сильно осложнились. Но я вам все расскажу, и вы сами рассудите.

На следующее за моими наблюдениями утро я, перед завтраком, осмотрел комнату, в которую ночью приходил Барримор. Я заметил в ней одну особенность: из западного окна, через которое он так пристально смотрел, болото видно лучше, чем из какого бы то ни было другого окна в доме. Следовательно, раз только это одно окно могло служить целям Барримора, значит, он что-то или кого-то высматривал на болоте. Ночь была чрезвычайно темна, а потому я не могу себе представить, как он мог надеяться увидеть кого-нибудь, и мне пришло в голову, не затеялась ли тут какая-нибудь любовная интрига. Этим можно было бы объяснить его воровскую походку и горе жены. Он сам человек замечательной наружности, способной похитить сердце деревенской девушки, так что мое предположение было правдоподобным. Звук открывшейся двери, услышанный мною после того, как я вернулся в свою комнату, мог означать то, что он вышел на какое-нибудь тайное свидание. Так рассуждал я на следующее утро и передаю вам эти подозрения, хотя оказалось, что они были неосновательными.

Но, что бы ни означали в действительности поступки Барримора, я чувствовал, что свыше моих сил оставлять их на одной своей ответственности. После завтрака я пошел в кабинет баронета и рассказал ему обо всем, что видел. Он был менее удивлен, чем я ожидал.

— Я знаю, что Барримор ходит по ночам, и намерен поговорить с ним об этом, — сказал он. — Я слышал два или три раза шаги в коридоре как раз

около того часа, в который вы видели его.

– Может быть, он каждую ночь отправляется к тому самому окну, – сказал я.

– Может быть. Если это так, мы имеем возможность проследить за ним и выяснить его поведение. Интересно знать, как поступил бы ваш друг Холмс, если бы он был здесь.

– Я думаю, что он поступил бы как раз так, как вы намерены поступить, – сказал я. – Он следил бы за Барримором, пока не узнал бы всего.

– Так мы сделаем это вместе.

– Но он наверное услышит нас.

– Он несколько глуховат, и во всяком случае нам следует попытаться. Мы сегодня ночью будем сидеть в моей комнате и ждать, пока он пройдет.

Сказав это, сэр Генри весело потер руки. Ясно было, что он приветствует это приключение как развлечение, внесенное в его чересчур спокойную жизнь на болоте.

Баронет списался с архитектором, который составлял планы для сэра Чарльза, и с лондонским подрядчиком, так что мы можем ожидать, что скоро начнутся здесь большие перемены. Из Плимута приезжали декораторы и обойщики: очевидно, у нашего друга обширные планы, и он не постоит ни перед какими издержками и трудом, ради восстановления величия своего рода. Когда дом будет отремонтирован и вновь обставлен, то сэру Генри будет не доставать только жены. Между нами будь сказано, существуют ясные признаки, что и в этом не будет недочета, если только девушка согласится, так как я редко видел человека более влюбленного, чем сэр Генри, в нашу красавицу соседку, мисс Стапльтон. Однако же его любовь не протекает так гладко, как можно было этого ожидать при данных обстоятельствах. Сегодня, например, на нее набежало совершенно неожиданное облако, повергшее нашего друга в крайнее недоумение и огорчение.

После нашего разговора о Барриморе сэр Генри надел шляпу с намерением выйти. Само собою разумеется, что я последовал его примеру.

– Что это, Ватсон, и вы идете? – спросил он, как-то странно посмотрев на меня.

– Это зависит от того, идете ли вы на болото, – ответил я.

– Да, я иду туда.

– Ну, так вы знаете полученные мною инструкции. Мне очень неприятно быть навязчивым, но вы слышали, как серьезно настаивал Холмс на том, чтобы я не покидал вас, и особенно на том, чтобы вы не

ходили один на болото.

Сэр Генри улыбнулся, положил мне руку на плечо и сказал:

– Милый друг, Холмс при всей своей мудрости не предвидел некоторых обстоятельств, случившихся с тех пор, как я на болоте. Понимаете вы меня? Я уверен, что вы последний человек в мире, который захотел бы испортить мне радость. Я должен идти один.

Эти слова поставили меня в крайне неловкое положение. Я не знал, что сказать и что делать, а он, пока я стоял в недоумении, взял трость и ушел.

Когда я, наконец, обдумал дело, то совесть стала меня упрекать в том, что я, какая бы ни была тому причина, допустил, чтобы он скрылся с моих глаз. Я стал представлять себе, каковы были бы мои ощущения, если бы мне пришлось, вернувшись к вам, признаться, что случилось несчастье вследствие несоблюдения мною ваших инструкций. Уверяю вас, что кровь бросилась мне в голову при одной мысли об этом. Я решил, что, может быть, еще не поздно догнать его, и тотчас отправился по направлению к Меррипит-гаузу.

Я спешил как только мог, но не видел никаких признаков сэра Генри, пока не дошел до того места, где от дороги отделяется болотная тропинка. Тут, боясь, что я пошел не по тому направлению, я взобрался на холм, – тот самый, который изрыт каменоломней и откуда открывается обширный кругозор. Оттуда я сразу увидел сэра Генри. Он находился на болотной тропинке в четверти приблизительно мили от меня, и около него была дама, которая не могла быть никто иная, как только мисс Стапльтон. Ясно было, что между ними произошло предварительное соглашение и что они пришли на свидание. Они медленно шли по тропинке, углубившись в разговор, при чем она делала быстрые движения руками, как бы относясь очень серьезно к тому, что говорила, а он напряженно слушал и два раза покачал головою, как бы энергично опровергая ее слова. Я стоял между скалами и наблюдал за ними, недоумевая, как мне поступит. Последовать за ними и впутаться в их интимный разговор казалось мне оскорблением, а между тем моею несомненною обязанностью было не упускать его ни на один момент из вида. Разыгрывать роль шпиона над другом было отвратительною обязанностью. Однако же я не видел другого исхода, как наблюдать за ним с холма и затем очистить свою совесть, признавшись ему впоследствии во всем. Правда, что если бы ему угрожала какая-нибудь внезапная опасность, я не мог бы, по дальности расстояния, быть ему полезным, а между тем я уверен, что вы согласитесь, что мое положение было затруднительное, что мне ничего не оставалось больше делать.

Наш друг сэр Генри и дама остановились на дорожке и по-прежнему были поглощены своею беседою, как вдруг я убедился, и что не я один был свидетелем их свидания. Я заметил развевавшийся в воздухе зеленый клочок, а затем увидел, что его нес на палке человек, бегущий по болоту. То был Стапльтон со своею сеткою. Он находился гораздо ближе к собеседникам, чем я, и, по-видимому, двигался по направлению к ним. В эту минуту сэр Генри порывисто привлек мисс Стальптон к себе. Он обнял ее за талию, но мне казалось, что она отклоняется от его объятий. Он приблизил свою голову к ее голове, но она, в виде протеста, подняла руку. Вдруг они отскочили друг от друга и поспешно обернулись. Причиною тому был Стальптон. Он дико бежал к ним, и сзади него развевалась его нелепая сетка. Очутившись перед ними, он стал жестикулировать и чуть ли не плясал от возбуждения. Что все это означало, я не мог понять, но мне казалось, что Стальптон бранил сэра Генри, который давал объяснения, становившиеся все более и более горячими, по мере того, как первый отказывался их принять. Дама стояла в надменном безмолвии. Наконец, Стапльтон повернулся на каблуках и обратился повелительно к сестре, которая, нерешительно взглянув на сэра Генри, удалилась вместе с братом. Сердитые жесты натуралиста доказывали, что и дама подверглась его гневу. Баронет постоял, посмотрел им вслед, а затем пошел назад по той дороге, по которой пришел, повесив голову и изображая собою олицетворенное уныние.

Я не мог себе представить, что все это означало, но мне было крайне стыдно, что я был свидетелем такой интимной сцены без ведома моего друга. Поэтому я сбежал с холма и у его подножия встретил баронета. Лицо его было красно от гнева, и брови сдвинуты, как у человека, окончательно не знающего, что ему делать.

– Эге, Ватсон! Откуда вы выскочили? – спросил онъ. – Не может быть, чтобы вы, вопреки всему, все-таки следовали за мною.

Я все объяснил ему: как я нашел невозможным остаться дома, как я последовал за ним и как был свидетелем всего происшедшего. Был момент, когда глаза его засверкали, но моя откровенность обезоружила его, и он почти спокойно рассмеялся.

– Мне казалось, что середина этого луга достаточно безопасное место для того, чтобы человек мог считать себя в уединении, – сказал он, – а между тем, чёрт возьми, чуть ли не все население видело мое сватовство, – и при том очень печальное сватовство! Где занимали вы место?

– Я был на холме.

– В последнем ряду, значит. А ее брат был в самых первых местах.

Видели вы, как он шел на нас?

– Видел.

– Не производит ли этот братец на вас впечатление помешанного?

– Не могу сказать, чтобы я когда-нибудь замечал это.

– Конечно. До сегодняшнего дня и я считал его достаточно здравомыслящим, но теперь, говорю вам, или на него, или на меня следует надеть смирительную рубашку. Во всяком случае, я не понимаю, в чем дело. Вы, Ватсон, прожили со иною несколько недель, так скажите мне теперь откровенно: какой недостаток препятствует мне быть хорошим мужем для женщины, которую бы я полюбил?

– По-моему, такого недостатка у вас нет.

– Он ничего не может иметь против моего положения в свете, значит, он имеет что-то против меня лично. Но что именно? Я в жизни своей никогда никого не обидел намеренно. А между тем он бы не допустил, чтобы я дотронулся до кончиков ее пальцев.

– Разве он это сказал?

– Это и еще многое другое. Я знаю ее всего несколько недель, но, скажу вам, Ватсон, что с первого же момента почувствовал, что она создана для меня, и она также, могу поклясться, была счастлива, когда находилась со мною. Женские глаза говорят яснее слов. Но он никогда не допускал нас оставаться вдвоем, и только сегодня в первый раз я имел возможность поговорить с нею наедине. Она была рада встрече со мною, но не о любви хотела она говорить и, если бы могла, то и мне запретила бы говорить о ней. Она все возвращалась к старой теме об опасности этого места и о том, что она не будет счастлива, пока я не покину его. Я ответил, что с тех пор как увидел ее, не тороплюсь уезжать отсюда и что если она действительно хочет, чтобы я уехал, то единственное средство к тому, – устроить дела так, чтобы уехать со мною. Тут я сделал предложение, но не успела она мне ответить, как прибежал этот брат, и лицо у него было точно у сумасшедшего. Он был бледен от злости, и светлые глаза его сверкали яростью. «Что я делаю с девушкою? Как я смею оказывать ей внимание, которое ей неприятно? Неужели я воображаю, что если я баронет, то могу делать все, что пожелаю?» Если бы он не был ее братом, то я лучше сумел бы ему ответить. Я ему сказал, что мои чувства к его сестре таковы, что их нечего стыдиться, и что я просил ее сделать мне честь стать моею женою. Это, по-видимому, несколько не улучшило дела, так что я, наконец, также вышел из терпения и ответил ему более горячо, чем, может быть, следовало, так как она стояла тут же. Кончилось все тем, что он ушел вместе с нею, как вы видели, а я остался, сбитый с толку, самым

недоумевающим человеком во всем графстве. Скажите мне только, Ватсон, что это все значит, и я останусь вашим неоплатным должником.

Я попробовал было дать то то, то другое объяснение, но, право, я сам был совершенно сбит с толку. Все говорит за нашего друга: его титул, его состояние, его характер, его наружность, и я ничего не знаю, что могло бы говорить против него, кроме таинственного рока, преследующего его род. В высшей степени поразительно, что его предложение было так грубо отвергнуто без всякой ссылки на желание самой девушки, и что девушка допускает без протеста такое положение. Однако же, нас успокоил сам Стапльтон, явившись с визитом в тот же день. Он пришел извиниться за свою грубость, и результатом их продолжительного разговора в кабинете без свидетелей было то, что дружеские отношения снова восстановились, в доказательство чего мы будем обедать в следующую пятницу в Меррипит-гаузе.

– Я не скажу теперь, что он не помешан, – сказал сэр Генри, – я не могу забыть его глаз, когда он подбежал ко мне сегодня утром, но должен признаться, что нельзя было требовать более удовлетворительного извинения.

– Как он объяснил свое поведение?

– Он сказал, что сестра составляет все в его жизни. Это довольно понятно, и я рад, что он дает ей должную цену. Они всегда жили вместе, он всегда был одинок, и она единственный его товарищ, так что мысль потерять ее поистине ужасна для него. Он говорит, что не замечал, как я привязывался к ней; когда же увидел это собственными глазами и подумал, что ее могут отнять у него, то возможность такого удара повергла его в состояние невменяемости. Он очень сожалел обо всем, что случилось, и сознавал, насколько безумно и эгоистично воображать, что он может сохранить на всю жизнь для себя одного такую красавицу, как его сестра. Если суждено с нею расстаться, то он охотнее отдаст ее такому соседу, как я, чем кому бы то ни было другому. Но, во всяком случае, это для него удар, к которому нужно подготовиться. Он откажется от всякого противодействия с своей стороны, если я обещаю не говорить об этом деле в продолжение трех месяцев и удовольствуюсь дружескими отношениями с девушкой, не требуя от нее любви. Я дал это обещание, и на том дело покончилось.

Итак, одна из наших маленьких тайн выяснена. Что-нибудь да значит достать дно хоть в каком-нибудь месте той тины, в которой мы барахтаемся. Теперь мы знаем, почему Стапльтон смотрел неодобрительно на ухаживателя своей сестры, даже в таком случае, когда ухаживателем был

столь достойный избрания, как сэр Генри. Теперь перехожу к другой нити, вытянутой мною из спутанного мотка, к объяснению таинственных ночных рыданий, заплаканного лица миссис Барримор и воровского странствования дворецкого к западному окну. Поздравьте меня, дорогой Холмс, и скажите, что вы не разочаровались во мне, как агенте, и что вы не жалеете об оказанном мне доверии. Все это было выяснено в одну ночь.

Впрочем, трудились мы две ночи, но в первую нас постигла полная неудача. Мы сидели с сэром Генри в его комнате до трех почти часов и не слышали ни одного звука кроме боя курантов на лестнице. Это было очень тоскливое бдение, окончившееся тем, что мы оба уснули, сидя на стульях. К счастью, это нас не обескуражило, и мы решились сделать еще попытку. В следующую ночь мы уменьшили огонь в лампе и принялись курить папиросы, не издавая ни малейшего звука. Часы тянулись невероятно медленно, но нас поддерживал такой же терпеливый интерес, какой должен чувствовать охотник, наблюдая за капканом, в котором он надеется увидеть попавшуюся добычу. Пробило час, пробило два, и мы уже снова хотели в отчаянии отказаться от этого дела, как вдруг оба выпрямились на стульях и стали напряженно прислушиваться. Мы услышали скрип в коридоре.

Мы слышали, как кто-то прокрадывался, пока звук шагов не умолк вдали. Тогда баронет бесшумно отпер дверь, и мы пустились в погоню. Человек обогнул уже галерею, и коридор был погружен в совершенный мрак. Мы стали тихо прокрадываться, пока не перешли в другое крыло дома. Мы поспешили как раз вовремя, чтобы увидеть, как высокий мужчина с черною бородою, сгорбив спину, пробирался на цыпочках по коридору. Он вошел в ту же дверь, как и в прошлую ночь; свет от свечи осветил ее и бросил в мрак коридора один желтый луч. Мы осторожно двинулись по его направлению, пробуя каждую половицу, прежде чем ступить на нее. Мы имели предосторожность снять сапоги, но и без них старые доски скрипели под нашими шагами. Иногда казалось немыслимым, чтобы он не услышал нашего приближения. Но Барримор, к счастью, несколько глух, при том же он был весь поглощен тем, что делал. Когда мы, наконец, добрались до двери и заглянули в нее, то увидели, что он стоит пригнувшись к окну, со свечкою в руке, и его напряженное лицо прижато к стеклу, точь-в-точь как я видел его за две ночи перед тем.

Мы не составили никакого плана кампании, но баронет такой человек, для которого прямой путь всегда оказывается самым естественным. Он вошел в комнату; тогда Барримор отскочил от окна с каким-то отрывистым шипением в груди и стал перед нами смертельно бледный и весь дрожа. Его темные глаза на белом лице, смотревшие то на сэра Генри, то на меня, были

полны ужаса и удивления.

– Что вы тут делаете, Барримор?

– Ничего, сэр. – Он был так взволновал, что едва мог говорить, и тени от дрожавшей в его руке свечи прыгали вниз и вверх. – Я насчет окна, сэр. Я хожу по ночам осматривать, заперты ли они.

– Во втором этаже?

– Да, сэр, все окна.

– Слушайте, Барримор, – произнес сэр Генри сурово, – мы решили добиться правды от вас, а потому чем раньше вы ее скажете, тем будет вам легче. Ну-с, так без лжи! Что вы делали у окна?

Он смотрел на нас с беспомощным выражением и ломал руки, как человек, доведенный до крайнего горя.

– Я ничего не делал дурного, сэр. Я держал свечку у окна.

– А для чего вы держали свечку у окна?

– Не спрашивайте меня, сэр Генри... не спрашивайте! Даю вам слово, сэр, что это не моя тайна и что я не могу ее выдать. Если бы она не касалась никого, кроме меня, то я бы не пытался скрыть ее от вас.

Меня вдруг осенила мысль, и я взял свечу с подоконника, на который поставил ее дворецкий.

– Он, должно быть, держал ее, как сигнал, – сказал я. – Посмотрим, не последует ли ответа.

Я держал свечу так, как он это делал, всматриваясь в темноту ночи. Я смутно видел черную полосу деревьев и более светлое пространство болота, потому что луна скрылась за тучи. Я издал возглас торжества, потому что сквозь покров ночи вдруг показалась тоненькая желтая точка, ровно светившая прямо против окна.

– Вот и ответ! – воскликнул я.

– Нет, нет, сэр, это ничего... совсем ничего, – вмешался дворецкий, – уверяю вас, сэр...

– Двигайте свечу вдоль окна, Ватсон! – воскликнул баронет. – Смотрите, и та также шевелится! Теперь будешь ли отрицать, негодяй, что это сигнал? Ну, говори! Кто твой союзник там! и в чем заключается заговор?

Лицо дворецкого приняло смело вызывающее выражение.

– Это мое дело, а не ваше. Я ничего не скажу.

– Так вы тотчас же уйдете из моего дома.

– Очень хорошо, сэр. Уйду, если так нужно.

– И вы уйдете посрамленным. Вам следовало бы стыдиться, чёрт возьми! Ваше семейство жило вместе с моим более ста лет под этим

кровом, а я застаю вас тут в каком-то темном заговоре против меня.

– Нет, нет, сэр; нет, не против вас! – воскликнул женский голос, и миссис Барримор, более бледная, чем ее муж, и с выражением еще большего ужаса на лице, показала в дверях. Ее массивная фигура в юбке и шали была бы комична, если бы не сила чувства, которую выражали ее черты.

– Мы должны уходить, Элиза. Всею конец! Можешь укладывать наши вещи, – сказал дворецкий.

– О, Джон, Джон, неужели я довела тебя до этого! Во всем виновата я, сэр Генри, одна я. Он делал все это ради меня и потому, что я его об этом просила.

– Так говорите же! Что это все значит?

– Мой несчастный брат умирает с голода на болоте. Не можем же мы дать ему погибнуть у самых наших ворот. Свеча служит ему сигналом, что пища готова для него, а свет там от него показывает место, куда ее отнести.

– Так ваш брат...

– Беглый из тюрьмы, сэр; Сельден, убийца.

– Это правда, сэр, – подтвердил Барримор. – Я вам сказал, что это не моя тайна и что я не могу ее выдать вам. Теперь же вы ее узнали и видите, что если и был заговор, то не против вас.

Так вот чем объяснились воровские ночные странствования и свет у окна! Сэр Генри и я с удивлением смотрели на женщину. Возможно ли, чтобы в этой тупоумно-почтенной особе и в одном из самых выдающихся преступников текла одна и та же кровь?

– Да, сэр, моя фамилия была Сельден, и он мой младший брат. Мы слишком баловали его, когда он был мальчиком, и потакали ему во всем, а потому он стал воображать, что мир создан для его удовольствия, и он может делать все, что ему нравится. Когда он сделался старше, то попал в скверную компанию, дьявол вселился в него, и он разбил сердце моей матери, а имя наше втоптал в грязь. От преступления к преступлению он падал все ниже и ниже, пока не попал на эшафот, от которого его спасло только Божье милосердие. Но для меня, сэр, он всегда оставался маленьким кудрявым мальчиком, которого я нянчила и с которым играла, как старшая сестра. Из-за этого-то он и бежал из тюрьмы, сэр. Он знал, что я здесь и что мы не могли отказать ему в помощи. Когда он однажды ночью притащился сюда усталый и голодный, а сторожа бежали по его пятам, что нам было делать? Мы приняли его, кормили и заботились о нем. Тогда вы вернулись, сэр, и моему брату казалось, что на болоте он будет в большей безопасности, чем во всяком другом месте, пока не уляжется шум и суета

по поводу его поимки, а потому он и прячется тут. Через ночь мы удостоверемся, находится ли он все еще здесь, ставя на окно свечку и, если получается ответ, то мой муж относит ему немного хлеба и мяса. Каждый день мы надеемся, что он ушел, но пока он здесь, мы не можем его покинуть. Вот и вся правда, говорю ее, как честная христианка, и вы видите, что если следует в этом деле порицать кого-нибудь, то не моего мужа, а меня, ради которой он все это делал.

Женщина говорила с такою глубокою серьезностью, что слова ее казались убедительными.

– Правда ли это, Барримор?

– Да, сэр Генри. Каждое ее слово – правда.

– Ну, я не могу порицать вас за то, что вы стоите за свою жену. Забудьте то, что я сказал. Ступайте оба в свою комнату, а завтра утром мы подробнее поговорим об этом деле.

Когда они ушли, мы снова посмотрели в окно. Сэр Генри открыл его настежь, и холодный ночной ветер бил нам в лицо. В мрачной дали продолжала светить маленькая желтая точка.

– Я удивляюсь его смелости, – сказал сэр Генри.

– Может быть, этот свет так поставлен, что он видим только отсюда.

– Вероятно. Как вы думаете, далеко это?

– Около вершины Клефт, полагаю.

– Не дальше мили или двух отсюда?

– Никак не больше, скорее меньше.

– Да, оно и не должно быть далеко, так как Барримору приходилось носить туда пищу. И этот мерзавец ждет теперь около своей свечки. Чёрт возьми, Ватсон, я пойду схватить этого человека!

Та же самая мысль пришла и мне в голову. Барриморы не поверяли нам своей тайны; она была насильно вырвана у них. Преступник, закоренелый негодяй, для которого не могло быть ни жалости, ни прощения, был опасен для общества. Мы бы только исполнили свой долг, если бы вернули его туда, откуда он не мог бы наносить вред. При его грубой и жесткой натуре другие могут поплатиться, если мы не наложим на него руки. Например, наши соседи Стапльтоны каждую ночь могут подвергнуться опасности нападения с его стороны, и, может быть, эта-то мысль и заставила сэра Генри ухватиться за такое приключение.

– И я пойду, – сказал я.

– Так берите свой револьвер и наденьте сапоги. Чем скорее мы выйдем, тем лучше, потому что негодяй может потушить свою свечку и уйти.

Через пять минут мы уже были за дверью. Мы спешно пробирались через темный кустарник при унылом завывании осеннего ветра и шелесте падающих листьев. Ночной воздух был тяжел: в нем слышались сырость и запах разложения. От времени до времени выглядывала ненадолго луна, но тучи пошли по небу, и когда мы вступили в болото, начал моросить мелкий дождь. Свет продолжал недвижно блестеть перед нами.

– Вооружены ли вы? – спросил я.

– У меня охотничий нож.

– Мы должны быстро схватить его, потому что, говорят, он отчаянный малый. Мы захватим его неожиданно, и он будет в нашей власти прежде, чем получит возможность сопротивляться.

– Я думаю, Ватсон, о том, что бы сказал на это Холмс? Об этих темных часах, когда властвуют силы зла?

Вдруг, как бы в ответ на его слова, из обширного мрачного болота раздался тот странный крик, который я уже однажды слышал на краю Гримпенской трясины. Среди тишины ночи ветер донес протяжный, низкий вой, поднявшийся до рева и снова затихший в тоскливом вздохе. И снова он раздался, и воздух дрожал от этого пронзительного, дикого, угрожающего звука. Баронет схватил меня за рукав, и лицо его было до того бледно, что оно выделялось в темноте.

– Боже мой, Ватсон, что это такое?

– Не знаю. Это какой-то болотный звук. Я однажды уже слышал его.

Звук замер, и нас окружило абсолютное безмолвие. Мы стояли, напрягая слух, но ничего не услышали больше.

– Ватсон, – сказал баронет, – это был вой собаки.

Кровь застыла в моих жилах от ужаса, который слышался в его голосе.

– Как объясняют этот звук? – спросил он.

– Кто?

– Здешний народ.

– О, народ невежествен. Какое вам дело до того, как он его объясняет?

– Скажите мне, Ватсон, что народ говорит о нем?

Я колебался, но не мог уклониться от ответа.

– Он говорит, что это кричит собака Баскервиль.

Сэр Генри простонал и умолк.

– Да, то выла собака, – сказал он, наконец, – но казалось, что этот вой доносится издалека, за много миль отсюда.

Трудно было определить, откуда он доносился.

– Он поднялся и замер вместе с ветром. Ведь ветер дует от большой Гримпенской трясины?

– Да, от нее.

– Так звук шел оттуда. Ну, Ватсон, признайтесь, разве вы сами не приняли его за собачий вой? Я ведь не ребенок, и вам нечего бояться говорить мне правду.

– Стапльтон был со мною, когда я впервые услышал этот звук. Он говорит, что его, может быть, издает какая-то странная птица.

– Нет, нет, то был вой собаки. Боже мой, неужели есть доля правды во всех этих историях? Возможно ли, чтобы я подвергался опасности от такого темного фактора? Вы не верите в это, Ватсон?

– Нет, нет.

– А между тем – одно дело – смеяться над этим в Лондоне и другое дело – стоять в темную ночь на болоте и слышать такой крик. А мой дядя! Ведь около его тела видели следы собачьих лап. Все идет одно к одному. Не думаю, чтобы я был трусом, Ватсон, но от этого звука кровь застыла в моих жилах. Попробуйте мою руку!

Она была холодна, как кусок мрамора.

– Завтра утром вы будете чувствовать себя совсем хорошо.

– Не думаю, чтобы я когда-нибудь забыл этот крик. Что нам теперь предпринять, как вы думаете?

– Не вернуться ли нам домой?

– Нет, чёрт возьми! Мы вышли для того, чтобы добраться до молодца, и мы доберемся до него. Мы ищем преступника, адская же собака пусть ищет нас, коли хочет. Пойдем, мы достигнем своего, хотя бы все враги из преисподней были выпущены на болото.

Спотыкаясь в темноте, мы медленно подвигались среди мрачных очертаний скалистых холмов по направлению к желтой точке, все еще неподвижно светившейся перед нами. Ничто так не обманчиво, как расстояние света в темную ночь; иногда казалось, что он блесит далеко на линии горизонта, а иногда, что он находится в нескольких ярдах от нас. Наконец, мы увидели, откуда шел этот свет, и тогда убедились, что в действительности находимся очень близко от него. Свеча была вставлена в расщелину скалы, которая окружала ее со всех сторон, так что предохраняла ее от ветра и, вместе с тем, делала ее видимой только со стороны Баскервиль-голля. Мы приблизились незаметно, благодаря скрывавшему нас гранитному валуну и, скорчившись за этим прикрытием, смотрели поверх его на сигнальный свет. Страшно было видеть эту одинокую свечу, горевшую посредине болота, без всяких признаков жизни около нее, – одно только прямое, желтое пламя и блеск скалы вокруг него.

– Что нам делать теперь? – шёпотом спросил сэр Генри.

– Ждать на этом месте. Он должен находиться недалеко от своей свечки. Посмотрим, не удастся ли нам взглянуть на него.

Не успел я это произнести, как мы оба увидели Сельдена. Над скалою, в расщелине которой стояла свеча, выглядывало злое, желтое лицо, страшное, зверское лицо, все искаженное низкими страстями. Забрызганное грязью, с колючею бородою, с волосами в виде мочалки, оно, казалось, принадлежало одному из тех диких людей, которые некогда жили в норах по склонам холмов. Свет, стоявший ниже его, отражался в его маленьких хитрых глазах, которые зверски вглядывались в темноту, как у хитрого и дикого животного, услышавшего шаги охотников.

Что-то, очевидно, возбудило его подозрения. Может быть, Барримор прибегал к какому-нибудь особенному сигналу, которого мы не подали, или же преступник имел какие-нибудь другие причины думать, что не все в порядке, но, во всяком случае, я видел выражение страха на его злом лице. Каждое мгновение он мог потушить свечу и исчезнуть в темноте. Поэтому я бросился вперед, и сэр Генри последовал моему примеру. В ту же секунду преступник прокричал проклятие по нашему адресу и швырнул камень, который рассыпался в куски, ударившись об скалу, защищавшую нас. Я успел взглянуть на его короткую, коренастую, сильную фигуру, когда он вскочил на ноги и бросился бежать. В это же время, по счастливой случайности, месяц выглянул из-за туч. Мы взбежали на вершину холма и увидели, что наш человек сбегал с него по другую сторону, прыгая через камни с быстротою и ловкостью горной козы. Удачный выстрел из револьвера мог бы покалечить его, но я взял оружие только для самозащиты в случае нападения, а не для того, чтобы стрелять в безоружного человека, убегающего прочь.

Мы оба были хорошими бегунами и находились в благоприятных условиях, однако же, вскоре убедились, что не имеем никакой возможности догнать его. Мы долго видели его при лунном свете, пока, наконец, он стал казаться нам точкою,двигающеюся между валунами на склоне отдаленного холма. Мы бежали, пока не выбились совершенно из сил, а все-таки расстояние все росло между ним и нами. Наконец, мы остановились и, запыхавшись, сели на два камня, наблюдая, как он исчезал в отдалении.

Как раз в это время случилось нечто крайне странное и неожиданное. Мы поднялись с камней и направились домой, отказавшись от безнадежной охоты. Направо от нас месяц уже низко спустился, и зубчатая вершина гранитного пика выделялась на нижнем изгибе серебристого диска. Там, на остроконечной вершине, я увидел, как черную статую на блестящем фоне, фигуру человека. Не думайте, Холмс, чтобы это было иллюзией. Уверяю

вас, что я никогда в жизни не видал ничего яснее. Насколько я мог судить, то был высокий, худой человек. Он стоял, расставив несколько ноги, скрестив руки, нагнув голову, точно предавался размышлениям об этой громадной пустыне из торфа и гранита, лежавшей вокруг него. Он походил на духа этого ужасного места. То не был преступник. Этот человек стоял далеко от того места, где первый скрылся. Кроме того он был гораздо выше ростом. С криком удивления я указал на него баронету, но в тот момент, когда я обернулся, чтобы схватить за руку нашего друга, человек исчез. Остроконечная гранитная вершина все еще вырезывалась на нижнем крае луны, но с нее исчез всякий след безмолвной и неподвижной фигуры.

Я желал пойти по тому направлению и обыскать вершину, но она была очень далеко... Нервы баронета все еще были напряжены от слышанного нами воя, и он не был расположен пойти на новые приключения. Он не видел человека на вершине, а потому и не испытывал той нервной дрожи, которая овладела мною при виде этой фигуры и ее внушительной позы.

– Это несомненно один из сторожей, – сказал он. – Болото переполнено ими с тех пор, как бежал этот негодяй.

Может быть, его объяснение и правильно, но мне хотелось бы иметь какое-нибудь доказательство этой правильности. Сегодня мы намерены сообщить в Принцтоунскую тюрьму, где искать беглого преступника, но нам досадно, что мы не могли его сами привести, как своего собственного пленника. Таковы наши приключения прошедшей ночи, и вы должны согласиться, дорогой Холмс, что я представил вам хорошее донесение. Многое из того, что я вам написал, без сомнения, не относится к делу, но я все-таки нахожу, что лучше сообщать все факты и предоставить вам сделать выбор тех, которые могут быть полезны для ваших заключений.

Мы бесспорно делаем успехи. Относительно Барриморов мы узнали мотивы их действий. Но болото со своими тайнами и странными жителями остается по-прежнему непроницаемо. В следующем своем донесении я, может быть, буду в состоянии пролить некоторый свет и на него. Лучше всего было бы, если бы вы могли приехать к нам».

Х. Извлечение из дневника доктора Ватсона

До сих пор я был в состоянии вести рассказ по донесениям, которые посылал тогда Шерлоку Холмсу. Но теперь я дошел до пункта, принуждающего меня отбросить этот источник и снова довериться своим воспоминаниям, подкрепляя их дневником, который я вел в то время. Несколько извлечений из него перенесут меня к тем сценам, которые все, до малейшей подробности, неизгладимо запечатлелись в моей памяти. И так я начинаю с утра, последовавшего за нашей неудачною погоней и странными приключениями на болоте.

Октября 16-го. День пасмурный и туманный: моросит дождь. Над домом несутся тяжелые тучи; они по временам разрываются и открывают вид на мрачное, изрытое болото с тоненькими серебряными жилками по склонам холмов и блеском отдаленных валунов, когда луч света падает на их мокрую поверхность. Грустно снаружи, грустно и в доме. Баронетом овладела мрачная реакция после возбуждений прошлой ночи. Я сам чувствую какую-то тяжесть на сердце, а сознание угрожающей опасности, – опасности тем более страшной, что я не могу ее определить, – томит меня.

И разве у меня нет оснований для такого опасения? Надо принять в соображение целый ряд инцидентов, которые все указывают, что что-то угрожающее деятельно орудует вокруг нас. Во-первых, смерть последнего владельца голля, происшедшая при условиях, замечательно точно подходящих к семейной легенде, затем многочисленные пересказы крестьян о появлении странного существа на болоте. Наконец, я сам, собственными ушами, дважды слышал звук, похожий на отдаленный собачий вой. Невероятно, невозможно, чтобы это было что-нибудь сверхъестественное, не подчиняющееся обыкновенным законам природы. Немыслимо представить себе какую-то призрачную собаку, оставляющую материальные отпечатки следов своих лап и оглашающую воздух своим воем. Стапльтон может поддаваться такому суеверию, а также и Мортимер, но если у меня есть какое-нибудь качество, то это качество – здравый смысл, и ничто не заставит меня поверить такому абсурду. Поверить ему значило бы спуститься до уровня этих бедных мужиков, которые не только допускают существование вражеской собаки, но еще и описывают ее, как чудовище, из глаз и пасти которого пылает адский огонь. Холмс не стал бы

и слушать такие выдумки, а я его агент. Но фактов нельзя отрицать, а факт тот, что я дважды слышал вой на болоте. Вот если бы предположить, что на болоте действительно бродит какая-нибудь громадная собака – это многое бы объяснило. Но где такая собака может прятаться, где она добывает себе пищу, откуда она прибежала и почему ее никто не видал никогда днем? Надо признаться, что естественное объяснение так же затруднительно, как и сверхъестественное. Да тут еще, помимо собаки, является факт человеческого вмешательства в Лондоне: человек в кэбе и письмо, предостерегавшее сэра Генри против болота. Последнее по крайней мере было реально, но оно могло быть делом как доброжелателя, так и недруга. Где находится теперь этот доброжелатель или недруг? Остался ли он в Лондоне или последовал за нами сюда? Не его ли я видел на вершине горы?

Правда, я имел время только раз взглянуть на него, но есть некоторые данные, за которые я могу поручиться головою. Во-первых, это не был кто-либо из тех, кого я встречал тут, а я теперь видел всех соседей. Он несравненно выше Стапльтона и несравненно тоньше Франкланда. Это по фигуре мог быть Барримор, но последнего мы оставили в доме, и я уверен, что он не мог последовать за нами. Значит, какой-то незнакомец продолжает следить за нами и здесь. Если бы я мог наложить руки на этого человека, то мы, наконец, покончили бы со всеми своими недоумениями. К достижению этой цели я должен теперь направить всю свою энергию.

Первым моим побуждением было сообщить сэру Генри о всех моих планах. Но вторым и самым благоразумным было решение не впутывать его в свою игру и говорить как можно меньше с кем бы то ни было. Он молчалив и рассеян. Его нервы удивительно потрясены звуком, слышанным им на болоте. Я ничего не скажу, что могло бы увеличить его опасения, и один приму меры для достижения своей цели. Сегодня утром, после завтрака, произошел небольшой инцидент. Барримор попросил у сэра Генри позволения переговорить с ним, и они заперлись вдвоем в кабинете. Сидя в бильярдной, я несколько раз слышал, что голоса их возвышались, и я мог себе представить, о чем идет речь. Вскоре баронет открыл дверь и позвал меня.

– Барримор находит, что он обижен, – сказал сэр Генри. – Он думает, что с нашей стороны было непорядочно преследовать его шурина после того, как он сам, по доброй воле, выдал нам свою тайну.

Дворецкий стоял перед нами бледный, но спокойный.

– Я, может быть, погорячился, сэр, – сказал он, – в таком случае прошу у вас прощения. Но я был очень удивлен, когда услышал, как вы сегодня утром возвращались вдвоем, и узнал, что вы охотились за Сельденом. У

бедного малого достаточно с кем бороться без того, чтобы и я еще выпускал врагов по его следам.

– Если бы вы нам все рассказали по своей доброй воле, то это было бы другое дело, – сказал баронет. – Вы же, или, вернее, ваша жена рассказала все только тогда, когда были силою принуждены это сделать и не могли поступить иначе.

– Я не думал, сэр Генри, что вы этим воспользуетесь, – право, не думал.

– Человек этот опасен для общества. На болоте разбросаны одинокие жилища, а он такой молодец, который нападет ни за что, ни про что. Стоит только взглянуть на его лицо, чтобы убедиться в этом. Вот хотя бы дом мистера Стапльтона, в котором нет другого защитника, кроме его самого. Никто не может чувствовать себя в безопасности, пока Сельден не будет под замком.

– Нет, сэр; он не ворвется ни в чей дом. Даю вам в том свое честное слово. Он никого не потревожит больше в этой стране! Уверяю вас, сэр Генри, что через несколько дней будут окончены все приготовления к его отъезду в Южную Америку. Ради Бога, прошу вас, сэр, не сообщать полиции о том, что он все еще находится на болоте. Она уже отказалась разыскивать его здесь, и он может спокойно прятаться, пока не будет все готово к его отъезду. Вы не можете выдать его, не причинив моей жене и мне большого горя. Умоляю вас, сэр, ничего не говорить полиции.

– Что вы скажете, Ватсон?

Я пожал плечами и сказал:

– Если он уберется из Англии, это избавит плательщика податей от лишней тяжести.

– Ну, а что, если он перед отъездом уколошит кого-нибудь здесь?

– Нет, сэр, он не поступит так безрассудно. Мы снабдили его всем, в чем он мог нуждаться. Совершив же преступление, он выдаст место, где прячется.

– Это правда, – произнес сэр Генри. – Ладно, Барримор...

– Да благословит вас Бог, сэр; благодарю вас от всего сердца! Если бы его снова забрали, это убило бы мою бедную жену.

– Я полагаю, Ватсон, что мы поощряем и содействуем уголовному делу. Но после того, что мы слышали, я чувствую, что не могу выдать этого человека, ну, так и конец всему этому. Ладно, Барримор, теперь можете идти.

После нескольких несвязных слов благодарности дворецкий повернулся, чтобы уйти, но, постояв в нерешительности, вернулся и снова

заговорил:

– Вы были так добры к нам, сэр, что и мне, в свою очередь, хотелось бы сделать для вас все, что в моей власти. Я знаю нечто такое, сэр Генри, о чем, может быть, сказал бы и раньше, но я узнал это спустя долгое время после следствия. Я никому ни слова не говорил об этом. Это касается смерти бедного сэра Чарльза.

Баронет и я разом вскочили на ноги.

– Вы знаете, как он умер?

– Нет, сэр, этого я не знаю. Так что же?

– Я знаю, для чего он пошел к калитке в такой час. Для того, чтобы встретиться с женщиною.

– Чтобы встретиться с женщиною! Он?

– Да, сэр.

– Имя этой женщины?

– Я не могу вам сказать ее имени, сэр, но могу вам сообщить его начальные буквы. Эти буквы Л. Л.

– Как вы это узнали, Барримор?

– Ваш дядя, сэр Генри, получил в то утро письмо. Обыкновенно он получал их очень много, так как был популярен и хорошо известен, как добрый человек, и всякий, кто нуждался, обращался к нему. Но в то утро случилось так, что он получил одно только это письмо, а потому я и обратил за него внимание. Оно было из Кумб-Трасей, и адрес был написан женской рукою.

– Ну?

– Я больше не думал об этом письме и никогда бы не вспомнил о нем, если бы не моя жена. Несколько недель тому назад она чистила кабинет сэра Чарльза (его не трогали со дня его смерти) и нашла за каминной решеткой остатки сожженного письма. Большая часть его превратилась в пепел, но маленькая полоска, – конец страницы, – еще держался, и можно было прочесть то, что было написано на ней, хотя буквы были серые на черном фоне. Нам казалось, что это был постскриптум, и он гласил: «Пожалуйста, пожалуйста, прошу вас, как джентльмена, сожгите это письмо и будьте у калитки в десять часов». Под ним стояли буквы Л. Л.

– Сохранили вы этот клочок?

– Нет, сэр, – когда мы дотронулись до него, он рассыпался.

– Получал ли сэр Чарльз раньше письма, написанные этим почерком?

– Ах, сэр, я не обращал особенного внимания на его письма. Я и этого бы не заметил, если бы оно не пришло одно.

– И вы не догадываетесь, кто это может быть Л. Л.?

– Нет, сэр. Но я думаю, что если бы мы могли добраться до этой дамы, то больше бы узнали о смерти сэра Чарльза.

– Я не понимаю, Барримор, как вы могли скрыть такой важный факт.

– Ах, сэр, это произошло тотчас же после того, как нас постигло наше личное горе. Кроме того, мы оба очень любили сэра Чарльза и были ему благодарны за все, что он для нас сделал. Раскапывание всего этого не могло воскресить нашего бедного господина, и следует быть осторожным, когда в дело замешана дама. Даже лучшие из нас...

– Вы думаете, что это могло бы нанести ущерб его репутации?

– Ах, сэр, я думал, что ничего хорошего не выйдет из этого. Но теперь вы были добры к нам, и я чувствую, что не хорошо было бы не рассказать вам все, что я знаю о деле.

– Прекрасно, Барримор, можете идти.

Когда дворецкий вышел, сэр Генри быстро обратился ко мне с вопросом:

– Ну, Ватсон, что вы думаете об этом новом свете?

– От него стало как будто еще темнее.

– И я тоже нахожу. Но если бы нам только удалось напасть на след Л. Л., то все дело разъяснилось бы. Хоть это у нас в барышах. Мы знаем, что есть женщина знакомая с событиями, только бы нам найти ее. Как вы думаете, что нам делать?

– Тотчас же сообщить обо всем Холмсу. Это даст ему ключ, которого он искал, и который, я уверен, приведет его сюда.

Я тотчас же отправился в свою комнату и составил свое донесение Холмсу об утреннем разговоре. Для меня было очевидным, что он был очень занят, потому что записки, полученные мною из Бекер-стрита, были редки, коротки, без всяких комментариев на сообщаемые мною сведения и почти без упоминания о порученной мне миссии. Он, без сомнения, всецело поглощен занимающим его шантажным делом. Но этот новый фактор наверное остановит его внимание и возбудит вновь его интерес. Мне бы хотелось, чтобы он был здесь.

Октября 17-го. Сегодня целый день лил дождь; он шумел в плюще и капал с крыш. Я думал о преступнике на мрачном, холодном, пустынном болоте. Бедный человек! Каковы бы ни были его преступления, он достаточно настрадался, чтобы несколько искупить их. Я также подумал о том другом, – о лице, которое мы видели в кэбе, о фигуре, которую я видел на горе при луне. Не находится ли среди этого потока и он, – невидимый наблюдатель, человек тьмы? Вечером я надел свой непромокаемый плащ и пошел далеко по бушевавшему болоту, полный мрачных картин, которые

мне рисовало воображение, между тем как дождь хлестал мне в лицо и ветер затекал в уши. Да поможет Господь тем, кто бродит теперь по большой трясине, так как и твердая земля становится топью. Я попал на черную вершину, на которой заметил в ту ночь одинокого человека, и оттуда стал всматриваться в мрачное пространство, расстилавшееся подо мною. Потоки дождя омывали бурые холмы, и тяжелые, свинцовые тучи низко нависли над болотом и тянулись в виде серых гирлянд по их склонам. Далеко налево, между двух холмов, наполовину скрытые туманом, подымались над деревьями две тоненькие башенки Баскервиль-голля. Они были единственными видимыми для меня признаками человеческой жизни, помимо доисторических хижин, густо разбросанных по склонам холмов. Нигде не было видно и признаков того человека, которого я видел на этом самом месте за две ночи перед тем.

Когда я возвращался домой, меня обогнал доктор Мортимер, ехавший в кабриолете по неровной болотной дорожке, ведущей к отдаленной Фаулмайрской ферме. Доктор Мортимер был очень внимателен к нам, и не проходило дня, чтобы он не заезжал в голль узнать, как мы поживаем. Он настоял на том, чтобы я сел в его кабриолет, и довез меня до дому. Он был очень огорчен исчезновением своего спаньеля; собачка побежала на болото и не возвращалась оттуда. Я утешал его, как умел, но подумал о пони в Гримпенской трясине и полагаю, что он никогда больше не увидит своей собачки.

– Кстати, Мортимер, – сказал я, пока мы тряслись по болотной дорожке, – полагаю, что немного в этой местности людей, которых бы вы не знали.

– Вряд ли найдется хоть один такой человек.

– Так не можете ли вы мне назвать женщину, имя и фамилия которой начинаются на Л.?

Он подумал и сказал:

– Нет. Тут есть несколько цыган и рабочих, имен которых я вам не могу назвать, но между фермерами и интеллигентными людьми нет ни одного, имя и фамилия которого начинались бы на Л. Впрочем, подождите, – прибавил он, помолчав, – есть Лаура Ляйонс, но она живет в Кумб-Трасей.

– Кто она такая? – спросил я.

– Дочь Франкланда.

– Что? Старого маниака Франкланда?

– Именно. Она вышла замуж за художника Ляйонса, который приезжал рисовать эскизы на болоте. Он оказался негодяем и бросил ее. Впрочем,

говорят, что следует винить обе стороны. Отец отказался от нее, потому что она вышла замуж без его согласия, а может быть и по другим причинам. Таким образом бедной женщине плохо пришлось между старым и молодым грешниками.

– Чем она живет?

– Я думаю, что старик дает ей на пропитание, но не более, так как его дела очень плохи. Но, чего бы она ни заслужила, все-таки нельзя было допустить, чтобы она плохо кончила, благодаря отсутствию помощи. Ее история стала тут известною, и несколько человек приняли в ней участие, желая дать ей возможность честно зарабатывать свой хлеб. То были Стапльтон и сэр Чарльз, да и я внес свою лепту, чтобы приобрести ей пишущую машину и пристроить к делу.

Мортимер желал узнать цель моих расспросов, но мне удалось удовлетворить его любопытство, не высказав слишком много, потому что излишне нам вмешивать кого бы то ни было в наши дела. Завтра утром я доберусь до Кумб-Трасей и, если мне удастся увидеть эту сомнительной репутации Лауру Ляйонс, я сделаю крупный шаг к выяснению одного инцидента в этой цепи тайн. Я, без сомнения, приобретаю змеиную мудрость, потому что, когда Мортимер уж очень стал притеснять меня вопросами, я спросил его, к какому типу принадлежит череп Франкланда, после чего, в продолжение всего остального пути, слышал только о краниологии. Недаром же я прожил столько лет с Шерлоком Холмсом.

Мне остается передать еще один только инцидент, имевший место в этот ненастный печальный день, а именно разговор с Барримором, давший мне, для своевременного хода, крупную карту в руки.

Мортимер остался обедать, а после обеда они с баронетом сели играть в экарте. Дворецкий принес мне кофе в библиотеку, и я этим воспользовался, чтобы задать ему несколько вопросов.

– Скажите, – начал я, – ваш драгоценный родственник уехал или все еще прячется там?

– Не знаю, сэр. Я надеюсь всею душою, что он уехал, потому что он принес сюда с собою одно только горе! Я ничего не слыхал о нем с тех пор, как отнес ему в последний раз пищу, а это было три дня тому назад.

– Видели вы его тогда?

– Нет, сэр, но когда в следующий раз я пошел туда, то пища исчезла.

– Так он наверное там был?

– Так можно думать, разве что ее взял другой человек.

Я не донес чашки до рта и уставился на Барримора.

– Так вы знаете, что там есть другой человек?

– Да, сэр, на болоте есть другой человек.

– Видели вы его?

– Нет, сэр.

– Так почему вы знаете о его существовании?

– Сельден сообщил мне о нем с неделю или больше тому назад. Он тоже прячется, но, насколько я понял, он не беглый преступник. Мне это не нравится, доктор Ватсон, – говорю вам откровенно, не нравятся мне это.

Он выговорил это со страстной серьезностью.

– Слушайте, Барримор. В этом деле у меня нет другого интереса, кроме интереса вашего господина. Я приехал сюда с единственной целью ему помочь. Так скажите мне чистосердечно, что вам не нравится?

Барримор колебался несколько мгновений, как будто он раскаивался в своей вспышке или затруднялся словами выразить свои чувства.

– Все, что тут творится, сэр, – воскликнул он, наконец, указывая рукою по направлению к залитому дождем окну, выходящему на болото. – Где-то ведется нечистая игра, и заваривается какая-то гадость, за это я готов поручиться! Как я был бы рад, если бы сэр Генри собрался обратно в Лондон.

– Но что же так пугает вас?

– Вспомните смерть сэра Чарльза! Это было достаточно скверно, чтобы там ни говорил следователь. Вспомните о ночных шумах, происходящих на болоте! Не найдется человека, который согласился бы пройти через него после захода солнца, хотя бы ему и заплатили за это. Подумайте о незнакомце, который прячется там, караулит и ждет! Чего он ждет? Что это значит? Это не предвещает ничего хорошего для всякого, носящего фамилию Баскервиль, и я буду очень рад освободиться от всего этого, когда новые слуги сэра Генри будут готовы принять от меня заботы о голле.

– Но не можете ли вы мне сказать что-нибудь об этом незнакомце? – спросил я. – Что говорил Сельден? Узнал ли он, где он прячется и что делает?

– Он видел его раза два, но это хитрая штука и ничего не выдаст. Сперва Сельден думал, что он принадлежит к полиции, но затем увидел, что он ведет свою собственную игру. Он нечто в роде джентльмена, но что он делает, Сельден не мог узнать.

– А где он живет?

– В развалинах на склоне холма, в каменных хижинах, которые служили жилищем древнему народу.

– Ну, а как же насчет пищи?

– Сельден узнал, что он добыл себе мальчика, который работает на него и приносит ему все, что нужно из Кумб-Трасей.

– Прекрасно, Барримор. Мы можем поговорить об этом подробнее в другой раз.

Когда дворецкий ушел, я подошел к темному окну и посмотрел через забрызганное стекло на несущиеся тучи и раскачиваемые бурей деревья. Ночь ужасная и что должно твориться в каменной хижине на болоте? Какая страстная ненависть может заставить человека прятаться в таком месте, в такое время? Или какая глубоко серьезная цель вызывает его на такой подвиг? Там, в хижине на болоте, находится, по-видимому, самая суть задачи, столь тяжело озабочивающей меня. Клянусь, что не пройдет дня, как я сделаю все, что только может сделать человек для того, чтобы добраться до самого сердца тайны.

XI. Человек на горе

В извлечении из моего дневника, составившем последнюю главу, рассказ доведен до 18-го октября, когда эти странные события стали быстро двигаться к их ужасному заключению. Инциденты последующих немногих дней неизгладимо запечатлены в моей памяти, и я могу их передать, не прибегая к заметкам, сделанным в то время. Итак я начинаю с того дня, в который мне удалось установить два важных факта: первый, что Лаура Ляйонс из Кумб-Трасей писала сэру Чарльзу Баскервиллю и назначила ему свидание на том самом месте и в тот самый час, когда его поразила смерть, и второй, что скрывающегося на болоте человека можно найти между каменными хижинами на склоне холма. Я сознавал, что если, обладая этими двумя фактами, мне не удастся пролить свет в этих темных местах, то, значит, у меня не хватает или ума или смелости.

Мне не удалось накануне вечером передать баронету то, что я узнал о миссис Ляйонс, потому что он засиделся с доктором Мортимером за картами до поздней ночи. За завтраком же я сообщил ему о своем открытии и спросил его, не желает ли он сопровождать меня в Кумб-Трасей. Сначала ему очень хотелось ехать со мною, но, по здравом обсуждении, мы оба решили, что если я поеду один, то достигну лучших результатов. Чем больше мы придадим формальности нашему визиту, тем меньше мы добудем сведений. А потому я покинул сэра Генри не без некоторого угрызения совести и отправился на свои новые изыскания.

Когда я доехал до Кумб-Трасей, то приказал Перкинсу поставить лошадей в конюшню и пошел наводить справки о даме, которую приехал допрашивать. Я без труда нашел ее квартиру, которая находилась в центре и была хорошо обставлена. Девушка ввела меня без всяких церемоний, и когда я вошел в комнату, то дама, сидевшая за машиною «Ремингтонъ», вскочила с приветливою улыбкой на устах. Но лицо ее тотчас же стало серьезным, когда она увидела перед собою незнакомца и, усевшись снова перед машиною, она спросила меня о цели моего визита. Первое впечатление, производимое миссис Ляйонс, было то, что она в высшей степени красива. Глаза и волосы у нее были одного и того же красивого каштанового цвета, а на щеках, хотя и значительно усеянных веснушками, играл прелестный румянец, свойственный брюнеткам. Повторяю, что первое впечатление, произведенное ею, было восхищение. Но по второму взгляду уже хотелось ее критиковать. В ее лице было что-то неопределенно

неприятное, может быть, некоторая грубость выражения или жесткость взгляда, которые искажали совершенную красоту. Но обо всем этом я подумал впоследствии. В ту же минуту я просто сознавал, что нахожусь перед очень красивой женщиной и что она спрашивает меня о цели моего визита. Я до тех пор не отдавал себе полного отчета в том, насколько моя миссия была деликатною.

– Я имею удовольствие быть знакомым с вашим отцом, – сказал я.

Это вступление было крайне неуместно, и дама дала мне это почувствовать.

– Ничего нет общего между моим отцом и мною, – сказала она. – Я ничем ему не обязана, и его друзья не мои друзья. Если бы не покойный сэр Чарльз Баскервиль и другие добрые сердца, я умерла бы с голода при заботах моего отца.

– Я пришел к вам по поводу покойного сэра Чарльза Баскервиля.

Веснушки выступили на ее лице.

– Что могу я вам сказать о нем? – спросила она, и пальцы ее нервно задвигались по клавишам машины.

– Вы были с ним знакомы, не правда ли?

– Я уже сказала вам, что много обязана его доброте. Если я в состоянии сама содержать себя, то этим в большей степени обязана участию, которое он принял в моем печальном положении.

– Находились ли вы с ним в переписке?

Женщина бросила вверх быстрый сердитый взгляд.

– Какая цель этих расспросов? – резко спросила она.

– Цель их – избежать публичного скандала. Лучше вам ответить на них здесь, чем допустить, чтобы дело получило огласку.

Она молчала и сильно побледнела. Наконец, подняла голову и сказала смело и вызывающе:

– Хорошо, я буду отвечать. В чем заключаются ваши вопросы?

– Переписывались ли вы с сэром Чарльзом?

– Я, конечно, раза два писала ему, чтобы выразить свою признательность за его деликатность и щедрость.

– Помните вы числа, в которые писали эти письма?

– Нет.

– Встречались ли вы когда-нибудь с ним?

– Раза два, когда он приезжал в Кумб-Трасей. Он был очень скромен и предпочитал делать добро втайне.

– Но если вы виделись с ним так редко и писали ему так редко, то как же мог он настолько быть ознакомленным с вашими делами, чтобы

приходить вам на помощь, как вы это рассказываете?

Она с готовностью ответила:

– Несколько человек знали мою грустную историю, и они соединились для того, чтобы помочь мне. Один из них мистер Стапльтон, – сосед и друг сэра Чарльза. Он чрезвычайно добр, и через него сэр Чарльз узнал о моих делах.

Я раньше знал, что сэр Чарльз Баскервиль избирал в нескольких случаях Стапльтона для роли раздавателя его милостыни, а потому слова Лауры Ляйонс показались мне правдивыми.

– Не писали ли вы когда-нибудь сэру Чарльзу, назначая ему свидание? – продолжал я.

Миссис Ляйонс покраснела от гнева.

– Поистине, сэр, это крайне странный вопрос!

– Мне очень жаль, сударыня, но я должен его повторить.

– Ну, так я отвечаю: конечно, нет.

– И даже не писали в самый день смерти сэра Чарльза?

Румянец сбежал с ее лица, и его покрыла смертельная бледность. Ее засохшие губы не могли произнести того «нет», которое я скорее видел, чем слышал.

– Несомненно, память изменяет вам, – сказал я. – Я могу даже цитировать одно место вашего письма: «Пожалуйста, пожалуйста, прошу вас, как джентльмена, сожгите это письмо и будьте у калитки в десять часов».

Я думал, что она упадет в обморок, но она сделала над собой страшное усилие и прошептала:

– Неужели на свете не существует ни одного джентльмена?

– Вы несправедливы к сэру Чарльзу. Он сжег письмо. Но иногда можно прочесть письмо, когда оно и сожжено. Теперь вы признаете, что написали его?

– Да, я написала его, – воскликнула она, облегчая свою душу потоком слов. – Я написала его. Зачем я стала бы отрицать это? Мне нет причины стыдиться этого. Мне хотелось, чтобы он мне помог. Я верила, что если бы мне удалось повидаться с ним, то я получила бы от него помощь, а потому и просила его прийти.

– Но почему в такой час?

– Потому что я только что узнала о его намерении уехать на другой день в Лондон на несколько месяцев. Были причины, по которым я не могла пойти туда раньше.

– Но зачем же было назначать свидание в саду вместо того, чтобы идти

к нему в дом?

– Неужели вы думаете, что женщина может в такой час идти одна к холостому мужчине?

– Ну, так что же случилось, когда вы пришли туда?

– Я не пошла туда.

– Миссис Ляйонс!

– Нет, клянусь вам всем, что есть для меня святого, я туда не ходила. Случилось нечто такое, что помешало мне пойти.

– Что это было?

– Это частное дело. Я не могу сказать.

– Так вы признаете, что назначили свидание сэру Чарльзу в тот самый час и на том самом месте, где поразила его смерть, но отрицаете, что пошли на это свидание?

– Это истина.

Я снова закидал ее вопросами, но больше этого ничего не мог добиться.

– Миссис Ляйонс, – сказал я, вставая после этой длинной и ни к чему не приведшей беседы, – вы берете на себя очень большую ответственность и ставите себя в очень фальшивое положение, не желая высказать на чистоту все, что вам известно. Если мне придется прибегнуть к помощи полиции, то вы увидите, насколько вы серьезно скомпрометированы. Если вы невиновны, то почему же первоначально отрицали, что писали в этот день сэру Чарльзу?

– Потому что боялась, что из этого будет выведено какое-нибудь превратное заключение и что я окажусь впутанною в скандал.

– А почему вы так настаивали, чтобы сэр Чарльз уничтожил ваше письмо?

– Если вы читали письмо, то знаете почему.

– Я не сказал, что читал все письмо.

– Вы цитировали часть его.

– Я цитировал постскриптум. Письмо, как я вам сказал, было сожжено, и его нельзя было прочесть. Я вторично спрашиваю вас, почему вы так настаивали, чтобы сэр Чарльз уничтожил это письмо, полученное им в день его смерти?

– Это очень интимное дело.

– Тем более причин для того, чтобы избежать публичной огласки.

– Ну, так я вам скажу. Если вы слыхали хоть что-нибудь из моей несчастной истории, то знаете, что я опрометчиво вышла замуж и имела причины в том раскаиваться.

– Да, это я слышал.

– Жизнь моя была одним сплошным преследованием со стороны мужа, которого я ненавижу. Закон на его стороне, и каждый день я могу опасаться, что он силою заставит меня жить вместе с собою. В то время, когда я писала сэру Чарльзу, я узнала, что есть для меня возможность приобрести свободу, если будут сделаны некоторые расходы. Это значило для меня все: мир душевный, счастье, самоуважение, решительно все. Мне знакома была щедрость сэра Чарльза, и я подумала, что если сама расскажу ему, в чем дело, он поможет мне.

– Так почему же вы не пошли на свидание?

– Потому что я вдруг получила помощь из другого источника.

– Почему же вы не написали сэру Чарльзу, чтобы объяснить ему все это?

– Я бы это сделала, если бы в следующее утро не узнала из газеты о его смерти.

История была связно рассказана, и все мои вопросы не могли сбить Лауру Ляйонс. Проверить же ее я мог только если бы узнал, что она действительно затеяла развод с мужем в то время, когда совершилась трагедия.

Невероятно, чтобы она осмелилась сказать, что не была в Баскервиль-голле, если бы она действительно там была, потому что ее должен был доставить туда экипаж, и она не могла вернуться в Кумб-Трасей ранее следующих первых утренних часов. Такая экскурсия не могла быть сохранена в тайне. Следовательно, вероятность была за то, что она говорила правду или часть правды. Я вышел сбитый с толку и смущенный. Снова очутился я у стены, которая точно вырастала на всяком пути, по которому я пытался добраться до цели моей миссии. А между тем, чем более я думал о лице Лауры Ляйонс и о ее поведении, тем более чувствовал, что от меня что-то было скрыто. Почему она так побледнела? Почему она отрицала свой поступок, пока признание не было силою вырвано у нее? Почему она молчала в то время, когда произошла трагедия? Конечно, объяснения всему этому не могли быть столь же невинными, как она хотела заставить меня думать. Пока я ничего не мог больше сделать в этом направлении и должен был приняться за другой ключ, который приходилось искать между каменными хижинами на болоте.

А это было очень неопределенное указание. Я убедился в этом, когда ехал назад и заметил, что множество холмов сохранили следы древнего народа. Единственным указанием Барримора было, что незнакомец живет в одной из этих покинутых хижин, а такие хижины разбросаны сотнями

вдоль и поперек болота. Но мною руководили мои собственные сведения, так как я видел самого человека, стоявшего на вершине Бляк-тора. Эта гора и будет, следовательно, центральным пунктом моих розысков. С этого пункта я обыщу каждую хижину, пока не нападу на обитаемую. Если человек будет находиться внутри нее, то я узнаю из его собственных уст, при помощи своего револьвера, если понадобится, кто он такой и зачем он так долго выслеживает нас. Он мог ускользнуть от нас в толпе Реджент-стрита, но на пустынном болоте это окажется позамысловатее. С другой стороны, если я найду хижину, а жильца ее не будет дома, то должен остаться в ней, сколько бы ни пришлось, пока он не вернется. Холмс упустил его в Лондоне. Поистине для меня будет триумфом, если я с успехом выйду из того, что не удалось моему учителю.

В наших изысканиях счастье отвернулось от нас, но теперь, наконец, оно пришло мне навстречу в лице мистера Франкланда, который стоял за воротами своего сада, выходящими на большую дорогу, по которой я ехал.

– Здравствуй, доктор Ватсон! – воскликнул он необыкновенно весело, – право, вам следует дать отдых лошадям и войти ко мне выпить стаканчик вина и поздравить меня.

После всего, что я слышал о его поступке с дочерью, мои чувства к нему были далеко не дружественными, но мне очень хотелось отправить Перкинса с экипажем домой, и для этого представлялся случай. Я вышел из экипажа, велел кучеру передать сэру Генри, что приду домой вовремя, к обеду, и последовал за Франкландом в его столовую.

– Сегодня великий для меня день, сэр, один из счастливейших в моей жизни! – воскликнул он со взрывом хохота. – Я вышел победителем из двух дел. Я намерен показать им, что закон – есть закон и что существует человек, не боящийся взывать к нему. Я установил право проезда через самую середину парка старого Мидльтона, в ста ярдах от его собственной парадной двери. Что вы думаете об этом? Мы докажем этим магнатам, чёрт их побери, что они не могут попираť прав общины! И я закрыл доступ в лес, в котором народ из Фернворта имел обыкновение устраивать пикники. Этот дьявольский народ воображает, что не существует никаких прав собственности и что он может повсюду кишеть со своими бумажками и бутылками. Оба дела решены, доктор Ватсон, и оба в мою пользу. У меня не было такого дня с тех пор, как я предал суду сэра Джона Морланда за то, что он стрелял в своем собственном заповедном лесу.

– Каким образом вы могли это сделать?

– А вот взгляните в книгу, сэр. Это стоит прочитать: Франкланд против Морланда, суд королевской скамьи. Это стоило мне 200 фунтов, но я

добился вердикта в свою пользу.

– А принесло это вам что-нибудь?

– Ничего, сэр, ровно ничего. Я горжусь тем, что у меня не было никакого личного интереса в деле. Я действовал исключительно из сознания общественного долга. Я не сомневаюсь, например, что народ Фернворта предаст меня заочному сожжению сегодня ночью. В прошлый раз, когда это сделали, я сказал полиции, чтобы она остановила такие гнусные зрелища. Полиция графства обретаётся в позорном состоянии, и она не оказала мне защиты, на которую я имею право. Дело Франкланда против правительства обратит на это внимание общества. Я сказал им, что им придется раскаться в своем обращении со мною, и слова мои уже оправдываются.

– Каким образом? – спросил я. Лицо старика приняло многозначительное выражение.

– Я мог бы им сообщить то, что им смертельно хочется узнать, но ничто не заставит меня прийти на помощь этим мерзавцам.

До сих пор я придумывал какой-нибудь предлог для того, чтобы уйти от его болтовни, но тут мне захотелось услышать побольше. Я достаточно был знаком с противоречивым характером старого грешника для того, чтобы сознавать, что всякое сильное изъяснение интереса способно остановить его дальнейшие сообщения.

– Вероятно, какое-нибудь браконьерское дело, – произнес я равнодушным тоном.

– Ха-ха, молодой человек, нечто гораздо более важное! Что, если это касается беглого преступника на болоте?

Я вздрогнул.

– Разве вы знаете, где он находится? – спросил я.

– Я, может быть, не знаю в точности, где он находится, но я уверен, что мог бы помочь полиции наложить на него руку. Разве вам никогда не приходило в голову, что самый лучший способ поймать этого человека – это узнать, как он добывает себе пищу, и таким образом выследить его?

Без сомнения, он неприятно близко подходил к истине.

– Конечно, – сказал я, – но почему вы знаете, что человек этот находится на болоте?

– Я знаю это, потому что собственными глазами видел того, кто носит ему пищу.

Сердце у меня дрогнуло за Барримора. Была не шутка попасть в руки этого злокозненного старого хлопотуна. Но следующие его слова облегчили мне душу.

– Вы удивитесь, когда узнаете, что пищу ему носит ребенок. Я ежедневно вижу его в телескоп с крыши своего дома. Он проходит по одной и той же тропинке в один и тот же час, а к кому же он может ходить, как не к преступнику?

Тут, действительно, мне посчастливилось! А между тем я подавил в себе всякое проявление интереса. Ребенок! Барримор сказал, что нашему незнакомцу служит мальчик. Итак, Франкланд напал на его след, а не на след преступника. Если бы он сообщил мне все то, что сам знает, то это избавило бы меня от продолжительной и утомительной охоты. Но недоверие и равнодушие были самыми сильными козырями в моих руках.

– Я бы сказал, что это, вернее, сын какого-нибудь пастуха на болоте носит обед своему отцу.

Малейшее противоречие воспламеняло старого самодура. Он лукаво посмотрел на меня, и его седые усы оцетинились, как у разозлившейся кошки.

– Вы думаете, сэр! – воскликнул он, указывая на обширное пространство болота. – Видите вы там этот Бляк-тор? Видите вы низкий холм с терновыми кустами? Это самая каменистая часть на всем болоте. Неужели пастух избрал бы для себя такое место? Ваши догадки, сэр, нелепы.

Я кротко возразил, что говорил, не зная всех фактов. Моя покорность понравилась ему и заставила его больше довериться мне.

– Поверьте, сэр, что у меня всегда очень хорошие основания для вывода заключения. Я много раз видел мальчика с узелком. Каждый день, а иногда и два раза в день, я мог... но постойте, доктор Ватсон, обманывают ли меня мои глаза или что-нибудь шевелится на склоне холма?

Это было в нескольких милях от нас, но я ясно видел маленькую черную точку, выделявшуюся на монотонном сером фоне.

– Идем, идем! – воскликнул Франкланд, бросаясь на лестницу. – Вы увидите собственными глазами и сами рассудите.

Телескоп, громадный инструмент, поставленный на треножнике, стоял на плоской крыше. Франкланд приложил к нему глаз и издал возглас удовольствия.

– Скорее, доктор Ватсон, скорее, пока он не спустился за холм.

Без сомнения, я увидел его, мальчугана с узелком на плече, тихо карабкавшегося по холму. Когда мальчуган достиг вершины, то я увидел его растрепанную, странную фигуру, обрисовавшуюся на одно мгновение на холодном голубом небе. Он украдкой оглянулся, как человек, страшщийся преследования, и затем исчез за холмом.

– Ну! Не прав ли я?

– Без сомнения, это мальчик, которому поручено какое-то тайное дело.

– А в чем заключается поручение, может угадать даже здешний полицейский. Но я не скажу им ни одного слова и обязываю и вас, доктор Ватсон, сохранить тайну. Ни слова! Понимаете?

– Как вы желаете.

– Они постыдно поступили со мной, говорю вам – постыдно. Когда обнаружатся факты в деле «Франкланд против правительства», то смею думать, что вся страна содрогнется от негодования. Ничто не может заставить меня помочь полиции чем бы то ни было. Ей больше всего хотелось бы, чтобы эти негодяи сожгли меня самого вместо моего изображения. Неужели вы уходите? Помогите мне опорожнить графин в честь такого великого события.

Но я устоял против всех его просьб, и мне удалось отговорить его от высказанного им намерения проводить меня домой. Я шел по дороге, пока он видел меня, а затем бросился по болоту к каменистому холму, за которым исчез мальчик. Все было в мою пользу, и я поклялся, что если упущу этот счастливый случай, то это произойдет не от недостатка энергии и настойчивости.

Солнце уже садилось, когда я достиг вершины холма, и склоны его были с одной стороны золотистыми, а с другой темно-серыми. Туман низко спускался на дальнюю линию горизонта, и из него выступали фантастические очертания Белливер-тора и Виксен-тора. Над всем обширным пространством не слышно было ни звука, не видно было никакого движения. Только большая серая птица, чайка или каравайка, парила высоко под голубым небом. Она и я казались единственными живыми существами между громадным небесным сводом и пустынею под ним. Голая местность, ощущение одиночества, таинственность и настоятельность моей задачи, – все это наполняло холодом мое сердце. Мальчика нигде не было видно. Но внизу, подо мною, в ущелье между холмами, находился круг древних каменных хижин, а на одной из них сохранился достаточный кусок крыши для того, чтобы служить защитой от непогоды. Сердце мое забилося от радости при виде этого. Эта нора и должна быть та, в которой прячется незнакомец. Наконец-то нога моя ступила на порог его убежища; его тайна была в моих руках.

Подходя к хижине так же осторожно, как Стапльтон подходит со своею сеткой к сидящей бабочке, я с удовольствием увидел, что местом этим кто-то пользовался, как жилищем. Едва заметная тропинка, проложенная между валунами, вела к разрушенному отверстию, служившему дверью.

Внутри царило безмолвие. Незнакомец, может быть, прячется здесь, а может быть он шатается по болоту. Мои нервы были напряжены от ожидания приближающихся приключений. Бросив папиросу, я опустил руку в карман, в котором находился револьвер и, быстро подойдя к двери, заглянул в нее. Хижина была пуста.

Но в ней находилось достаточно доказательств тому, что я попал не на ложный след. Без сомнения, тут жил человек. Несколько свернутых одеял лежало на той самой каменной плите, на которой когда-то спал неолитический человек. В простой решетке лежала куча золы. Рядом находилось несколько кухонных принадлежностей и ведро, наполовину наполненное водою. Куча пустых жестянок доказывала, что место это было занято уже некоторое время и, когда глаза мои освоились с полусветом, я увидел в углу чашечку и бутылочку, на половину наполненную водкой. Посреди хижины плоский камень служил столом, а на нем лежал небольшой узелок, тот самый, без сомнения, который я видел в телескоп на плече мальчика. Он содержал целый хлеб, жестянку с языком и две жестянки с консервами персиков. Когда я, осмотрев узел, положил его на место, то сердце мое вздрогнуло от радости; я увидел под узлом клочок бумаги, на котором что-то было написано. Я взял его и вот что прочел:

«Доктор Ватсон отправился в Кумб-Трасей».

Я стоял с бумажкою в руке, не понимая значения написанного на ней. Так, значит, этот таинственный человек отслеживает меня, а не сэра Генри. Он не сам следил за мною, а отрядил агента (может быть, мальчика) ходить по моим следам. Может быть, я не сделал до сих пор ни одного шага на болоте без того, чтобы за ним не проследили. Все еще чувствовалось присутствие какой-то невидимой силы, тонкой сети, протянутой вокруг нас с изумительным искусством и держащей нас так легко, что только в самые последние моменты мы чувствовали, что попались в нее.

Если нашлось одно донесение, то могли быть тут и другие, и я стал обыскивать хижину. Однако, я не нашел больше никакой бумажки, а также никаких знаков, по которым мог бы узнать характер и намерения человека, живущего в этом оригинальном месте, кроме разве того, что у него были спартанские привычки и что он мало заботился о комфорте. Когда я подумал о проливных дождях и посмотрел на дырявую крышу, то понял, насколько должен быть силен мотив, удерживающий его в этом негостеприимном жилище. Кто он такой: наш злокозненный враг или, пожалуй, ангел-хранитель? Я поклялся, что не покину хижины, пока не

узнаю этого.

Солнце было очень низко, и запад горел пурпуром и золотом. Отдаленные лужи Большой Гримпенской трясины отражали солнце большими красными пятнами. Виднелись две башни Баскервиль-голля, и отдаленная дымка указывала на селение Гримпен. Между этими двумя местностями, за холмом, был дом Стапльтона. Все было мягко, нежно и мирно при золотистом вечернем освещении, но душа моя не гармонировала с мирною природою: она трепетала от неизвестности и страха перед свиданием, которое приближалось с каждою секундою. С натянутыми нервами, но с определенным намерением, я сидел в темном уголку хижины и с мрачным терпением ожидал прихода ее хозяина.

Наконец, я услышал шаги. Издалека раздался резкий звук сапога по камню. Затем послышался другой, третий, и шаги стали приближаться. Я отклонился в самый темный угол и взялся за курок револьвера в кармане, решив не выдавать своего присутствия, пока мне не удастся увидеть незнакомца. Шаги умолкли. Значит, он остановился. Затем они снова стали приближаться, и тень упала в отверстие хижины.

– Прелестный вечер, дорогой Ватсон, – произнес хорошо знакомый голос. – Право, я думаю, что вам будет приятнее выйти на воздух, чем сидеть в хижине.

XII. Смерть на болоте

Дыхание сперлось у меня в груди, я не доверял своим ушам. Наконец, ко мне вернулись сознание и голос, и вместе с тем я почувствовал, как будто в одно мгновение с моей души снята подавляющая тяжесть. Этот холодный, внушительный, иронический голос мог принадлежать одному только человеку на свете.

– Холмс! – воскликнул я. – Холмс!

– Выходите, – сказал он, – и, пожалуйста, поосторожнее с револьвером.

Я переступил порог и увидел его сидящим на камне, между тем как его серые глаза забавно прыгали, видя мое удивление. Его умное лицо, загоревшее и обветренное, было худо и осунулось, но выглядело ясным и бодрым. В парусинном костюме и мягкой шляпе, он имел вид любого туриста на болоте и даже умудрился, благодаря своей характерной кошачьей любви к чистоплотности, иметь в совершенстве выстиранное белье и гладко выбритый подбородок, точно он не выезжал из Бекер-стрита.

– В жизни своей не бывал я никому более рад, – сказал я, крепко сжимая ему руку.

– Или более удивлен, а?

– Признаюсь и в этом.

– Не вы одни были удивлены, уверяю вас. Пока я не очутился шагах в двадцати от этой хижины, мне и в голову не приходило, чтобы вы отыскиали мое случайное убежище, а еще менее, что вы сами сидите в нем.

– Вы узнали о моем присутствии по следам?

– Нет, Ватсон. Сомневаюсь, чтобы я мог отличить след вашей ноги от следов всех остальных людей на свете. Если вы серьезно пожелаете меня обмануть, то перемените своего поставщика папирос, потому что, когда я вижу окурки с этикеткой Брайден, Оксфорд-стрит, то знаю, что мой друг Ватсон находится по близости. Он там лежит у тропинки. Вы его бросили в тот торжественный момент, когда пошли приступом на пустую хижину.

– Совершенно верно.

– Я так и думал, и, зная вашу удивительную настойчивость, был убежден, что вы устроились в засаде с оружием наготове, в ожидании постояльца. Итак, вы в самом деле думали, что я-то и есть злодей.

– Я не знал, кто вы такой, но твердо решил все узнать.

– Чудный Ватсон! А как вы выследили меня? Может быть, вы видели меня в ночь погони за беглым каторжником, когда я имел неосторожность допустить, чтобы луна взошла позади меня?

– Да, я видел вас тогда.

– И, без сомнения, обыскали все хижины, прежде чем добраться до этой?

– Нет, ваш мальчик был замечен, и это дало мне руководящую нить.

– Замечен, конечно, тем стариком с телескопом. Я узнал об этом только тогда, когда в первый раз увидел свет, отраженный от объектива.

Холмс встал и заглянул в хижину.

– А, я вижу, что Картрайт принес мне кое-какие запасы. Что это за бумага? Так, значит, вы были в Кумб-Трасей?

– Да.

– Чтобы повидаться с миссис Лаурой Ляйонс?

– Именно.

– Прекрасно сделали. Наши расследования шли, очевидно, параллельно, и когда мы подведем итоги достигнутых нами результатов, то, надеюсь, будем хорошо ознакомлены с обстоятельствами дела.

– Что касается меня, то я от души рад, что вы здесь, потому что, право, моим нервам больше не под силу выносить эту таинственность. Но скажите, Бога ради, как вы-то сюда попали и что вы делали? Я думал, что вы находитесь в Бекер-стрите, занятые тем шантажным делом.

– Я именно и хотел, чтобы вы это думали.

– Так вы даете мне ответственное поручение и вместе с тем не доверяете мне! – воскликнул я с оттенком горечи. – Я думал, Холмс, что заслужил лучшего.

– Милый друг, вы были неоценимы для меня как в этом, так и во многих других случаях, и прошу вас простить меня, если я как будто сыграл с вами штуку. В действительности же я поступил так отчасти ради вас самих и приехал сюда, чтобы лично разобраться в деле, потому что взвесил, в какой вы находитесь здесь опасности. Если бы я жил вместе с вами и сэром Генри, то, очевидно, что у меня была бы та же точка зрения, что у вас, и мое присутствие заставило бы наших крайне опасных врагов быть настороже. Теперь я могу свободно прохаживаться, чего не в состоянии был бы сделать, если бы жил в голле, и остаюсь неизвестным фактором в деле, готовый кинуться в него всюю своею тяжестью в критический момент.

– Но зачем было оставлять меня в потемках?

– Если бы вы знали о моем приезде, это не принесло бы нам пользы, а

между тем мое присутствие здесь могло бы быть открыто. Вы бы захотели сообщить мне что-нибудь или же, по своей доброте, доставить мне какое-нибудь облегчение, а это было бы совершенно бесполезным риском. Я привез с собою Картрайта, помните, – того мальчугана из конторы комиссионеров, и он заботился об удовлетворении моих несложных потребностей: ломте хлеба и чистом воротничке. Что еще нужно человеку? Он доставил мне лишнюю пару глаз и пару очень проворных ног, и обе эти пары были неоценимы.

– Так, значит, все мои донесения пропали даром!

Мой голос задрожал, когда я припомнил труд и гордость, с какими я их составлял.

Холмс вынул из кармана сверток бумаг.

– Вот ваши донесения, дорогой друг, и они старательно перечитаны, уверяю вас. Я прекрасно устроился относительно их получения, и они запаздывали всего на один день. Я должен отдать вам честь в крайнем рвении и разумности, какую вы выказали в этом необыкновенно трудном деле.

Я никак еще не мог переварить тот факт, что Холмс обманывал меня, но теплота его похвал угасила мой гнев. В глубине сердца я чувствовал, что он был прав и что для нашей цели было лучше мне не знать об его присутствии на болоте.

– Так-то лучше, – сказал он, видя, что тень сбежала с моего лица. – А теперь расскажите мне о результате вашего визита к миссис Лауре Ляйонс. Мне не трудно было догадаться, что вы направились именно к ней, так как мне уже известно, что она единственная в Кумб-Трасей личность, которая может быть нам полезна. Дело в том, что если бы вы не поехали туда сегодня, то весьма вероятно, что завтра я сам отправился бы к ней.

Солнце село, и сумерки спустились на болото. В воздухе почувствовалась свежесть, и мы вошли погреться в хижину. Тут я рассказал Холмсу о своем разговоре с Лаурой Ляйонс. Он им так заинтересовался, что некоторые его части я должен был повторить.

– Очень важное сообщение, – сказал он, когда я кончил. – Оно заполняет в этом крайне сложном деле пробел, который я никак не мог перешагнуть. Не убедились ли вы, что между этою дамою и Стапльтоном существуют тесные отношения?

– Я ничего о них не знаю.

– В них нельзя сомневаться. Они встречаются, переписываются, между ними полное согласие. Ну, а это даст нам в руки очень сильное оружие. Если бы я мог только употребить его на то, чтобы отвлечь его жену...

– Его жену?

– Теперь я сообщаю вам новости в ответ на полученные от вас сведения. Дама, слышущая здесь за мисс Стапльтон, в действительности его жена.

– Господи, Боже мой, Холмс! Уверены ли вы в этом? Как мог он допустить, чтобы сэр Генри влюбился в нее?

– То, что сэр Генри влюбился, не могло повредить никому, кроме как сэру Генри. Вы же сами заметили, что Стапльтон всячески старался, чтобы сэр Генри не ухаживал за нею. Говорю вам, что она его жена, а не сестра.

– Но для чего такой обман?

– Потому что он предвидел, что она будет гораздо полезнее для него в роли свободной женщины.

Все мои неясные предчувствия, мои смутные подозрения внезапно облеклись в форму и сосредоточились на натуралисте. В этом бесстрастном, бесцветном человеке, в соломенной шляпе и с сеткою для ловли бабочек, мне почудилось ужасное существо, одаренное бесконечным терпением и хитростью, существо с улыбающимся лицом и сердцем убийцы.

– Так, значит, это он наш враг, это он следил за нами в Лондоне?

– В этом смысле я читаю загадку.

– А предостережение исходило, вероятно, от нее.

– Именно.

Сквозь мрак, так долго окружавший меня, проглядывал полувидимый, полуотгадываемый образ какой-то чудовищной низости.

– Но уверены ли вы в этом, Холмс? Почему вы узнали, что эта женщина его жена?

– Потому, что он так увлекся, что передал вам правду об одной части своей автобиографии, когда в первый раз встретился с вами, и полагаю, что затем он не раз жалел об этом. Он действительно был однажды школьным учителем в Северной Англии. Ну, а нет ничего легче, как добыть сведения об учителе. Есть школьные агентуры, чрез которые можно удостовериться в личности любого человека, когда-либо занимавшегося этою профессиею. Благодаря небольшой справке, я узнал, что одна школа претерпела несчастье при ужасных обстоятельствах и что виновник их (имя было другое) исчез вместе со своею женою. Описания учителя и его жены вполне подходят к приметам Стапльтонов. Когда же я узнал, что исчезнувший человек – энтомолог, то уже не мог больше сомневаться.

Мрак рассеялся, но многое еще оставалось в тени.

– Если эта женщина его жена, то при чем тут Лаура Ляйонс? – спросил

я.

– Это один из пунктов, на который ваши расследования пролили свет. Ваше свидание с дамою очень выяснило положение. Я ничего не знал о проектируемом разводе между Лаурой и ее мужем. Считая Стапльтона холостым, она, без сомнения, рассчитывает выйти за него замуж.

– А когда она узнает правду?..

– Тогда дама может оказаться полезною для нас. Первым делом нужно нам обоим завтра повидаться с нею. Не находите ли вы, Ватсон, что вы уже слишком давно покинули свои обязанности? Ваше место в Баскервиль-голле.

На западе исчез последний румянец заката, и ночь воцарилась на болоте. Несколько звездочек заблестело на фиолетовом небе.

– Еще один вопрос, Холмс, – сказал я, вставая. – Между нами не может быть, конечно, секретов. Что все это значит? Что ему нужно?

Холмс ответил пониженным голосом:

– Убийство, Ватсон. Утонченное, хладнокровно обдуманное убийство. Не спрашивайте у меня подробностей. Я затягиваю его в свои сети точно так же, как он затягивает сэра Генри, и, при вашей помощи, он уже почти в моей власти. Тут угрожает нам одна только опасность: опасность, что он нанесет удар прежде, чем мы будем готовы нанести ему удар. Еще день или два, не больше, и у меня в руках будет законченное дело, а до тех пор берегите вверенного вам человека так же неотступно, как мать бережет своего больного ребенка. Сегодняшняя ваша миссия сама себя оправдала, а между тем я почти жалею о том, что вы покинули его... Слышите!

Ужасающий крик. Среди тишины болота пронесся стон, долго не умолкавший стон предсмертного ужаса. От этого страшного крика кровь застыла в моих жилах.

– О Боже мой! Что это такое? Что это значит? – воскликнул я, задыхаясь.

Холмс вскочил на ноги, и я увидел в отверстие двери его темную, атлетическую фигуру с сгорбленными плечами и наклоненною вперед головою, как бы стремившейся проникнуть взором в темноту ночи.

– Шш! – шепнул он, – Шш!

Слышанный нами крик был громкий, благодаря его силе, но исходил он откуда-то издалека. Теперь же он доходил до наших ушей все ближе, громче, настоятельнее.

– Откуда это? – шептал Холмс. И я слышал по дрожанию его голоса, что он, – железный человек, был потрясен до глубины души. – Откуда это, Ватсон?

– Кажется, оттуда, – ответил я, указывая в темноту.

– Нет, с этой стороны.

Снова предсмертный крик огласил безмолвную ночь громче и гораздо ближе, чем прежде. К этому крику присоединился другой звук, – низкое, глухое ворчание, музыкальное и вместе с тем грозное, как низкий, неумолчный рокот моря.

– Собака! – воскликнул Холмс. – Идем, Ватсон, идем! Царь Небесный, неужели мы опоздали!

Он пустился бежать по болоту, и я следовал по его пятам. Но вдруг откуда-то из-за камней, как раз впереди нас, донесся последний отчаянный стон, а затем, глухой, тяжелый стук. Мы остановились, прислушиваясь. Ни один звук не нарушал больше тяжелой тишины безветренной ночи.

Холмс схватился с жестом отчаяния за голову и ударял ногами о землю.

– Он побил нас, Ватсон. Мы опоздали!

– Нет, нет, наверное, нет!

– Дурак я был, что сдерживал свой размах. А вы, Ватсон, смотрите, к чему привело то, что вы покинули свой пост! Но, клянусь небесами, если случилось худшее, мы отмстим.

Ничего не видя, бежали мы по темному болоту, спотыкаясь о камни, продираясь сквозь терновник, подымаясь и спускаясь по холмам, держась того направления, откуда донеслись до нас ужасные звуки. При каждом подъеме на возвышенность Холмс жадно осматривался, но густой мрак покрывал болото, и ничто не шевелилось на его угрюмой поверхности.

– Видите ли вы что-нибудь?

– Ничего.

– Но слушайте, это что такое?

До нашего слуха донесся тихий стон.

Вот опять слева от нас. В этой стороне ряд скал заканчивался крутым утесом, подымавшимся над усыпанным камнями склоном. На его неровной поверхности лежал какой-то темный, неправильной формы предмет. Когда мы подбежали к этому предмету, он принял определенную форму распростертого ничком человека; голова его была подогнута под ужасным углом, плечи закруглены, и тело собрано, точно оно хотело перекувыркнуться. Это положение было до того нелепым, что я сразу не мог себе представить, что слышанный нами стон был прощанием души с этим телом. Ни стоны, ни жалобы не издавала больше темная фигура, над которой мы наклонились. Холмс опустил на нее руку и с возгласом ужаса отдернул ее. Свет чиркнутой им спички осветил окровавленные пальцы и

отвратительную лужу крови, медленно стекавшей из раздробленного черепа жертвы. Свет спички осветил еще нечто, от чего у нас сердца похолодели и замерли, – он осветил... тело сэра Генри Баскервиля.

Ни Холмс, ни я не могли забыть совершенно особенный красноватый костюм, который был надет на нем в то первое утро, когда он был у нас в Бекер-стрите. Мы сразу узнали этот костюм, а затем спичка затлела и погасла, как погасла надежда, тлевшая в наших сердцах. Холмс застонал и так побледнел, что его лицо выделилось белым пятном в темноте.

– Зверь! Зверь! – воскликнул я, ломая руки. – Ах, Холмс, я никогда не прощу себе, что покинул его.

– Я более виноват, чем вы, Ватсон. Ради того, чтобы дело было полное и закругленное, я погубил своего клиента. Это самый страшный удар, какой я когда-либо получал в продолжение всей своей карьеры. Но как мог я знать... как мог я знать, что, вопреки всем моим предостережениям, он рискнет пойти один на болото!

– Господи! подумать, что мы слышали его крик... О Боже, эти крики! И мы не могли его спасти! Где это животное, эта собака, загнавшая его до смерти? Может быть, она и сейчас где-нибудь в засаде между скал. А Стапльтон, где он? Он ответит за это!

– О, да! Я позабочусь об этом! И дядя и племянник убиты; один был напуган до смерти одним только видом животного, которое считал сверхъестественным, другой нашел смерть в своем диком беге, спасаясь от него. Но теперь нам нужно доказать связь между человеком и животным. Если исключить то, что мы слышали, мы даже не можем ручаться за существование последнего, так как сэр Генри умер, очевидно, от падения. Но, клянусь небом, как ни хитер молодец, а не пройдет суток, и он будет в моей власти!

С болью в сердце стояли мы по обеим сторонам изувеченного тела, подавленные этим внезапным и непоправимым несчастьем, которое положило столь печальный конец нашим долгим и тяжелым трудам. Когда взошла луна, мы вскарабкались на вершину скалы, с которой упал наш бедный друг, и оттуда смотрели на болото, на половину освещенное луною. Далеко, на много миль от нас, по направлению к Гримпену, виднелся одинокий желтый свет. Он мог исходить только из уединенного жилища Стапльтонов. С жутким проклятием погрозил я кулаком в этом направлении.

– Почему бы нам тотчас же не схватить его?

– Наше дело не закончено. Молодец этот осторожен и хитер до крайности. Важно не то, что мы знаем, а то, что мы можем доказать. Если

мы сделаем один неверный шаг, мерзавец может ускользнуть из наших рук.

– Что мы можем сделать?

– Завтра у нас много будет дела. Сегодня же ночью мы можем только оказать последнюю услугу нашему другу.

Мы сошли с крутого склона и подошли к телу, ясно выделявшемуся на посеребренных луною камнях. При виде скорченных членов, я почувствовал, что мне сдавило горло, и слезы навернулись на глазах.

– Надо послать за помощью, Холмс. Мы не в состоянии донести его до голя. Боже мой, да вы с ума сошли!

Холмс вскрикнул и наклонился к телу. Затем принялся плясать, хохотать и трясти мою руку. Неужели это мой серьезный, сдержанный друг!

– Борода! борода! У человека борода!

– Борода?

– Это не баронет... Это... да это мой сосед, беглый каторжник.

Мы лихорадочно перевернули тело вверх лицом: окровавленная борода торчала вверх, освещенная холодным, ясным месяцем. Не могло быть никакого сомнения; тот же выдающийся лоб и впалые глаза. Это было то самое лицо, которое я видел при свечке высматривавшим из-за скалы, – лицо преступника Сельдена.

Тут сразу все стало для меня ясным. Я вспомнил, как баронет говорил мне, что он подарил свое старое платье Барримору. Барримор передал его Сельдену, чтобы помочь ему бежать. Сапоги, рубашка, шапка, – все было от сэра Генри. Трагедия оставалась на лицо, но по крайней мере этот человек заслужил смерть по законам своего отечества. Я рассказал обо всем этом Холмсу, и сердце мое трепетало от благодарности и радости.

– Значит, платье было причиной смерти бедного малого, – сказал он. – Ясно, что собака была пущена по следу после того, как ее ознакомили с какою-нибудь принадлежностью туалета сэра Генри, – по всей вероятности с сапогом, который был утащен в отеле, и таким образом человек этот был загнан. Однако же, тут есть одна очень странная вещь; каким образом Сельден узнал в темноте, что собака пущена по его следам?

– Он услышал ее.

– Столь закаленный человек, как этот беглый, неспособен оттого только, что слышал собаку на болоте, пасть в такой пароксизм страха, чтобы дико кричать о помощи и тем рисковать быть снова пойманным. Судя по его крикам, он, должно быть, очень долго бежал после того, как узнал, что собака напала на его след. Каким образом он это узнал?

– Для меня составляет большую тайну, – почему эта собака,

предполагая, что все наши догадки правильны...

– Я ничего не предполагаю.

– Ну; так почему эта собака была спущена сегодня ночью. Полагаю, что она не всегда свободно бегает по болоту. Стапльтон не выпустил бы ее, если бы не имел причины думать, что сэр Генри придет сюда.

– Моя загадка страшнее вашей, потому, что я думаю, что мы очень скоро получим ответ на ваш вопрос, между тем как мой может на веки остаться тайною. А теперь вопрос в том, что нам делать с телом этого несчастного? Нельзя же его оставить здесь на съедение лисицам и воронам.

– Я бы посоветовал положить его в одну из хижин, пока мы не дадим знать полиции.

– Верно, Не сомневаюсь, что у нас хватит сил дотащить его. Эге, Ватсон, это что такое? Да это он сам. Какова дерзость! Ни слова, могущего обнаружить ваши подозрения, – ни слова, иначе все мои планы рухнут.

По болоту приближался к нам человек, и я видел тусклый красный огонь сигары. Месяц освещал его, и я мог рассмотреть ловкую фигуру и легкую быструю походку натуралиста. Он приостановился, когда увидел нас, а затем продолжал приближаться к нам.

– Доктор Ватсон, неужели это вы? Вы последний человек, которого бы я ожидал увидеть на болоте в этот час ночи. Но, Боже мой, это что такое? С кем-нибудь случилось несчастье? Нет... Не говорите мне, что это наш друг, сэр Генри!

Он пробежал мимо меня и нагнулся над мертвым телом. Я услышал хрип в его груди, и сигара выпала из его пальцев.

– Кто... кто это? – пробормотал он.

– Это Сельден – человек, убежавший из Принцтаунской тюрьмы.

Стапльтон посмотрел на нас; лицо его было ужасное, но с невероятным усилием он овладел своим удивлением и разочарованием. Он зорко взглянул на Холмса, затем на меня.

– Боже мой! Как это ужасно! Как он умер?

– По-видимому – он сломал себе шею, упав с этих скал. Мой друг и я бродили по болоту, когда услышали крик.

– Я тоже слышал крик. Вот почему и вышел. Я беспокоился о сэре Генри.

– Почему именно о сэре Генри? – не мог я не спросить.

– Потому что я приглашал его прийти к нам. Когда он не пришел, меня это удивило, а затем я естественно встревожился за него, услышав крики на болоте. Кстати, – он снова пристально посмотрел на Холмса, – вы ничего больше не слышали?

– Нет, – ответил Холмс, – а вы?

– И я ничего.

– Так почему же вы спросили?

– Ах, вам известны истории, которые рассказывают мужики о привидении в виде собаки и т. д. Говорят, что слышен по ночам ее вой на болоте. Вот мне и хотелось знать, не слышали ли вы чего-нибудь в этом роде сегодня ночью?

– Мы ничего подобного не слыхали, – сказал я.

– А что вы думаете о смерти этого несчастного?

– Я не сомневаюсь, что жизнь в вечном страхе и в такой обстановке помutilа его рассудок. Он в припадке сумасшествия бежал по болоту, случайно тут упал и переломил себе шею.

– Такое объяснение, кажется, вполне разумным, – сказал Стапльтон и при этом вздохнул, как мне показалось, с облегчением. – Что вы об этом думаете, мистер Шерлок Холмс?

Мой друг поклонился и сказал:

– Вы быстро узнаете людей.

– Мы ожидали вас в наши края с тех пор, как приехал сюда доктор Ватсон. Вы попали как раз на трагедию.

– Да, действительно. Я не сомневаюсь, что объяснение, данное моим другом, окажется верным. Я увезу завтра с собою в Лондон неприятное воспоминание.

– Как, вы завтра уезжаете?

– Да, таково мое намерение.

– Надеюсь, что ваш приезд пролил некоторый свет на происшествия, поставившие нас в тупик?

Холмс пожал плечами.

– Не всегда достигаешь успеха, на который надеешься. Расследователю нужны факты, а не легенды и слухи. Это неудачное для меня дело.

Мой друг говорил самым искренним и спокойным тоном. Стапльтон продолжал пристально смотреть на него. Затем он обратился ко мне:

– Я бы предложил перенести ко мне этого бедного малого, но это может так напугать мою сестру, что я считаю себя не в праве это сделать. Я думаю, что если мы накроем его лицо, то он благополучно пролежит здесь до утра.

Мы так и сделали. Отклонив гостеприимные предложения Стапльтона, Холмс и я двинулись в Баскервиль-голлъ, предоставив натуралисту возвращаться домой в одиночестве. Оглянувшись, мы видели его фигуру,

медленно удалявшуюся по обширному болоту, а за нею – единственное темное пятно на освещенном луною склоне, указывавшее место, на котором лежал так ужасно погибший человек.

– Наконец-то мы близки к рукопашной схватке, – сказал Холмс, пока мы шли по болоту. – Что за нервы у этого человека! Как он овладел собою, когда увидел, что жертвою его пал не тот, кого он наметил, а это должно было быть для него ошеломляющим ударом. Я говорил вам в Лондоне, Ватсон, и повторяю теперь, что никогда не было у нас врага, столь достойного нашего оружия.

– Мне досадно, что он видел вас.

– И мне также сначала было досадно. Но этого нельзя было избежать.

– Как вы думаете, какое будет иметь влияние на его планы то, что он знает о вашем присутствии здесь?

– Это может заставить его быть более осторожным или же побудить его сразу к принятию отчаянных мер. Подобно большинству смысленных преступников, он может слишком надеяться на собственный ум и воображать, что вполне провел нас.

– Почему бы нам не арестовать его тотчас же?

– Милый Ватсон, вы родились человеком действия. Вас вечно тянет совершить энергический поступок. Но предположим, что мы арестуем его сегодня ночью, к чему это подвинет нас? Мы не можем представить никаких доказательств против него. В этом-то и заключается чертовская хитрость. Имей он соучастником человека, мы могли бы добыть улики, теперь же, если бы нам и удалось вытащить собаку на дневной свет, это все-таки не помогло бы затянуть петлю на шее ее хозяина.

– Но ведь у нас в руках уголовное дело.

– Ни малейшей тени его, – одни только подозрения и предположения. На суде нас бы осмеяли, если бы мы явились с такою сказкою и такими доказательствами.

– А смерть сэра Чарльза?

– Он найден мертвым без малейших знаков насилия. Вы и я знаем, что он умер от ужасного страха, а также знаем, что напугало его; но как нам заставить двенадцать глупых присяжных поверить этому? Где доказательства в том, что тут действовала собака? Где знаки ее клыков? Конечно, мы знаем, что собака не кусает мертвое тело и что сэр Чарльз умер прежде, чем животное нагнало его. Но мы должны все это доказать, а между тем пока не в состоянии это сделать.

– Ну, а сегодняшняя ночь?

– Сегодня ночью мы не сделали ни одного шага вперед. Все-таки не

было никакой прямой связи между собакою и смертью человека. Мы не видели собаки. Мы слышали ее, но не можем доказать, что она бежала по следам этого человека. Тут полное отсутствие мотивировки. Нет, милый друг, нам приходится примириться с фактом, что в настоящую минуту у нас нет в руках никакого уголовного дела, но нам стоит идти на какой угодно риск, лишь бы установить таковое.

– А как вы предполагаете этого достигнуть?

– Я возлагаю большие надежды на то, что может сделать для нас миссис Лаура Ляйонс, когда она будет ознакомлена с положением дел. У меня также есть и свой план. Однако, каждому дню своя забота, но не пройдет суток, как я, надеюсь, возьму верх.

Ничего больше не мог я добиться от Холмса, и он, углубившись в думы, дошел вместе со мною до ворот Баскервиль-голля.

– Войдете вы со мною?

– Да. Я не вижу причин скрываться дольше. Но еще одно слово, Ватсон. Не говорите ничего сэру Генри о собаке. Пусть он верит, что смерть Сельдена произошла так, как Стапльтон хочет, чтобы мы думали. Нервы его будут крепче для испытания, которое ему придется перенести завтра, если я верно помню ваше донесение, и он отправится обедать к этим господам.

– Я тоже приглашен.

– Вы должны извиниться, и он должен идти один. Это легко устроить. Ну, а теперь, если мы опоздали к обеду, то думаю, что заслужили ужин.

XIII. Сети стягиваются

При виде Шерлока Холмса сэр Генри был больше обрадован, чем удивлен, так как уже несколько дней он ожидал, что последние события вызовут Холмса из Лондона. Однако же, он с недоумением поднял брови, когда убедился, что у моего друга нет с собою никакого багажа и что такому обстоятельству он не дает никакого объяснения. Я снабдил Холмса всем необходимым, и за поздним ужином мы рассказали баронету о наших приключениях, насколько было желательно, чтобы он их знал. Но прежде всего мне выпала неприятная обязанность передать Барримору и его жене известие о смерти Сельдена. Ему оно должно было принести несомненное облегчение, но она горько плакала, закрыв лицо передником. Для всего мира Сельден был жестоким человеком, – полузверем, полудемоном, но для нее он всегда оставался маленьким своевольным мальчиком; каким она его помнила в своей собственной юности, цепляющимся за ее руку. Поистине злой должен быть тот человек, чью смерть ни одна женщина не будет оплакивать.

– Я сегодня с утра, с тех пор как ушел Ватсон, пропадал с тоски в этом доме, – сказал баронет. – Надеюсь, что это будет поставлено мне в заслугу, потому что я сдержал свое обещание. Если бы я поклялся не выходить один, то мог бы провести вечер более оживленно, так как Стапльтон прислал мне записку с приглашением придти к нему.

– Не сомневаюсь, что вы провели бы вечер более оживленно, – выразительно произнес Холмс. – Кстати, полагаю, что вы не оцените, как мы вас оплакивали, думая, что вы сломали себе шею.

Сэр Генри широко открыл глаза.

– Каким образом?

– Тот несчастный был одет в ваше платье. Я опасаюсь, как бы ваш слуга, подаривший ему это платье, не навлек на себя неприятности со стороны полиции.

– Вряд ли. Насколько мне помнится, ни на одной части этой одежды не было никакой метки.

– Это счастье для него и, в сущности, счастье для вас всех, так как вы все в этом деле поступили противозаконно. Я даже сомневаюсь, – не обязан ли я, как добросовестный сыщик, прежде всего арестовать всех живущих в этом доме. Донесения Ватсона – крайне уличающие документы.

– Но расскажите о нашем деле, – попросил баронет. – Разобрались ли

вы сколько-нибудь в этой путанице? Что касается до Ватсона и меня, то мне кажется, что мы ничего не разузнали с тех пор, как приехали.

– Я думаю, что скоро буду в состоянии выяснить вам положение. Дело это было чрезвычайно трудное и крайне сложное. Остается еще несколько пунктов, на которые требуется пролить свет, но мы этого уже достигаем.

– Вероятно, Ватсон сообщил вам, что мы слыхали собаку на болоте, и я могу побожиться, что тут дело не в одном пустом суеверии. Я имел дело с собаками, в свою бытность в Америке, и когда слышу лай, то узнаю, что это лай собаки. Если вам удастся надеть намордник на этого пса и посадить его на цепь, то я скажу, что вы величайший сыщик с сотворения мира.

– Полагаю, что я надену на него намордник и посажу его на цепь, если вы не откажете мне в своей помощи.

– Я сделаю все, что бы вы ни приказали мне.

– Прекрасно. Я вас также попрошу делать это слепо, не всегда допрашивая о причинах.

– Как вам будет угодно.

– Если вы будете так поступать, то я полагаю, что все шансы за то, чтобы наша маленькая задача скоро разрешилась. Я не сомневаюсь...

Он вдруг замолчал и стал пристально смотреть вверх моей головы. Свет лампы прямо падал на его лицо, и оно было так напряжено и неподвижно, что его можно было принять за классическое изваяние – олицетворение энергии и ожидания.

– В чем дело? – воскликнули мы оба.

Я видел, когда Холмс опустил глава, что он хотел подавить в себе взволновавшее его чувство. Лицо его было серьезно, но глаза сверкали радостным торжеством.

– Простите увлечение знатока, – сказал он, указывая рукою на линию портретов, покрывавших противоположную стену. – Ватсон не хочет допустить, чтобы я понимал толк в искусстве, но это просто зависть с его стороны, вследствие несходства наших взглядов на этот предмет. Ну, а эта коллекция портретов по истине великолепная.

– Я очень рад, что вы это находите, – сказал сэр Генри, смотря с некоторым удивлением на моего друга. – Я не имею претензии на должное понимание искусства и был бы лучшим судьей относительно лошади или бычка, чем относительно картины. Я не знал, что вы находите и на это время.

– Если я вижу что-нибудь хорошее, то и оцениваю его, а теперь вижу нечто хорошее. Держу пари, что та дама в голубом шелковом платье – работы Кнеллера, а толстый господин в парике – Рейнольдса. Это все,

вероятно, фамильные портреты?

– Да, все без исключения.

– И вы знаете их имена?

– Барримор наставлял меня в них, и я думаю, что хорошо выучил свой урок.

– Кто этот господин с подозрною трубою?

– Это контр-адмирал Баскервиль, служивший при Роднэе в Вест-Индии. Человек в синем камзоле и со свертком бумаг – сэр Вильям Баскервиль, бывший председателем комитетов в палате общин при Питте.

– А этот всадник против меня, – в черном бархатном камзоле с кружевами?

– О, с этим вы имеете право познакомиться. Это виновник всего несчастья, злой Гюго, породивший собаку Баскервильей. Вряд ли мы все забудем его.

Я смотрел на портрет с интересом и некоторым удивлением.

– Боже мой! – воскликнул Холмс, – он кажется спокойным и довольно мягким человеком, но я уверен, что из глаз его проглядывал дьявол. Я представлял его себе человеком более дюжим и с более разбойнической наружностью.

– Не может быть никакого сомнения в подлинности портрета, потому что имя и год 1647 начертаны на обратной стороне полотна.

После этого Холмс очень мало говорил, но портрет старого злодея точно приковал его к себе, и в продолжение всего ужина он не отрывал от него глаз. Только позднее, когда сэр Генри удалился в свою спальню, я мог проследить за направлением мыслей своего друга. Он вернулся со мною в столовую со свечью в руке и стал держать ее у самого портрета, поблекшего от времени.

– Видите вы тут что-нибудь?

Я посмотрел на широкую шляпу с пером, на вьющиеся локоны, на обрамленное ими узкое строгое лицо. Наружность была вовсе не грубая, но натянутая, жесткая и суровая, с резко очерченным тонкими губами, ртом и холодными, непреклонными глазами.

– Похож он на кого-нибудь из ваших знакомых?

– Что-то около подбородка напоминает сэра Генри.

– Да, пожалуй, тут есть маленький намек. Но постойте!

Он встал на стул и, держа свечу в левой руке, закруглил правую так, чтобы закрыть ею широкую шляпу и длинные локоны.

– Царь небесный! – воскликнул я пораженный.

Из рамки выглянуло на меня лицо Стапльтона.

– Ага! Видите теперь. Глаза мои приучены рассматривать лица, а не их украшения. Первое качество расследователя преступлений – это умение узнать человека сквозь его маскарадный костюм.

– Но это поразительно. Этот портрет точно списан с него.

– Да, это интересный образчик атавизма, и тут он является как в физическом, так и в духовном отношении. Человек, изучающий фамильные портреты, может стать приверженцем доктрины переселения душ. Наш молодец – Баскервиль, это очевидно.

– С видами на наследство.

– Именно. Этот портрет дал нам одно из самых важных недостающих звеньев. Мы держим его в руках, Ватсон, мы держим его, и клянусь, что еще до завтрашнего вечера он будет так же беспомощно биться в наших сетях, как его бабочки. Булавка, пробка и карточка и вот новый экземпляр для нашей Бекер-стритской коллекции.

Сказав это и отходя от портрета, Холмс разразился хохотом. Не часто случалось мне слышать его смех, и всегда он предвещал недоброе кому-нибудь.

На другое утро я рано встал, но Холмс поднялся еще раньше и, одеваясь, я видел, как он шел по аллее к дому.

– Да, сегодня нам нужен весь день, – сказал он, потирая руки с радостным предвкушением деятельности. – Сети расставлены, и скоро начнется их стягивание. Не пройдет этот день, как мы узнаем – попалась ли в них наша большая остромордая щука или же проскользнула между петлями.

– Вы уже были на болоте?

– Я из Гримпена послал в Принцтаун донесение о смерти Сельдена. Кажется, могу обещать, что никого из вас не потревожат из-за этого дела. Я также свиделся с моим верным Картрайтом, который, без сомнения, истосковался бы у двери моей хижины, как собака на могиле своего хозяина, если бы я не успокоил его относительно своей безопасности.

– А теперь с чего мы начнем?

– Прежде всего надо повидать сэра Генри. А вот и он.

– Здравствуйте, Холмс, – сказал баронет. – Вы имеете вид генерала, составляющего со своим начальником штаба план сражения.

– Совершенно правильное сравнение. Ватсон спрашивал моих приказаний.

– И я явился за тем же.

– Прекрасно. Вы, насколько мне известно, приглашены сегодня вечером на обед к вашим друзьям Стапльтонам?

– Надеюсь, что и вы поедете с нами. Они очень гостеприимны, и я уверен, что будут очень рады вас видеть.

– Нам с Ватсоном придется, пожалуй, ехать в Лондон.

– В Лондон?

– Да, при настоящих обстоятельствах, я думаю, мы будем там полезнее.

Лицо баронета выразило заметное неудовольствие.

– Я надеялся, что вы не покинете меня в этом деле. Голль и болото – не веселые места для человека одинокого.

– Милый друг, вы должны слепо довериться мне и исполнять в точности то, что я говорю. Вы можете передать вашим друзьям, что мы были бы счастливы приехать к ним вместе с вами, но что неотложное дело вызвало нас в город. Мы надеемся скоро вернуться в Девоншир. Вы не забудете передать им все это?

– Если вы настаиваете.

– Уверяю вас, что выбора нет.

Я видел по лицу баронета, что он был глубоко обижен и, по-видимому, считал наш поступок дезертирством.

– Когда желаете вы ехать? – спросил он холодно.

– Тотчас после завтрака. Мы доедем на лошадях до Кумб-Трасея, но Ватсон оставит у вас свои вещи в залог того, что он вернется. А вы, Ватсон, пошлите Стапльтону записку и выразите сожаление, что не можете приехать к ним лично.

– Мне сильно хочется поехать в Лондон вместе с вами, – сказал баронет. – Для чего я тут останусь один?

– Потому что это ваш долг. Потому что вы дали мне слово, что будете поступать так, как я скажу, а я вам говорю, чтобы вы оставались.

Еще одно. Я хочу, чтобы вы поехали на лошадях в Меррипит-гауз. Но отошлите обратно экипаж и скажите Стапльтонам, что вы намерены вернуться домой пешком.

– Я должен идти пешком через болото?

– Да.

– Но ведь это как раз то, против чего вы меня так часто предостерегали.

– На этот раз вы безопасно можете идти, и это необходимо. Если бы я не питал полнейшего доверия к вашей силе воли и храбрости, то не дал бы вам такого совета.

– В таком случае я пойду пешком.

– И если вы дорожите своею жизнью, то идите непременно не по

какому иному направлению, как по прямой тропинке, ведущей из Меррипит-гауза на Гримпенскую дорогу, по тропинке, которая и есть ваш естественный путь к дому.

– Я в точности исполню все, как вы приказываете.

– Прекрасно. Мне хотелось бы уехать как можно скорее после завтрака, чтобы добраться до Лондона раньше вечера.

Эта программа действий очень удивила меня, хотя я помнил, что Холмс накануне вечером говорил Стапльтону, что он на следующий день уедет. Однако же, мне не приходило в голову, чтобы он пожелал взять меня с собою, а также я не мог понять, как это мы оба можем быть в отсутствии в такой момент, который он сам же назвал критическим. Но ничего больше не оставалось делать, как слепо повиноваться. Итак мы простились с нашим опечаленным другом и часа через два были на станции Кумб-Трасей, откуда отослали экипаж обратно домой. На платформе ожидал нас мальчик.

– Какие будут ваши приказания, сэр?

– С ближайшим поездом, Картрайт, ты отправишься в город. Как только приедешь, тотчас же пошлешь сэру Генри Баскервиллю телеграмму от моего имени, в которой ты напишешь, что если он найдет выроненную мною записную книжку, то я прошу послать ее заказною посылкою в Бекер-стрит.

– Слушаю-с, сэр.

– А теперь спроси в станционном телеграфе, нет ли для меня телеграммы.

Мальчик вернулся с телеграммой, которую Холмс передал мне. Она гласила: «Получил телеграмму. Везу полномочие. Прибуду пять сорок. Лестрэд».

– Это ответ на мою утреннюю телеграмму. Я считаю Лестрэда самым искусным в нашей профессии, и его помощь может понадобиться нам. Теперь, Ватсон, я думаю, что мы полезнее всего проведем наше время, если отправимся к вашей знакомой Лауре Ляйонс.

План кампании, составленный Холмсом, начал выясняться для меня. Он воспользовался баронетом, чтобы убедить Стапльтонов в том, что мы действительно уехали, а между тем мы вернемся к тому моменту, когда наше присутствие окажется необходимым. Телеграмма Картрайта, если сэр Генри упомянет о ней Стапльтонам, рассеет последние, могущие у них быть подозрения. Мне казалось, что я уже вижу, как наши сети затягивают эту остромордую щуку.

Миссис Лаура Ляйонс была в своей конторе, и Шерлок Холмс начал с

нею беседу так откровенно и так прямо, что она была поражена.

– Мне поручено расследование обстоятельств, сопровождавших смерть сэра Чарльза Баскервиля, – сказал он. – Мой друг, доктор Ватсон, ознакомил меня с тем, что вы ему сообщили, а также и с тем, что вы скрыли относительно этого дела.

– Что я скрыла? – спросила она с недоверием.

– Вы признались, что просили сэра Чарльза быть у калитки в десять часов. Мы знаем, что он умер как раз на этом месте и в этот час. Вы скрыли, какая существует связь между этими двумя фактами.

– Тут нет никакой связи.

– В таком случае совпадение поистине необычайное. Но мне думается, что нам-таки удастся восстановить связь. Я желаю быть вполне искренним с вами, миссис Ляйонс. Мы считаем этот случай убийством, и очевидность его может запутать не только вашего друга – мистера Стапльтона, но и его жену.

Лаура вскочила с своего стула.

– Его жену! – воскликнула она.

– Факт этот не составляет уже больше тайны. Особа, слывшая за его сестру, в действительности его жена.

Миссис Ляйонс села опять. Пальцы ее сжимали ручки кресла с таким напряжением, что я видел, как розовые ногти стали белыми.

– Его жена! – повторила она. – Его жена! Он был неженат.

Шерлок Холмс пожал плечами.

– Докажите это мне! Докажите это мне! И если вы только в состоянии это сделать...

Свирепый блеск ее глаз говорил больше, чем могли выразить слова.

– Я пришел к вам с готовыми доказательствами, – сказал Холмс, вынимая из кармана несколько бумаг. – Вот фотография с супружеской четы, снятая четыре года тому назад в Йорке. На ней написано, что это мистер и миссис Ванделер, но вам не трудно будет его узнать, а также и ее, если только вам приходилось ее видеть. Вот три описания, сделанные достойными доверия свидетелями, мистера и миссис Ванделер, которые в то время содержали частную школу. Прочтите их, и вы убедитесь, что не может быть сомнения в подлинности этих личностей.

Она посмотрела на документы, затем на нас с неподвижным, остывшим лицом женщины в отчаянии.

– Мистер Холмс, – сказала она, – этот человек обещал жениться на мне, если я получу развод с мужем. Негодяй всячески лгал мне. Он не сказал мне ни одного слова правды. И почему – почему? Я воображала, что

все делается ради меня. А теперь вижу, что я никогда не была для него ничем иным, как орудием в его руках. Ради чего мне сохранять ему верность, когда он всегда был вероломен со мною? Чего ради мне стараться ограждать его от последствий его собственных злых деяний? Спрашивайте у меня все, что вам угодно, и я ничего не скрою. В одном клянусь вам, что когда я писала письмо, то и во сне не желала причинить вред человеку, который был моим лучшим другом.

– Я вполне верю вам, сударыня, – сказал Шерлок Холмс. – Рассказывать эти события должно быть очень тяжело для вас, и, может быть, вам будет легче, если я буду рассказывать то, что случилось, а вы остановите меня, если я сделаю какуюнибудь существенную ошибку. Отсылка вашего письма была сделана по совету Стапльтона?

– Он продиктовал мне это письмо.

– Полагаю, что выставленные им причины заключались в том, что сэр Чарльз может прийти вам на помощь при издержках, неизбежно связанных с делом о разводе?

– Совершенно верно.

– А затем, когда вы отправили письмо, он отговорил вас идти на свидание?

– Он сказал мне, что его самоуважению будет нанесен удар, если другой человек даст деньги на это дело и что, хотя он сам бедный человек, но отдаст свой последний грош ради уничтожения препятствий, разлучающих нас.

– Он, по-видимому, очень последователен. А затем вы ничего не знали, пока не прочитали в газете сообщение о смерти?

– Ничего.

– А он взял с вас клятву, что вы ничего не скажете о назначенном вами сэру Чарльзу свидании?

– Да. Он сказал, что кончина его произошла при очень таинственных обстоятельствах и что меня, конечно, заподозрят, если факты станут известными. Он напугал меня так, что я молчала.

– Совершенно верно. Но у вас были подозрения?

Она колебалась и опустила глаза.

– Я знала его, – сказала она. – Но если бы он оставался мне верен, то и я не выдала бы его.

– Полагаю, что в сущности вы счастливо отделались, – сказал Шерлок Холмс. – Он был в вашей власти и знал это, а между тем вы еще живы. В продолжение нескольких месяцев вы находились на краю пропасти. А теперь, миссис Ляйонс, мы должны с вами проститься, но вы очень скоро

снова услышите о нас.

– Наше дело округляется, и затруднения одно за другим раздвигаются перед нами, – сказал Холмс в то время, как мы стояли в ожидании экспресса из города. – Люди, изучающие уголовные преступления, вспомнят аналогичные случаи, но это дело имеет некоторые ему одному присущие черты. Даже и теперь еще нет у нас ясной улики против этого крайне коварного человека. Но я буду очень удивлен, если до сегодняшней ночи мы не получим таковую.

Лондонский экспресс вошел, пыхтя, на станцию, и из вагона первого класса выскочил маленький, сухой, похожий на бульдога, человечек. Мы пожали ему руку, и я сразу увидел, по почтительности, с какою Лестрэд смотрел на моего товарища, что он многому научился с тех пор, как они впервые начали работать вместе. Я хорошо помнил пренебрежение, с каким практический человек относился к теориям логически мыслившего человека.

– Хорошее дело? – спросил он.

– Самое крупное, – ответил Холмс. – Мы имеем в своем распоряжении два часа, прежде чем нам придется двинуться в путь. Я думаю, что мы можем ими воспользоваться и пообедать, а затем, Лестрэд, мы прочистим ваше горло от лондонского тумана, дав вам возможность подышать чистым ночным воздухом Дартмура. Вы никогда не были там? О, в таком случае полагаю, что вы никогда не забудете своей первой прогулки в этой местности.

XIV. Собака Баскервилей

Один из недостатков Шерлока Холмса, если только можно назвать это недостатком, заключался в том, что он чрезвычайно неохотно сообщал свои планы другому лицу до момента их выполнения. Отчасти это происходило несомненно от его собственного властного характера, склонного господствовать и удивлять тех, кто его окружал. Отчасти же причиной тому была профессиональная осторожность, заставлявшая его никогда ничем не рисковать. Но как бы то ни было, в результате эта черта оказывалась очень тяжелою для тех, кто действовал в качестве его агентов и помощников. Я часто страдал от нее, но никогда она так не угнетала меня, как во время нашей продолжительной езды в темноте. Впереди нам предстояло великое испытание, мы были близки, наконец, к своему заключительному усилию, а между тем Холмс ничего не сказал, и я мог только предполагать, какой будет ход его действий. У меня каждый нерв дрожал от ожидания, когда, наконец, холодный ветер, задувший нам навстречу, и темное пустынное пространство доказали мне, что мы очутились на болоте. Каждый шаг лошадей, каждый оборот колеса приближал нас к нашему конечному приключению.

Нашему разговору препятствовало присутствие кучера наемного экипажа, и мы были принуждены говорить о пустяках, когда наши нервы были натянуты от волнения и ожидания. Я почувствовал облегчение от такой неестественной сдержанности, когда мы миновали дом Франкланда, и я знал, что мы уже близко от голя и от арены действия. Мы не доехали до подъезда, а остановились у ворот аллеи. Мы расплатились с кучером и велели ему тотчас же ехать обратно в Тэмил-Кумб, а сами пошли по направлению к Меррипит-гаузу.

– Вооружены ли вы, Лестрэд?

Маленький сыщик улыбнулся.

– Пока на мне брюки, в них есть верхний карман, а пока в них есть верхний карман, то кое-что в нем находится.

– Хорошо. Мой друг и я приготовлены ко всяким случайностям.

– Вы, видимо, близко знакомы с этим делом, мистер Холмс? В чем теперь будет заключаться игра?

– В ожидании.

– Честное слово, я нахожу это место не очень веселым, – сказал сыщик, с дрожью осматриваясь кругом на мрачные склоны холмов и

громадное озеро тумана, спустившегося над Гримпенскою трясиною. – Я вижу огоньки какого-то дома впереди нас.

– Это Меррипит-гауз – конечный пункт нашего пути. Попрошу вас идти на цыпочках и говорить шёпотом.

Мы осторожно двигались по дорожке по направлению к дому, но в двухстах, приблизительно, ярдах от него Холмс остановил нас.

– Эти камни направо могут служить прекраснейшими ширмами, – сказал он.

– Мы должны ожидать здесь?

– Да, здесь мы устроимся в засаде. Войдите в эту дыру, Лестрэд. Вы бывали в доме, Ватсон, не правда ли? Можете ли вы сообщить о расположении комнат? Что это за решетчатые окна с этого угла?

– Это, кажется, окна кухни.

– А то, там, что так ярко освещено?

– Это, конечно, столовая.

– Штора поднята. Вы лучше знакомы с местностью – подползите тихонько к окнам и посмотрите, что они там делают, но, ради самого неба, не выдайте им своего присутствия.

Я пошел на цыпочках по тропинке и остановился за низкой стеною, окружавшею жидкий фруктовый сад. Пробираясь под тенью этой стены, я дошел до места, с которого мог смотреть прямо в незавешенное окно.

В комнате находились только двое мужчин – сэр Генри и Стапльтон. Они сидели друг против друга за круглым столом и были обращены ко мне в профиль. Они оба курили сигары, и перед ними стояли кофе и вино. Стапльтон говорил с оживлением, баронет же был бледен и рассеян. Может быть, его угнетала мысль о предстоящем ему одиноком пути по зловещему болоту.

Пока я наблюдал за ними, Стапльтон встал и вышел из комнаты, а сэр Генри наполнил стакан вином и, прислонившись к спинке стула, покуривал сигару. Я услышал скрип двери и хрустящий звук шагов по гравиям. Шаги направлялись вдоль тропинки по ту сторону стены, под которой я стоял, скорчившись; заглянув поверх нее, я увидел, как натуралист остановился у двери какого-то сарая, стоявшего в углу плодового сада. Раздался звук повернутого в замке ключа, и когда Стапльтон вошел в сарай, то оттуда послышался какой-то странный шум борьбы. Он пробыл в сарае не более минуты, после чего снова раздался звук повернутого ключа, Стапльтон прошел мимо меня и вошел в дом. Я увидел, как он вернулся к своему гостю, и тогда потихоньку прополз обратно к своим товарищам и рассказал им, что видел.

– Вы говорите, Ватсон, что дамы не было с ними? – спросил Холмс, когда я закончил свое донесение.

– Нет.

– Где она может быть, раз ни одна комната, кроме кухни, не освещена.

– Не могу себе представить.

Я сказал, что над Гримпенскою трясинаю висел густой белый туман. Он медленно подвигался к нам и производил впечатление стены – низкой, но плотной и ясно определенной. Луна освещала его, и он имел вид большого мерцающего ледяного поля, над которым возвышались вершины дальних пиков, как бы лежавшие на его поверхности.

– Он движется к нам, Ватсон.

– А это важно?

– Очень важно, – единственное, что может расстроить мои планы. Но сэр Генри не должен теперь замедлить. Уже десять часов. Наш успех и даже его жизнь могут зависеть от того, выйдет ли он из дому раньше, чем туман дойдет до тропинки.

Над нами ночь была светлая и прекрасная. Звезды ярко и холодно блестели, а полная луна освещала всю местность мягким, неопределенным светом. Перед нами стоял темный остов дома, его зазубренная крыша и трубы, резко очерченные на небе, усеянном звездами. Широкие полосы золотистого света из низких окон простирались через сад на болото. Одно из них вдруг потухло. Слуги вышли из кухни. Оставалось только окно столовой, в которой двое мужчин, – хозяин-убийца и ничего не подозревавший гость, – все продолжали болтать, покуривая свои сигары.

С каждою минутою белая плоскость, покрывавшая половину болота, придвигалась все ближе и ближе к дому. Уже первые тонкие клочки ее завивались в золотистом квадрате освещенного окна. Дальняя часть стены сада уже стала невидимою, и деревья подымались из полосы белого пара. Пока мы наблюдали за этим, туман уже окружил, точно гирляндами, оба угла дома и медленно свертывался в плотный вал, над которым верхний этаж дома и крыша плавали, как фантастический корабль. Холмс со страстною горячностью ударил кулаком об скалу и от нетерпения топнул ногою.

– Если он не выйдет через четверть часа, тропинка будет скрыта туманом. Через полчаса мы не в состоянии будем видеть свои руки.

– Не лучше ли нам передвинуться назад, на более высокую почву?

– Да, я думаю это будет хорошо.

Итак, по мере того, как туманный вал двигался вперед, мы отступали от него назад, пока не очутились в полумиле от дома; между тем густое

белое море, с посеребренною луною поверхностью, медленно и беспощадно наступало на нас.

– Мы идем слишком далеко, – сказал Холмс. – Нам нельзя рисковать, чтобы сэра Генри догнали прежде, чем он успеет дойти до нас. Мы во что бы то ни стало должны удержат свою позицию на этом месте.

Холмс опустил на колени и приложил ухо к земле.

– Слава Богу, он, кажется, идет.

Тишину болота нарушили быстрые шаги. Схоронившись между камнями, мы пристально всматривались в туманную полосу впереди нас. Звук шагов становился слышнее, и из тумана, как сквозь занавес вышел человек, которого мы ожидали. Он с удивлением оглянулся, когда вышел в светлое пространство и увидел звездную ночь. Затем он быстро пошел по тропинке, прошел близко мимо нашей засады и стал подниматься по длинному склону позади нас. Он беспрестанно поворачивал голову и оглядывался, как человек, которому не по себе.

– Тс! – воскликнул Холмс, и я услышал, как щелкнул взведенный курок. – Смотрите! Она бежит сюда.

Из середины этого медленно подползавшего туманного вала раздавались редкие, непрерывные хрустящие удары. Туман расстилался в пятидесяти ярдах от нас, и мы все трое всматривались в него, не зная, какой ужас вынырнет оттуда. Я находился у самого локтя Холмса и взглянул на его лицо. Оно было бледное и торжествующее, а глаза ярко блестели при лунном освещении. Но вдруг они устались вперед неподвижным, суровым взглядом, и рот его раскрылся от удивления. В тот же момент Лестрэд испустил вопль ужаса и бросился ничком на землю. Я вскочил на ноги, сжимая отяжелевшею рукою револьвер и парализованный ужаснейшею фигурой, выпрыгнувшей на нас из тумана. То была собака, громадная, черная, как уголь, собака, но такая, какую ни один смертный глаз никогда не видывал. Пасть ее извергала пламя, глаза горели, как раскаленные угли, морда, загривок и грудь были обведены мерцающим пламенем. Никогда свихнувшийся ум в самом беспорядочном бреде не мог бы представить себе ничего более дикого, более ужасного, более адского, чем эта темная фигура со звериною мордой, выскочившая на нас из стены тумана.

Длинными прыжками неслась громадная черная тварь по тропинке, следуя по пятам за нашим другом. Мы так были парализованы этим внезапным появлением, что не успели опомниться, как она проскакала мимо нас. Тогда Холмс и я разом выстрелили, и ужасный рев доказал нам, что один из нас по крайней мере попал в цель. Однако же, она продолжала

нестись вперед. Мы видели, как далеко от нас на тропинке сэр Генри оглянулся: лицо его, освещенное луною, было бледно, руки в ужасе подняты, и он беспомощно смотрел на страшное существо, преследовавшее его.

Но крик боли, изданный собакою, рассеял все наши опасения. Если она была уязвима, то, значит, она была смертна, и если мы могли ее ранить, то могли и убить. Никогда я не видывал, чтобы человек мог так бежать, как Холмс бежал в эту ночь. Я считаюсь легким на бегу, но он опередил меня настолько же, насколько я опередил маленького сыщика. Пока мы бежали по тропинке, мы слышали повторенные крики сэра Генри и низкий вой собаки. Я видел, как животное вскочило на свою жертву, повалило его на землю и бросилось к его горлу; но в этот самый момент Холмс выпустил пять зарядов своего револьвера в бок свирепой твари. Издав последний предсмертный рев и злобно щелкая зубами на воздух, она повалилась на спину, неистово дергая всеми четырьмя лапами, а затем бессильно упала на бок. Задышавшись, подбежал и я и приставил свой револьвер к страшной светящейся голове, но бесполезно уже было спускать курок. Исполинская собака была мертва.

Сэр Генри лежал без чувств. Мы разорвали его воротник, и Холмс прошептал благодарственную молитву, когда оказалось, что на шее нет никакой раны и что мы успели вовремя. Веки нашего друга уже начали подергиваться, и он сделал слабую попытку шевельнуться. Лестрэд влил баронету в рот немного водки из своей фляжки, и тогда на нас уставилась пара испуганных глаз.

– Боже мой! – прошептал он. – Что это такое было? Царь небесный! Что это такое было?

– Что бы оно ни было, оно теперь мертво, – ответил Холмс. – Мы навеки уложили ваше родовое привидение.

Тварь, распростертая перед нами, одними своими размерами и силою была страшна. Это была не чистокровная ищейка и не чистокровный мастиф, но казалась помесью этих двух пород, худая, дикая и величиною с маленькую львицу. Даже теперь, в покое смерти, из громадных челюстей точно капало голубоватое пламя, и маленькие, глубоко посаженные свирепые глаза были окружены огненным сиянием. Я опустил руку на сверкавшую морду, и когда отнял ее, то мои пальцы тоже засветились в темноте.

– Фосфор! – сказал я.

– Да, хитрый препарат фосфора, – подтвердил Холмс, нюхая мертвое животное. – Он не имеет никакого запаха, который мог бы препятствовать

чутью собаки. Мы очень виноваты перед вами, сэр Генри, тем, что подвергли вас такому испугу. Я ожидал встретить собаку, но не такую тварь, как эта. К тому же туман не дал нам времени принять ее.

– Вы спасли мне жизнь.

– Подвергнув ее сначала опасности. Чувствуете ли вы себя достаточно сильным, чтобы встать?

– Дайте мне еще глоток водки, и я буду готов на все. Так! Теперь не поможете ли вы мне встать? Что вы намерены делать?

– Оставить вас здесь. Вы не пригодны для дальнейших приключений в эту ночь. Если вы подождете, то кто-нибудь из нас вернется с вами в гольф.

Сэр Генри пробовал двинуться, но он все еще был страшно бледен, и все члены его дрожали. Мы подвели его к скале, около которой он сел, весь дрожа и закрыв лицо руками.

– Теперь мы должны вас покинуть, – сказал Холмс. – Нам следует довершить свое дело, и тут важна каждая минута. Мы установили факт преступления, остается схватить преступника.

– Тысяча шансов против одного застать его теперь дома, – продолжал Холмс, когда мы быстро шли обратно по тропинке. Выстрелы наверное дали понять ему, что игра его проиграна.

– Мы находились довольно далеко, и туман мог заглушить звук выстрелов.

– Можно быть уверенным, что он следовал за собакою, чтобы отозвать ее. Нет, нет, он наверное исчез! Но мы все-таки обыщем дом, чтобы вполне удостовериться.

Парадная дверь была отперта; мы бросились в дом и перебежали из комнаты в комнату, к удивлению встретившего нас в коридоре шатавшегося от старости слуги. Нигде не было освещения, кроме столовой, но Холмс снял лампу и не оставил ни одного угла в доме неисследованным. Нигде не было признаков человека, которого мы искали. Но в верхнем этаже дверь одной из спален была заперта на ключ.

– Тут есть кто-то! – воскликнул Лестрэд. – Я слышу движение. Откройте эту дверь.

Изнутри доходили до нас слабые стоны и шуршанье. Холмс ударил ступней в дверь как раз над замком, и она открылась настежь. С револьверами наготове мы все бросились в комнату.

Но в ней не было никаких признаков отчаянного и отъявленного негодяя, которого мы ожидали увидеть. Вместо этого нашим взорам представилось нечто столь странное и столь неожиданное, что мы несколько секунд смотрели с удивлением.

Комната имела вид маленького музея, и по стенам были расставлены целые ряды ящиков с стеклянными крышками, наполненных коллекцией бабочек и молей, собирание которой составляло развлечение этого сложного и опасного человека. На середине комнаты стояло вертикально бревно, подведенное тут когда-то для поддержки поеденных червями балок, на которых держалась крыша. К этому столбу была привязана фигура, настолько тесно обернутая и закутанная с головою простынями, что на первый взгляд нельзя было разобрать, мужчина это или женщина. Одно полотенце обхватывало голову и было прикреплено к столбу. Другое покрывало нижнюю часть лица, и над ним два черных глаза, полных выражения горя, стыда и ужасного вопроса, пристально смотрели на нас. В одно мгновение разорвали мы все узы, и миссис Стапльтон свалилась на пол. Когда ее красивая голова упала ей на грудь, я увидел вокруг ее шеи отчетливый красный знак от удара плетью.

– Животное! – воскликнул Холмс. – Лестрэд, давайте сюда свою фляжку! Посадите ее на стул! Она упала в обморок от жестокого обращения и слабости.

Она снова открыла глаза.

– Спасен ли он? – спросила она. – Убежал ли он?

– Он не может убежать от нас, сударыня.

– Нет, нет, я говорю не о муже. Сэр Генри? Спасен ли он?

– Спасен.

– А собака?

– Убита.

Она издала глубокий вздох облегчения.

– Слава Богу! Слава Богу! О негодяй! Посмотрите, что он сделал со мною, – воскликнула она, засучивая рукава, и мы с ужасом увидели, что руки ее были все в синяках. – Но это ничего! ничего! Он истерзал и осквернил мою душу! Я все могла выносить: дурное обращение, одиночество, жизнь, полную разочарований, все, пока могла питать надежду, что он меня любит, но теперь я знаю, что была только его орудием и что он обманывал меня.

– Видимо, вы не относитесь к нему доброжелательно, – сказал Холмс. – Так откройте нам, где его найти. Если вы когда-нибудь помогали ему делать зло, так теперь, ради искупления, помогите нам.

– Есть одно только место, куда он мог убежать, – ответила она. – В самом центре трясины существует на островке старый заброшенный оловянный рудник. Там держал он свою собаку и там же он приготовил себе убежище. Туда только и мог он скрыться.

Стена тумана упиралась в самое окно. Холмс поднес к нему лампу.

– Посмотрите, – сказал он. – Никто не мог бы сегодня найти дорогу в Гримпенскую трясины.

Она рассмеялась и захлопала в ладоши. Глаза и зубы ее разгорелись свирепую радостью.

– Он мог найти дорогу туда, но оттуда никогда. Как может он сегодня ночью увидеть вехи? Мы вместе с ним расставляли их, чтобы наметить тропинку через трясины. Ах, если бы я только могла сегодня вынуть их. Тогда он был бы в ваших руках.

Для нас было очевидно, что всякое преследование будет тщетно, пока не рассеется туман. Мы оставили Лестрэда охранять дом, а сами отправились с баронетом в Баскервиль-голл. Нельзя было уже больше скрывать от него историю Стапльтонов, но он мужественно вынес удар, когда узнал истину о женщине, которую любил. Однако же, приключения этой ночи потрясли его нервы, и к утру он лежал в бреду, во власти жестокой горячки, и доктор Мортимер сидел около него. Им суждено было сделать вместе путешествие вокруг света прежде, чем сэр Генри стал снова тем здоровым, бодрым человеком, каким он был, пока не сделался хозяином злосчастного поместья.

А теперь я быстро заканчиваю этот оригинальный рассказ, в котором я старался, чтобы читатель делил с нами страхи и смутные догадки, которые так долго омрачали наши жизни и окончились так трагически. К утру туман рассеялся, и миссис Стапльтон проводила нас до того места, с которого начиналась тропинка через трясины. Когда мы увидели, с какой горячностью и радостью эта женщина направляла нас по следам своего мужа, мы поняли, как ужасна была ее жизнь. Мы оставили ее на узком полуострове твердого торфа, который вдавался в трясины. От его оконечности маленькие прутья, кое-где воткнутые, указывали, где тропинка, извиваясь, проходила от одной группы тростников к другой, между покрытыми зеленою плесенью пропастями трясины, непроходимой для незнающего человека. От гниющего тростника и тины шел запах разложения, и тяжелый, полный миазмов пар ударял нам в лицо, между тем как от неверного шага мы не раз погружались по колено в черную дрожавшую трясины, которая мягкими волнами расходилась на ярды вокруг наших ног. Когда мы шли, она, как клещами, схватывала нас за пятки; когда же мы погружались в нее, то казалось, что вражеская рука силою тащит нас в эту зловещую глубину. Один только раз увидели мы, что кто-то прошел по этому опасному пути до нас. Среди клочка болотной травы виднелся какой-то темный предмет. Холмс, сойдя с тропинки, чтобы схватить его,

погрузился по талию и, если бы тут не было нас, чтобы вытащить его, он никогда уже больше не ступил бы на твердую землю. Он держал в руке старый черный сапог. Внутри его было напечатано на коже «Мейерс, Торонто».

– Эта находка стоит грязевой ванны, – сказал Холмс. – Это пропавший сапог нашего друга сэра Генри.

– Который Стапльтон бросил здесь, спасаясь от нас.

– Именно. Сапог остался у него в руках после того, как он воспользовался им для того, чтобы пустить собаку по следам сэра Генри. Он бежал, когда увидел, что игра его проиграна, и в этом месте швырнул сапог. Мы знаем, по крайней мере, что до этого места он благополучно добежал.

Но больше этого нам никогда не суждено было узнать, хотя о многом мы могли догадываться. Не было никакой возможности увидеть следы ног на трясине, потому что поднимающаяся тина моментально заливала их; когда же мы достигли твердой земли и стали жадно разыскивать эти следы, то не нашли ни малейшего признака их. Если земля не обманывала, то Стапльтону так и не удалось достигнуть своего убежища на островке, к которому он стремился сквозь туман в эту последнюю ночь.

Этот холодный и жестокий человек похоронен в центре Гримпенской трясины, в глубине зловонного ила громадного болота.

Много его следов нашли мы на островке, на котором он прятал своего дикого союзника. Громадное двигательное колесо и шахта, наполовину наполненная щебнем, указывали, что тут когда-то была копь. Около нее были разбросаны развалины хижин рудокопов, которых, вероятно, выгнали отсюда зловонные испарения окружающего болота. В одной из них скоба и цепь, с множеством обглоданных костей, указывали место, где помещалась собака. На полу лежал скелет с приставшим к нему пучком коричневой шерсти.

– Собака! – сказал Холмс. – Боги мои, да это кудрявый спаньель! Бедный Мортимер никогда больше не увидит своего любимца. Ну, а теперь я думаю, это место не включает в себе больше таких тайн, в которые мы бы уже не проникли. Стапльтон мог спрятать свою собаку, но не мог заглушить ее голоса, и вот откуда шли эти крики, которые даже и днем неприятно было слышать. В случае крайности он мог бы держать собаку в сарае, в Меррипите, но это было рискованно, и только в последний день, когда он думал, что конец всем его трудам, он рискнул это сделать.

Тесто в этой жестянке, без сомнения, та светящаяся смесь, которой он мазал животное. Его, конечно, навела на эту мысль фамильная легенда об

адской собаке и желание напугать до смерти старика сэра Чарльза. Неудивительно, что несчастный каторжник бежал и кричал (так же, как и наш друг, и как поступили бы и мы сами), когда он увидел, что такая тварь скачет во мраке болота по его следам. Это была хитрая выдумка, потому что какой крестьянин осмелился бы поближе познакомиться с такою тварью, увидев ее мельком на болоте, а мы знаем, что многие ее видели.

Я говорил в Лондоне, Ватсон, и повторяю теперь, что никогда не приходилось нам преследовать человека более опасного, чем тот, который лежит теперь там.

Сказав это, Холмс простер руку по направлению к громадному пространству трясины, испещренной зелеными пятнами и сливающейся на горизонте с болотом.

XV. Взгляд назад

Был конец ноября, и мы с Холмсом сидели в сырой туманный вечер у пылающего камина нашей гостиной в Бекер-стрите. Мой друг был в отличном расположении духа, вследствие удачного разрешения целого ряда трудных и важных дел, а потому я мог навести его на разговор о подробностях баскервильского дела. Я терпеливо ожидал этой удобной минуты, потому что знал, что Холмс никогда не допустит смешивать дела, и что его ясный и логический ум не отвлечется от настоящей работы ради воспоминаний о прошлом. Но сэр Генри находился с доктором Мортимером в Лондоне, готовясь к длинному путешествию, которое было предписано для восстановления его пошатнувшейся нервной системы. В этот самый день они навестили нас, а потому естественно было навести разговор на этот предмет.

– Весь ход событий, – сказал Холмс, – с точки зрения человека, называвшего себя Стапльтоном, был прост и прямолинеен, хотя нам, не знавшим вначале мотивов его действий и познакомившимся только с некоторыми фактами, все казалось чрезвычайно сложным. Мне удалось два раза говорить с миссис Стапльтон, и в настоящее время дело вполне выяснилось, и я не думаю, чтобы для нас оставалась тут еще какая-нибудь тайна. Вы найдете несколько заметок об этом деле под литерою Б в моем списке дел.

– Не будете ли вы добры сделать мне на словах очерк течения событий в этом деле?

– Конечно, я могу это сделать, хотя не ручаюсь, чтобы все факты сохранились у меня в памяти. Усиленная умственная сосредоточенность имеет курioзное влияние на мозг, вычеркивая из него то, что прошло. Однако же, в том, что касается случая с «собакою», я передам вам ход событий по возможности точно, а вы мне напомните, если я что позабуду.

Мои расследования доказали без всякого сомнения, что фамильный портрет не солгал и что этот молодец в действительности Баскервиль. Он был сыном того Роджера Баскервиля, младшего брата сэра Чарльза, который бежал с запятнанною репутациею в Южную Америку, где и умер, как полагали, холостым. В действительности же он женился и имел одного сына, того самого молодца, настоящее имя которого такое же, как и имя его отца. Этот молодец женился на Бериле Гарциа, одной из красавиц Коста-Рики и, расхитив значительную сумму общественных денег, переменял

свое имя на Ванделер и бежал в Англию, где основал школу в восточной части Йоркшира. Причина, вследствие которой он взялся именно за такого рода дело, заключалась в том, что, во время путешествия, он познакомился с одним чахоточным учителем и воспользовался опытностью этого человека для успешного ведения предприятия. Фрезэр, учитель, однако же, умер, и школа, хорошая в начале, стала падать и приобрела дурную репутацию, а затем даже и позорную. Ванделер нашел удобным переменить свое имя на имя Стапльтон и перенес остатки своего состояния, свои планы на будущее и любовь к энтомологии на юг Англии. Я узнал в Британском музее, что он был признанным авторитетом в этой науке и что одной ночной бабочке, которую он первый описал во время своего пребывания в Йоркшире, было дано название Ванделер.

Теперь мы дошли до той части его жизни, которая оказалась столь интересною для нас. Молодец этот, очевидно, навел справки и узнал, что только две жизни стоят между ним и ценным поместьем. Я думаю, что когда он отправился в Девоншир, планы его были крайне туманны, но что у него были с самого начала злые намерения, очевидно из того, что он взял с собою жену в качестве сестры. Мысль пользоваться ею, как приманкою, была уже ясно выработана у него в уме, хотя он, может быть, и не знал еще наверное деталей, в какие выльется его замысел. Цель его была – получить поместье, и он готов был употребить всякое оружие и идти на всякий риск ради достижения этой цели. Первым его действием было поселиться как можно ближе к жилищу своих предков, а вторым – завязать дружеские отношения с сэром Чарльзом Баскервилем и с соседями.

Сам баронет рассказал ему легенду о фамильной собаке и тем самым приговорил себя к смерти. Стапльтон, как я буду продолжать называть его, знал, что у старика было плохое сердце и что сильное потрясение может убить его. Это он слышал от доктора Мортимера. Он слышал также, что сэр Чарльз был суеверен и придавал серьезное значение мрачной легенде. Его изобретательный ум тотчас же сообразил, каким путем можно убить баронета и так, чтобы невозможно было приписать его смерть действительному убийце.

Возымев эту идею, он принялся крайне тонко осуществлять ее. Обыкновенный человек удовольствовался бы просто свирепой собакой. Желание же придать ей вид дьявольского существа было проблеском гения с его стороны. Он купил собаку в Лондоне у Росса и Мангльса на Фульгам-роде. Это была самая сильная и самая свирепая из имевшихся у них собак. Он привез ее по северной линии и сделал с нею большой путь пешком по болоту, чтобы привести ее домой незаметно. В своей охоте на насекомых,

он уже научился проникать в Гримпенскую трясину и, таким образом, нашел надежное место, где спрятать свою собаку. Тут он посадил ее на цепь и ждал удобного случая.

Но время проходило, а случай не представлялся. Старика нельзя было заманить ночью за пределы его владений. Несколько раз Стапльтон подстерегал его в засаде вместе со своею собакою, но без всякого результата. Во время этих-то бесплодных поисков, – его или, вернее, его союзника видели крестьяне, чем легенда о дьявольской собаке получила новое подтверждение. Он надеялся, что жена его завлечет сэра Чарльза в западню, но тут она неожиданно оказалась независимою. Она не могла согласиться вовлечь старика в сентиментальную привязанность с тем, чтобы предать его врагу. Ни угрозы, ни даже, увы! удары не могли ее убедить. Она не хотела ни во что вмешиваться, и Стапльтон стал на время в тупик.

Он нашел выход из своих затруднений в том, что сэр Чарльз, привязавшись к нему, сделал его посредником в помощи, которую оказывал несчастной Лауре Ляйонс. Выдавая себя за холостого, Стапльтон приобрел большое влияние на нее и дал ей понять, что если она получит развод от мужа, то он женится на ней. Вдруг оказалось, что его планы должны быть немедленно приведены в исполнение, потому что он узнал, что сэр Чарльз, по совету доктора Мортимера, с которым он сам, как будто, соглашался, должен был покинуть голль. Ему приходилось не терять ни одной минуты, иначе жертва могла очутиться вне его власти. Поэтому он произвел давление на миссис Ляйонс, чтобы она написала письмо, в котором умоляла бы старика дать ей возможность поговорить с ним вечером накануне своего отъезда в Лондон. Затем, под благовидным предлогом, он отговорил ее идти на свидание и, таким образом, добился случая, которого ожидал.

Возвратившись вечером из Кумб-Трасея, он имел еще время достать свою собаку, намазать ее своим адским составом и привести ее к калитке, у которой он знал, что старик будет ждать. Собака, побуждаемая своим хозяином, перепрыгнула через калитку и преследовала несчастного баронета, который с криками бежал вниз по аллее. И, право, страшное должно было быть то зрелище, когда в мрачном туннеле громадная черная тварь с огненною пастью и пламенными глазами скакала за своею жертвою. Старик пал мертвым в конце аллеи от паралича сердца и ужаса. Собака бежала по заросшей травю полосе, а баронет по дорожке, потому и видны были только следы человеческих ног. Видя, что он лежит, собака подошла, вероятно, к нему, обнюхала его и, убедившись, что он мертвый, вернулась

назад. Тогда-то она и оставила следы своих лап, замеченные доктором Мортимером. Собака была отозвана и поспешно водворена в свое логовище в центре Гримпенской трясины, и осталась тайна, над которой власти ломали голову, которая напугала окрестных жителей и, наконец, привела дело в сферу наших наблюдений.

Вот и все, что касается смерти сэра Чарльза Баскервиля. Вы замечаете, какая тут была употреблена дьявольская хитрость, так как в действительности почти немыслимо было возбудить дело против истинного убийцы. Единственным его соучастником было существо, которое не могло выдать, и бессмысленность, непостижимость характера этой выдумки делала ее еще более надежной. Обе женщины, замешанные в этом деле, миссис Стапльтон и миссис Лаура Ляйонс, имели сильные подозрения против Стапльтона. Миссис Стапльтон знала, что он имел замыслы против старика, и ей также было известно существование собаки. Миссис Ляйонс не знала ни того, ни другого, но на нее произвела впечатление смерть, случившаяся как раз в минуту назначенного и не отмененного ею свидания, о котором было известно одному только Стапльтону. Но обе находились под его влиянием, и ему нечего было их бояться. Первая половина его задачи была удачно выполнена, но оставалось осуществить еще самую трудную ее часть.

Возможно, что Стапльтон и не знал о существовании наследника в Канаде. Во всяком случае, он очень скоро узнал о нем от своего друга доктора Мортимера, который передал ему и все подробности, относившиеся к приезду сэра Генри Баскервиля. Прежде всего Стапльтону пришло в голову, что с этим молодым канадцем можно, пожалуй, покончить в Лондоне, не дав ему вовсе возможности приехать в Девоншир. Он не доверял своей жене с тех пор, как она отказалась поставить ловушку старику, и вместе с тем он боялся надолго оставить ее без себя, из опасения утратить свое влияние над нею. Вот почему он взял ее с собою в Лондон. Я узнал, что они остановились в отеле Мексборо, в Кравен-стрите, вошедшем в число тех отелей, которые посетил мой агент в поисках за доказательствами. Тут Стапльтон держал свою жену взаперти, пока сам, с приставною бородою, следил за доктором Мортимером до Бекер-стрита, затем до станции и до Нортумберландского отеля. Его жена почуяла что-то из его планов; но она питала такой страх к своему мужу, страх, основанный на жестоком обращении, что не смела написать сэру Генри, чтобы предупредить его о грозившей ему опасности. Если бы письмо попало в руки Стапльтона, то и ее жизнь оказалась бы в опасности. Наконец, она, как мы знаем, прибегла к способу вырезать из газеты слова и составить из них

послание; для адреса же она подделала свой почерк. Письмо дошло до баронета, и он, таким образом, получил первое предостережение о грозившей ему опасности.

Для Стапльтона было крайне важно добыть какую-нибудь часть одежды сэра Генри, чтобы в случае, если ему придется пользоваться собакою, он мог бы всегда пустить ее по его следу. С свойственною ему быстротою и дерзостью он сразу же устроил это дело, и мы не можем сомневаться, что горничная отеля была щедро подкуплена, если она помогла ему исполнить его намерение. Однако ж, случилось так, что первый добытый для него сапог был новый, а следовательно непригодный для его цели. Он вернул его и получил другой. Это был очень поучительный инцидент, так как окончательно доказал мне, что мы имеем дело с настоящею собакою, потому что никакое другое предположение не могло объяснить неременного желания получить именно старый, а не новый сапог. Чем бессмысленнее и смешнее инцидент, тем тщательнее следует его анализировать, и то обстоятельство, которое как будто усложняет дело, оказывается самым пригодным для его разъяснения, только нужно его должным образом и научно расследовать.

Затем на следующее утро нас посетили наши друзья, и за ними продолжал следить Стапльтон, сидя в кэбе. Из его знакомства с нашим помещением и с моею наружностью, а также из всего его поведения, я склонен вывести заключение, что преступная карьера Стапльтона далеко не ограничивается баскервильским делом. Многозначителен тот факт, что за последние три года на западе были совершены четыре значительные наглые кражи со взломом, и ни в одном из этих четырех случаев виновный не был арестован. Последняя из них, совершенная в мае в Фолгкстон-Корте, замечательна хладнокровным убийством из револьвера полицейского, заставшего замаскированного одинокого вора. Я не могу сомневаться в том, что Стапльтон добывал таким образом недостающие ему средства к жизни, и что в течение многих лет он был отчаянным и опасным человеком.

Мы имели образчик его находчивости в то утро, когда он так удачно скрылся от нас, а также его дерзости, когда он сделал мне вызов, дав кучеру мое собственное имя. С этой минуты он понял, что я взялся за это дело в Лондоне, и что потому здесь ему нечего ожидать успеха. Он вернулся в Дартмут и стал ожидать приезда баронета.

— Постойте, — сказал я, — вы бесспорно правильно передали последовательный ход событий, но есть один пункт, который вы оставили неразъясненным. Что случилось с собакою, когда ее хозяин был в Лондоне?

— Я обратил внимание на этот вопрос, и он, конечно, имеет некоторое значение. Не может быть сомнения, что Стапльтон имел поверенного, хотя вряд ли он отдавал себя в его власть, знакомя его со всеми своими планами. В Меррипит-гаузе находился старый слуга по имени Антони. Его связь с Стапльтонами может быть прослежена за несколько лет, — до самого того времени, когда они содержали школу, так что он должен был знать, что его господин и госпожа — муж и жена. Человек этот исчез. Многозначителен тот факт, что Антони необычное имя в Англии, между тем как Антонио — имя очень распространенное во всех испанских и испано-американских странах. Этот человек, так же, как и миссис Стапльтон, говорил хорошо по-английски, но с каким-то странным акцентом. Я сам видел, как этот человек шел через Гримпенскую трясину по тропинке, отмеченной Стапльтоном. Поэтому весьма вероятно, что в отсутствие хозяина он заботился о собаке, хотя мог и не знать, для какой цели содержится это животное.

Затем Стапльтоны вернулись в Девоншир, куда вскоре поехали и вы с сэром Генри. Теперь скажу несколько слов о том, что я делал в то время. Вы, может быть, помните, что когда я рассматривал бумагу, на которой были наклеены печатные слова, то тщательно исследовал водяной знак. Делая это, я держал бумагу близко к глазам и почувствовал легкий запах духов белого жасмина. Существует семьдесят пять сортов духов, которые эксперт по расследованию преступлений должен непременно уметь различать, и многие дела, по моим сведениям, не раз зависели от быстрого узнавания сорта духов. Запах духов заставил меня подумать об участии в этом деле дамы, и мои мысли уже направились к Стапльтонам. Таким образом я убедился в существовании собаки и догадался, кто преступник, прежде, чем мы отправились на запад.

Моим делом было следить за Стапльтоном. Но, очевидно, я не мог бы этого исполнить, если бы находился с вами, так как тогда он был бы настороже. Поэтому я обманул всех, в том числе и вас, и приехал в Девоншир, между тем как все думали, что я в Лондоне. Я не так бедствовал, как вы воображали, хотя такие пустяшные подробности никогда не должны входить в счет при расследовании дела. Большую часть времени я жил в Кумб-Трасее и только тогда пользовался хижинкой на болоте, когда необходимо было быть по близости места действия. Со мною приехал Картрайт и, переодетый деревенским мальчиком, был очень полезен мне. Его обязанностью было заботиться о моем пропитании и чистом белье. Пока я следил за Стапльтоном, Картрайт часто следил за вами, так что я сразу знал обо всем.

Я уже говорил вам, что ваши донесения доходили до меня очень быстро, так как их немедленно пересылали из Бекер-стрит в Кумб-Трасей. Они были очень полезны мне и в особенности случайно верный отрывок из биографии Стапльтона. Я мог восстановить подлинность как мужа, так и жены, и узнал, наконец, в точности, чего мне было держаться. Дело значительно усложнилось инцидентом с беглым каторжником и его родством с Барриморами. И это вам удалось прекрасно выяснить, хотя я уже пришел к тому же заключению, благодаря своим собственным наблюдениям.

К тому времени, когда вы нашли меня на болоте, я уже вполне был знаком со всеми обстоятельствами, только у меня не было в руках дела, которое я мог бы представить в суд присяжных. Даже покушение Стапльтона на жизнь сэра Генри в ту ночь, когда погиб несчастный каторжник, не много нам помогло для доказательства замышляемого против нашего клиента убийства. Не оставалось другого выхода, как схватить убийцу на месте преступления, а для этого нам нужно было пустить сэра Генри как приманку, одного, и по-видимому, беззащитного. Мы так и сделали и ценою сильного потрясения, нанесенного нашему клиенту, нам удалось закончить дело и довести Стапльтона до гибели. Я должен признаться, что можно поставить в упрек моему ведению дела то, что я подверг сэра Генри такому испытанию, но мы не имели возможности предвидеть страшного и потрясающего зрелища, которое представила собака, а также не могли предвидеть тумана, который дал ей возможность неожиданно выскочить на нас. Мы достигли своей цели ценою, которую оба врача – и специалист и доктор Мортимер – положительно считают преходящею. Длинное путешествие даст возможность нашему другу не только укрепить расшатанные нервы, но излечит и сердечные раны. Его любовь к миссис Стапльтон была глубока и искренна, и для него самою печальною стороною этого мрачного дела является тот факт, что он был обманут ею.

Остается мне только указать, какую роль она играла во всем этом. Не может быть сомнения, что Стапльтон имел на нее влияние, которое можно объяснить или любовью или страхом, а может быть и тем и другим вместе, так как, эти оба чувства вполне совместимы. Во всяком случае влияние его было вполне действительное. По его приказанию она согласилась слыть за его сестру, хотя его власти над нею были положены границы, когда он пытался сделать из нее прямую пособницу в убийстве. Она готова была предостерегать сэра Генри настолько, насколько могла, не выдавая своего мужа, и она не раз пробовала это делать. Сам Стапльтон как будто был

способен ревновать и когда увидел, что баронет ухаживает за его женою, хотя это и входило в его планы, он не мог не прервать этого ухаживания страстною вспышкою, обнаружившей пламенную душу, которую он так умело скрывал под своим самообладанием. Поощряя дружеские отношения, Стапльтон был уверен, что сэр Генри будет часто приходить в Меррипит-гауз и что рано или поздно он дождется желаемого удобного случая. Но когда настал критический момент, жена вдруг восстала против него. Она кое-что прослышала о смерти беглого каторжника и знала, что собака будет заперта в сарай в тот вечер, когда сэр Генри должен был прийти обедать. Она обвинила мужа в замышляемом убийстве, а затем последовала дикая сцена, во время которой он впервые сказал ей, что у нее есть соперница в его любви. Ее верность сразу превратилась в сильную ненависть, и он увидел, что она непременно выдаст его. Поэтому он связал ее, чтобы лишить возможности предостеречь сэра Генри, и надеялся, конечно, что когда вся страна припишет смерть баронета родовому проклятию (что непременно должно было случиться), – он снова одержит победу над женою, заставив ее примириться с совершившимся фактом и хранить молчание относительно всего, что она знает. Мне кажется, что в этом отношении он ошибался в расчете и если бы нас даже и не было на месте, его приговор все-таки был бы подписан. Женщина с испанскою кровью в жилах не так легко прощает подобное оскорбление. А теперь, милый Ватсон, я не могу, не прибегая к своим заметкам, дать вам более подробный отчет об этом любопытном деле. Мне кажется, что ничего важного не осталось необъясненным.

Он не мог надеяться напугать сэра Генри до смерти своею собакою-привидением, как он это сделал со стариком-дядею.

Животное было свирепое и голодное. Если бы его появление и не испугало жертвы до смерти, то оно по крайней мере лишило бы ее всякой способности к отпору.

– Без сомнения. Остается еще один вопрос. Если бы Стапльтону удалось получить наследство, каким образом объяснил бы он тот факт, что он, наследник, жил так близко от поместья, скрываясь под чужим именем? Каким образом мог бы он заявить свои права на наследство, не возбудив подозрения и следствия?

– Он был бы в страшном затруднении, и я боюсь, что вы слишком много требуете от меня, если ожидаете, что я разрешу этот вопрос. Прошлые и настоящее входят в область моих исследований, но как человек может поступить в будущем на это очень трудно ответить. Миссис Стапльтон говорит, что ее муж не раз обсуждал эту дилемму. Из нее можно

было бы выйти тремя способами. Стапльтон мог, удостоверив подлинность своей личности в Южной Америке, оттуда требовать свое наследство, не приезжая в Англию; или же он мог прибегнуть к искусному переряжению на короткое время, которое ему необходимо было бы пробыть в Лондоне; или же, наконец, он мог добыть себе соучастника, которому он передал бы все доказательства своей личности и бумаги и выдал бы его за наследника, выговорив себе за это известную часть дохода. Из того, что мы знаем о нем, мы не можем сомневаться, что он, тем или иным путем, вышел бы из затруднения. А теперь, милый Ватсон, мы провели несколько недель в тяжелой работе, и я думаю, что на один вечер мы можем обратить свои мысли на более приятные предметы. У меня есть ложа на «Гугеноты». Слыхали ли вы Решке? Могу я вас попросить быть готовым через полчаса, и мы, до оперы, пообедаем в ресторане Марцини.

КОНЕЦ.

Приключение шести Наполеонов

Посещение инспектора сыскной полиции Лестрада были нам не в диковину, и когда он заглядывал по вечерам в наше скромное жилище, то всегда являлся желанным гостем для Шерлока Холмса, который, таким образом, имел возможность следить за тем, что происходило в главной полицейской квартире. В благодарность за новости, приносимые Лестрадом, Холмс был всегда готов внимательно выслушивать подробности дел, поручаемых сыщику, и мог по временам, помимо личного вмешательства, давать полезные указания и советы, основанные на его собственном обширном знании и опыте.

В тот вечер, о котором идет речь, зашедший к нам Лестрад болтал о погоде и газетных новостях. Потом он примолк, задумчиво попыхивая сигарой. Холмс пристально смотрел на него.

– У вас есть в запасе что-нибудь замечательное? – спросил, наконец, мой приятель.

– О, нет, м-р Холмс, ничего особенного.

– Расскажите нам, однако!

– Ладно, м-р Холмс; не стану отрицать, что у меня есть кое-что... Впрочем, это такая нелепая история, что я не решаюсь докучать вам ею. С другой же стороны, при всей нелепости, она престранная, а я знаю, что вы любите все, выходящее из ряда. Но, по-моему, это будет скорее по части доктора Ватсона, чем по нашей.

– Какая-нибудь болезнь? – любопытствовал я.

– Во всяком случае безумие, и предиковинное. Вы едва ли поверите, чтоб в наше время кто-нибудь мог питать непримиримую ненависть к Наполеону I и разбивать вдребезги каждое его изображение, подвернувшееся под руку.

Шерлок откинулся на спинку кресла.

– Это в самом деле не по моей части, – согласился он.

– Совершенно верно. Я так и говорю. Но когда человек совершает кражу со взломом, с целью уничтожения не принадлежащих ему бюстов, тут уж требуется не доктор, а полицейский.

Холмс снова выпрямился.

– Кражу со взломом! Это становится интереснее. Расскажите-ка мне подробнее.

Лестрад вынул из кармана свою официальную записную книжку и

заглянул в нее, чтоб освежить память.

– Первый случай, донесенный полиции, произошел три дня назад, – начал он. – Дело было в магазине Морза Гудсона, который торгует картинами и статуями на Кеннингтон-Роде. Приказчик, отлучившийся на минуту из лавки, услышал в ней грохот и, вбежав обратно в магазин, увидел гипсовый бюст Наполеона, стоявшие со многими другими скульптурными произведениями на прилавке, расколотым на мелкие куски. Он выбежал на дорогу, но хотя прохожие заметили человека, выскочившего из магазина, однако, того негодяя и след простыл. По-видимому, то было одним из проявление хулиганства, какие встречаются сплошь и рядом, и в таком именно свете случившееся было представлено констэблю, стоявшему на посту. Гипсовый бюст стоил всего несколько шиллингов, и все дело казалось слишком ребяческим для того, чтоб подать повод к судебному следствию.

Второй случай вышел, однако, серьезнее и вместе с тем удивительнее.

На Кеннингтон-Роде, на расстояние нескольких шагов от магазина Морза Гудсона, живет известный практикующие врач, д-р Барнико, который имеет чрезвычайно обширную практику на южном берегу Темзы. Его жилище и главный приемный кабинет помещаются на Кеннингтон-Роде, но он имеет еще отделение для консультаций с постоянными кроватями на Лауэр-Брикстон-Роде, в двух милях расстояния. Этот д-р Барнико пламенный поклонник Наполеона, и его дом наполнен книгами, картинами и реликвиями французского императора. Недавно он приобрел от Морза Гудсона две одинаковых гипсовых копии знаменитого бюста Наполеона, работы французского скульптора Девина. Одну из них он поставил в вестибюле дома на Кеннингтон-Роде, а другою украсил камин в лечебнице на Лауэр-Брикстоне. И вот, когда д-р Барнико вернулся к себе домой сегодня поутру, то с удивлением увидел, что в его доме ночью побывали воры; между тем все имущество оказалось в целости, исключая гипсового бюста, который исчез из прихожей. Он был похищен и разбит в мелкие дребезги о садовую ограду, у подножия которой нашли его осколки.

Холмс принялся потирать руки.

– Это бесспорно нечто небывалое, – сказал он.

– Я так и думал, что вы заинтересуетесь моей историей, – продолжал Лестрад. – Постойте, однако, это еще не все. Д-р Барнико должен был явиться к себе в лечебницу к двенадцати часам; каково же было его изумление, когда, по приезде туда, он убедился, что одно из окон дома было отворено ночью и осколки другого бюста валялись на полу комнаты. Он был раздроблен в мельчайшие дребезги там, где стоял. Как в том, так и в

другом случае не было ровно никаких указаний, по которым можно было бы заключить, действовал ли здесь преступник или помешанный. Ну вот, м-р Холмс, теперь я изложил вам важнейшие факты.

– Они удивительны, если не сказать нелепы, – отвечал мой приятель. – Позвольте вас спросить: два бюста, разбитых в доме и в лечебнице д-ра Барнико, были точными дубликатами первого бюста, уничтоженного в магазине Морза Гудсона?

– Они были отлиты в одной и той же форме.

– Этот факт опровергает догадку, будто бы человек, разбивавшей их, воодушевлен какой-то ненавистью к Наполеону. Взяв во внимание, сколько сотен скульптурных изображение великого императора должно существовать в Лондоне, было бы слишком наивно предположить подобное совпадение, чтоб неразборчивый ненавистник случайно напал на три образца того же самого бюста и начал с них замышленное им дело истребления.

– Позвольте, раньше я думал точно так же, – заметил Лестрад. – Но, с другой стороны, этот Морз Гудсон служить поставщиком бюстов в той части Лондона, а уничтоженные три экземпляра были единственными, находившимися у него в магазине в продолжение нескольких лет. Таким образом, хотя, как вы говорите, в Лондоне существует несколько сот скульптурных изображение Наполеона, но весьма вероятно, что эти три бюста были единственными в тамошней местности. По этой причине местный фанатик, естественно, должен был начать с них. Как вы полагаете, д-р Ватсо?

– Возможностям мономании нет границ, – отвечал я. – Существует болезненное состояние, известное у современных французских физиологов под названием «*idée fixe*»; человек может быть расположен к этой форме безумия в слабой степени, отличаясь во всех других отношениях полным здравомыслием. Лицо, зачитавшееся биографией Наполеона или разоренное вследствие наполеоновских войн, способно усвоить себе такую неотвязчивую идею и под ее влиянием совершать фанатические проступки.

– Нет, ваше объяснение не годится, милейший Ватсон, – возразил Шерлок, отрицательно качая головой. – Самая упорная *idée fixe* не могла бы внушить вашему интересному мономаниаку, где именно находятся ненавистные ему бюсты.

– Хорошо, как же вы объясняете такую странность?

– Я не пытаюсь делать это. Я заметил бы только, что в эксцентричных действиях того джентльмена обнаруживается некоторая последовательность. Так, например, в прихожей д-ра Барнико, где грохот

мог поднять на ноги семью, бюст не был сразу разбит, но предварительно вынесен вон, тогда как в лечебнице, где представлялось меньше опасности вызвать тревогу, он был раздроблен на том же месте, где стоял. Вся эта штука представляется пустой до нелепости, а между тем, я не осмеливаюсь назвать ничего ничтожным, едва только вспомню, что некоторые из моих наиболее классических дел имели самое необещающее начало. Может быть, вы не забыли еще, Ватсон, каким образом страшное происшествие в семействе Эбернети было сначала замечено мною на глубине, на какую опустилась петрушка в масло, растаявшее в жаркие день. Поэтому я не могу улыбаться, слушая о ваших трех раздробленных бюстах, Лестрад, и буду весьма вам благодарен, если вы сообщите мне еще какие-нибудь свежие добавления к такой странной цепи обстоятельств.

Добавление, которого желал мой приятель, последовало быстрее и в бесконечно более трагической форме, чем он мог себе вообразить. На следующее утро я еще одевался в своей спальне, когда в мою дверь постучались, и ко мне вошел Холмс с телеграммой в руке. Он громко прочел ее:

– «Приезжайте немедленно, 131, Питт-Стрит, Кенсингтон. Лестрад».

– Что же это такое? – спросил я.

– Не знаю. Мало ли что может быть! Но я подозреваю, что это продолжение истории разбитых бюстов. В данном случае сокрушитель изображение Наполеона начал свои операции в другом квартале Лондона. На столе готов кофе, Ватсон, а у крыльца меня ждет кэб.

Через полчаса мы достигли Пит-Стрита, мирного затишья, как раз позади одного из самых стремительных потоков лондонской жизни. N 131 представлял собою одно из ряда плоских, почтенных и самых неромантических жилищ. Когда мы подъехали к нему, то увидали, что заборы на противоположной стороне улицы окаймлены любопытной толпой. Холмс свистнул.

– Клянусь Георгием, – воскликнул он, – тут по меньшей мере покушение на убийство! Только это одно может удержать лондонского посыльного. Какое-нибудь злодейство явно читается в согнутой спине и вытянутой шее этого малого. Что это значить, Ватсон? Верхние ступени крыльца окачены водою, тогда как остальные сухи. Но во всяком случае следов имеется достаточно! Да вот и сам Лестрад у окна на улицу; сейчас мы разузнаем все.

Инспектор встретил нас с весьма серьезным видом и провел в гостиную, где мы нашли крайне взволнованного пожилого господина в фланелевом халате; взъерошенный, немый, он прохаживался нервными

шагами взад и вперед. Этот субъект был представлен нам в качестве владельца дома, м-ра Гораса Гаркера, одного из сотрудников «Центрального Синдиката Печати».

– Новая история с Наполеоновским бюстом, – сказал Лестрадь. – Вчера вечером это дело, по-видимому, заинтересовало вас, м-р Холмс, и я подумал, что, может быть, вы пожелаете присутствовать здесь, когда странное приключение приняло несравненно более серьезный оборот.

– А к чему оно привело на этот раз?

– К убийству. М-р Гаркер, не расскажете ли вы в точности этим джентльмэнам, что у вас произошло?

Человек в халате повернулся к нам с самой унылой миной.

– Необычайная вещь! – заговорил он. – Всю свою жизнь собирал я новости о других людях, а теперь, когда настоящая новость повстречалась мне самому, я до того сбит с толку и расстроен, что не способен связать двух слов. Если бы я пришел в качестве журналиста, то интервьюировал бы самого себя, после чего напечатал бы по два столбца в каждой вечерней газете. Но в теперешнем настроении я бросаю на ветер ценный материал, по несколько раз повторяя мою историю целому ряду посторонних лиц, и не могу воспользоваться ею сам! Впрочем, ваше имя мне знакомо, м-р Шерлок Холмс, и если вы только объясните это странное происшествие, я буду вознагражден за свой непроизводительный труд.

Холмс опустил в кресло и стал слушать.

– Все это, по-видимому, концентрируется вокруг бюста Наполеона, купленного мною вот для этой самой комнаты месяца четыре назад. Он приобретен мною за бесценок у братьев Гардинг, через два дома от станции Гай-Стрита. Большую часть моей журнальной работы я исполняю ночью и зачастую пишу до утра. Так было и сегодня. Я сидел у себя в спальне, в верхнем этаже дома, окнами во двор; около трех часов меня встревожил какой-то шум внизу. Я прислушался, но шум не повторился, и мне пришло в голову, что он донесся с улицы. Вдруг, несколько минут спустя, раздался ужасный вопль, страшнее которого я ничего не слыхивал, м-р Холмс. Он будет отдаваться у меня в ушах, пока я жив. Минуту или две сидел я, оледенев от ужаса, потом схватил кочергу и спустился вниз. Войдя в комнату, я увидел, что окно распахнуто настежь, и заметил исчезновение бюста с камина. Зачем понадобилось ночному вору стащить подобный предмет, остается для меня совершенно непонятным, потому что то был гипсовый слепок, не имевший действительной ценности.

Вы можете убедиться сами, что из этого отворенного окна удобно шагнуть на крыльцо. Так, вероятно, и поступил грабитель; поэтому я

обошел кругом и отворил дверь. Выйдя из нее в темноту, я чуть не упал, споткнувшись о труп, распростертый у моих ног. Сбегав за свечей, я увидел несчастного человека с зияющей раной в горле, который плавал в крови. Зарезанный лежал навзничь с согнутыми коленями и ужасно разинутым ртом. Его лицо будет пугать меня во сне. Я только успел свистнуть в мой полицейский свисток, как, должно быть, лишился чувств, потому что не помнил ничего более до той минуты, когда я очнулся и увидал полисмэна, стоявшего надо мной в сениях.

– Хорошо, но кто же был убитый человек? – спросил Холмс.

– На это нет никаких указаний, – отвечал Лестрад, – Вы увидите труп в покойницкой, но до сих пор мы не сделали ничего для открытия личности убитого. Это высокие загорелый мужчина, очень сильного сложения, не старше тридцати лет. Одет бедно, однако, не по-крестьянски. Нож с роговой рукояткой валялся возле него в луже крови. Послужил ли он орудием убийства или принадлежал убитому, я не знаю. На его одежде не было имени, а в его карманах не нашлось ничего, кроме яблока, бечевки, карты Лондона в шиллинг и фотографической карточки. Вот она.

То был, очевидно, моментальный снимок малой камеры. Он представлял бойкого, похожего на обезьяну человека, с резкими чертами. Густые нависшие брови и сильно выдававшаяся вперед нижняя часть лица придавали ему сходство с бабуином.

– А что сделалось с бюстом? – спросил Холмс, тщательно всмотревшись в карточку.

– Мы получили сведены о нем как раз перед вашим приходом. Он был найден в палисаднике одного необитаемого дома на Кемпден-Гоуз-Роде и оказался раздробленным в куски. Я сейчас иду взглянуть на него. Не желаете ли и вы пойти со мною?

– Конечно. Я только осмотрюсь немного здесь.

И Холмс принялся за осмотр ковра перед камином и окошка.

– Преступник должен обладать или необычайно длинными ногами или замечательным проворством, – сказал он. – Немалый фокус, повиснув над пустым пространством, ухватиться за оконный карниз и отворить раму. Вылезти из окна было сравнительно проще. Вы пойдете с нами посмотреть осколки вашего бюста, м-р Гаркер?

Неутешный журналист подсел между тем к письменному столу.

– Мне все-таки надо попытаться написать что-нибудь об этом происшествии, – отвечал он, – хотя я уверен, что первые издание вечерних газета успели выйти со всеми подробностями. Такое уж мое счастье! Помните, как однажды в Донкастере рухнули подмости? Представьте же

себе, я был единственным журналистом на этих подмостках, и моя газета оказалась единственной, где не был напечатан отчет о случившемся, так как я был слишком потрясен, чтобы описать это происшествие. Теперь же я опоздаю с известием об убийстве, которое совершилось на крыльце моего собственного дома!

Когда мы выходили из комнаты, то услышали скрип пера, проворно бегавшего по бумаге.

Место, где были найдены осколки бюста, отстояло всего на несколько сот ярдов от жилища Гаркера. Изображение великого императора, внушавшего, по-видимому, такую фанатическую и разрушительную ненависть незнакомцу, валялось на земле, раздробленное в мелкие кусочки. Гипсовые черепки усыпали зеленую траву, побелевшую от известковой пыли. Холмс поднял некоторые из них и тщательно разглядывал.

По этой пристальности и сосредоточенному виду моего приятеля я стал догадываться, что он напал, наконец, на руководящую нить.

– Ну, что же? – спросил Лестрад.

– Мы далеки еще от истины, – отвечал Шерлок. – А между тем... между тем... перед нами несколько внушительных фактов, на которые можно опереться. Обладание этим ничтожным бюстом было для странного преступника дороже человеческой жизни. Вот уже один пункт. Затем есть другое, не менее удивительное обстоятельство. Почему он не разбил этой вещи в доме или у самого дома, если его единственной целью было истреблять изображены Наполеона?

– Он растерялся и был испуган, неожиданно наткнувшись на свидетеля. Вероятнее всего, что убийца действовал бессознательно.

– Допустим; это отчасти правдоподобно. Но я хочу обратить ваше особое внимание на положение этого дома, в саду которого был расколот бюст.

Лестрад осмотрелся кругом.

– То был необитаемый дом; таким образом преступник знал, что ему не помешают в саду, – сказал он.

– Прекрасно, но немного ближе есть другой необитаемый дом, который он должен был миновать, чтобы дойти до этого. Почему не разбил он бюста именно там, тогда как с каждым шагом для него, очевидно, возрастала опасность наткнуться опять на кого-нибудь.

– Решительно не берусь объяснить, – отвечал инспектор. Холмс указал на уличный фонарь над нашими головами.

– Здесь он мог видеть, что делает, а там не мог. Вот что руководило им.

– Клянусь Юпитером, это верно! – воскликнул сыщик. – Как я теперь

припоминаю, – прибавил он, – и бюст, принадлежавший д-ру Барнико, был раздроблен неподалеку от его красного фонаря. Итак, м-р Холмс, что же нам делать с этим фактом?

– Запомнить его и вывести из него заключение. Мы можем придти потом к чему-нибудь, имеющему с ним прямую связь. Какие меры собираетесь вы принять теперь, Лестрад?

– Всего нужнее, по моему, удостоверить личность убитого. Это будет немудрено. Когда же мы узнаем, кто он и кто его товарищи, то значительно подвинемся в вопросе о том, что он делал в Питт-Стрите прошедшей ночью, кто с ним встретился и кто убил его на крыльце м-ра Гораса Гаркера. Как вы полагаете?

– Это несомненно; однако, я подошел бы к делу несколько иным путем.

– А с ка кой же стороны взялись бы вы за него?

– О, вы не должны поддаваться моему влиянию в каком бы то ни было отношении! Лучше будем действовать каждый по своему. Потом мы сравним наши заметки, и каждый из нас пополнить сделанное другим.

– Очень хорошо, – согласился Лестрад.

– Если вы вернетесь назад в Питт-Стрит, то, может быть, увидите мистера Гораса Гаркера. Передайте ему от меня, что я уже вывел свое заключение и что опасный, кровожадный безумец, помешанный на ненависти к Наполеону, забрался прошлой ночью к нему в дом. Это будет полезно для его статьи.

Инспектор остановился, как вкопанный.

– Не может быть, чтобы вы серьезно думали так!

Холмс усмехнулся.

– Почему же нет! Но допустим, что я не думаю; тем не менее, я уверен, что это заинтересует м-ра Гораса Гаркера, а вместе с ним и подписчиков «Центрального Синдиката Печати». Ну, теперь, Ватсон, я полагаю, нам придется много поработать сегодняшний денек и поломать голову над сложной задачей. Мне было бы очень приятно, Лестрад, если бы вы заглянули к нам в Бекер-Стрит в шесть часов вечера. А до тех пор я удержу при себе фотографическую карточку, найденную в кармане убитого. Возможно, что я попрошу вашей помощи и содействие в маленькой экспедиции, которую намерен предпринять сегодня ночью, если ряд моих выводов окажется правильным. А пока до свиданья и желаю вам удачи!

Мы с Шерлоком пошли вдвоем в Гай-Стрит; здесь он остановился у магазина братьев Гардинг, где был приобретен бюст. Молодой приказчик сообщил нам, что хозяин вернется лишь после полудня, а сам он новичок и

не может дать нам нужных сведений. Лицо Холмса выразило досаду и неудовольствие.

– Ну, что ж делать, Ватсон, – сказал, наконец, мой приятель после минутного раздумья, – невозможно требовать, чтобы все шло, как мы хотим! Придется зайти сюда еще раз вечером, если м-р Гардинг не будет дома до этого времени. Я, как вы несомненно догадываетесь, стараюсь выследить бюсты до их источника, чтобы узнать, нет ли тут чего-нибудь особенного, что могло бы иметь связь с их замечательным жребием. Поедьте к м-ру Морзу Гудсону в Кеннингтон-Род и посмотрим, не может ли он пролить какой-нибудь свет на эту загадку.

После часа езды мы добрались до магазина художественных вещей. Хозяин его был полный мужчина невысокого роста с красным лицом и раздражительным характером. На расспросы Холмса он заговорил, постепенно разгораясь:

– Как же, сэр, это произошло на моем собственном прилавке! С какой стати платим мы подати и налоги, я решительно не понимаю, если каждый нахал смеет ворваться к нам в дом и безнаказанно портить наше добро! Да, сэр, это я продал д-ру Барнико те два бюста. Это гнусно, сэр! Тут какой-нибудь заговор нигилистов, не иначе как заговор. Кому, кроме анархиста, придет в голову крошить статуэтки? Красные республиканцы, вот как я их называю. От кого приобрел я те бюсты? Не все ли вам равно? Я не вижу тут ничего общего! Впрочем, если вы непременно желаете знать, я готов сообщить вам, что купил их от Гельдера и Ко в Черч-Стрите, Стэпней. Это известная торговая фирма, которая отлично держится вот уже двадцать лет. Сколько было у меня бюстов? Три. Два да один составят три. Два проданы д-ру Барнико, один же раздроблен среди бела дня на моем собственном прилавке. Знакома ли мне эта фотография? Нет, не знакома. Впрочем, позвольте. Ай, да это Беппо! Жил у меня этот итальянец, мастер-штучник, малый на все руки. Он понемножку и скульптор, и позолотчик; смастерит и раму для картины и справит вам какую угодно лишнюю работу. Только он ушел от меня на прошлой неделе и с тех пор о нем ни слуху, ни духу. Нет, я не знаю, откуда он взялся и куда пропал. Я не имел ничего против этого парня, когда он был тут. Он исчез за два дня до того, как разбили бюст.

– Больше этого нельзя было и ожидать от Морза Гудсона, – сказал Холмс, когда мы вышли из лавки. – Этот Беппо является, несомненно, общим фактором как в Кеннингтоне, так и в Кенсингтоне, а ведь это сведение, право, стоит того, чтоб проехать ради него десять миль! Теперь, Ватсон, отправимся к Гельдеру и Ко в Стэпней, к источнику и месту происхождения бюстов. Я буду удивлен, если мы не получим там кой-

какого подкрепления.

В быстрой последовательности миновали мы фешенебельный Лондон, отельный Лондон, театральный Лондон, литературный Лондон, коммерческий Лондон и, наконец, морской Лондон, после чего достигли берегового города с населением в сто тысяч душ, где наемные дома кишат отверженцами Европы. Здесь на широкой проезжей улице, окаймленной некогда жилищами богатых купцов Сити, мы нашли мастерскую скульптурных изделий, которую искали. К ней примыкал обширный двор, покрытый строящимися монументами; миновав его, мы вступили в громадную комнату, где пятьдесят мастеровых занимались – кто обработкою мрамора, кто лепкою. Управляющие, высокий белокурый немец, принял нас вежливо и дал ясный ответ на все расспросы Холмса. По справке в его книге оказалось, что с мраморной копии Наполеоновского бюста работы Девина было сделано несколько сот гипсовых снимков. Но три из них, посланные Морзу Гудсону год или больше тому назад, составляли половину отдельной партии из шести штук, изготовленных одновременно, тогда как остальные были доставлены братьям Гардинг в Кенсингтон. В этих шести бюстах не было решительно ничего особенного, чем они отличались бы от слепков других партий. Немец не мог указать никакой вероятной причины, которая требовала бы их насильственного уничтожения. Эта идея даже заставила его расхохотаться. Оптовая цена бюстов была шесть шиллингов, но розничный торговец мог выручить за них двенадцать шиллингов и более. Снимок изготовлялся в двух формах, каждая сторона лица отдельно, после чего эти два готовых профиля из парижского гипса соединялись вместе, чтобы составить полный бюст. Работа исполнялась обыкновенно итальянцами в той самой комнате, где мы находились. Готовые бюсты ставились в коридоре на стол для просушки, а потом уносились в кладовую. Это было все, что управляющие мог нам сообщить.

Но предъявленная ему фотография оказала на него совершенно неожиданное действие. Он побагровел от гнева и насупил брови над своими голубыми тевтонскими глазами.

– Ах, негодяй! – воскликнул немец. – Действительно, я знаю очень хорошо этого человека. Здешняя мастерская всегда была почтенным заведением, и единственный раз, когда приходила сюда полиция, это случилось из-за него. Больше года тому назад он ударил ножом на улице другого итальянца, своего земляка, а потом пришел сюда как ни в чем не бывало; но по его пятам нагрянули полицейские. Звали его Беппо, а фамилии головореза я так и не узнал. Поделом мне! Зачем было нанимать

субъекта с такой физиономией. Впрочем, Беппо был хорошие работник, один из лучших.

– К чему же его приговорили?

– Раненый земляк остался в живых; поэтому Беппо отделался одним годом заключения; я уверен, что теперь он вышел из тюрьмы, но буян не посмел показать сюда нос. Впрочем, у нас здесь живет его двоюродный брат. Пожалуй, он сообщит вам, где найти этого малого.

– Нет, нет! – воскликнуть Холмс. – Ни слова брату, ни слова, прошу вас! Это дело очень серьезное, и чем дальше подвигаюсь я в его расследование, тем серьезнее оно, по-видимому, становится. Когда вы справлялись в большой счетной книге о времени продажи тех гипсовых копий, я заметил, что она помечена у вас 3-м июня прошлого года. Можете ли вы сообщить мне число, когда Беппо был арестован?

– Я могу указать вам его приблизительно по платежному списку, – отвечал управляющей. – Да, – продолжал он, перевернув несколько страниц, – последняя плата была ему выдана 20-го мая прошлого года.

– Весьма благодарен, – сказал Холмс. – Не думаю, чтоб мне понадобилось утруждать вас еще, злоупотребляя вашим временем и терпением.

Повторив лишние раз предостережение управляющему, чтоб он не разглашал о наших розысках, мы снова повернули в западную сторону.

Время перевалило далеко за полдень, прежде чем нам удалось наскоро позавтракать в ресторане. Газетное объявление у входа гласило: «Наглое нападение в Кенсингтоне. Убийство, совершенное помешанным». И содержание газеты доказывало, что м-р Горас Гаркер успел-таки напечатать свою корреспонденцию. Два столбца были заняты крайне сенсационным и цветистым описанием случившаяся. Прислонив листок к судкам, Холмс пробежал глазами этот отчет, утоляя свой голод. Раз или два у него вырывался сдержанный смех.

– Превосходно, Ватсон! – воскликнул, наконец, мой приятель. – Послушайте-ка: «Утешительно узнать, что о настоящем происшествии не может быть разноречивых мнение, так как м-р Лестрад, один из опытейших чиновников сыскной полиции, и м-р Шерлок Холмс, известный эксперт-консультант, пришли к одинаковому заключению, что ряд диких инцидентов, закончившихся так трагически, следует скорее приписать помешательству, чем видеть в нем обдуманное преступление». Печать, любезный Ватсон, есть самое драгоценное учреждение, если только пользоваться ею умело. Кончили вы завтракать?.. Тогда пойдемте скорее назад в Кенсингтон и посмотрим, что-то скажет нам заведывающий

торговлей братьев Гардинг.

Хозяин этого обширного склада оказался бойким сморщенным человечком небольшого роста, чрезвычайно живым и проворным, с сообразительной головой и большою словоохотливостью.

– Как же, сэр, я уже читал о происшествии в вечерних газетах. М-р Горас Гаркер наш покупатель. Мы продали ему тот гипсовый бюст несколько месяцев назад. Мы заказали три таких экземпляра Гельдеру и Ко, в Стэпнее. Все они теперь уже распроданы. Кому? О, я надеюсь, что, заглянув в торговый книги, мы без труда удовлетворим ваше любопытство. Так и есть! Вот наши записи. Один бюст продан, как видите, м-ру Гаркеру, другой – м-ру Джозия Брауну, из Лэберном-Лоджа, Лэберном-Вэль, Чизвик, а третье – м-ру Сэндфорду, с Лауэр-Гров-Рода, Ридинг. Нет, я никогда не видал лица, которое вы мне показываете на фотографии. Его было бы трудно забыть, – неправда ли, сэр? – потому что редко можно встретить человека безобразнее. Есть ли у нас итальянцы среди служащих? Да, сэр, у нас их много между мастеровыми и чистильщиками. Это точно, они имеют возможность заглянуть в торговую книгу, если захотят. Нет особенной причины держать ее под ключом. Ваша правда, это престранная история, и я надеюсь, что вы сообщите мне о дальнейшем, если из ваших разведок выйдет какой-нибудь прок.

Холмс сделал несколько заметок в своей записной книжке во время показание м-ра Гардинга. По его лицу можно было видеть, что он вполне доволен оборотом, который принимали дела. Впрочем, мой товарищ хранил молчание и сказал только, что если мы не поторопимся, то опоздаем к приходу Лестрада. Само собою разумеется, что сыщик явился в Бекер-Стрит раньше нас, и мы нашли его в лихорадочном нетерпении, шагающим из угла в угол. По важному виду инспектора можно было заключить, что его хлопоты в тот день не пропали даром.

– Ну что, – спросил он, – повезло ли вам, м-р Холмс?

– Мы много потрудились сегодня, – отвечал Шерлок, – и не совсем напрасно. Мы повидали обоих розничных торговцев, а также оптовых фабрикантов. Теперь я могу проследить каждый из бюстов с самого начала.

– Бюсты! – с оттенком презрения подхватил Лестрад. – Ну да, конечно, у вас свои приемы, м-р Холмс, и не мне возражать что-либо против них, тем не менее, я полагаю, что мною сделано кое-что поважнее: я удостоверил личность убитого.

– Да не может быть!

– И открыл повод к преступлению.

– Великолепно!

– У нас есть инспектор, который специально наблюдает за Саффрон-Гиллем и итальянским кварталом. Так вот, видите ли, на шее убитого была надета какая-то католическая эмблема, а это, заодно с его смуглой кожей, подало мне мысль, что он южанин. Инспектор Гилль признал этого молодца с первого же взгляда. Его звали Пьетро Венуччи; он родом из Неаполя и был самым отчаянным злодеем в Лондоне. Венуччи причастен к маффии; этим именем, как вам известно, называется тайное политическое общество, подкрепляющее свои распоряжения убийством. Теперь вы понимаете, как начинает выясняться дело? Человек, разбивавший изображения Наполеона, вероятно, также итальянец и член маффии. Он в чем-нибудь нарушил правила союза. Пьетро был послан выследить его. Должно быть, на фотографии, которую мы нашли в кармане жертвы, изображен сам преступник. Венуччи снабдили ею для того, чтоб он не зарезал по ошибке кого-нибудь другого. Он подстерег указанного ему человека, видел, как тот вошел в дом, выждал его на крыльце, но сам получил смертельную рану во время схватки. Ну, что вы скажете на это, м-р Холмс?

Мой товарищ в знак одобрения захлопал в ладоши.

– Превосходно, Лестрад, превосходно! – воскликнул он. – Только я плохо вникнул в то, чем объясняете вы истребление бюстов.

– Бюсты! Вы никак не можете выкинуть их из головы! В сущности это пустяки, мелкая кража, за которую полагается самое большее шесть месяцев тюремного заключения. На самом деле мы расследуем убийство, и говорю вам, что скоро все нити преступления будут у меня в руках.

– Ну, а следующая стадия?

– Она очень проста. Я отправлюсь с Гиллем в итальянский квартал, отыщу человека, фотографию которого мы достали, и арестую его по обвинению в убийстве. Вы пойдете с нами?

– Едва ли. Мне кажется, что мы сумеем достичь цели гораздо проще. Конечно, я не могу ручаться за успех, потому что все это зависит... ну да, все это зависит от фактора, совершенно недоступного нашему контролю. Однако, есть большие шансы – на самом деле можно поставить два против одного, – что если вы согласитесь отправиться с нами сегодня ночью, то я помогу вам накрыть преступника.

– В итальянском квартале?

– Нет; я полагаю, что Чизвик – более подходящий адрес для его поимки. Если вы поедете со мною сегодняшней ночью в Чизвик, Лестрад, то я обещаю вам пойти с вами завтра в итальянский квартал, и от этой отсрочки не произойдет никакой беды. Теперь же всем нам не мешало бы

хорошенько выспаться, так как я не рассчитываю выйти из дому до одиннадцати часов, и нельзя надеяться, чтобы мы вернулись раньше утра. Вы отобедаете с нами, Лестрад, а потом добро пожаловать на диван, пока не наступит время тронуться с места! Тем временем, Ватсон, я буду вам весьма признателен, если вы позвоните и потребуете нарочного; мне надо отправить письмо, и его отсылка не терпит отлагательства.

Холмс провел вечер в том, что рылся в кипах старых газет, которыми был набит один из наших чуланов. Когда он, наконец, спустился вниз, его глаза горели торжеством; однако, мой товарищ не обмолвился ни словом ни одному из нас о результате своих поисков. С своей стороны я выслеживал шаг за шагом приемы, которые он применял, подвигаясь вперед в лабиринте этого сложного дела, и хотя я не мог догадаться, к чему приведет его план, но ясно понимал, что, по расчету Холмса, нелепый преступник должен произвести нападение на два уцелевших бюста, один из которых, как мне помнилось, находился в Чизвике. Несомненно, целью нашей поездки было захватить виновного на месте преступления, и я невольно восхищался той хитростью, с которой Шерлок поместил ложное указание в вечерней газете с целью внушить преступнику мысль, что он может безнаказанно продолжать задуманное им. Меня несколько не удивило, когда Холмс посоветовал мне запастись револьвером. Сам он взял заряженный охотничий пистолет, свое любимое оружие.

Наемный экипаж подкатил к крыльцу в одиннадцать ночи, и мы доехали до одного места по ту сторону Геммерсмитского моста. Здесь извозчику было приказано дожидаться. Пройдя немного пешком, мы достигли уединенной дороги, окаймленной красивыми домиками, стоявшими в садах. При свете уличного фонаря на воротах одного из них можно было прочесть «Лэберном-Вилла». Обитатели дома, очевидно, спали, потому что в нем все окна были темны, исключая слухового над входной дверью, которое отбрасывало единственный тусклый круг света на садовую дорожку. Деревянный забор, отделявшие сад от дороги, отбрасывал от себя густую черную тень на внутреннюю сторону, и здесь-то мы притаились втроем.

— Боюсь, что нам придется долго ждать, — прошептал Холмс. — Мы должны еще благодарить судьбу, что нет дождя. Едва ли можно даже закурить сигару от скуки. Но все-таки у нас есть два шанса против одного, что мы добьемся кое-чего в награду за труды.

Между тем наше ожидание оказалось не таким продолжительным, как опасался Холмс, и окончилось весьма внезапным и необычайным образом. В одну минуту, без малейшего звука, который предупредил бы нас о

приближение человеческого существа, садовая калитка распахнулась, и гибкая темная фигура, юркнув в нее с проворством и живостью обезьяны, помчалась стрелой по дорожке сада. Мы видели, как она мелькнула в полосе света, выходявшего из полукруглого окна над крыльцом, и скрылась опять в густой тьме около дома. Наступила долгая пауза, в продолжение которой мы не двигались с места, притаив дыхание; потом до нас донесся еле слышный треск. Окно отворилось. Слабый шум прекратился, и все окружающее снова застыло в жутком безмолвии. Ночной пришелец пробирался в дом. Мы увидели внезапную вспышку потайного фонаря в темной комнате. То, чего искал вор, очевидно, не попадалось ему под руку, потому что мы заметили новое мелькание огня сквозь другую стору, а там сквозь третью.

– Пойдемте к отворенному окну. Мы сцапаем его, когда он будет вылезать вон, – прошептал Лестрад.

Но не успели мы пошевелиться, как незнакомец показался вновь. Когда он вступил на освещенное пространство, мы увидели, что негодяй тащит под мышкой какой-то белый предмет. Он огляделся украдкой вокруг себя. Тишина безлюдной улицы успокоила его. Повернувшись к нам спиной, он положил на землю свою ношу; вслед за тем раздался громкий стук, сопровождаемый треском и звяканьем разлетевшихся осколков. Злоумышленник был до такой степени поглощен своим делом, что не расслышал наших шагов, когда мы осторожно подкрадывались по траве, покрывавшей лужайку. Стремительным прыжком тигра Холмс кинулся ему на спину, а секунду спустя Лестрад и я овладели его руками, чтоб застегнуть на них ручные кандалы. Когда мы перевернули барахтавшегося арестанта навзничь, то я увидел перед собою отвратительное бледно-желтое лицо с искаженными свирепыми чертами и яростным взглядом, обращенным на нас. Это был, несомненно, оригинал фотографии, найденной в кармане убитого.

Между тем внимание Холмса было устремлено совсем не на пойманного человека. Присев на корточки на ступенях крыльца, он тщательно рассматривал предмет, вынесенный вором из дома. То был гипсовый бюст Наполеона, подобный тому, который мы видели поутру, и раздробленный на такие же осколки. Шерлок с озабоченной миной подносил каждый черепок к свету, но ни один из них не отличался ничем от всякого другого обломка гипса. Мой приятель только что окончил свой осмотр, как вдруг огонь в сенях вспыхнул ярче, дверь отворилась, и хозяин дома, веселый толстяк в одних брюках и рубашке, показался на пороге.

– М-р Джозия Браун, если не ошибаюсь? – спросил Холмс.

– Да, сэр, а вы, без сомнения, м-р Шерлок Холмс? Я получил записку, посланную вами с нарочным, и сделал в точности то, что вы мне велели. Мы заперли все двери изнутри, после чего стали дожидаться вора. Ну, я очень рад поимке негодяя! Надеюсь, джентльмены, что вы зайдете ко мне закусить и подкрепиться.

Однако, Лестрад торопился доставить преступника в безопасное место, потому несколько минут спустя был вызван наш кэб, и мы вчетвером покатали обратно в Лондон. Наш узник не проронил дорогой ни слова, он только свирепо смотрел на нас из под нависших на лоб всклокоченных волос, да однажды, когда моя рука очутилась вблизи него, он впился в нее зубами, как голодный волк. Мы пробыли достаточно долго в полицейском участке, чтоб узнать, что при обыске платья у арестанта не найдено ничего, кроме нескольких шиллингов и длинного кинжала в ножнах, рукоятка которого носила многочисленные следы свежей крови.

– Скоро все откроется, – сказал, прощаясь с нами, Лестрад. – Гиллю хорошо известен весь этот честной народец, и он сейчас назовет имя нашего молодца. Вот вы увидите, что моя догадка насчет маффии подтвердится. Тем не менее я весьма обязан вам, м-р Холмс, за искусную поимку злодея. Очень уж ловко подстроили вы это, хотя, собственно, я не вполне понимаю, что навело вас на такую счастливую мысль.

– Боюсь, что теперь слишком поздний час для разъяснений, – отвечал Шерлок. – Кроме того, здесь не определились еще кое-какие подробности, а это одно из дел, которые стоит разобрать до конца. Если вы пожелаете зайти ко мне опять завтра вечером около шести часов, то, пожалуй, я буду в состоянии показать вам, что даже и теперь вы не проникли вполне в самую суть происшествия, представляющего некоторые черты, которые ставят его совершенно особняком от прочих в истории преступлений. Если когда-нибудь я разрешу вам, любезный Ватсон, занести в вашу летопись еще кое-какие из моих маленьких проблем, то предвижу заранее, что вы оживите страницы своих записок рассказом об удивительном приключении с Наполеоновскими бюстами.

Когда мы сошлись втроем в назначенное время на другой день, Лестрад был более осведомлен о нашем арестанте. Зовут его, кажется, Беппо, фамилия неизвестна. Среди итальянской колонии он слыл неисправимым бездельником. В былое время этому человеку везло счастье; он был искусным скульптором и содержал себя честным трудом, но потом свернул на другую дорогу и уже два раза сидел в тюрьме: однажды за мелкую кражу, а второй раз, как мы уже слышали, за вооруженное нападение на своего земляка. По-английски он объяснялся совершенно

правильно. Причины, заставлявшая его истреблять бюсты французского императора, оставались пока невыясненными, и преступник отказывался отвечать на все вопросы по этому предмету; но полиция дозналась, что эти гипсовые снимки могли быть сделаны его собственными руками, так как он занимался ремеслом лепщика в скульпторной мастерской Гельдера и Ко. Ко всем этим сообщениям, большая часть которых не представляла для нас новизны, Холмс прислушивался с вежливым вниманием, но мне, знавшему его так хорошо, было ясно, что его мысли витали далеко, и я угадывал смесь беспокойства и нетерпеливого ожидания под обычной маской хладнокровной сдержанности, которую он носил. Наконец Шерлок выпрямился в кресле; его глаза просияли. Внизу раздался звонок. Минуту спустя мы услышали на лестнице приближающиеся шаги, и в комнату вошел пожилой краснолицый мужчина с седеющими бакенбардами. В правой руке у него был старомодный ковровый саквояж, который он поставил на стол.

– Дома ли м-р Шерлок Холмс? – спросил вошедший. Мой друг поклонился с улыбкой, говоря:

– М-р Сэндфорд из Ридинга, я полагаю?

– Да, сэр; боюсь, что я немного опоздал, но тому виною неаккуратность поездов. Вы писали мне насчет бюста, находящегося в моем владении.

– Совершенно верно.

– Ваше письмо у меня с собой. Вы пишете: «Я желаю приобрести копию с Девиновского Наполеона и готов заплатить десять фунтов за ту, которая находится в вашем владении». Так ли это?

– Конечно.

– Я был весьма удивлен вашим письмом, потому что не мог представить себе, каким образом узнали вы, что у меня есть такая вещь.

– Конечно, вы должны были удивиться, но объяснение очень просто. М-р Гардинг из магазина Братьев Гардинг сообщил мне, что их фирма продала свою последнюю копию вам, и дал мне ваш адрес.

– Так вот что! Неужели? А он сказал вам, сколько я заплатил за нее?

– Нет, не сказал.

– Послушайте, я честный человек, хоть и небогатый. За бюст заплачено мною всего пятнадцать шиллингов; по-моему, вы должны это знать прежде, чем я возьму от вас те десять фунтов.

– Позвольте вам сказать, что такая добросовестность делает вам честь, м-р Сэндфорд. Но я назначил цену и намерен ее держаться.

– Это очень мило с вашей стороны, м-р Холмс. Я привез с собою бюст,

как вы просили. Вот он!

Посетитель открыл саквояж, и наконец мы увидели на столе цельный экземпляр бюста, виденного нами уже не раз в обломках.

Холмс вынул из кармана бумагу и положил на стол билет в десять фунтов.

— Вы потрудитесь подписать составленный мною документ, м-р Сэндфорд, в присутствии этих свидетелей. В нем сказано просто, что вы передаете мне все права, которые когда-либо имели на этот бюст. Я человек методический, как видите, а вы не можете знать, какой поворот могут принять впоследствии события. Благодарю вас, м-р Сэндфорд; вот ваши деньги и позвольте пожелать вам доброго вечера!

Когда наш гость скрылся за дверью, действие Шерлока Холмса возбудили в нас сильнейшее любопытство. Он начал с того, что вынул из комода чистую белую скатерть и постлал ее на стол. Потом он поставил только-что купленный бюст посередине этой скатерти. В заключение мой приятель взял молоток и с размаху ударил Наполеона в самое темя. Гипсовая голова разлетелась вдребезги, а Холмс поспешно наклонился над рассыпавшимися осколками. В ту же минуту мы услышали громкие возглас торжества, и он показал нам один из черепков, в котором сидел какой-то круглый темный предмет, точно чернослив в пудинге.

— Джентльмэны, — воскликнул мой товарищ, — позвольте представить вам знаменитую черную жемчужину Борджиа.

Лестрад и я с минуту сидели молча, ошеломленные такой неожиданностью, а потом разразились дружными аплодисментами в порыве неподдельного восхищения. Яркая краска ударила в бледное лицо Холмса; он раскланялся нам, как драматург, принимающей чествования публики. В такие моменты он переставал быть рассуждающей машиной, обнаруживая свою человеческую любовь к поклонению и похвалам. Эта необычайно гордая и скрытная натура, которая презрительно отворачивалась от общественной известности, была способна глубоко умилиться непритворным восторгом и одобрением друга.

— Да, джентльмэны, — сказал Шерлок, — это самая знаменитая жемчужина, существующая теперь на свете, и мне посчастливилось с помощью связной цепи индуктивного рассуждения выследить ее от спальни князя Колонна в отеле Дакр, где она потерялась, до внутренности этого последнего из шести бюстов Наполеона, изготовленных Гельдером и Ко в Стэпнее. Вспомните, Лестрад, переполох, вызванный пропажей этой крупной драгоценности, и напрасный усилие лондонской полиции отыскать ее. Со мной самим советовались по этому делу, но я не мог пролить на него

никакого света. Подозрение пало на горничную княгини, итальянку родом, и было доказано, что у нее есть в Лондоне брат, но нам так и не удалось открыть каких бы то ни было сношение между ними. Горничную звали Лукреция Венуччи, и теперь для меня несомненно, что этот Пьетро, зарезанный прошлой ночью, был ее брат. Я справился по старым газетам о числах и нашел, что пропажа жемчужины произошла как раз за два дня до ареста Беппо, схваченного полицией за какое-то насилие, – событие, случившееся в мастерской Гельдер и Ко в то самое время, когда в ней изготовлялись те бюсты. Теперь вы ясно видите последовательность события, хотя видите их, конечно, в порядке, противоположном тому, в котором они представлялись мне. Беппо имел жемчужину у себя в руках. Он мог украсть ее у Пьетро, мог быть сообщником Пьетро или посредником между Пьетро и его сестрой. Для нас не важно знать, которое из этих предположение верно. Важно то, что Беппо обладал жемчужиной, и в тот момент, когда она была при нем, его разыскивала полиция. Он кинулся в мастерскую, где работал, и знал, что у него в распоряжении только несколько минут, которые надо употребить на то, чтобы спрятать эту вещь громадной ценности, иначе ее нашли бы при нем во время обыска. Шесть гипсовых бюстов Наполеона просушивались в коридоре. Один из них был еще мягок. В одну минуту Беппо, искусный мастер, сделал маленькое отверстие в сыром гипсе, опустил в него жемчужину и ловко заделал отверстие снаружи, сгладив поверхность. Это было превосходное хранилище. Едва ли кто мог бы открыть его. Между тем Беппо приговорили к году тюремного заключения, а тем временем шесть бюстов рассеялись по всему Лондону. Он не мог сказать, в каком именно из них заключалось его сокровище; только разбив их, можно было убедиться в этом. Даже встряхивание не сказало бы ему ничего, потому что при сырости гипса было вероятно, что жемчужина пристанет к нему, как на самом деле и вышло. Беппо не отчаивался; он направил свои поиски с значительной изобретательностью и настойчивостью. Через двоюродного брата, который работает у Гельдера, ему удалось узнать фамилии розничных торговцев, купивших бюсты. Он устроил так, чтобы найти занятие у Морза Гудсона, и этим путем выследил три из них. Жемчужины в них не оказалось. Тогда с помощью одного итальянца, служащего в этом торговом доме, Беппо успел дознаться, куда попали три остальные бюста. Первый был у Гаркера. Тут его выследил сообщник, обвинявшие Беппо в потере жемчужины, и Беппо зарезал его в последовавшей драке.

– Но если он был его сообщником, с какой стати тот носил в кармане его фотографию? – спросил я.

– С целью выследить его на тот случай, если бы он захотел осведомиться о нем у третьего лица. Это была очевидная причина. И я рассчитал, что после убийства Беппо, вероятнее, примется действовать скорее поспешно, чем станет откладывать свои замыслы. Он побоится, чтобы полиция не разгадала его тайны, и потому поспешит исполнить свой замысел прежде, чем сыщики пустятся по его следам. Конечно, я не мог утверждать, что он не нашел жемчужины в бюсте, принадлежавшем Гаркеру. Я даже не знал наверное, что то была жемчужина, но мне было ясно, что преступник чего-то ищет, раз он протащил украденный бюст мимо нескольких домов с целью разбить его в саду, над которым горел уличный фонарь. Так как бюст Гаркера был одним из трех, то шансы представлялись совершенно в том вид, как я вам говорил: два против одного, что жемчужина скрывалась в них. Оставалось два бюста, и было очевидно, что преступник раньше возьмется за лондонский. Я предостерег обитателей дома, во избежание второй трагедии, и все обошлось как нельзя более благополучно. Тем временем, разумеется, я убедился, что мы отслеживаем жемчужину Борджиа. Имя убийцы послужило соединительным звеном между одним происшествием и другим. Теперь оставался в целости только единственный бюст в Ридинге, и жемчужина должна была находиться в нем. Я купил его в вашем присутствии от владельца, и вот он лежит перед вами.

С минуту мы сидели в молчании.

– Ну, – сказал Лестрад, – я видел, как вы распоряжались многими следствиями, мистер Холмс, но не помню, видел ли что-нибудь искуснее этого. Мы не завидуем вам в сыскной полиции. Нет, сэр, мы очень гордимся вами, и если вы придете к нам завтра, то не найдется ни одного человека, от самого старого инспектора до самого молодого констэбля, кто не был бы рад пожать вам руку.

– Благодарю вас! – сказал Холмс. – Благодарю вас!

И когда он отвернулся, мне показалось, что мой товарищ сильнее взволнован мягким человеческим чувством, чем когда-нибудь. Минуту спустя он был уже опять холодным практическим мыслителем.

– Уберите жемчужину в несгораемый шкаф, Ватсон, – сказал Шерлок, – да выньте бумаги по делу о Конг-Синглетонской кузнице. Прощайте, Лестрад. Когда вам попадется опять какая-нибудь маленькая задача, я буду очень счастлив, если мне удастся дать вам два или три полезных указания для ее решения.

Убийство в Окзотте

Часть первая. Загадка ночи

В моей памятной книжке записано, что это произошло в ненастный, туманный день, в марте месяце тысяча восемьсот девяносто второго года. Мы сидели за завтраком, когда Холмс получил телеграмму, на которую сейчас же написал ответ. Он не обмолвился ни словом по поводу ее, хотя все время думал о ней, так как после завтрака стоял задумчиво перед камином, покуривая трубку и изредка поглядывая на телеграмму. Вдруг он повернулся ко мне, и в глазах его сверкнул лукавый огонек.

– Ватсон, – сказал он, – вас, кажется, можно считать в некотором роде литератором? Не объясните ли вы мне значение слова «необычайный»?

– Удивительный, необыкновенный, – заметил я.

Но он отрицательно покачал головой и сказал:

– Нет, слово это имеет другое значение; оно включает в себе нечто трагическое, страшное. Если вы вспомните некоторые из ваших рассказов, которыми вы так долго испытывали терпение читающей публики, вы должны будете сознаться, что часто из необычайных случаев возникали уголовные дела. Слово «необычайный» всегда возбуждает во мне живой интерес, я чувствую, что надо быть очень осторожным.

– Вы разве встретили теперь это слово? – спросил я.

Он прочел вслух содержание телеграммы: «Произошел удивительный, необычайный случай. Можно посоветоваться с вами? Скотт Эклс. Почтовое отделение. Чаринг-Кросс».

– Кто же это: мужчина или женщина? – спросил я.

– Конечно, мужчина. Никогда женщина не пошлет телеграмму с оплаченным ответом. Скорее она сама приедет.

– Вы думаете принять его?

– Дорогой Ватсон, вы ведь знаете, как я скучал с тех пор, как нам удалось передать в руки правосудия полковника Каррутера. Жизнь стала такой серой, газеты лишены всякого интереса; в мире преступников точно забыли, что существуют мужество и благородный риск. Неужели после этого вы можете еще спрашивать, возьмусь ли я за эту новую проблему, как бы легка она ни была? Но, если не ошибаюсь, вот и наш клиент.

На лестнице послышались спокойные, уверенные шаги, и минуту спустя в комнату вошел полный господин высокого роста с седыми усами, очень солидной наружности. По его лицу и манере держать себя не трудно было угадать в нем консерватора, члена англиканской церкви, человека,

пользующегося всеобщим уважением. Но какой-нибудь необычайный случай нарушил его обычное самообладание. Об этом говорили его растрепанные волосы, красные, пылающие щеки, весь его возбужденный вид. Он сразу приступил к делу.

– Со мной случилось крайне неприятное и необыкновенное приключение, мистер Холмс, – начал он. – Никогда еще в жизни мне не приходилось бывать в подобном положении. Я непременно должен найти разъяснение этой загадки.

Он почти задыхался от ярости.

– Пожалуйста, присядьте, мистер Скотт Эклс, – мягко сказал Холмс. – Прежде всего, позвольте спросить, что вас побудило обратиться именно ко мне?

– Видите ли, по некоторым причинам мне не хотелось мешать в это дело полицию, а оставить его так, как оно есть, я не мог. Я вообще не особенно люблю сыщиков, но вы пользуетесь такой громкой славой...

– Прекрасно, но в таком случае, почему вы сразу не обратились ко мне?

– Что вы хотите этим сказать?

Холмс посмотрел на свои часы.

– Теперь четверть третьего, – сказал он, – телеграмму же вы послали ровно в час. Однако, стоит только посмотреть на ваш туалет, чтобы убедиться в том, что неприятный случай произошел с вами рано утром, в то время, когда вы вставали с постели.

Наш клиент невольно провел рукой по своему небритому подбородку и растрепанным волосам.

– Вы правы, мистер Холмс. Я так торопился как можно скорее выбраться из этого дома, что даже забыл о своем туалете. Затем я все утро бегал по городу и наводил разные справки. Я посетил домовую контору и узнал, что мистер Гарсия заплатил за свою квартиру вперед, и что все дела его в порядке.

– Подождите, подождите, – перебил его Холмс, смеясь. – Вы похожи в эту минуту на моего друга Ватсона, который всегда начинает свои рассказы с конца. Пожалуйста, соберитесь с мыслями и последовательно расскажите мне, как произошли события, заставившие вас покинуть дом непричесанным и небритым, с криво застегнутыми пуговицами, в поисках за помощью и советом.

Наш клиент в смущении оглянул свой небрежный туалет и сказал:

– Вы опять правы, мистер Холмс. Мой вид не вполне приличен, но смею уверить вас, что это случилось со мною первый раз в жизни. Когда я

расскажу вам все по порядку, вы согласитесь со мной, что испытанное мной волнение оправдывает мою рассеянность.

Но в самом начале рассказ его был прерван раздавшимся на лестнице шумом. Миссис Гудсон отворила дверь и ввела в комнату двух представителей полицейской власти атлетического сложения. Один из них оказался инспектором Грегсоном из Скотланд-Ярда, которого мы знали за очень энергичного, вежливого и опытного сыщика. Он поздоровался с Холмсом и представил ему своего товарища, инспектора Байнеса.

– Мы преследовали вместе с ним одну дичь, – сказал Грегсон, – и она привела нас к вам, – при этом его большие круглые глаза остановились на нашем посетителе.

– Вы – мистер Джон Скотт Эклс из Потем Гуаза Ли?

– Да, это я.

– Мы ищем вас все это утро.

– Вероятно, вы напали на след этого господина благодаря его телеграмме? – спросил Холмс.

– Совершенно верно. Сведения о нем мы получили в почтовом отделении Чаринг-Кросса и сейчас же поехали к вам.

– Но почему вы искали меня, и что вам угодно от меня?

– Вы единственный человек, мистер Скотт Эклс, который может сообщить нам подробности относительно смерти мистера Гарсиа из Вистариа-Лоджа, близ Эшера.

Наш клиент смертельно побледнел и удивленными глазами взглянул на полицейского.

– Какой смерти? Разве он умер?

– Да, он умер.

– Так, значит, с ним случилось какое-нибудь несчастье?

– Его убили. В том, что это убийство, не может быть никаких сомнений.

– Боже мой! Это ужасно!.. Но ведь не хотите же вы этим сказать, что считаете меня убийцей!..

– В одном из карманов убитого найдено ваше письмо, из которого мы узнали, что вы имели намерение провести эту ночь у него.

– Так и было на самом деле, я остался у него на ночь.

– Да? Вы действительно ночевали там?!

И, говоря это, Грегсон вынул свою записную книжку.

– Не торопитесь, Грегсон, если не ошибаюсь, вы хотите узнать от мистера Скотта только, как было дело?

– Да, но я должен предупредить мистера Скотта, что его слова могут

впоследствии служить против него уликой.

– Мистер Эклс собирался сам рассказать нам все перед тем, как вы вошли в комнату. Как вы думаете, Ватсон, было бы хорошо дать нашему клиенту стакан содовой воды. А теперь, сударь, постарайтесь забыть, что здесь есть еще свидетели вашего рассказа и продолжайте его так, как будто вас никто не прерывал.

Наш гость отпил немного воды, и краска снова вернулась к нему. Он бросил подозрительный взгляд на записную книжку сыщика и затем приступил к своему рассказу.

– Я холост, – начал он, – сильно люблю общество и имею очень много друзей и знакомых. В числе их есть семья Мельвиль, которая живет в Кенсингтоне. Несколько недель тому назад, обедая у них, я познакомился с одним молодым человеком по фамилии Гарсиа, испанцем по происхождению, имевшим какое-то отношение к испанскому посольству. Он был очень красив собой, обладал прекрасными манерами и отлично говорил по-английски.

Вышло как-то так, что мы очень скоро подружились друг с другом. По-видимому, он с первого раза почувствовал ко мне какое-то особенное влечение, и дня через два после нашей встречи навестил меня в моем доме в Ли. Затем он пригласил меня на несколько дней к себе, в Вистариа-Лодж, где-то между Этером и Окзоттом. Я дал слово и вчера вечером отправился к нему. Раньше он говорил мне, как живет, и я знал, что у него есть слуга, говорящий по-английски, и вполне ему преданный. Он ведет все хозяйство и заботится о всех его удобствах. Кроме того, в доме есть повар, вывезенный им из тропических стран, что, однако, не мешает ему превосходно готовить. Я помню еще, как сам Гарсиа при этом рассмеялся и заметил, что странно видеть подобных слуг в самом сердце Сюррея. Тогда я вполне согласился с ним, но, увидев вблизи, нашел их еще более странными, чем думал. Гарсиа жил в двух милях от Эшера, в довольно большом доме, который стоял немного в стороне от дороги. Широкая аллея, обсаженная высоким кустарником, вела к старому зданию, давно уже нуждавшемуся в ремонте. Когда мой экипаж подъехал по заросшей травой дороге к грязной старой двери, я невольно подумал, удобно ли с моей стороны ехать в гости к человеку, которого я почти совсем не знаю. Но он сам встретил меня в дверях и, видимо, очень обрадовался моему приезду. Он сдал меня на руки своему слуге, смуглому, мрачному человеку, и тот проводил меня в мою комнату. Все кругом производило удручающее впечатление. Мы обедали вдвоем, и хотя хозяин дома всячески старался занимать меня, было ясно видно, что мысли его витают где-то далеко; он

говорил так отрывисто и рассеянно, что понимать его можно было с большим трудом. Он поминутно барабанил пальцами по столу, кусал себе ногти и вообще казался очень озабоченным. Обед был сервирован очень плохо и еще хуже приготовлен, а присутствие молчаливого, угрюмого слуги действовало на меня прямо угнетающим образом. Уверяю вас, что я несколько раз поднимался под каким-нибудь предлогом распрощаться с хозяином и в тот же вечер вернуться к себе домой. Теперь я припоминаю еще одно обстоятельство, которое, быть может, прольет свет на темное дело, которое вам предстоит разобрать, господа. К концу обеда слуга подал своему господину какую-то записку, и я заметил, что, прочитав ее, Гарсиа сделался еще более рассеянным и странным, чем прежде. Он перестал вовсе занимать меня и весь ушел в свои мысли, выкуривая папироску за папироской. Я был рад, когда, наконец, в одиннадцать часов мог уйти к себе в комнату. Несколько времени спустя, когда в комнате у меня было темно, Гарсиа заглянул ко мне и спросил, не я ли звонил? Я сказал, что нет, и он извинился, что беспокоит меня так поздно, так как уже час ночи. Вскоре после этого я заснул и крепко проспал всю ночь. Теперь я перехожу к самой странной части своего рассказа. Я проснулся, когда было уже совсем светло и, взглянув на часы, увидел, что уже девять часов. Накануне я просил разбудить меня непременно в восемь часов и очень удивился подобной небрежности. Вскочив, я позвонил слугу, но ответа не было. Я позвонил еще раз и, так как никто не являлся, решил, что звонок испорчен. Я поспешно оделся и в самом скверном настроении духа спустился вниз, чтобы приказать подать мне горячей воды. Представьте мое удивление, когда внизу я никого не нашел. Я вышел в переднюю и стал кричать, но опять безуспешно. Тогда я принялся осматривать комнату за комнатой. Дом был пуст. Гарсиа накануне указал мне свою спальню и, думая, что он там, я направился к нему. Я постучал в дверь, но ответа не было. Я открыл дверь и вошел в комнату. В ней никого не было, и постель была не смята. Повидимому, он исчез вместе со всеми остальными: сам хозяин, его слуга и его повар пропали бесследно за ночь. Так окончился мой визит в Вистариа-Лодж.

Шерлок Холмс в волнении потирал руки и радостно улыбался, слушая этот странный рассказ, который должен был увеличить число его удивительных приключений.

– Действительно, очень странный случай, – сказал он. – Однако, что же вы предприняли дальше?

– Я был вне себя. Мне казалось, что надо мной просто зло посмеялись. Я собрал вещи, захлопнул за собою двери, и, с чемоданом в руке,

отправился пешком в Эшер. В местной домовый конторе на мой вопрос мне сообщили, что вилла, в которой жил Гарсиа, принадлежала именно ему. Тогда я подумал, что едва ли Гарсиа хотел пошутить надо мной; вернее было предположить, что он просто удрал совсем, чтобы не заплатить за наем виллы. Был уже март, и срок платежа за вторую треть приближался. Но, оказалось, что я ошибся. Агент заявил мне, что плата за виллу получена вперед за целую треть. Оттуда я поехал в Лондон и зашел в испанское посольство, но там даже не подозревали о существовании Гарсиа и не могли сообщить о нем никаких сведений. Тогда я направился к Мельвилю, в доме которого мне представляли Гарсиа, но оказалось, что он знал о нем еще меньше, чем я. Наконец, получив от вас ответ на свою телеграмму, я поспешил к вам, зная от других, что вы всегда сумеете подать совет в трудную минуту жизни. Но, как оказывается, эти господа знают более меня, и им известно продолжение истории, которую я только что рассказал вам, и которая закончилась драмой. Это все, что я знаю; но я готов всеми силами помогать вам в раскрытии этого таинственного дела.

— Я не сомневаюсь в этом, мистер Скотт, — любезно заявил Грегсон. — Я должен вам сказать, что ваш рассказ почти во всем отвечает тем фактам, которые нам пока удалось установить. Так, например, вы сказали правду относительно этой записки. Но не знаете ли вы, какая участь постигла ее?

— Знаю, мистер Гарсиа скомкал ее и бросил в огонь,

— Что вам известно по этому поводу, мистер Байнес?

Местный агент сыскной полиции, — полный, краснощекий господин с обыкновенным лицом и большими пронизательными глазами, почти скрытыми заплывшими жиром щеками, — слегка улыбнулся и достал из кармана измятый, обуглившийся клочок бумаги

— Он бросил записку так неловко, что она упала не в огонь, а за каминную решетку, мистер Холмс, — сказал он как бы в объяснение.

— Я вижу, что вы тщательно осмотрели весь дом, Байнес. От вашего внимания не ускользнул даже этот клочок бумаги.

— Это мое правило, мистер Холмс. Прикажете прочесть, мистер Грегсон?

Инспектор кивнул головой.

— Записка написана на четвертушке белой почтовой бумаги без всяких водяных знаков и украшений и с двух сторон обрезана маленькими ножницами. Она была сложена три раза и наскоро запечатана красным воском, который сверху прижали каким-то плоским, овальным предметом. Она адресована мистеру Гарсиа, в Вистариа-Лодж, и включает в себе следующее: «Наши собственные цвета: зеленый и белый. Зеленый открыт,

белый скрыт. Главная лестница, первый коридор, седьмая налево, зеленая байка. Бог в помощь. Д.» Почерк женский, писано заостренным на конце пером, но адрес написан другим пером или другой рукой. Это видно из того, что почерк на нем тверже и смелее.

– Замечательная записка, – заметил Холмс после внимательного осмотра. – Я должен признаться, что вы изучили ее во всех подробностях, мистер Байнес, так что я, со своей стороны, могу прибавить самые пустяки. Печатью послужила обратная сторона запонки: какой другой предмет может иметь подобную форму? Что же касается ножниц, то они были кривые, какие обыкновенно употребляются для ногтей. Вы видите, что бумага отрезана с обеих сторон чуть-чуть округло.

– Я был уверен, что изучил эту записку в совершенстве, – заметил Байнес, – но, оказывается, что ошибся. Во всяком случае, по моему мнению, записка эта доказывает, что затевалось какое-то дело и в нем, как всегда, была замешана женщина.

Мистер Скотт Эклс, видимо, с нетерпением слушал весь этот разговор; наконец, он не выдержал и сказал:

– Я очень рад, что вы нашли эту записку, так как она подтверждает мои слова, но, тем не менее, я должен напомнить вам, что вы ничего еще не сказали о несчастье, которое постигло мистера Гарсиа и его слуг.

– Я уже говорил вам, – начал Грегсон, – что он убит. Сегодня утром его нашли мертвым на дороге, ведущей в Окзотт, в расстоянии одной мили от его дома. Голова его была раздроблена каким-то тяжелым оружием и представляла одну неопределенную массу. Место, где произошло убийство, очень пустынно, ближайший дом отстоит от него не менее, как на четверть мили. По моим предположениям, первый удар был нанесен сзади, но затем убийца продолжал наносить удары еще некоторое время после того, как тот был уже мертв. По-видимому, убийца нападал с большой яростью. Кругом не оказалось никаких следов и никаких улик.

– Он был ограблен?

– Насколько я мог заметить, нет.

– Все это ужасно грустно, – заметил мистер Скотт недовольным тоном, – но еще ужаснее то, что я замешан в это дело. Чем я виноват, что человек, к которому я приехал в гости, вздумал отправиться в какое-то ночное путешествие и там найти свою смерть? Почему я должен фигурировать в этом деле?

– По очень простой причине, – ответил Байнес, – Единственный документ, найденный на покойном, – ваше письмо, в котором вы его уведомляете о том, что приедете к нему ночевать именно в ту ночь, когда он

был убит. Только благодаря этому письму мы узнали имя и адрес вашего знакомого. Около девяти часов мы отправились к нему в дом, но не нашли там ни вас, ни его слуг. Я дал телеграмму мистеру Грегсону, чтобы он задержал вас, пока я не окончу осмотра Вистариа-Лоджа. Затем я приехал в город, встретился с мистером Грегсоном и вместе с ним отправился сюда.

– Я думаю, – заметил Грегсон, – что теперь самое лучшее нам всем прямо ехать в полицейское управление, чтобы мистер Скотт Эклс мог дать письменные показания относительно этого дела.

– Я охотно поеду с вами, но только попрошу вас, мистер Холмс, принять и дальнейшее участие в этом деле; я не остановлюсь ни перед какими затратами, чтобы только добиться истины.

Мой друг повернулся к Байнесу и сказал:

– Надеюсь, вы ничего не будете иметь против моего содействия?

– Наоборот, буду очень рад.

– Мне кажется, что вы вели следствие как нельзя более внимательно. Не можете ли вы мне сказать, удалось ли вам точно установить час, когда произошло убийство?

– Я предполагаю, что это было ровно в час ночи. Вскоре после этого пошел дождь, но он, во всяком случае, был убит до дождя.

– Но ведь это невозможно, мистер Байнес! – воскликнул наш клиент. – Я могу поклясться, что ровно в час он говорил со мною в дверях моей спальни. Я прекрасно слышал его голос.

– Правда, это странно, но вовсе не так невозможно, – с улыбкой заметил Холмс.

– Вы составили уже какое-нибудь мнение по этому делу? – спросил его Грегсон.

– По-моему, на первый взгляд, дело вовсе не так сложно, хотя в нем есть и необычайно интересные подробности. Но, прежде чем высказать вам свои догадки, я должен выяснить еще некоторые подробности. Между прочим, мистер Байнес, осматривая дом, вы ничего не нашли интересного, кроме этой записки?

Сыщик как-то странно переглянулся с моим другом и заметил нерешительно:

– Пожалуй, там было кое-что странное, но об этом мы поговорим после. Может быть, когда мы покончим с допросом в полицейском управлении, вы не откажетесь проехаться в Вистариа-Лодж, чтобы я мог показать вам все на месте.

– Я к вашим услугам, – ответил Холмс и позвонил.

– Вы проводите этих господ, миссис Гудсон, и затем отправите с

мальчиком вот эту телеграмму, с оплаченным ответом на сумму пять шиллингов.

Некоторое время после ухода наших посетителей мы сидели молча. Холмс сосредоточенно курил, сдвинув брови над своими проницательными глазами и слегка наклонив вперед голову с особенным, ему одному свойственным видом.

– Ну, Ватсон, – сказал он вдруг, обращаясь ко мне, – что вы думаете обо всем этом?

– Я отказываюсь понимать что-либо в шутке, сыгранной со Скоттом Эклсом.

– А как вы смотрите на само преступление? Если иметь в виду таинственное исчезновение слуг убитого, то, пожалуй, можно предположить, что они принимали участие в этом деле.

– Ваше предположение вполне вероятно. Но, в таком случае, скажите, почему слугам, бывшим, очевидно, в заговоре, понадобилось совершить преступление именно в ту ночь, когда в доме гость; ведь они могли это сделать всегда, так как он вполне находился в их власти?

– Прекрасно, но тогда чем вы объясните их бегство?

– В этом весь вопрос: зачем они бежали? Это первый важный факт; другой, еще более важный факт – приключение с нашим клиентом Скоттом Эклсом. Однако, Ватсон, я не думаю, чтобы разум человеческий не мог найти объяснение, которое сразу осветило бы оба эти факта. Если к тому же это объяснение прольет еще свет и на факт, касающийся таинственной записки, то мы смело можем утверждать, что наша гипотеза не лишена некоторой достоверности. Если же и новые факты, с которыми нам предстоит познакомиться, не будут противоречить нашему предположению, то ясно, что наша гипотеза в данном случае и есть решение задачи.

– Это логично, но в чем же состоит эта гипотеза?

Холмс полузакрыв глаза и откинулся на спинку кресла.

– Нельзя не признать, Ватсон, – и вы должны согласиться со мною, – что мысль о шутке в этом случае не допустима. Следствие установило, что последующие события были настолько серьезны, что мы едва ли ошибемся, предположив, что приглашение погостить, исходившее от Гарсия и касавшееся Скотта, имело связь с этими событиями.

– В чем же вы видите эту связь?

– Разберем подробно все дело. Прежде всего, есть что-то странное в этой непонятной и внезапной дружбе между Гарсия и Скоттом Эклсом. Начало этой дружбы положил испанец. Он первый явился к Эклсу через день после знакомства с ним, и все время поддерживал с ним близкие

отношения, пока, наконец, ему не удалось заманить его к себе в дом. Но для чего ему понадобился Эклс? На что тот мог ему пригодиться? Это человек довольно-таки обыкновенный, не обладающий свойством очаровывать людей. Насколько я заметил, он не особенно умен и едва ли является интересным собеседником для живого, умного испанца. Почему же Гарсиа остановил свой выбор именно на нем среди всех тех, с кем ему приходилось сталкиваться? Нет ли у него какого-нибудь особенного, отличающего его качества? По-моему, оно у него есть. Он является типичным представителем чисто английской порядочности. Вы сами видели, как полицейские отнеслись к его довольно-таки странному рассказу. Они ни на минуту не усомнились в его истине.

– Но в чем же его порядочность могла пригодиться Гарсиа?

– Ни в чем, в виду того, как сложились обстоятельства; но она могла сыграть важную роль в деле, если бы они сложились иначе.

– Я, кажется, понимаю вас. Вы думаете, что он мог невольно содействовать алиби, так как его показание ни в ком не возбудило бы сомнения.

– Вы угадали, дорогой Ватсон, он послужил бы для алиби. Допустим, что все обитатели Вистариа-Лоджа являлись членами одной шайки. Дело, задуманное ими, должно было произойти около часа ночи. Весьма вероятно, что, благодаря какой-нибудь хитрости, им удалось отделаться от Скотта Эклса несколько ранее, чем он сам думал, и что когда Гарсиа окликнул его в дверях спальни только затем, чтобы объявить ему, что теперь час ночи, на самом деле часу еще не было. Таким образом, если бы Гарсиа удалось исполнить свое преступное намерение вовремя, он вернулся бы домой как раз в час ночи, и даже тень подозрения не могла бы коснуться его. Безупречный в своей репутации Скотт Эклс принес бы на суде присягу в том, что Гарсиа в эту ночь все время находился дома. Как видите, если бы дело для него разыгралось плохо, он приготовил себе такое алиби, против которого никто ничего не мог бы сказать.

– Все это я понимаю очень хорошо, но чем же вы объясните исчезновение остальных?

– Пока я не знаю еще всех подробностей дела, но я думаю, что и остальное можно будет объяснить также легко, как это.

– А что вы скажете насчет записки?

– Вы помните, что в ней было написано?

– «Наши собственные цвета: зеленый и белый».

– Можно предположить, что дело идет о каком-то спорте. «Зеленый открыт, белый скрыт». Это не более, как условный знак. «Главная лестница,

первый коридор, седьмая направо, зеленая байка». Несомненно, здесь идет речь о свидании. Быть может, в дело был замешан ревнивый муж, да и самое предприятие было рискованное, иначе она не написала бы «Бог в помощь». Буква Д. со временем может послужить ключом к разгадке.

– Гарсиа был испанец, и я думаю, что буква Д обозначала «Долорес», – имя, которое чаще других встречается в Испании.

– Очень хорошо, Ватсон, но совершенно недопустимо. Испанка писала бы испанцу на своем языке, а между тем, записка написана англичанкой. Нам остается теперь только спокойно ждать, пока за нами заедет Байнес. Но прежде поблагодарим Бога за то, что мы хоть на несколько часов избавлены от скуки и бездействия, которые убивали меня.

* * *

Ответ на телеграмму, отправленную Холмсом, пришел раньше, чем приехал Байнес. Мой друг пробежал его и собирался уже спрятать в записную книжку, но в эту минуту встретился с моим вопросительным взглядом. Он улыбнулся и протянул телеграмму мне.

Я нашел в ней целый ряд имен и адресов: «Лорд Харингбай – Дингль; сэр Джорж Фолиот – Окзотт Тоуэрс; мистер Гейнис-Пурдей-Плэс; мистер Джеймс Бекрэ-Вильямс-Фортона-Ольд-Голл; мистер Гендерсон-Гай Гебель; Иисус Стон-Невер-Уэзлинг».

– Это самый простой способ ограничить насколько возможно поле наших действий, – сказал Холмс, – я уверен, что Байнес, отличающийся строго обдуманной образ действий, тоже воспользовался этим же средством.

– Я ничего не понимаю...

– Видите ли, дорогой друг, я уже сказал вам, что в записке этой несомненно называлось свидание. Если же это так, то дом, имеющий несколько коридоров, и в котором надо найти седьмую дверь направо, не может быть маленьким. Итак, мы должны искать большой дом, в расстоянии приблизительно двух миль от Окзотта, так как Гарсиа, если только верны мои предположения, надеялся уже в час ночи быть дома, чтобы доказать свое алиби. Едва ли вблизи от Окзотта может быть много больших домов, и я решил навести справки в местной домовой конторе, как это сделал Скотт Эклс, откуда мне и прислали этот список. В нем, как мне кажется, и должна заключаться часть разгадки этого интересного дела.

Только к шести часам вечера этого дня мы добрались до Эшера вместе

с Байнесом, который служил нам спутником.

Холмс и я захватили с собой все необходимое и заняли на ночь уютный номер в гостинице, а затем вместе с Байнесом отправились в Вистариа-Лодж. Был темный мартовский вечер с дождем и холодным, пронизывающим ветром. Все это как нельзя более гармонировало с окружающей нас унылой местностью и с предстоящей нам трагической задачей.

Часть вторая. Тигр из Сан-Педро

Почти две мили мы шли под дождем, пока, наконец, достигли высоких деревянных ворот, за которыми тянулась мрачная каштановая аллея. По тенистой извилистой дороге мы дошли до самого дома, выделявшегося темной массой на сером свинцовом небе. Только в одном из окон нижнего этажа, налево от дверей, виднелся чуть заметный огонек.

– На всякий случай я оставил там полисмена, – сказал инспектор Байнес, – надо будет постучать в окно.

Он двинулся прямо через газон и постучал в окно. Сквозь затуманенное стекло я увидел, как какой-то человек быстро вскочил, с громким криком, со стула, стоявшего около пылавшего камина. Почти сейчас же отворилась дверь, и на пороге показался бледный, как полотно, полисмен, в дрожащей руке он держал свечу.

– Что с вами, Вальтерс? – резко спросил его Байнес.

Полисмен провел платком по влажному лбу и с облегчением вздохнул.

– Я рад, что вы вернулись, время тянулось бесконечно, и мои нервы оказались не достаточно крепкими.

– Ваши нервы, Вальтерс? Я не думал, что у вас могут быть нервы.

– Всему виной этот мрачный дом и какое-то странное существо внизу в кухне. Когда вы постучались, я подумал, что оно явилось опять.

– Кто такой вернулся?

– Сам дьявол, я видел его за окном.

– Когда и что вы видели за окном?

– Это случилось часа два назад, когда уже начало темнеть. Я сидел на этом стуле и читал. Не знаю почему, мне вдруг вздумалось посмотреть в окно. Я взглянул и увидел, что сквозь нижнее стекло на меня кто-то смотрит. Боже мой, если бы вы видели это лицо! Наверное, оно еще раз будет мне сниться.

– Тише, Вальтерс, полисмен не должен говорить подобных вещей.

– Да, конечно, но я так потрясен, что не помню, что говорю. Лицо это не было черное, но оно не было и белое; скорее всего, оно имело цвет глины, смешанной с молоком. А главное, меня поразили его размеры – оно казалось вдвое больше, чем ваше. И какое ужасное выражение! Громадные выпуклые глаза и целый ряд оскаленных белых зубов, как у голодного волка. Уверяю вас, что я боялся пошевелинуть пальцем и сидел, затаив дыхание, до тех пор, пока оно не скрылось. Я сейчас же бросился сюда и

обежал все кусты поблизости, но, слава Богу, чудовище скрылось.

– Если бы я не знал, что вы порядочный человек, Вальтерс, я наложил бы на вас за эти слова штраф. Если бы даже это был сам дьявол, полисмен никогда не должен благодарить Бога за то, что ему не удалось схватить его. Едва ли это было видение или обман зрения, – вы как думаете?

– Этот вопрос решить не так трудно, – вмешался в разговор Холмс, освещая вокруг нас землю своим маленьким карманным фонарем. – Да, – сказал он через некоторое время, – сапоги на этом человеке были исполинского размера, и если вся фигура такая же, то он должен быть великаном.

– Но что же с ним случилось?

– Я думаю, что он пробрался через эти кусты и затем выбежал на дорогу.

– Ну, все равно, – сказал инспектор с серьезным и задумчивым лицом, – кто бы он ни был и зачем бы не приходил сюда, теперь его здесь нет, между тем, у нас есть более важные вопросы, которые мы должны решить сейчас. Мистер Холмс, если вы ничего не имеете, я покажу вам весь дом.

Мы осмотрели все жилые помещения, но нигде не нашли ничего особенного. Очевидно, последние жильцы привезли с собой очень мало вещей; дом был снят с полной обстановкой. В шкафах находилось много платья торгового дома Маркс и Ко. По телеграфному запросу, сделанному раньше, оказалось, что торговый дом ничего не знал про своего клиента, кроме того, что он платил всегда аккуратно. Из личных вещей хозяина мы нашли только гитару и несколько трубок и книг, из которых одна была на испанском языке.

– Как вы видите, пока нет ничего особенного, – сказал Байнес, переходя из комнаты в комнату со свечей в руках. – Но теперь, мистер Холмс, попрошу вас спуститься в кухню; там есть кое-что, достойное внимания.

Кухня представляла собой большую мрачную комнату с высоким потолком. В одном углу лежал соломенный матрац; на нем, очевидно, спал повар. На столе горами стояли грязные тарелки и блюда, без сомнения, остатки вчерашнего ужина.

– Посмотрите-ка сюда, – сказал Байнес, – что вы об этом думаете?

Он поднял свечу и осветил необыкновенный предмет, стоявший под полкой, на которой помещалась посуда. Это была какая-то черная, покрытая кожей, старая и высохшая фигура, напоминавшая собою сморщенного карлика. Сначала я подумал, что это мумия маленького

негритенка, но потом мне показалось, что это старая высохшая обезьяна. В общем, довольно трудно было решить, на что она больше похожа, – на человека или на животное. Вместо пояса на фигуре было надето ожерелье из раковин.

– Очень интересно, – сказал Холмс, со вниманием рассматривая эту удивительную реликвию. – Есть еще что-нибудь?

Байнес молча поднес свечу к помойному ведру, в котором лежала целая грудa перьев и костей какой-то большой белой птицы, очевидно, разорванной на куски. Холмс указал на гребешок, уцелевший на голове птицы.

– По-видимому, это белый петух, – сказал он. – Чрезвычайно интересный случай!

Но Байнес оставил до конца нечто более ужасное.

Он переставил помойное ведро и вытащил из-под него цинковую чашку, наполненную кровью, а со стола снял небольшой поднос, на котором лежало несколько обгорелых костей.

– Ясно, что кто-то здесь был убит и затем кости его сожжены, – сказал он, – все это мы нашли под плитой. Я показывал их доктору, но он сказал, что эти кости не человеческие.

Холмс улыбнулся и потер себе руки.

– Я положительно должен вас поздравить, Байнес! Вы так находчивы и предусмотрительны в своих поступках! И мне остается только пожалеть, что поле ваших действий слишком ограничено для такого даровитого человека, как вы.

В маленьких глазках инспектора Байнеса отразилось удовольствие.

– Вы правы, мистер Холмс, мы пропадаем здесь в провинции. Случай, подобный настоящему, дает возможность выдвинуться. Я надеюсь, что сумею воспользоваться им. Что вы думаете об этих костях?

– По-моему, это кости ягненка или козочки.

– А белый петух.

– Вообще, это чрезвычайно интересный случай, Байнес.

– Да, я с вами согласен. В этом доме жили довольно-таки странные люди, с не менее странными обычаями. Один из них умер. Быть может, его убили компаньоны, жившие вместе с ним? Если это так, то они далеко не уйдут, так как мною посланы телеграммы во все порта. Но если говорить правду, у меня сложилось совсем особое мнение по этому делу... да... совсем особое.

– Вы составили уже план действий?

– Да, мистер Холмс, и я надеюсь, что мне удастся довести его до

конца. Это моя обязанность! Вы уже составили себе имя, теперь очередь за мной. Как я буду гордиться впоследствии, если мне удастся обойтись в этом деле без вашей помощи.

Холмс добродушно рассмеялся.

– Прекрасно, мистер Байнес, каждый из нас пойдет своей дорогой. Помните только, что я всегда к вашим услугам, если вам понадобится какое-нибудь указание. А пока, мне кажется, что здесь я осмотрел все и могу употребить свое время с большой пользой в другом месте. До свидания! Желаю вам успеха.

По некоторым, понятным мне одному признакам, я мог сказать, наверное, что Холмс попал на горячий след. Спокойный и бесстрастный, как всегда, для всякого постороннего наблюдателя, Холмс не мог скрыть от меня той особой живости и блеска своих глаз, которые без слов говорили мне о том, что дело налаживается. Однако, по свойственной ему привычке, Холмс ничего не говорил мне, а я ни о чем его не расспрашивал. Я ограничился тем, что принимал пассивное участие в этом деле, стараясь не отвлекать от размышления гениальный ум моего друга. Я знал, что когда придет время, он сам расскажет мне все.

Поэтому я ждал совершенно спокойно, хотя и видел, что напрасно. День проходил за днем; и друг мой, по-видимому, ничего не предпринимал. Только один раз он съездил в Лондон и из мимолетной фразы, сказанной им, я понял, что он провел этот день в Британском музее. Все остальное время он совершал длинные одинокие прогулки или беседовал с местными жителями, с которыми очень быстро сошелся.

– Мне кажется, Ватсон, – сказал он, – что неделя, проведенная на свежем воздухе, подействует на вас благотворно. Не правда ли, как приятно наблюдать весной первое пробуждение природы, особенно, если вы запаслись книгой по ботанике и гербарием.

Он всегда теперь носил с собою эти предметы, но я не могу сказать, чтобы его коллекция трав за эти дни особенно обогатилась.

Иногда в своих прогулках мы встречались с Байнесом, его лицо при виде нас принимало хитрое выражение и, хотя он мало говорил о своем деле, мы могли заключить из его слов, что он вполне доволен ходом событий. Однако, несмотря на это, я должен сознаться, что был удивлен, когда через несколько дней после преступления я нашел в утреннем номере газеты следующие строки:

«Убийство в Окзотте».

«Раскрытие тайны».

«Арест убийцы».

Холмс от неожиданности даже привскочил на месте, когда я прочел ему вслух это известие.

– Как, неужели Байнес действительно арестовал его?

– По-видимому, – сказал я и стал читать дальше:

«Огромную сенсацию произвело в Эшере известие о том, что произведен арест, находящийся в связи с таинственным преступлением в Окзотте. Наши читатели, вероятно, еще не забыли всех подробностей этого дела. Мистер Гарсиа из Вистариа-Лоджа был найден убитым близ Окзотта; найденные на его теле следы насильственной смерти не оставляли в этом никакого сомнения. Ни для кого не было тайной и то обстоятельство, что его повар и лакей исчезли бесследно в ночь убийства, что ясно показывает на их участие в этом деле. Есть основание предполагать, хотя это еще и не доказано, что покойный хранил большие ценности у себя дома. Весьма вероятно, что они и явились главной причиной убийства. Инспектор Байнес, в руках которого это дело находится, был убежден с самого начала в том, что убийцы скрываются где-нибудь поблизости в надежном месте. Поимка их не могла представлять особой трудности, так как повар, например, отличался необыкновенной наружностью, которая сразу бросалась всем в глаза: это – исполинского роста мулат с ярко выраженными чертами лица негритянского происхождения. Человека этого видели на другой день убийства. Он подходил к самому дому и даже заглядывал в окна, так что был замечен охранявшим дом убитого полисменом, который пытался его преследовать, но, к сожалению, безуспешно. Инспектор Байнес, считая появление мулата вблизи дома не простой случайностью, нарочно официально оставил этот дом, но в кустах, под окнами, устроил засаду из своих людей. Мулат попался в западню, но при этом оказал сильное сопротивление, жестоко искусав полисмена Доунинга. Мы надеемся, что теперь, наконец, раскроются все подробности этой загадочной драмы».

– Мы должны немедленно повидать Байнеса! – воскликнул Холмс, хватаясь за свою шляпу. – Вероятно, он не успел еще уехать.

Мы поспешили к инспектору; нам удалось захватить его в самую последнюю минуту.

– Вы прочли газетную заметку, мистер Холмс? – спросил он, едва мы вошли в дом.

– Вы угадали, Байнес. Не считайте это с моей стороны нескромностью и позвольте дать вам добрый совет, Байнес.

– Добрый совет, мистер Холмс?

– Да, Байнес, я тщательно изучил все это дело и далеко не уверен в правильности вашего заключения, а мне бы очень не хотелось, чтобы ваша ошибка обнаружилась перед публикой.

– Вы чересчур добры, мистер Холмс.

– Уверяю вас, что я желаю вам только добра.

Мне показалось, что в глазах мистера Байнеса мелькнула лукавая улыбка.

– Мы, кажется, условились, что каждый из нас пойдет своей дорогой, мистер Холмс. Я выполнил свою часть договора.

– Прекрасно! – воскликнул Холмс. – Только потом не пеняйте на меня.

– Нет, я верю, что вы желаете мне добра, но каждый из нас действует по своей системе, мистер Холмс: у вас – одна, а у меня – другая.

– Если так, то оставим этот разговор.

– Я всегда готов делиться с вами своими новостями. Этот мулат оказался настоящим дьяволом, сильным, как бык, и свирепым, как черт. Он едва не откусил Доунингу палец, пока мы не справились с ним. Он почти совсем не говорит по-английски и на все вопросы отвечает рычанием.

– Вы уверены в том, что это действительно он убил своего господина?

– Я этого не говорил, мистер Холмс: у каждого из нас свои уловки. Кажется, таково наше условие.

Холмс пожал плечами, и мы вместе оставили дом.

– Я отказываюсь понимать этого человека, – сказал он. – Конечно, он прав, и каждый из нас должен идти своей дорогой, но все же в нем есть что-то для меня неясное.

Когда мы вернулись в гостиницу, Холмс сказал мне:

– Сядьте в кресло, Ватсон, я хочу посвятить вас во все подробности этого дела, так как сегодня ночью мне, вероятно, понадобится ваша помощь. Прежде всего я расскажу вам свои догадки; на первый взгляд, они покажутся вам в высшей степени простыми, хотя доказать их достоверность оказалось не так-то легко, – в этом отношении у меня имеются еще кое-какие пробелы, которые мы и должны заполнить.

Итак, остановимся еще раз на записке, которую Гарсиа получил за обедом в день убийства. Оставим в стороне мысль, что его слуги замешаны в это дело. Мы не должны забывать, что он сам пригласил к себе мистера Эклса, который был ему нужен для удостоверения алиби. Значит, никто иной, как сам Гарсиа, собирался в эту ночь совершить какое-то преступление, так как только в таком случае человек думает об алиби. Но, допустив это, появляется вопрос, кто же, вероятнее всего, покушался на его

жизнь? На это может быть только один ответ: то лицо, против которого он сам замыслил недоброе. До сих пор, как мне кажется, все мои рассуждения совершенно логичны. Теперь для нас становится вполне ясным и исчезновение слуг испанца: все трое должны были быть участниками какого-то темного дела. Если бы Гарсиа вернулся невредимым, присутствие англичанина служило бы для него прекрасным алиби, и все было бы улажено. Но преступление, по-видимому, было рискованное и грозило даже смертью самому Гарсиа; если бы это случилось, оба его соучастника должны были, не дождавшись его возвращения к определенному часу, скрыться с таким расчетом, чтобы впоследствии продолжать дело, в котором он потерпел поражение. Не правда ли, до сих пор все мои предположения вполне логичны?

Я невольно удивился, как все это не пришло мне в голову раньше, до того ясными казались мне его доводы.

– Но почему же один из слуг снова вернулся в дом?

– Видите ли, бегство было так поспешно, что он мог забыть в доме какую-нибудь вещь, которая была для него очень дорога, с которой он никак не мог расстаться... Вы допускаете эту возможность?

– Ну, а что же дальше?

– Перейдем теперь к записке, полученной Гарсиа во время обеда. Она прямо указывает на то, что был еще какой-то соучастник вне дома, но где именно? Я уже говорил вам, что разгадку необходимо искать в одном из больших домов поблизости, число которых должно быть крайне ограничено. В первые дни своего пребывания здесь, вместе с ботаническими исследованиями, я наводил справки о таких домах и о лицах, живущих в них, интересуясь больше всего их биографиями. Должен вам сказать, что только один из этих домов остановил на себе мое внимание. Это знаменитый старинный дом под названием Гай-Гебль, в полумиле расстояния от того места, где произошла катастрофа. Все остальные дома принадлежат мирным гражданам, не представляющим собою ничего интересного. Но мистер Гендерсон из Гай-Гебля оказался человеком довольно-таки загадочным, с которым легко могли произойти разные странные случаи. Я занялся этим домом и стал наблюдать за его домашними.

Странные это люди, Ватсон, но страннее всех сам хозяин дома. Под благовидным предлогом мне удалось проникнуть в его дом и увидеть его, и мне показалось, что в темных, глубоко-впавших глазах его я прочел, что он ясно сознает, зачем именно я обратился к нему. На вид ему можно дать лет пятьдесят. Это сильный, деятельный и мужественный человек, с седыми

волосами, большими черными бровями, с легкой походкой и гордой королевской осанкой; под его спокойной внешностью, видимо, скрывается пламенная натура. Он скорее иностранец, а, может быть, долгое время жил в тропиках, так как имеет смуглый, почти желтый цвет кожи. Его друг и секретарь, мистер Лукас, – тот, вне всякого сомнения, иностранец; он ловок и гибок, как кошка, имеет вкрадчивые манеры и цвет кожи у него шоколадный. Таким образом, Ватсон, нам приходится иметь дело с двумя группами иностранцев, – в Вистария-Лодж и в Гай-Гебли, – и пробелы наши, как видите, заполняются.

– Эти два человека неразлучны друг с другом и составляют ядро этого дома; но среди его домашних есть лицо, которое для нас, пожалуй, еще важнее, в виду наших целей. У Гендерсона, вместе с его двумя дочерьми одиннадцати и тринадцати лет, живет гувернантка, мисс Бернет, англичанка лет сорока. Кроме того, есть еще один доверенный слуга, замыкающий эту группу людей, которая, собственно, и составляет семью, так как они путешествуют всегда вместе. Гендерсон же любитель путешествий и всегда в разъездах. Только несколько недель назад он вернулся в Гай-Гебль, находясь в отсутствии целый год. Я могу еще прибавить, что он настолько богат, что может позволить себе какую угодно прихоть. Кроме перечисленных лиц, в доме очень много лакеев, горничных и всевозможной другой прислуги, которой обыкновенно так богаты все большие дома в Англии.

– Все это я выяснил путем наблюдений и расспросов. Трудно найти более достоверных свидетелей, чем прислуга, которой почему-либо отказано от места. Счастливый случай помог мне, и я напал или, вернее, отыскал именно такое лицо. Байнес вполне прав, говоря, что у каждого из нас своя метода, – благодаря ей мне удалось познакомиться с бывшим садовником Гендерсона, получившим отказ от места просто по прихоти хозяина. Он имеет много друзей среди остальной прислуги, которая почти вся разделяет с ним ненависть к их общему господину. С помощью садовника мне и удалось узнать все эти подробности домашнего быта.

– Загадочные люди, Ватсон! И хотя я не вполне ясно отдаю себе отчет во всем, тем не менее, для меня они являются именно такими людьми. Дом состоит из двух флигелей; господа помещаются в одном, а слуги занимают другой; между ними нет никакой связи, так как за столом прислуживает только доверенный лакей Гендерсона. Все обыкновенно приносится к одной двери, которая и служит связующим звеном между флигелями. Гувернантка и дети гуляют только в саду. Гендерсон же никогда не гуляет один. Его смуглый секретарь следует за ним, как тень. Среди прислуги

ходит слух, что господин их чего-то смертельно боится. Между прочим, про него говорят, что он, вероятно, продал свою душу черту и боится, что его кредитор явится и потребует свою часть. Откуда эта семья явилась, и кто она такая, никто не знает. Сам Гендерсон человек в высшей степени вспыльчивый; раза два он замахивался на своих людей кнутом, и только его громадные средства спасли его от неприятностей.

– Теперь, Ватсон, разберем все дело, считаясь с этими новыми сведениями. Мы вполне можем предположить, что письмо было написано в этом доме кем-нибудь из домашних с целью уведомить Гарсиа о том, что настало время действовать, как это было заранее условлено. Но кто написал саму записку?

– Почерк, несомненно, женский, а в доме только одна женщина, мисс Бернет. Все приводит нас к тому выводу, что письмо могла написать именно она. Во всяком случае, примем это за гипотезу и посмотрим, куда это нас приведет. Кстати, я должен прибавить, что годы и наружность гувернантки совершенно исключают мою первоначальную мысль о романической подкладке дела.

– Итак, если записка написана ею, значит, она была в дружбе с Гарсиа и была его сообщницей. Что же она должна была сделать, узнав о его смерти? Весьма возможно, что, в силу необходимости, она должна была молчать, затаив на время в сердце ненависть и жажду мести к тем, кто его убил. Нельзя ли было бы увидеть ее и воспользоваться ее помощью? Эта мысль прежде всего пришла мне в голову. Но тут мы сталкиваемся с весьма подозрительным фактом. Никто не видал мисс Бернет после той роковой ночи, когда произошло убийство. Она бесследно исчезла. Жива ли еще она? Может быть, она погибла в ту же ночь, как и ее друг, которого она призывала на помощь? Или она находится только в плену? Вот пункт, который мы непременно должны теперь выяснить.

– Но тут возникает новая трудность, Ватсон. Вы понимаете, что идти законным путем мы не можем; улик у нас нет никаких, и нас только подымут на смех. Все это может показаться плодом нашей фантазии. Опираясь на то, что эта женщина исчезла, мы не можем, так как в этом странном доме прислуга иногда по неделям не видит своих господ. А между тем, может быть, именно теперь она находится в смертельной опасности. Я могу только внимательно наблюдать за этим домом и больше ничего. С этой целью я оставил там своего агента, Варнера, и он караулит около дома. Но ведь, если закон здесь ничего не может поделать, мы должны действовать сами.

– Вы составили какой-нибудь план?

– Я знаю, где находится ее комната; по крыше соседнего здания добраться до нее будет не трудно. Я решил отправиться туда вместе с вами сегодня ночью, чтобы попробовать самим решить эту загадку.

Я не могу сказать, чтобы эта мысль показалась мне привлекательной. Таинственный, старинный дом, его странные обитатели, глухая местность и тот факт, что мы ставили себя в очень щекотливое положение, с точки зрения правосудия, – все это значительно охладило мой пыл. Но сила и логика убеждений Холмса были настолько велики, что делали невозможным отказ участвовать в его предприятии. Я был уверен в том, что, только действуя таким путем, мы можем разрешить эту загадку. Я молча пожал ему руку, как бы скрепляя наш договор.

Но, видно, судьбе было угодно, чтобы наши похождения закончились менее оригинальным образом; было около пяти часов, и начинались уже весенние сумерки, когда в комнату вдруг вбежал какой-то, видимо, сильно взволнованный рабочий.

– Они уехали, мистер Холмс! Они уехали с последним поездом! Но даме этой удалось бежать от них – она внизу в коляске.

– Прекрасно, Варнер! – воскликнул Холмс. – Как видите, Ватсон, наши пробелы заполняются.

В коляске мы нашли женщину, почти бесчувственную от перенесенных волнений. Тонкие черты ее лица еще носили следы пережитой драмы. Голова ее беспомощно свесилась на грудь, но когда она повернула к нам лицо, и я увидел ее глаза, мне сделалось как-то не по себе. Лишенные всякого выражения, с неестественно узкими зрачками, они, казалось, ничего не различали перед собой. Ее, видимо, опоили опиумом.

– Я сторожил у ворот, как вы мне приказывали, мистер Холмс, – сказал бывший садовник. – Как только коляска выехала из ворот, я последовал за ней до самого вокзала. Эта дама казалась мертвой, но когда они втолкнули ее в вагон, она вдруг пришла в себя и стала вырываться. Они хотели запереть ее в купе, но она вторично вырвалась; я помог ей добраться до коляски, посадил ее и привез сюда. Я никогда не забуду его лица в ту минуту, как уводил ее прочь от вагона; если бы эти черные глаза могли убивать своим взглядом людей, я был бы уже мертв.

Мы внесли ее наверх, уложили в постель и дали ей несколько чашек крепкого кофе, благодаря которому она скоро почти совершенно пришла в себя.

Между тем, Холмс послал за Байнесом и рассказал ему, в чем дело.

– Вы предупредили меня, мистер Холмс. Я вижу, что вы заручились именно той свидетельницей, которая была мне так необходима, – сказал

инспектор, дружески пожимая моему другу руку. – Ведь я с самого начала шел по тому же следу, как и вы.

– Неужели и вы следили за Гендерсоном?

– Да, мистер Холмс, я видел, как вы крались по парку Гай-Гебля; я сидел в это время на дереве.

– Но, в таком случае, для чего вы арестовали мулата?

Байнес хитро улыбнулся.

– Я был уверен, что Гендерсон подозревает, что за ним следят, и пока не найден убийца, будет скрываться у себя, как мышь, пока не пройдет опасность. Я нарочно арестовал мулата, который вовсе неповинен в убийстве своего хозяина; мне надо было обмануть Гендерсона, или человека, который себя так называл, по крайней мере. Я знал, что он после этого сейчас же постарается скрыться и тем самым даст нам возможность овладеть мисс Бернет.

Холмс положил руку на плечо сыщика и сказал:

– Вы далеко пойдете в деле сыска, у вас есть чутье!..

Байнес покраснел от удовольствия.

– На вокзале у меня все время находился человек в штатском платье. Он должен был тотчас уведомить меня в случае отъезда Гендерсона, но, вероятно, упустил его из виду в ту минуту, как мисс Бернет удалось освободиться от него. К счастью, ваш помощник поспел вовремя, и теперь она в наших руках. Без нее мы не могли бы арестовать убийцу, но раз она здесь, я надеюсь, что вскоре мне удастся допросить ее.

– С каждой минутой силы все более возвращаются к ней, и она становится бодрее, – сказал Холмс, смотря на гувернантку. – А пока, Байнес, скажите нам, кто этот человек, которого здесь знают под фамилией Гендерсона?

– Гендерсон – никто иной, как Мурильо: когда-то его звали «Тигр из Сан-Педро».

Тигр из Сан-Педро? Я сразу вспомнил всю историю этого человека. Он вполне заслужил это прозвище, как самый кровожадный и лютый правитель, прикрываясь именем цивилизации. Энергичный и бесстрашный, он сумел, силой своей воли, в продолжении двенадцати лет удержать за собой власть над трусливым, беспомощным народом. Имя его наводило панический ужас на всю Центральную Америку. Но, наконец, народ возмутился и восстал на него. Столь же хитрый, как и жестокий, он, однако, постарался немедленно перенести все свои сокровища на судно, уверенный в преданности команды. И когда на следующий день инсургенты штурмом взяли его дворец, тиран был уже далеко, вместе со

своими дочерьми, секретарем и богатством. С этой минуты он словно исчез с лица земли, так что об его исчезновении говорили по всей Европе.

– Да, сэр, это дон Мурильо, Тигр из Сан-Педро, – сказал Байнес, и если вы видели записку, посланную Гарсиа, то без сомнения обратили внимание на зеленые и белые цвета; это, так сказать, государственные цвета Сан-Педро. Хотя он называл себя здесь Гендерсоном, но я следил за ним в Париже, в Риме, в Мадриде и Барселоне, где он и высадился в тысяча восемьсот восемьдесят шестом году. Из Сан-Педро давно уже разыскивали его, но только теперь открыли его настоящее местопребывание.

– Они напали на его след год тому назад, – сказала мисс Барнет, совершенно уже оправившаяся, жадно прислушиваясь к нашему разговору. – Один раз жизнь его уже была в опасности, но его точно хранит какой-то злой гений. И вот опять новая жертва. Бедный, благородный Гарсиа убит, а этот злодей жив. Но на место Гарсиа явится другой, а за ним третий, пока не свершится правосудие. Это так же верно, как то, что каждый день восходит солнце.

Она нервно сжала свои тонкие руки, и бледное лицо ее исказилось от сдержанной ненависти.

– Но каким образом вы оказались замешанной в эту историю, мисс Бернет? – спросил Холмс. – Как англичанка могла участвовать в подобном заговоре?

– Я согласилась на это, так как другим путем правосудие не могло свершиться. Какое дело англичанке до потоков крови, пролитой несколько лет тому назад в Сан-Педро, или до тех богатств, которые он там нагребил, чтобы затем вместе с ними скрыться на корабле и спастись от наказания? Вы смотрите на эти преступления, как на что-то отдаленное, как будто они были совершены на другой планете. Но я на себе испытала, что нет преступника, более ужасного, чем Хуан Мурильо, и не могла жить спокойно, пока кровь всех его жертв не получила отмщения.

– Я вполне верю вам, что он именно таков, каким вы его рисуете, так как сам слышал про его жестокость, – сказал Холмс. – Но я хотел бы знать, благодаря чему вы сюда замешаны?

– Я все вам расскажу. Политика этого негодяя состояла в том, чтобы убивать, под каким-либо предлогом, всякого, кто впоследствии мог явиться его соперником. Мой муж – настоящее мое имя – синьора Витторио-Дурандо, – был представителем Сан-Педро в Лондоне. Там он познакомился со мной, и мы обвенчались. Никогда я не встречала более благородного человека, чем он. К несчастью, Мурильо скоро стал бояться его превосходства над собой и решил покончить с ним. Под благовидным

предлогом он вызвал его в Сан-Педро, где мой муж и был убит. Он сам точно предвидел опасность и, уезжая, не решился взять меня с собой. Имуущество его было конфисковано, а мне назначена ничтожная пенсия. Сердце мое было разбито.

Вскоре после этого, как вы знаете, в Сан-Педро вспыхнуло народное восстание. Тиран бежал, но те, кому он причинил непоправимое зло, чьи близкие пострадали от его жестокости, поклялись свести с ним счеты. Между собою они образовали тайное общество, на обязанности которого лежало выполнение клятвы. Как только было открыто, что он принял имя Гендерсона и скрывается здесь, меня отправили следить за всеми его действиями и сообщать о них членам комитета. Я могла исполнить это, только поселившись в его доме, и с этой целью приняла место гувернантки к его детям. Он даже не подозревал, что женщина, сидевшая за одним с ним столом, вдова того человека, с которым он обошелся так предательски. Я улыбалась ему и добросовестно относилась к своим занятиям, выжидая только удобного момента, чтобы покончить с ним. Одна попытка была уже сделана в Париже, но оказалась неудачной. Мы изрезали всю Европу, чтобы сбить с толку наших преследователей, и опять вернулись в этот дом, купленный им еще в первый свой приезд в Англию. Но и здесь его ждало божеское правосудие в лице Гарсиа, одного из аристократов Сан-Педро, и двух простолюдинов, затаивших в себе жажду мести. Днем Мурильо был недосыгаем, так как его всегда сопровождал ближайший друг и приверженец Лукас, или Лопец, как его звали в дни прежнего величия. Но ночью его никто не охранял, и он спал один. В заранее определенный день я послала своему другу Гарсиа записку с указанием, где будет спать тиран, так как он каждую ночь менял комнату. Я должна была наблюдать за тем, чтобы двери на ночь были открыты и зажжен зеленый или белый огонь в окне, выходившем на дорогу, на случай, если бы ему угрожала опасность. Но с самого начала все шло не так, как надо. Бог знает как, я возбудила подозрение в Лукасе. Тихо подкравшись ко мне, он схватил меня за руку как раз в ту минуту, как я кончала свою записку. Он и Мурильо силой привели меня в мою комнату и, без сомнения, покончили бы со мной ударом ножа, если бы были уверены, что избегнут наказания. Но это было слишком опасно для них, и тогда они решили навсегда отделаться от Гарсиа. Они крепко связали меня, и Мурильо до тех пор ломал мне руки, пока я не сказала ему адреса Гарсиа. Лукас написал адрес на моей записке, наложил сургучную печать, прижав ее своей запонкой, и затем отослал ее, вероятно, с Хозе, доверенным слугою Мурильо. Я не знаю, как Гарсиа был убит, но в убийстве принимал участие только один Мурильо, так как Лопец

ни на минуту не отходил от меня. Вероятно, он подстерег его в кустах около дороги и, когда тот проходил, бросился на него сзади. Сначала они хотели впустить его в дом и затем уже убить его, как вора, пойманного на месте преступления, но они знали, что в таком случае их привлекут к суду в качестве свидетелей, а тогда им пришлось бы раскрыть свое инкогнито, чего им вовсе не хотелось. Смерть Гарсиа, по их предположениям, так напугает остальных, что больше уже никто не осмелится их преследовать. Все кончилось бы благополучно, если бы я не знала ни о чем. Пять дней я находилась в томительном заключении, получая так мало пищи, что только с трудом поддерживала свое существование. Сегодня утром мне подали прекрасный завтрак, подложив в него что-то, чтобы усыпить меня. Воспользовавшись моим полусонным состоянием, они меня одели, усадили в коляску и повезли на вокзал. Только тогда, когда поезд уже готов был тронуться, я сообразила, что упускаю единственный шанс к своему спасению. Я выпрыгнула из купе, но они втолкнули меня обратно; в эту минуту подоспел ваш человек, и с его помощью мне удалось спастись. Слава Богу, теперь я уже не в их власти.

Мы молча выслушали этот удивительный рассказ; потом Холмс сказал:

— Наша задача еще не кончена, с нас только снята обязанность следователя; но как люди частные, мы должны действовать.

— Несомненно, — сказал я, — ведь с точки зрения правосудия он будет оправдан, как действовавший только в силу самообороны. И хотя бы за ним числились миллионы других преступлений, доказано будет лишь это одно.

— Однако, — сказал Байнес, — какое у вас плохое мнение о правосудии вообще; здесь не было самозащиты, он убил человека совершенно хладнокровно, с преднамеренною целью, когда тот и не думал еще нападать на него. Нет, нет, я уверен, что на нас не ляжет пятна, если эти достойные обитатели Гай-Гебля когда-нибудь появятся пред судом.

* * *

Остается прибавить, что прошло очень немного времени, когда «тигр из Сан-Педро» окончил, наконец, свою жизнь. Благодаря хитрости и ловкости ему удалось обмануть своих преследователей, скрывшись в одном из домов Эдмон-Сквера и выбравшись из него незаметно через черный ход на другую улицу. С тех пор их не видели уже больше в Англии. Только спустя шесть месяцев маркиз Монтальва и его секретарь, синьор Рулли, были найдены убитыми в одном из отелей Мадрида. Преступление было

приписано нигилистам, и убийцы так и остались неразысканными. Инспектор Байнес явился к нам в Бекер-Стрит с портретами убитых, в которых мы тотчас признали Мурильо и Лопеца. Для нас не оставалось сомнений, что месть, хотя и поздно, но все же настигла виновных.

– Довольно запутанный случай, милый Ватсон, – сказал в один из вечеров Холмс, сидя за трубкой, – и вам нелегко будет передать его в сжатой литературной форме, которой вы так любите пользоваться. Ведь вся история происходит на двух континентах, в ней действуют две группы очень таинственных людей и, кроме того, принимает еще участие наш почтенный друг, мистер Скотт Эклс. Это последнее обстоятельство рисует нам покойного Гарсиа очень тонким и предусмотрительным человеком. Надо удивляться только тому, что при содействии нашего милого инспектора, нам не пришлось сбиться с пути и довести до конца главную цель, не уклоняясь в сторону разных случайностей. Но, быть может, вам не все ясно в этом деле, Ватсон?

– Я не могу понять, почему вернулся назад мулат?

– Я уверен, что он вернулся из-за странного существа, которое мы нашли в кухне. Человек этот был дикарь и даже, вероятно, идолопоклонник. В ту минуту, как они покидали дом, чтобы укрыться в надежном убежище, где их ждали уже другие заговорщики, его товарищ, по всей вероятности, уговорил его не брать с собою божка, который легко мог их выдать. Но мулату настолько было дорого его сокровище, что он вернулся за ним на следующий день, в тот вечер, когда его видел в окне полисмен. Он подождал три дня, а затем суеверие или любовь к идолу взяли верх, и он снова вернулся за ним в дом. Все это прекрасно понял инспектор Байнес, устроивший ему западню, в которую тот и попался. Что еще, Ватсон?

– Разорванная в клочья птица, ведро с кровью, обгорелые кости, – как вы объясняете их присутствие в кухне?

Холмс улыбнулся, открыл свою памятную книжку и сказал:

– Я нарочно провел целое утро в Британском музее, чтобы сделать вот эту выписку; слушайте: «Ни один идолопоклонник не начнет ни одного важного дела, пока не принесет жертву своему идолу, которого он должен умиловить. В очень редких случаях жертвы эти бывают человеческие (каннибализм), большею же частью приносятся в жертву белые петухи, разорванные на части еще живыми, или черные козы, которым перерезывают горло, а кровь выпускают, после чего они сжигаются». Из этого вы можете видеть, что наш мулат в точности исполнил обряды своей страны. Конечно, это смешно, Ватсон, – заключил Холмс, медленно

закрывая памятную книжку, – но я, кажется, уже говорил вам, что от смешного до ужасного только один шаг.

Електронна книга издана «Мультимедійним видавництвом Стрельбицького»
(ІД «Авалон-Альфа»), г. Київ Україна

С нашими изданиями электронных и аудиокниг Вы можете познакомиться на сайте:

www.audio-book.com.ua
Желаем приятного чтения!

Свои замечания и предложения пишите нам по e-mail: audio-book@ukr.net

**Ета книга охораняється авторським правом.
Все права на данню книгу належать «Мультимедійному видавництву
Стрельбицького» (С) 2010-2014**

Никакая часть данной публикации не может быть воспроизведена или распространена в любой форме и/или любым способом без предварительного письменного согласия Издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

notes

Примечания

1

Silver-Blaze – серебристое сияние.

1709 г. Битва при Мальплаке – крупнейшая битва войны за испанское наследство, закончилась отступлением французской армии.

3

Громкие, заметные случаи.

Беж – тонкая, мягкая шерстяная ткань из смеси крашеной и некрашеной пряжи.

Нувориши, букв. «новые богачи» (фр.)